

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4/2020

Июль — Август

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

И.О. Главного редактора А.С. Давыдов (кандидат исторических наук)

Редакционная коллегия

Е.В. Белилина (*зам. главного редактора*), О.Н. Борох, к.э.н.,
Д.И. Бураев, д.и.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., В.Г. Дацышен, д.и.н.,
проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
Е.А. Канаев, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов,
д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф.
РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н.,
Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН,
Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., В.Я. Портяков, д.э.н.,
Н.А. Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н., Л.Л. Суходольская
(*ответственный секретарь*), С.В. Уянаев, к.и.н.

Иностранцы члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

Е.В. Белилина
зам. главного редактора
К.В. Асмолов *зав. отделом Кореи*
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
В.О. Кистанов
зав. отделом Японии
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
С.Н. Алексахина
зав. отделом экономики
Л.Л. Суходольская
отв. секретарь
Е.А. Лапшина *зав. редакцией*
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*

Содержание

ПОЛИТИКА

- А.С. Исаев.* Китай в мировом киберпространстве 6
С.В. Уянаев. Диалог «Пекин — Дели»: внутренние императивы и внешние факторы 24
О.С. Пугачева. Публичная дипломатия как инструмент северокорейской политики США 42

ЭКОНОМИКА

- О.А. Добринская.* Япония и Центральная Азия: модель экономического взаимодействия 58
В.В. Чуванкова. Четвертая Всекитайская экономическая перепись: оценка состояния национальной экономики ктivity 74

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- В.Ф. Бородич.* О формировании системы государственного управления в доконституционный период истории КНР 84
Т.М. Комарова. Демографическая безопасность России и Китая: основные факторы влияния 100

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- В.И. Балакин.* Перспективы экономического доминирования КНР на континенте Евразия 112

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- У.В. Ежеля.* Железнодорожные перевозки между СССР и КНР в 50-е — первой половине 60-х годов XX века на примере Дальнего Востока и Забайкалья: исторический опыт 121
М.В. Фомин, В.А. Безвербный, И.А. Селезнёв, И.С. Шушпанова, Т.Р. Мирязов. Пространственное развитие Приморского края и Сахалинской области: мнение жителей 133

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- А.А. Хисамутдинов, Чи Юйчао.* Профессор В.В. Энгельфельд: «Очень любил своё дело и не представлял себе жизни без преподавания в высшей школе» 153

ИСТОРИЯ

- В.А. Тен., Н.Н. Ким.* Участие корейских иммигрантов в антияпонском сопротивлении в Маньчжурии и их судьбы в СССР по материалам архивно-следственных дел (1935–1938 гг.) 164

КУЛЬТУРА

А.Л. Верченко. Режиссер-документалист И.П. Копалин и первая попытка снять фильм о победе китайского народа..... 180

РЕЦЕНЗИИ

А.Г. Юркевич. А.В. Панцов. Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507[5] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 175); Александр Панцов. Непобежденный: Подлинная история Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507[5] с.: ил. 189

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Владимиру Евгеньевичу Петровскому – 60 лет..... 196

Contents

POLITICS

<i>A. Isaev.</i> China in the Global Cyberspace	6
<i>S. Uyanaev.</i> Beijing-Delhi Dialogue: Internal Imperatives and External Factors	24
<i>O. Pugacheva.</i> Public Diplomacy as an Instrument of the U.S. North Korean Policy	42

ECONOMICS

<i>O. Dobrinskaya.</i> Japan and Central Asia: Model of Economic Cooperation	58
<i>V. Chuvankova.</i> The Fourth Chinese Economic Census: Assessment of the State of the National Economy.....	74

STATE AND SOCIETY

<i>V. Borodich.</i> Formation of the Public Administration System in the Pre-Constitutional Period of the History of the PRC	84
<i>T. Komarova.</i> Demographic Security Russia and China: the Main Factors of Influence	100

THEORY AND METHODOLOGY

<i>V. Balakin.</i> The Perspectives of China's Economic Domination on Eurasia Continent.....	112
--	-----

RUSSIAN FAR EAST

<i>U. Ezhyelya.</i> From the History of the Soviet — Chinese Rail Freight: Grodekovo and Zabaikalsk (1950–early 1960 th)	121
<i>M. Fomin, V. Bezverbny, I. Seleznev, I. Shushpanova, T. Miriazov.</i> Spatial development of Primorsky Territory and the Sakhalin Region: Opinion of Residents	133

RUSSIAN SINOLOGY

<i>A. Khisamutdinov, Chi Yuchao.</i> Professor V.V. Engelfeld: “He Loved his Job Very Much and Could not Imagine Life without Teaching at University”	153
---	-----

HISTORY

<i>V. Ten, N. Kim.</i> Investigative Files on the Participation of Korean Immigrants in the Anti-Japanese Resistance in Manchuria and Immigrants' Destinies in the USSR	164
---	-----

CULTURE

<i>A. Verchenko.</i> Documentary Director I.P. Kopalın and the First Attempt to Make a Film about the Victory of the Chinese People	180
---	-----

BOOK REVIEW

- A. Yurkevich. A.V. Pantsov. Chiang Kai-shek. M.: Molodaya gvardiya, 2019. 507 [5] p: ill. (The life of remarkable people: ser. Biogr.; issue 175); Alexander Pantsov. Undeclared: The True Story of Chiang Kai-shek. M.: Molodaya gvardiya, 2019. 507 [5] p.: ill. 189*

SCHOLAR JUBILEE

- Vladimir Evgenievich Petrovsky — 60 years 196

Политика**Китай в мировом киберпространстве**

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011435-9

Исаев Александр Сергеевич

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

E-mail: aisaev51@mail.ru.

Аннотация:

В настоящее время в мировом киберпространстве складывается весьма напряженная ситуация, связанная с соперничеством за лидерство в цифровой среде. Автор анализирует роль и значение китайской стратегии в глобальном информпространстве и показывает рост влияния КНР на решение многих технических вопросов функционирования и управления им. В статье анализируется также оборонная политика КНР в этой сфере и показывается постепенное превращение Китая в одну из мировых киберсверхдержав, бросающих вызов американскому господству в Интернете, что уже привело к острому противостоянию и соперничеству КНР и США, к технологическим войнам между ними, к созданию с обеих сторон арсеналов боевых цифровых вирусов, а также разработке стратегии и тактики ведения информационных войн.

Ключевые слова:

Киберпространство, кибербезопасность, боевые вирусы, хакерские атаки, Интернет, информационное общество, цифровая экономика, информационная война.

Для цитирования:

Исаев А.С. Китай в мировом киберпространстве // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 6–23. DOI: 10.31857/S013128120011435-9.

POLITICS**China in the Global Cyberspace****Alexander Isaev**

Ph.D. in History, leading Researcher, deputy head of the Center for study and forecasting of the Russian-Chinese relations, Institute of Far Eastern Studies of the Russian academy of sciences.

E-mail: aisaev51@mail.ru.

Abstract:

Today the situation in the sphere of cyberspace is taking a very tense turn due to the rivalry between the world biggest economies for leadership in the digital environment. The author analyzes the role and importance of the Chinese strategy in the information space and shows the growing impact of China on the decision-making process that take place in the digital environment on the international arena regarding different technical issues and managing principles. The article also analyzes the Chinese defense policy in this area and demonstrates the gradual transformation of that country into one of the world's cyber superpowers that can challenge American dominance on the Internet, which has already led to sharp confrontation and rivalry between China and the USA in the modern information space, to technological wars, to the development of arsenals of military viruses on both sides as well as to the development of information wars strategies and tactics.

Key words:

Cyberspace, cybersecurity, war viruses, hacker attacks, Internet, information society, digital economy, information war.

For citation:

Isaev A.S. China in the Global Cyberspace // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 6–23. DOI: 10.31857/S013128120011435-9.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий в конце прошлого — начале нынешнего столетия привело к тому, что цифровизация проникла во многие сферы человеческой деятельности, начиная от экономики и заканчивая обороной. Сегодня сложно представить мир без компьютеров и смартфонов, без Интернета, социальных сетей и электронной торговли. В результате в обиход прочно вошли понятия цифровой экономики, информационного общества, киберпространства, виртуальной реальности, кибербезопасности, информационных войн и т.п.

Положение Китая в современном мировом киберпространстве

Сегодня темы цифровизации всех сфер человеческой деятельности, прогнозирования развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и проблема обеспечения информационной безопасности — одни из самых обсуждаемых. А с начала нового столетия — они среди важнейших факторов, оказывающих влияние на международные отношения. Особую актуальность им придает серьезная экономическая составляющая. Отрасль ИКТ сегодня — одна из наиболее динамично развивающихся, и поглощающих многие миллиарды на разработку, внедрение, функционирование и энергетическое обеспечение новых технологий.

Таблица 1

20 стран с самым большим числом Интернет-пользователей¹

I квартал 2020 г.

#	Страна или Регион	Кол-во Интернет-пользователей на 1 кв. 2020	Кол-во Интернет-пользователей на 4 кв. 2000	Население, по состоянию на 2020 г.	Население по состоянию на 2000 г.	Прирост пользователей за 2000–2020
1	Китай	854 000 000	22 500 000	1 439 062 022	1 283 198 970	3 796%
2	Индия	560 000 000	5 000 000	1 368 737 513	1 053 050 912	11 200%
3	США	313 322 868	95 354 000	331 002 651	281 982 778	328%
4	Индонезия	171 260 000	2 000 000	273 523 615	211 540 429	8 560%
5	Бразилия	149 057 635	5 000 000	212 392 717	175 287 587	2 980%
6	Нигерия	126 078 999	200 000	206 139 589	123 486 615	63 000%
7	Япония	118 626 672	47 080 000	126 854 745	127 533 934	252%
8	Россия	116 353 942	3 100 000	145 934 462	146 396 514	3 751%
9	Бангладеш	94 199 000	100 000	164 689 383	131 581 243	94 199%
10	Мексика	88 000 000	2 712 400	132 328 035	2 712 400	3 144%
11	Германия	79 127 551	24 000 000	83 783 942	81 487 757	329%
12	Филиппины	79 000 000	2 000 000	109 581 078	77 991 569	3 950%
13	Турция	69 107 183	2 000 000	84 339 067	63 240 121	3 455%
14	Вьетнам	68 541 344	200 000	68 541 344	200 000	34 250%
15	Великобритания	63 544 106	15 400 000	67 886 011	58 950 848	413%
16	Иран	67 602 731	250 000	83 992 949	66 131 854	27,040%
17	Франция	60 421 689	8 500 000	65 273 511	59 608 201	710%
18	Таиланд	57 000 000	2 300 000	69 799 978	62 958 021	2 478%
19	Италия	54 798 299	13 200 000	60 461 826	57 293 721	415%
20	Египет	49 231 493	450 000	102 334 404	69 905 988	10 940%
	Итого Топ 20 стран	3 241 273 512	251 346 400	5 233 377 837	4 312 497 691	1 289%
	Остальные страны	1 332 876 622	109 639 092	2 563 237 873	1 832 509 298	1 216%
	Всего в мире	4 574 150 134	360 985 492	7 796 615 710	6 145 006 989	1 267%

1. URL: www.internetworldstats.com/top20.htm (дата обращения: 22.04.2020).

Особенно актуально все это для Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором сегодня концентрируются многочисленные конфликтные ситуации, экономические противоречия, территориальные споры и геополитические уязвимости, которые насыщают регион новыми рисками и угрозами. Азия — самый крупный по территории и численности населения континент мира. Здесь находится пять из семи мировых центров высоких технологий. В «двадцатку» ведущих мировых стран по количеству пользователей Интернета входит 12 азиатских государств (табл. 1). Число Интернет-пользователей в этих странах превысило 1 млрд 910 тысяч человек, что составляет почти 70% от общего числа пользователей Интернета, входящих в лидирующую двадцатку (табл. 2). Безусловным лидером является Китай — 854 млн пользователей больше чем все население Европы. Китайский язык также занял одно из первых мест среди языков, получивших наибольшее распространение в Интернете (табл. 2).

Таблица 2

**Топ 10 языков, используемых в Интернете — 31 марта 2020 г.
(Число пользователей с разделением на языки)**

10 основных языков, используемых в Интернете	Население в мире, которое говорит на этом языке (по состоянию на 2020 г.)	Количество Интернет-пользователей, которые используют этот язык	Проникновение Интернета (% населения)	Прирост Интернет-пользователей (2000–2020)	Интернет-пользователи % от общего кол-ва в мире (доля)
Английский	1 531 179 460	1 186 451 052	77,5%	742,9%	25,9%
Китайский	1 477 137 209	888 453 068	60,1%	2 650,4%	19,4%
Испанский	516 655 099	363 684 593	70,4%	1 511,0%	7,9%
Арабский	447 572 891	237 418 349	53,0%	9 348,0%	5,2%
Португальский	290 939 425	171 750 818	59,0%	2 167,0%	3,7%
Индонезийский / Малазийский	306 327 093	198 029 815	64,6%	3 356,0%	4,3%
Французский	431 503 032	151 733 611	35,2%	1 164,6%	3,3%
Японский	126 476 461	118 626 672	93,8%	152,0%	2,6%
Русский	145 934 462	116 353 942	79,7%	3 653,4%	2,5%
Немецкий	98 654 451	92 525 427	93,8%	236,2%	2,0%
Всего Топ 10 языков	5 273 725 132	3 525 027 347	66,8%	1 188,2%	76,9%
Остальные языки	2 522 890 578	1 060 551 371	42,0%	1 114,1%	23,1%
Всего в мире	7 796 615 710	4 585 578 718	58,8%	1 170,3%	100,0%

Примечания: (1) Статистика для 10 основных языков, используемых в Интернете, была обновлена по состоянию на 31 января 2020 года. (2) Проникновение Интернета — это соотношение между суммой пользователей Интернета, говорящих на каком-либо языке, и общей оценкой населения, говорящей на этом конкретном языке. (3) Самая последняя информация об использовании Интернета взята из данных, опубликованных Nielsen Online, Международным союзом электросвязи, компанией GfK и других надежных источников. (4) Оценка населения основаны главным образом на данных Отдела народонаселения ООН и местных официальных источников. (5) Определения и методологию см. в Руководстве на сайте. (6) Можно сослаться на данные с этого сайта с обязательным указанием ссылки www.internetworldstats.com. Copyright © 2020, Miniwatts Marketing Group. Все права защищены по всему миру.

Среди стран-лидеров с наибольшим числом пользователей Интернета, как видно из табл. 1, то есть людей, работающих или обращающихся с разными запросами к киберпространству, находятся и другие азиатские страны — Индия (560,000,000 человек), Ин-

донезия (171,260,000), Вьетнам (68,541,344). Более того, из общего числа первой «двадцатки» стран с наибольшим количеством Интернет-пользователей 12 стран — это государства, расположенные в Азии либо примыкающие к азиатской зоне. Этот факт свидетельствует о том, что Китай постепенно становится современной киберсверхдержавой, способной бросить вызов любой высокоразвитой стране.

Анализ статистических данных в области развития мирового Интернета показывает, что азиатский континент занимает преобладающее положение в мировом киберпространстве. Больше половины всех пользователей Интернета живет сегодня в азиатских странах, и они составляют почти треть общего числа пользователей этой социальной сети в мире (табл. 3). С учетом остального мира соотношение по другим показателям почти не меняется. Азия лидирует и по количеству персональных компьютеров, и по количеству смартфонов. Причем этот показатель постоянно растет: общее количество подписчиков на мобильные Интернет-ресурсы в регионе выросло с 1,12 млрд в 2014 г. до 1,41 млрд в 2015 и 1,6 млрд в 2016 г.²

Таблица 3

Использование Интернета в Азии³

Количество пользователей Интернета, подписчики Facebook и статистика населения для 35 стран и регионов в Азии на 2020 год.

Азиатский регион	Население (по состоянию на 2020 г.)	Население в % от мирового	Количество пользователей на 31 января 2020 г.	Проникновение Интернета (в % от населения)	% от всех пользователей Интернета	Пользователи Facebook на 31 января 2020 года
Азия	4 294 516 659	55.1%	2 300 469 859	53.6%	50.3%	867 984 000
Остальные страны	3 502 099 051	44.9%	2 273 680 275	64.9%	49.7%	1 331 444 570
Весь мир	7 796 615 710	100.0%	4 574 150 134	58.7%	100.0%	2 199 428 570

Пользователи сети Facebook на 31 января 2020 года

Страны Азии являются лидерами и по числу участников социальной сети Фейсбук — почти 868 млн пользователей по состоянию на 1 февраля 2020 г. (табл. 3). Это составляет более половины от общего числа лидирующей двадцатки (1 млрд 51 млн) и больше 50% от общего количества пользователей Фейсбука во всем мире — 1 млрд 679 млн (табл. 3).

И эта цифра продолжает расти. Если учесть национальные социальные сети, то эта цифра увеличится в разы. Таким образом, Азия по этому показателю опережает Европу и обе Америки. В результате азиатский континент сегодня превратился в крайне важный перекресток в евразийском киберпространстве, где играет все более возрастающую роль в развитии цифровой экономики и электронной коммерции, а также в создании современного информационного общества.

Для того чтобы обеспечить континент и огромную армию сетевых пользователей необходимыми услугами, здесь создана, пожалуй, самая насыщенная, сверхмощная и разветвленная сервисная телекоммуникационная инфраструктура, которая опирается на

2. Asian mobile broadband market continues to grow strongly. URL: <https://www.budde.com.au/Research/2017-Asia-Mobile-Infrastructure-and-Mobile-Broadband> (дата обращения 27.04.2020).
3. Internet Usage in Asia. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats3.htm> (дата обращения: 21.04.2020).

технологические разработки и техническое телекоммуникационное оборудование, нередко получаемое из Китая. Это обстоятельство создает для КНР ряд преимуществ, позволяющих контролировать столь обширную зону. Одновременно это делает регион очень уязвимым для внешнего вторжения и разрушения устойчивого функционирования находящихся в регионе телекоммуникационных систем, превращая проблему кибербезопасности в Азии в крайне актуальную в условиях острого противостояния США и КНР. Таким образом, можно констатировать, что лидерство Китая в сфере ИКТ и рост влияния Поднебесной на гигантском евразийском пространстве привели к американо-китайским технологическим войнам. А начинал Китай свой путь в киберпространстве очень скромно и без претензий. Амбиции появились позже.

Как Интернет пришел в Китай

Интернет в КНР впервые был запущен 20 сентября 1987 г. В пекинском Институте физики и высоких энергий профессор Цянь Тянь-бай в рамках проекта CANET (Chinese Academic Network) отправил первое электронное письмо из Китая. Публичный доступ к Интернету был открыт лишь во второй половине 1990-х годов.

Одновременно Пекин стимулировал развитие сетевых ресурсов в стране, включая ведущие СМИ. Поскольку в 1990-х годах в мире началось развитие мультимедийных СМИ с использованием текстовой, фото- и видеоинформации, уже тогда возникло такое понятие, как «новые медиа». Развитие цифровых технологий и ИКТ, их внедрение фактически во все сферы государственной, экономической, производственной и общественной жизни обеспечивали рывок в научно-технологической сфере развитым странам мира.

Впервые с серьезными проблемами в информационном пространстве Китай столкнулся 26 апреля 1999 г., когда активизировался вирус «Чернобыль». Он повредил операционные системы более полумиллиона компьютеров по всему миру, уничтожил данные на жестких дисках и разрушил содержимое микросхем, отвечающих за работу системного программного обеспечения (ПО). Более трети поврежденных компьютеров оказались на территории континентального Китая. Чернобыльский вирус — это вредоносная компьютерная программа, предназначенная для заражения операционных систем на базе Windows®.

Первоначально он назывался вирусом CИH и Spacefiller. Название «Чернобыльский вирус» появилось потому, что его первая активация полезной нагрузки произошла 26 апреля 1999 г., в очередную годовщину Чернобыльской катастрофы. Вирус написан тайваньским студентом, который после активизации ВПО (вредоносное программное обеспечение) был арестован, отсидел в тюрьме, а после освобождения получил высокооплачиваемую работу в одной из крупнейших тайбэйских IT-компаний.

Однако после разрушительной атаки «Чернобыля» — самого настоящего боевого компьютерного вируса — использование боевых вирусов для подрыва кибервозможностей потенциального противника не прекратилось.

Вслед за первой последовала атака вируса «я люблю тебя», который также нанес значительный финансовый ущерб Интернет-пользователям в Азии и на Ближнем Востоке. Вирус поражал в первую очередь компьютеры с нелегальным и нелицензионным ПО, а также устройства, владельцы которых не желали использовать антивирусные программы. Очередная атака на компьютерные сети КНР произошла в начале нового столетия, когда вредоносному нападению подверглись сотни правительственных сайтов КНР, большая часть которых оказалась заблокирована более чем на сутки.

Под воздействием государства к началу 2000 гг. в КНР увеличилось число провайдеров Интернет-услуг. В настоящее время самыми крупными китайскими компаниями, предоставляющими услуги Интернета, являются China Telecom, China Mobile и China Unicom. Основная инфраструктура китайского сегмента Интернета состоит из девяти

Интернет-провайдеров, в ведении которых находятся все физические каналы, связывающие Китай с окружающим миром.

Китайский сегмент Интернета разделен на несколько специализированных сетей, в которые входят:

– научно-исследовательская сеть China Science and Technology Network (CSTNet, <http://www.cnc.ac.cn>), она объединяет НИИ, государственные научно-технические органы и некоторые академические учреждения;

– образовательная сеть China Education and Research Network (CERNET, <http://www.edu.cn>), объединяющая образовательные учреждения Китая, включая средние школы и университеты в крупных городах страны;

– коммерческие сети;

– наиболее крупные сети — China Net (<http://www.bta.net.cn>), государственная сеть, которая охватывает более 50% рынка Интернет-услуг в стране и предоставляет Интернет-сервис государственным организациям, а также Golden Bridge Network (GBNet, <http://www.gb.co.cn>).

Подобная специализация китайского Интернета облегчает работу пользователям в сети и позволяет быстро ориентироваться во всемирной паутине⁴ в зависимости от целей и интересов; в то же время сегментация Интернета позволяет властям контролировать деятельность пользователей в киберпространстве. Со временем китайское руководство стало уделять больше внимания развитию Интернета и информационно-коммуникационных технологий.

На XIX съезде КПК в октябре 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая с отчетным докладом, достаточно определенно высказался на этот счет: «Необходимо создать мощную опору для превращения Китая в одного из мировых лидеров в сфере науки и технологий, а также достижения качества продукции, космоплавания, сетевых технологий и транспорта, чтобы создать «цифровой Китай» и «умное общество». Он подчеркнул, что необходимо уделять повышенное внимание созданию и обновлению средств распространения информации, наращивать потенциал СМИ в области распространения информации, ориентирования, оказания влияния и завоевания общественного доверия.

На XVIII съезде КПК было принято решение уделить особое внимание формированию «Чайна Нет» и придать этому процессу контролируемый и управляемый характер. В Отчетном докладе ЦК на сей счет подчеркивалась необходимость усилить строительство Интернета и улучшать его содержание, во всеуслышание исполняя наш лейтмотив. Усилить управление сетевым обществом, продвигая его нормированное и упорядоченное функционирование на правовой основе.

На следующем съезде эти тезисы были повторены: усилить работу по созданию контента сети Интернет, создать систему комплексного управления сетью и чистое киберпространство. Пятью годами раньше предыдущий генсек ЦК КПК Ху Цзиньтао, выступая на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г., также не прошел мимо темы строительства информационной системы и инфраструктуры. Он сказал, что важно приступить к созданию информационной инфраструктуры следующего поколения, обеспечивать развитие индустриальной системы современных информационных технологий, оздоравливать систему обеспечения информационной безопасности, поощрять широкое применение информационно-сетевых технологий.

При этом подчеркивалось, что...продолжают нарастать терроризм, киберугрозы, особо серьезные инфекционные заболевания, климатические изменения и другие нетрадиционные угрозы безопасности. Практическим результатом этих решений стало создание Руководящей группы и Администрации по делам киберпространства. В результате

4. *Англ.*: World Wide Web, сокр. www или Web.

система управления и контроля над информационным пространством страны приобрела целостный и четко структурированный характер. Это прослеживается, если мы обратимся к структуре Администрации по делам киберпространства (Схема 1).

Канцелярия по делам киберпространства превратилась в главный контрольный орган, администрирующий национальное киберпространство в Китае. Канцелярия напрямую подчиняется Руководящей группе ЦК КПК по делам Интернета во главе с Си Цзиньпином и двумя заместителями (премьер Госсовета КНР Ли Кэцян и заведомо пропаганды ЦК КПК, член Политбюро Лю Юншань). В состав Руководящей группы входят 19 членов. Руководитель Канцелярии — Сюй Линь (он же — секретарь Руководящей группы). В структуру Канцелярии входят 9 департаментов, отвечающих за анализ состояния информационного пространства, координацию работы по обеспечению информационной безопасности, международное сотрудничество, контроль над мобильным Интернетом, распространением онлайн новостей и так далее. В структуру входят также три Центра, которые занимаются реагированием на киберугрозы, исследовательской работой, сбором и обработкой заявлений от населения о распространении в сети злойной и фейковой информации (Схема 1).

Сюй Линь руководил Администрацией по киберпространству до 31 июля 2018 г. и сегодня возглавляет Пресс-канцелярию Госсовета КНР. После него руководство Администрацией перешло к Си Цзиньпину, который сохранил за собой пост председателя Центральной Комиссии по делам киберпространства, а также контроль над руководящей группой по кибербезопасности и информатизации.

Схема № 1

Киберпространство Китая под контролем партии

Обратим внимание, что в 2006 г. в Китае была создана интернет-полиция. Первоначально на нее возлагались задачи по расследованию и пресечению киберпреступлений, различных видов мошенничества, финансовых пирамид, фактов незаконного оборота наркотиков и психотропных средств, огнестрельного оружия. Функции интернет-полиции со временем расширились. Сегодня на нее, по сути, возложены обязанности цензоров. Интернет-полиция отслеживает и пресекает распространение в сети ложной информации, необоснованных слухов и «фейков», которые возбуждают население, сеют межнациональную рознь или содержат призывы к борьбе против конституционной власти.

Одновременно Китай приступил к формированию юридическо-правовой базы для работы с цифровым пространством, обращая первостепенное внимание на вопросы обеспечения кибербезопасности. В течение короткого времени был принят ряд документов в этой сфере, в том числе:

- Закон о государственной безопасности (утвержден 1 июля 2015 года на 15-м заседании ПК ВСНП);
- Закон о кибербезопасности КНР (принят в октябре 2016 года, вступил в силу 1 июня 2017 года);
- «Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве» (International Strategy of Cooperation on Cyberspace), опубликована 1 марта 2017 года;
- Поправки в Уголовный кодекс, внесенные в августе 2015 года, о наказаниях за правонарушения в киберпространстве;
- «Законодательные и нормативные акты по усилению законодательства в сети Интернет, совершенствованию сетевых информационных служб, обеспечению Интернет-безопасности, управлению Интернет-сообществом и приведению сети Интернет к нормам законодательного порядка».

За последние 17 лет Китай привел систему управления киберсферой в действующую на разных уровнях структуру, обладающую мощным кадровым составом и техническими возможностями. В 2001–2013 гг. Государственный совет КНР провел реформу кабинета министров, заново сформировав Министерство промышленности и информатизации. Таким образом, все рабочие обязанности, связанные с практическими проблемами информатизации страны, сосредоточены в данном министерстве. Также сформирована Государственная канцелярия по делам сети Интернет, отвечающая за распространение информации в сети в области политического курса и построения правовой системы.

Сформированы и неправительственные организации: 25 мая 2001 года было официально создано Общество Интернета КНР, состоящее более чем из семидесяти представителей интернет-отрасли Китая, среди которых — поставщики интернет-услуг, производители оборудования, системные интеграторы, научно-исследовательские компании, образовательные учреждения.

К марту 2016 г. в КНР приняли 41 закон, 46 административно-правовых актов Государственного совета КНР, 37 разъяснений по вопросам судебной практики, 274 регламента аппарата правительства, 133 местных нормативных акта, 138 регламентов местного значения, а всего — 669 документов, которые регулируют поведение в информационном поле страны.

Тем не менее, по мнению китайских специалистов в области информационной безопасности, Китай стоит лишь в начале пути по созданию правового фундамента в области регулирования этой сферы.

Параллельно с решением юридических и правовых вопросов функционирования цифрового пространства, укрепления регулирования и контроля над ним, Китай активно работал над техническими задачами по наращиванию скорости передачи информации по мобильным каналам. 23 апреля 2018 г. китайцы запустили в мегаполисе Чунцин первую тестовую сеть формата 5G. Его массовый запуск ожидается в 2020 г.

Китайско-американский киберконфликт

Хотя это событие было ожидаемым, поскольку Пекин объявил о готовящемся запуске формата 5G, в Вашингтоне запаниковали и, как это уже случалось неоднократно, развернули санкционное давление по отношению к китайским компаниям, которые заняты разработкой и внедрением новейших ИКТ. Пожалуй, американцы впервые почувствовали, что теряют лидерство в технологической области, что, в свою очередь, угрожает американскому господству в киберпространстве, а также в сфере управления «всемир-

ной паутиной». Реакция Вашингтона не заставила себя ждать. Прямому давлению подверглись китайские успешные компании «Хуавэй»⁵ и ZTE⁶. Были введены запреты на покупку китайского оборудования.

В 2018 г. доход Huawei превысил 100 млрд долл., позволив ей обогнать Ericsson и Boeing. В феврале 2020 г. появились сообщения о том, что американцы намерены заблокировать доступ компании «Хуавэй» к электронным компонентам американского и иного производства. 15 мая 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео объявил о намерении Вашингтона запретить иностранным компаниям продавать микрочипы Китаю. Речь идет о производителях, которые используют американское оборудование и программное обеспечение (ПО) для производства микрочипов. Это решение Помпео мотивировал тем, что китайские хакеры неоднократно пытались нелегально проникнуть во внутренние сети исследовательских центров, которые занимаются разработкой вакцины против коронавируса и даже добились в этом успеха.

Следует также отметить, что продажа микрочипов Китаю была запрещена еще в первом десятилетии нового столетия, и поскольку Китай покупал микросхемы в Японии и Южной Корее, союзникам США в Восточной Азии было рекомендовано заблокировать доступ КНР к японским и южнокорейским микрочипам. Администрация США предприняла меры и для того, чтобы также ограничить доступ КНР к производителям микросхем на Тайване.

Ранее были введены ограничения на продажу в Китай не только микросхем и новейшего телекоммуникационного оборудования, но и американского программного обеспечения. Вашингтон потребовал от своих союзников сделать то же самое.

Одновременно американцы оказали на своих союзников в Европе грубое давление, для того чтобы они отказались приобретать оборудование китайских компаний или сотрудничать с ними. От использования оборудования этих компаний отказалась Польша. Сомнение в целесообразности сотрудничества с ZTE и «Хуавэй» выразила Германия. К бойкоту китайской телекоммуникационной продукции присоединились и другие европейские страны.

Давление США на «Хуавэй» и ZTE обозначило начало американо-китайских технологических войн и откровенное вторжение в международную торговую политику, а также перенос в информационное пространство методов американского торгового про-

5. Компания «Хуавэй» — Huawei Technologies Co. Ltd. (华为技术有限公司, Huáwèi Jìshù Yǒuxiàn Gōngsī) — одна из крупнейших мировых компаний в сфере телекоммуникаций. Основана в 1987 г. бывшим инженером Народно-освободительной армии Китая Жэнь Чжэнфэем. Председатель совета директоров — Сунь Яфан, Штаб-квартира находится в Шэньчжэне, исследовательский центр — в Пекине. Продукция: телекоммуникационное оборудование, оборудование беспроводных сетей (LTE/HSDPA/W-CDMA/EDGE/GPRS/GSM, CDMA2000 1xEV-DO/CDMA2000 1X, TD-SCDMA), оборудование базовой сети (IMS, Mobile Softswitch, NGN), сетевые устройства (FTTx, xDSL, оптические устройства, маршрутизаторы, сетевые коммутаторы). Занимается также разработкой программ ОС для своей продукции, оборот: 75,103 млрд долл. (2016 г.).
6. ZTE Corporation (中兴通讯) — китайская компания, второй по величине производитель телекоммуникационного оборудования и мобильных телефонов в Китае (на 2011 год). Основана в 1985 г. Штаб-квартира находится в городе Шэньчжэне. В 1997 г. компания внесена в листинг Шэньчжэньской фондовой биржи, а с декабря 2004 г. зарегистрирована на Гонконгской фондовой бирже. Входит в состав индекса Hang Seng China Enterprises Index. Председатель совета директоров — Ли Цзысюэ (李自学). Продукция: телефоны, телекоммуникационное оборудование для фиксированной и мобильной связи. Оборот 12,2 млрд долл. (2013 г.). В компании работают более 85 тыс. сотрудников (на 2010 г.). По результатам 2010 г. на рынке мобильных телефонов по версии IDC компания заняла 4-е место среди крупнейших производителей (в штучном выражении).

тектионизма, ставшего отныне новой формой недобросовестной конкуренции — киберпротекционизмом, что означало также перенос конкурентной борьбы в киберпространство. Американцы особенно не скрывали, что китайские технологии создают прямую угрозу США в области военного применения новых телекоммуникационных технологий. К тому времени стало ясно, что запуск формата 5G неизбежно дает владеющему этой технологией преимущества в оборонной сфере, потому что скорость передачи цифровой информации в мобильном сегменте непосредственно влияет на повышение эффективности применения БПЛА и других беспилотных военных аппаратов.

Стало известно, что Китай проводит активные исследования в области создания искусственного интеллекта. Работы в этом направлении ведутся в Академии национальной обороны, в ведущих исследовательских учреждениях Пекина, Шанхая, Гуанчжоу, Чэнду и других городов КНР.

В настоящее время образовалось несколько направлений, на которых развернулось острое противостояние США и КНР: площадка двусторонней торговли, борьба с коронавирусом и, разумеется, информационно-коммуникационные технологии. Причем представляется, что площадка ИКТ рассматривается Вашингтоном в качестве той, где он сможет обыграть Пекин и принудить его принять американские условия по другим двусторонним проблемам. Сегодня китайцы добились определенных успехов в области киберобороны, противодействия внешним киберугрозам и информационным атакам.

Следует отметить, что Китай уделяет повышенное внимание вопросам разработки современных средств кибервойны. Исследователь ПИР-Центра Галия Ибрагимова убеждена, что в китайской армии существуют хорошо обученные специальные подразделения, специализирующиеся на кибервойнах и способные при необходимости вывести из строя большинство объектов информационной инфраструктуры США.

Китайские подходы к проблемам ведения войны в киберпространстве

Согласно распространенной в Китае точке зрения, киберпространство несет две основные угрозы государству: кибершпионаж и ведение активных информационных операций с целью подрыва социально-политической стабильности и вовлечения широких слоев китайской общественности в антиправительственные протестные акции. Медийно-информационная сфера — единственное направление кибердеятельности, где американцы имеют богатейший опыт и преимущества перед китайцами, которые слишком много внимания уделяют идеологическим аспектам в проведении информационной политики. Американцы вот уже много лет используют огромный и мощный арсенал подрывной информационной работы, а также широкий набор методов ведения психологической войны. Но как бы то ни было, противоборство в киберпространстве рассматривается специалистами КНР по аналогии с военными действиями на трех уровнях: тактическом, оперативном и стратегическом.

Тактический уровень противоборства в киберпространстве — это «рутинная», ежедневная деятельность, которая заключается в попытках хищения информации и атаках на компьютерные системы рядовых граждан, фирм и компаний. Оперативный уровень предполагает крупномасштабные атаки, такие как DDoS-атаки на Bank of America и другие банки, или применение вируса Stuxnet, как в Иране. На данном уровне противоборства в киберпространстве можно спровоцировать социальное недовольство внутри страны (как в случае с Эстонией в 2007 г.), а также рост напряженности в отношениях между странами. На тактическом и оперативном уровнях противоборство в киберпространстве становится предметом юридического внимания и требует внедрения единообразной терминологии и исследования с точки зрения права.

Согласно сообщениям западных СМИ, Китай развивает практически все направления военной деятельности в цифровой среде: занимается активной разведдеятельно-

стью, проведением кибератак, кражами документации технологического и военного характера и пр. Сообщение в июне 2010 г. о том, что компьютерный вирус американского происхождения под названием Stuxnet⁷ поразил иранскую атомную электростанцию Натанц, означало, что сложились условия для информационной войны. Stuxnet инфицировал более 60000 компьютеров. Из них свыше половины находились в Иране, остальные пострадавшие страны — это Индия, Индонезия, Китай, Азербайджан, Северная Корея, Малайзия, США, Великобритания, Австралия, Финляндия и Германия.

Заметим, что благодаря разработке новых антивирусных программ и встроенной дате окончания срока действия вируса способность этого «тройного коня» к дальнейшему распространению ослабла.

Китай стал одной из первых стран, испытавших на себе разрушительную мощь кибероружия. Именно это обстоятельство заставило Пекин заняться разработкой и формированием арсенала кибероружия, а также изучением методов ведения кибервойн. Хотя достоверной информации на этот счет чрезвычайно мало (в основном, это ангажированные американские источники, ведущие против Китая открытую информационную войну), не приходится сомневаться в том, что в КНР такие разработки проводятся. Между тем, лидирующая роль в разработке боевых вирусов и создании соответствующих арсеналов принадлежит США.

В ходе XVIII съезда КПК были поставлены новые задачи для дальнейшего военного строительства в Китае с учетом бурного развития информатизации, киберпространства и новых телекоммуникационных систем. «Необходимо, продолжая ориентироваться на самые основные потребности безопасности страны, — подчеркивалось на съезде, — планируя вместе экономическое и оборонное строительство и держась «трехшагового» стратегического плана модернизации национальной обороны и армии, форсировать выполнение механизации и информатизации, как двойной исторической задачи, и постараться к 2020 году в основном закончить механизацию, а в области информатизации обеспечить серьезные сдвиги».

В 2016 г. было официально объявлено о создании в составе НОАК специальных формирований для обеспечения киберобороны и противодействия кибератакам, направленным на критически важные инфраструктурные объекты Китая. Как показывает анализ китайской политики в области киберобороны, Пекин решил не отставать от лидеров разработки военной киберстратегии, в частности — от США, поскольку в американской стратегии современного военного строительства информационным войнам отводится чрезвычайно важная роль.

К настоящему времени возникла ситуация, при которой киберпространство рассматривается, как зона ведения информационных, финансовых, экономических и иных войн. Выработка взаимоприемлемых подходов и правил организации деятельности в Интернете требует учета как всего многообразия и многофункциональности киберпро-

7. Stuxnet — сложная компьютерная вредоносная программа, предназначенная для проникновения в удаленные системы и установления над ними контроля в квазиавтономном режиме. Она представляет собой новое поколение вирусов «запусти и забудь», которые могут быть нацелены на определенные объекты в киберпространстве. Те объекты, на которые был направлен Stuxnet, располагались в «воздушном мешке», другими словами, они не были подключены к общественной сети Интернет и проникновение в них требовало использования промежуточных устройств, например, флеш-накопителей, чтобы получить доступ к ним и установить контроль. Используя четыре «уязвимости нулевого дня» (ранее неизвестные уязвимости, чтобы не было времени создать и распространить патчи), вирус Stuxnet задействует базовые пароли Siemens для доступа к операционным системам Windows, на которых запущены программы WinCC и PCS 7.5. Это программируемые логические контроллеры (PLC), управляющие промышленными предприятиями.

странства в целом, так и особенностей национальных сегментов Интернета. Активно создаются арсеналы боевых вирусов, разрабатываются инструменты, тактика и стратегия военных действий в киберпространстве, целью которых становятся намерения нанести как можно больший экономический, социально-политический и технологический ущерб потенциальному противнику.

Следует отметить, что тенденции к консолидации действий в киберпространстве, к выработке кодекса поведения испытывают на себе всю специфику развития современной международной обстановки. Европейские страны НАТО и Соединённые Штаты выработывают обособленные нормы поведения в киберпространстве, привлекая к этому процессу Южную Корею и Японию. Вопросы сотрудничества в обеспечении безопасности в киберпространстве находятся и в поле зрения членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

* * *

В основе американской стратегии в области киберобороны лежит противодействие планам Пекина по достижению Китаем превосходства над Америкой в цифровой зоне, достижению технологических преимуществ в сфере современных информационно-коммуникационных технологий. Американцы также стремятся не допустить выхода Китая на внешние рынки со своими ИКТ, способными составить конкуренцию американским телекоммуникационным компаниям, которые сегодня сохраняют американскую монополию на продажу базового оборудования для развития и обслуживания современной киберсреды. Кроме того, США стремятся к лидирующей роли в информационном пространстве и в области телекоммуникационных технологий. Для них необходимо обеспечить защиту от китайских кибератак критически важной инфраструктуры, и прежде всего — в оборонной области и сфере ИКТ. С этой целью американцы активно используют свои конкурентные преимущества, оказывают давление на страны, приобретающие китайское оборудование, стремятся подорвать критически значимую для развития ИКТ инфраструктуру, организуя кибератаки и оказывая прямое давление на китайские компании типа «Хуавэй» или ZTE.

Более 10 лет Китай ведет переговоры по проблемам кибернетической безопасности с США и рядом других стран. Определяющими для него в этой области являются киберотношения с Америкой. Именно оттуда нарастает давление на КНР по вопросам кибербезопасности, развития цифровой среды и новых технологий, а сам Китай обвиняется в организации проникновений в сетевые ресурсы минобороны, спецслужб, крупнейших компаний США, занятых, в первую очередь, в сфере военного производства. Начиная с 2016 г. напряжение в китайско-американском диалоге по информационной безопасности уменьшилось. США сконцентрировали свое внимание на так называемом вмешательстве России в президентские выборы в США 2016 года и деятельности «пропагандистских СМИ Москвы».

Впервые китайские армейские подразделения для противодействия кибератакам, пресечения незаконной деятельности по выявлению уязвимостей в национальном сегменте киберпространства и противостояния зарубежным кибератакам были созданы в 2012 г. В задачу киберсолдат НОАК входили не только вопросы защиты национального киберпространства и объектов критической инфраструктуры, но также ведение разведки по отношению к потенциальным противникам, проникновение в закрытые цифровые сети с целью получения доступа к информационно-коммуникационным технологиям, в центры контроля и управления боевыми дронами и БПЛА.

Судя по резко негативной риторике Вашингтона, первоочередной целью китайского кибершпионажа и взлома закрытых информационных ресурсов стали объекты, расположенные на территории США. Вместе с тем аналогичные операции проводились против Южной Кореи, Японии, где также были созданы военные структуры, специализи-

рующиеся на киберобороне, и которые были вовлечены в проведение киберопераций НАТО против КНР.

Южнокорейские и японские киберсолдаты проходили переподготовку на базе таллинского Руководства в области киберобороны, которое является структурой Североатлантического альянса и создано в Эстонии для проведения тайных киберопераций против России и ее союзников по ОДКБ и ШОС, против КНДР и других стран. После 2010 г. южнокорейские и японские киберспециалисты неоднократно участвовали в военных киберучениях НАТО, проходили переподготовку в киберструктурах альянса. Япония впоследствии официально присоединилась к таллинскому Руководству в области киберобороны.

В этом контексте уместно напомнить, что и Токио, и Сеул официально являются военными союзниками США и, разумеется, могут быть привлечены к участию в тайных кибероперациях против КНР, Северной Кореи, России и других стран Восточной Азии. Важно при этом обратить внимание на оборонную сферу в киберполитике Китая. По мнению европейских и американских экспертов, в Китае уже разработана и применяется соответствующая военная стратегия в кибернетической сфере, включая возможность ведения информационной войны (ИВ).

В китайской стратегии информационных войн обычно выделяют три аспекта. Во-первых, китайские военные исходят из того, что ИВ является продуктом эпохи информатизации, при этом используются цифровые технологии и информационное оружие. Происходит «сетевизация» (wangluohua) поля боя, и в центре противостояния оказываются борьба за контроль над информационным пространством и нейтрализация средств информационной безопасности потенциального противника.

Во-вторых, информационная война — это высокотехнологичное поле боя, в котором противники используют информационно-технологические средства, оборудование или системы в борьбе за преобладающее влияние в киберпространстве и захват инициативы на поле боя; при этом основной боевой силой являются цифровые устройства. В-третьих, главная цель ИВ должна состоять в нападении на информационные системы противника при защите собственной информационной инфраструктуры.

По мнению зарубежных аналитиков, изучавших китайские источники, целью ИВ, судя по китайской литературе, является информационное господство [制信息权]. Подобно американскому понятию «информационного превосходства» в ИВ, китайцы будут стремиться разрушить процесс принятия решения противником, оказывая воздействие на его способность получать, обрабатывать, передавать и использовать информацию. Паралич системы информации и процесса принятия решений противником должен, в свою очередь, подавить волю соперника к сопротивлению или борьбе.

По мнению американского исследователя проблем информбезопасности в АТР Тоши Ёшихара, Китай продемонстрировал интенсивное увлечение информационной войной. Потенциальное продвижение в китайскую военную доктрину ИВ имеет прямое отношение к национальной безопасности США. Способность Китая к ведению ИВ против Соединённых Штатов в мирное время может создать серьезные проблемы перед теми, кто занимается планированием в области обороны.

Еще одной важной сферой для китайской стратегии информационной безопасности стала защита внутреннего информационного пространства от вмешательства извне, а также противодействие попыткам разрушить идеологический контроль властей над Интернетом.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство: в рамках модернизации НОАК основное внимание уделяется информатизации и компьютеризации войск и сил флота, усилению боевых возможностей вооруженных сил за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно

но осуществлять стратегическое ядерное сдерживание, успешно действовать в высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

Справедливости ради стоит отметить, что Китай в рамках киберсоперничества с США находится в положении догоняющей стороны. Более того, разрабатывая собственную методику ведения ИВ, он заимствует, активно использует и применяет американский опыт подготовки к кибервойнам. Данное обстоятельство касается как создания национальных кибервойск, так и arsenалов боевых вирусов, а также использования нелегальных хакерских группировок против своих соперников.

При этом китайская дипломатия ведет широкий диалог по проблемам корректного поведения в современном киберпространстве. Это обсуждение происходит как в рамках китайско-американского стратегического диалога, так и на уровне спецпредставителей. Тем не менее, между китайскими и американскими властями сохраняются острые противоречия по вопросу безопасности в киберпространстве.

13 сентября 2015 г. специальный представитель правительства Китая Мэн Цзяньчжу обсудил в Вашингтоне с коллегами из администрации США вопросы киберпротивостояния, вызывающие серьезные противоречия между двумя странами, а также проблемы кибербезопасности. Однако диалог между китайскими и американскими властями так и не сгладил острые противоречия между ними по этим пунктам.

По утверждению американских и европейских источников, Китай привлекает местные хакерские группировки к проведению киберопераций. Сегодня одной из самых известных групп, действующих с территории Китая, является «Альянс красных хакеров» (англ. Red Hacker Alliance, кит. 中国红客联盟) — неформальное объединение китайских хакеров, численность которого, по некоторым оценкам, составляет более 80 тыс. человек, что делает его одной из крупнейших хакерских групп в мире. Альянс позиционирует себя как китайская общественная организация. Однако зарубежные источники отмечают, что действия и операции Альянса координирует известное подразделение НОАК № 61398, которое базируется в Шанхае и на которое возложена задача проведения военных операций в компьютерных сетях. По оценкам российских экспертов в сфере информационной безопасности В. Овчинского и Е. Лариной, Альянс включает хакеров не только из самого Китая, но и из китайской диаспоры во всем мире и тесно взаимодействует с Третьим и Четвертым управлениями Генерального штаба НОАК.

Западные источники утверждают, что именно хакеры Альянса несут ответственность за организацию DDoS-атак на ведущие СМИ США. Другие источники уверены, что опыт Альянса в организации DDoS-атак был также использован летом 2019 г. против участников массовых протестов в Гонконге. Тогда в результате DDoS-операции удалось заблокировать мессенджеры смартфонов, через которые осуществлялась координация действий протестующих. Одновременно DDoS-атаке в Азии подвергся популярный сервис обмена сообщениями Telegram. В результате в среду, 12 июня 2019 г., этот сервис на короткое время стал недоступен для сотен тысяч пользователей по всему миру⁸.

В январе 2016 г. было официально объявлено о создании в армии КНР кибервойск. В рамках углубленной реформы вооруженных сил Центральный военный совет (ЦВС) Китайской Народной Республики анонсировал появление новых родов войск. В составе Народно-Освободительной армии Китая (НОАК) появились Силы стратегической поддержки, куда вошли ракетные войска, кибервойска и Центр армейского командования⁹.

8. DDoS-атака лишила сотни тысяч пользователей доступа к Telegram.

URL: <https://www.securitylab.ru/news/499455.php> (дата обращения: 30.04.2020).

9. В армии КНР официально созданы кибервойска. Сообщение securenews.ru от 6 января 2016 г.

URL: https://securenews.ru/chinese_cyberarmy/ (дата обращения: 19.05.2020).

На официальном сайте китайского Министерства национальной обороны указывается, что 31 декабря 2015 г. Председатель КНР Си Цзиньпин, являющийся одновременно главой Центрального военного совета, вручил знамена новых родов войск их командующим. Си Цзиньпин подчеркнул необходимость укреплять возможности страны в области киберобороны. Основные направления обеспечения защиты информационного, сетевого пространства сегодня выглядят следующим образом:

- защита персональной информации и Big Data;
- защита финансово-банковской системы страны;
- защита от проникновения и кибератак на отраслевые сети (энергетика, производство, стратегические отрасли) и информационные системы управления;
- выявление и ликвидация последствий киберпреступлений;
- борьба с кибертерроризмом;
- контроль за распространением всех видов информации; недопущение циркуляции слухов, «непроверенной» информации, которые наносят вред национальной безопасности и нарушают закон о гостайне;
- обеспечение безопасности телекоммуникационных сетей, защита программ, связанных с развитием ИКТ;
- обеспечение безопасной электронной торговли и ресурсов по развитию цифровой экономики;
- защита отечественных производителей в области ИКТ;
- обеспечение развития информационного общества с китайской спецификой;
- развитие международного сотрудничества.

Еще одним направлением деятельности подразделений киберобороны Китая стало использование арсеналов информационного противодействия в отношении организаторов массовых протестов и политических демонстраций.

Как заявил Си Цзиньпин, реформирование структуры войск осуществляется с целью превращения НОАК из армии регионального и оборонительного типа в армию, которая будет способна вести весь спектр боевых операций. Председатель КНР также отметил, что формирование новых родов войск — важный стратегический шаг на пути к созданию современной военной системы с учетом китайской специфики.

Процесс преобразования китайских вооруженных сил предполагалось завершить к 2020 г., а реализация основных структурных изменений в рамках реформы будет осуществлена до конца того же года. Силловые структуры для работы в киберпространстве в Китае появились фактически в первом десятилетии нового века.

Таким образом, современная деятельность Китая в мировом киберпространстве свидетельствует о том, что Пекин усиливает свое присутствие в цифровой зоне, в том числе и военное.

Китайские хакерские объединения стремятся получить доступ к военным, технологическим и коммерческим секретам других стран. Выявилась также тенденция применения хакерских арсеналов и методик для нейтрализации социально-политических протестов внутри своей страны, и эта тенденция, судя по всему, будет усиливаться. В то же время необходимо признать, что Китай и сам часто превращается в объект серьезных атак в национальном сегменте Интернета, а потому заинтересован в решении проблем обеспечения кибербезопасности в национальном сегменте киберпространства.

Вот уже многие годы Китай борется за то, чтобы стать полноценным участником управления информационным пространством, и объясняет свое желание тем, что является одним из мировых лидеров в области разработки и производства телекоммуникационного оборудования.

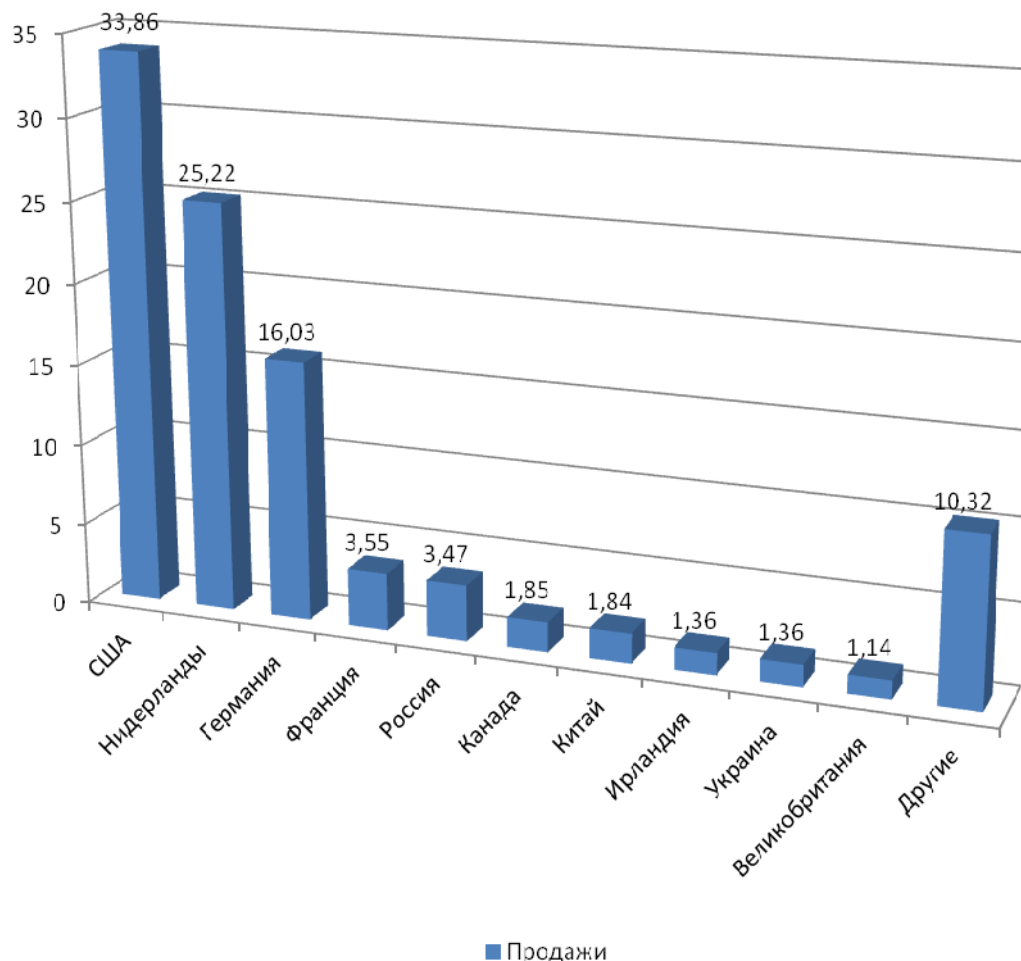
Следует отметить, что в настоящее время Китай уделяет повышенное внимание вопросам разработки современных средств кибервойны. Эксперты убеждены, что китай-

ские специальные подразделения способны при необходимости вывести из строя большинство объектов информационной инфраструктуры США¹⁰.

Диаграмма 1

**Страны- источники веб-атак: «Первая десятка»
(сентябрь — декабрь 2017 года)**

(по данным аналитиков Лаборатории Касперского)

Справедливости ради отметим, что лидерство во вредоносной деятельности в информационном пространстве принадлежит вовсе не Китаю. По данным Лаборатории Касперского за сентябрь-декабрь 2017 г. — рекордного года по количеству вирусных атак во втором десятилетии XXI века — вирусные атаки, в основном, исходили от Соединённых Штатов. Более трети всех кибератак в мире в четвертом квартале 2017 г. было осуществлено с территории США (диаграмма 1).

10. Галия Ибрагимова. Стратегия КНР в области управления интернетом // Индекс безопасности. No. 1. (104). 2013. С. 169.

Еще одной важной сферой для китайской стратегии информационной безопасности стала защита внутреннего информационного пространства от вмешательства извне, идеологический контроль над ним. Как отмечалось выше, одной из форм обеспечения безопасности в социально-политической сфере стало блокирование доступа к сетевым ресурсам и информационным сервисам, содержание которых противоречит политико-идеологическим установкам официального руководства страны и затрагивает систему государственной власти в КНР. Представляется, что такая форма в определенной степени противоречит сегодняшней тенденции к созданию информационного общества, нарушает права людей на открытый доступ к информации.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что:

1. за последнее десятилетие благодаря успешному развитию собственных информационно-коммуникационных технологий, Китай значительно укрепил свои позиции в мировом киберпространстве.

2. Пекин обращает первостепенное внимание на развитие собственных сил реагирования на случай возникновения угроз и рисков национальной безопасности страны, и в первую очередь это касается развития способности ведения боевых действий в цифровой среде и создания средств защиты критически важной информационной инфраструктуры.

3. Китай активно ищет возможности решения проблем кибербезопасности на международном уровне как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

4. Одной из важнейших целей китайской стратегии в цифровом пространстве стала задача по достижению статуса государства, являющегося признанным участником международной системы управления Интернетом.

5. Большое внимание в киберстратегии Китая уделяется оборонным аспектам развития цифровой среды. При этом основной упор делается на достижение военно-технологического превосходства в киберпространстве.

6. Понимая, что независимая и самостоятельная политика в информационном пространстве, а также сохранение суверенитета в национальном сегменте Интернета могут быть обеспечены только благодаря техническим и технологическим возможностям и собственной производственной базе по выпуску необходимого телекоммуникационного оборудования, Китай активно стимулирует научные исследования и развитие производства в области ИКТ, включая производство микросхем и мощных серверов.

7. Америко-китайское соперничество в киберсреде выявило явное отставание КНР в области программирования, необходимого для функционирования мобильного Интернета и других современных информационных систем. Эта проблема нарастает по мере того, как США выстраивают систему преград и ограничений для доступа китайцев к американскому программному обеспечению.

8. Запуск китайцами в 2017 г. формата 5G выявил достаточно высокий уровень научных исследований в Китае в области современных информационных технологий, позволяющих ему добиться технологического превосходства над американцами. В то же время это обстоятельство привело к обострению американо-китайского киберсоперничества и заставило говорить о возникновении нового фактора нестабильности в киберпространстве — технологических войн между конкурирующими странами.

9. Принимая во внимание весь комплекс факторов, определяющих рост влияния КНР в информационном пространстве, а также современные производственно-технологические возможности Пекина, можно с полной уверенностью констатировать, что Китай превращается в мировую киберсверхдержаву, и это обстоятельство будет стимулировать американо-китайское противостояние в информационном пространстве.

В целом же следует отметить необходимость и крайнюю актуальность разработки новых подходов к решению проблем кибербезопасности и избавления цифровой среды от милитаризации.

Литература

Галия Ибрагимова. Стратегия КНР в области управления Интернетом // Индекс безопасности. No. 1. (104). 2013.

References

Galiya Ibragimova. Strategiya KNR v oblasti upravleniya internetom, zhurnal «Indeks bezopasnosti» No. 1 (104) 2013.

Диалог «Пекин — Дели»: внутренние императивы и внешние факторы

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011448-3

Уянаев Сергей Владимирович

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора ИДВ РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com.

Аннотация:

В статье рассматривается современное состояние китайско-индийских взаимоотношений. Анализ ведется путем сопоставления в них позитивной и негативной тенденций, отражающих как весомые достижения, так и многие нерешенные проблемы. Автор исследует две структурные сферы китайско-индийских связей: двустороннюю повестку и отношения, складывающиеся под влиянием ряда международных факторов. На фоне обострения в 2020 г. двусторонней пограничной проблемы в статье сформулированы некоторые сценарные прогнозы.

Ключевые слова:

Китай, Индия, юбилей, достижения, проблемы, граница, «фактор США», взаимодоверие, конкуренция, формат РИК.

Для цитирования:

Уянаев С.В. Диалог «Пекин — Дели»: внутренние императивы и внешние факторы // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 24–41. DOI: 10.31857/S013128120011448-3.

Beijing-Delhi Dialogue: Internal Imperatives and External Factors

Sergey Uyanaev

Ph.D. in History, leading researcher, deputy director of the IFES RAS.
E-mail: svuyav@yahoo.com.

Abstract:

The article examines the current state of Sino-Indian relations. The analysis is based on a comparison of positive and negative trends, reflecting significant achievements on the one hand, and a number of unresolved issues on the other. From this point of view the author examines two structural areas of Sino-Indian relations - the issues directly connected to the bilateral agenda, as well as the sphere of the relations that is formed under the influence of international factors. Against the background of the aggravation of the 2020 bilateral border problem some scenario forecasts have been formulated.

Key words:

China, India, anniversary, achievements, problems, border, "US factor", mutual trust, competition, RIC format.

For citation:

Uyanaev. S.V. Beijing-Delhi Dialogue: Internal Imperatives and External Factors // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 24–41. DOI: 10.31857/S013128120011448-3.

В 2020 году исполнилось 70 лет со времени установления дипломатических отношений между КНР и Республикой Индия¹. Продолжая измеряемую двумя тысячелетиями традицию взаимодействия между двумя народами, двумя самобытными цивилизациями, «связи через Гималаи» в календарную середину прошлого века вступили в новый, современный этап.

Двусторонняя повестка: достижения и проблемы

В истекшие десятилетия диалог двух стран складывался неоднозначно. 1950-е годы были в основном временем тесной дружбы и оптимистичных надежд. Но этот период сменился открытым противостоянием, в том числе пограничной войной 1962 г., результатом которой стали многие сотни жертв с обеих сторон. За этим последовало без малого тридцатилетие, когда китайско-индийские связи практически носили символический характер. И только с конца 1980-х годов начался этап постепенного, все более динамичного их развития.

Последние тридцать лет — несомненно, время в целом восходящей тенденции в двусторонних отношениях. Только объем торговли двух стран вырос почти в 500 раз — до рекордных 95 млрд долл. в 2018 г. Межгосударственные связи приобрели выстроенный, многопрофильный характер, вобрав в свой механизм порядка 30 диалоговых дорожек.

Однако при всем этом современные отношения Пекина и Нью-Дели трудно оценить лишь как дорогу «на зеленый» свет». Наряду с очевидными позитивными накоплениями в диалоге присутствуют явные противоречия. Они имеют и историческое, и сравнительно недавнее происхождение.

Наглядным подтверждением двух этих встречных явлений послужили события юбилейного года. Столкнувшись, как и весь мир, с проблемами пандемии коронавируса, в Китае и Индии, тем не менее, не отменили программу из символических семи десятков юбилейных мероприятий. Но одновременно, как это с известной регулярностью происходит в современном китайско-индийском диалоге, вновь стали давать о себе знать проблемные вопросы, главный из которых, пожалуй, погранично-территориальный. С начала мая 2020 г. одновременно на нескольких участках китайско-индийской границы (Ладакх, Сикким) стало нарастать жесткое противостояние военных двух стран. В середине июня оно вылилось в масштабное, пусть и без применения огнестрельного оружия, столкновение в Ладакхе, которое повлекло впервые за последние 45 лет человеческие жертвы². Причем и после этого обстановка здесь оставалась весьма беспокойной, порождая разные, в том числе неутешительные, прогнозы относительно будущего отношений двух стран.

В любом случае, несмотря на связанный с пограничным противостоянием серьезный «шаг назад», ясно, что и сегодня, и в обозримом будущем итог двустороннего диалога будет зависеть от соотношения двух сформировавшихся тенденций — позитивной и сдерживающей.

-
1. Си Цзиньпин юй инду гоцзя чжуси Кэвеньдэ цзай чжунин няньцзяо 70 чжоунянь циндянь фабяо цзянхуа: [Си Цзиньпин и президент Индии Ковинда выступили на праздновании 70-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Индией]. 01.04.2020/ Вебсайт МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhd_674881/default_9.shtml (дата обращения: 30.07.2020).
 2. Face-off between India and China in Galwan valley: Here's what we know. June 17, 2020 / Website of Hindustan Times, New Delhi. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/face-off-between-india-and-china-in-galwan-valley-what-we-know-so-far/story-NNjwanbGiNiyAhQhnmj25I.html> (date of access 18.06.2020).

Но обе они имеют и собственную внутреннюю структуру: и в том, и в другом случае на развитие китайско-индийских отношений влияют минимум две группы факторов. С одной стороны, это внутренние императивы — вопросы непосредственно двусторонних политических, экономических и иных отношений. С другой — речь идет о внешних факторах, которые проистекают из международных интересов каждой из стран, в том числе их взаимодействия с третьими игроками.

Переплетаясь, внутренние и внешние факторы ложатся на обе чаши весов в непростых китайско-индийских отношениях, которые в год своего 70-летия складывались еще и под влиянием вызовов коронавирусной пандемии. Какая чаша будет оставаться более весомой? Понятно, что вне зависимости от текущей конъюнктуры, ответ на этот непростой вопрос по-прежнему лежит в плоскости сопоставления двух встречных тенденций.

Политический диалог

Под таким углом зрения особенно показательна картина нынешней двусторонней повестки. Прежде всего речь идет о межгосударственном политическом диалоге.

Налаживание такого диалога, в первую очередь, на высшем уровне — между премьер-министром Индии и руководящим тандемом в лице Председателя КНР и премьера китайского Госсовета — можно считать одним из важных проявлений позитивной тенденции, которое дало толчок всей системе китайско-индийских отношений. Не случайно отсчет их современного этапа принято начинать именно с первого за предыдущие 34 года саммита, когда в 1988 г. с официальным визитом в Пекин прибыл Р. Ганди³.

Частота контактов на высшем уровне росла постепенно, обретая характер официальных визитов и встреч на полях международных форумов. Так, в период 2008–2013 гг. Председатель КНР и глава китайского правительства провели с индийским премьером не менее чем по 10 самостоятельных встреч. Особняком при этом стоят все же встречи между индийским премьером и первым лицом КНР. Именно на них формируются главные векторные координаты взаимодействия.

Нынешние лидеры КНР и Индии — Си Цзиньпин и Нарендра Моди, придя к власти в своих странах соответственно в 2013 и 2014 г., до лета 2020 г. провели 18 личных встреч. Была налажена своего рода устоявшаяся диалоговая логистика — официальные визиты плюс, как правило, регулярные переговоры на полях саммитов БРИКС, G 20 и ШОС.

В последние два года этот механизм пополнился новой формой — «неформальными» рабочими встречами поочередно в Китае и Индии, где, по мнению сторон, без фиксированной программы есть возможность «прямого, свободного и откровенного» обсуждения самых широких и актуальных вопросов. Неслучайно на первой такой встрече (КНР, Ухань, апрель 2018 г.) Председатель КНР выразил надежду, что этот переговорный формат «может открыть новую главу в китайско-индийских отношениях»⁴.

В контексте событий в Ладакхе весной-летом 2020 г. нельзя не обратить внимание, что встреча в Ухане проходила на фоне еще не стихших комментариев по поводу предыдущего аналогичного серьезного пограничного инцидента. Продолжавшееся 72 дня (к счастью, без жертв) противостояние военных двух стран летом 2017 г. в районе

3. Этапы развития двусторонних отношений в конце 20 — начале 21 века. Подр. см.: Уянаев С.В. Китай и Индия: отношения в начале нового столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 19–30.

4. Си Цзиньпин хуэйцзян инду цзунли Моди: [Си Цзиньпин принял премьер-министра Индии Н. Моди]. 27.04.2018. / Веб-сайт МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/xgxw_677226/t1555202.shtml (дата обращения: 18.06.2020).

Дунла (Доклам) тогда также породило тревогу за конечное будущее двусторонних отношений⁵. Поэтому сам факт проведения такой встречи, после которой появился термин «позитивный дух Уханя», был признан весьма показательным, свидетельствующим об умении сторон выходить из кризисной ситуации⁶.

На втором таком же неформальном саммите в октябре 2019 г. в Ченнаи стороны подтвердили практически все названные направления взаимодействия. Но имелись и важные дополнения, касавшиеся, в частности, создания специальных межправительственных механизмов в целях сбалансированного развития торгового и инвестиционного сотрудничества и развития совместных производств, а также дальнейших шагов по взаимодействию в сферах безопасности, обороны, противодействия международному терроризму и культурно-гуманитарных обменов⁷. Си Цзиньпин предложил провести на следующий год в КНР третий неформальный саммит. Однако к лету 2020 г. стало ясно, что пандемия коронавируса и новое пограничное обострение способны внести в эти планы существенные коррективы.

Встречи высшего уровня дополняются регулярными и диверсифицированными контактами между министерствами иностранных дел двух стран (структуры «стратегического диалога», диалогов по границе, антитерроризму и т.п.), связями по линии правоохранительных, торгово-экономических, культурно-образовательных и других ведомств. Сотрудничают парламентарии, представители партийных и прочих государственных и общественных структур. Для позитивной стороны отношений весьма показательны связи по линии оборонных структур, включая обмены высокопоставленными делегациями, проводимые с 2007 г. совместные военные и антитеррористические маневры. В целом в рамках общего многопрофильного механизма сотрудничества ежегодно можно насчитать по несколько десятков мероприятий⁸.

Для большинства из них, прежде всего, встреч на высшем и высоком уровнях, не характерно прямое указание *на проблемные вопросы*. Однако их косвенная, «мягкая» констатация, приемлемая в предельно корректном формате встреч первых лиц, достаточно очевидна. С этой точки зрения такие упоминавшиеся в Ухане и Ченнаи обоюдные задачи, как «недопущение превращения расхождений в споры», «обеспечение мира и спокойствия на границе», достижение «сбалансированности торговли», борьба с терроризмом на «не дискриминационной» основе и необходимость учета «озабоченностей друг друга», — конечно же не случайны. Более того, имеются прецеденты, когда вследствие обострения противоречий (упомянутое противостояние на плато Доклам) под вопрос ставилась сама возможность проведения очередной встречи на высшем уровне.

Так произошло и в 2020 г., когда наряду с естественными ограничениями по причине пандемии коронавируса на контактах высокого уровня не могли не сказаться собы-

-
5. Подр. см.: *Уянаев С.* 30 лет китайско-индийской нормализации: возврат «на перекресток» или верность сотрудничеству и добрососедству?// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 121–139.
 6. Чжунин линдао жэнь фэй чжэнши хуэйу дачэн гуанфань гунши: [На неформальной встрече руководителей Китая и Индии достигнут широкий консенсус]. 28.04.2018/ Веб-сайт МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/xgxw_677226/t1555533.shtml (дата обращения: 12.07.2020).
 7. Си Цзиньпин тун инду цзунли Моди цзай цзин най цзисюй цзюйхан хуэйу: [Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Н.Моди продолжают свою встречу в Ченнаи]. 12.10.2019/ Вебсайт МИД КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/xgxw_677226/t1707413.shtml (дата обращения: 12.07.2020).
 8. India-China Bilateral Relations./Website of Ministry of External Affairs (India). URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf. (date of access 19.05.2020).

тия в Ладакхе, что, однако, вряд ли означало некую автоматическую девальвацию этого важного и фундаментального механизма.

Погранично-территориальный вопрос

Наглядным примером существующих проблем служит не раз упомянутый погранично-территориальный вопрос. Между КНР и Республикой Индия отсутствует оформленная в правовом отношении граница. После войны 1962 г. роль границы «де-факто» (свыше 3,4 тыс. км) играет Линия фактического контроля (ЛФК). В западном секторе она разделяет Синьцзян-Уйгурский (СУАР) и Тибетский (ТАР) автономные районы КНР и индийскую союзную территорию (с 2019 г.) Ладакх; в центральном и восточном секторах служит рубежом между ТАР и четырьмя штатами Индии (соответственно Химачал-Прадеш и Уттаракханд; Сикким и Аруначал-Прадеш). Практически по всей ЛФК имеются спорные участки, что, по мнению ряда экспертов, делает затруднительным даже сам разговор о полной нормализации отношений⁹.

Формально трудно утверждать, что стороны «сидят сложа руки». Поэтому, несомненно, безусловным достижением являются такие шаги, как принятие еще в 1990-х годах важных документов по обеспечению мира и спокойствия на границе, создание и функционирование с начала 1980-х годов различных форматов межправительственных переговорных механизмов. Без малого два последних десятилетия главной переговорной площадкой служат встречи «высоких» спецпредставителей двух стран, которыми в настоящее время являются член Госсовета КНР, глава китайского МИД Ван И и советник индийского премьера по национальной безопасности А. Довал. (22-я встреча спецпредставителей прошла в декабре 2019 г.¹⁰).

Аналогичные диалоговые механизмы созданы по линии внешнеполитических ведомств (Рабочий механизм консультаций и координации по вопросам китайско-индийской границы, кратко WMCC), а также непосредственно между пограничными службами. В последнем случае поставлена прямая задача «не допускать усиления напряженности в спорных районах. В том числе, действует запрет на взаимное преследование патрулей на участках, где «нет согласованного представления о прохождении линии фактического контроля»¹¹. Имеются и ощутимые практические результаты: после событий в октябре 1975 г. на перевале Талун Ла на границе, в том числе, в тревожных мае—июне 2020 г., не было ни единого выстрела¹².

Однако в вопросе юридически обязывающего соглашения о границе переговоры явно топчутся на месте. А это никак не позволяет полностью купировать пограничные инциденты.

Предмет территориального спора — площадь, равная приблизительно «трем Швейцариям» (порядка 135 тыс. кв. км, главным образом в восточном и западном секторах ЛФК) — предопределен серьезными различиями в видении линии прохождения со-

9. См.: 2017: A Tough Year for China-India Relations/ The Diplomat, 01.01.2018.

URL: <https://thediplomat.com/2018/01/2017-a-tough-year-for-china-india-relations/> (date of access 11.05.2020).

10. Китай и Индия провели встречу спецпредставителей по пограничным вопросам. 23.12.2019/Веб-сайт Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1223/c31520-9642801.html> (дата обращения: 29.04.2020).

11. Border Defence Cooperation Agreement between India and China. October 23, 2013 Beijing, China/ «Peacemaker» Website, UNO. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CH-IN_131023_BorderDefenceCooperationAgreement.pdf (date of access 29.07.2020).

12. Forgotten in fog of war, the last firing on the India-China border/ The Hindu. June 14.2020. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/forgotten-in-fog-of-war-the-last-firing-on-the-india-china-border/article31827344.ece> (date of access 19.06.2020).

вместной границы, сложившейся во времена Британской Индии. И это десятилетиями отодвигает взаимоприемлемое решение вопроса. Несмотря на то, что удастся избежать применения огнестрельного оружия, ситуация на спорных участках все же нередко (в 1986–1987, 2013, 2017 г.) балансирует «на грани фола». Об этом, как сказано выше, громко напомнили события, которые начались в первой декаде мая 2020 г. в районе озера Пангун Цо и долине Галван в Ладакхе, а также у перевала Нату Ла в восточном секторе ЛФК и в итоге стали самым масштабным пограничным инцидентом со времени крупного столкновения 1967 г. в Сиккиме. В майские столкновения, сопровождавшиеся физическим соприкосновением с применением палок, бит и камней, были вовлечены в каждом случае от 150 до 400 военнослужащих, десятки получили травмы¹³. Особо тревожными стали элементы явной общей эскалации, когда стороны приступили к стягиванию к границе дополнительных многотысячных контингентов. Вступив в контакт по линии разноразноуровневых пограничных механизмов, в начале июня стороны, казалось бы, приступили к разведению сил¹⁴. Тем более неожиданными оказались события 15 июня в долине Галван, когда, по информации индийской стороны, новое масштабное физическое столкновение повлекло гибель 20 индийских пограничников и свыше 40 китайских¹⁵. В Китае от информации о числе своих жертв предпочли воздержаться, мотивируя это «нежеланием давать почву для сравнений и провоцировать общества обеих стран на лишнее эмоциональное противостояние»¹⁶. Это были первые человеческие потери за последние 45 лет.

Анализировать конкретные причины обострения в Ладакхе весьма сложно. По версии китайской стороны, подразделения НОАК выступили вперед в ответ на дорожное строительство, развернутое Индией «на китайской стороне ЛФК»¹⁷. В свою очередь, согласно неофициальным оценкам индийских дипломатов, Индия «отвергла все китайские упреки, поскольку дорожное строительство ведется на индийской территории, которая ранее никогда не объявлялась Китаем спорной».

Так или иначе, 17 июня и 5 июля телефонные переговоры в попытках урегулирования провели Ван И и А. Довал¹⁸. Вскоре состоялась очередная встреча высших дипломатов в рамках механизма WMCC. 14 июля четвертый раз за последние два месяца встретились командующие пограничными силами. Приступив, согласно договоренностям, к «разведению и деэскалации», стороны к середине июля несколько продвинулись к восстановлению существовавшего на начало мая разграничительного статус-кво, в ча-

13. China SAYS situation at border with India 'stable and controllable'. June 02, 2020/ The Indian The Defense News Website/. URL: <http://www.indiandefensenews.in/2020/06/china-says-situation-at-border-with.html> (date of access 12.07.2020).

14. India-China meeting of Army Commanders on June 06, 2020/ Website of Ministry of External Affairs (India). URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32746/India-China_meeting_of_Army_Commanders_on_June_06_2020 (date of access 12.07.2020).

15. В столкновении на границе с Китаем пострадали 76 индийских военных // Российская газета. 19.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/19/v-stolknovenii-na-granice-s-kitaem-postradali-76-indijskih-voennyh.htm> (дата обращения: 20.06.2020).

16. Шэпин: Инду суй цзоучу дуй бянцизи цзюйшиды лянге у пань: [Редакционное обозрение: Индии следует исправить два неправильных суждения о пограничной ситуации]. 16.06.2020/ Веб-сайт издания Хуанцю шибао (КНР). URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/3ygDO8tnCOo> (дата обращения: 08.07.2020).

17. Шэпин: Инду суй цзоучу дуй бянцизи цзюйшиды лянге у пань: [Редакционное обозрение: Индии следует исправить два неправильных суждения о пограничной ситуации]. 16.06.2020/ Веб-сайт издания Хуанцю шибао (КНР). URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/3ygDO8tnCOo> (дата обращения: 08.07.2020).

18. Conversation between Special Representatives of India and China on recent developments on the India-China border areas. July 06, 2020/ Website of Ministry of External Affairs (India). URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32811> (date of access 12.07.2020).

стности в долине Галван¹⁹. Это создавало определенную (хотя и труднореализуемую) надежду на урегулирование по примеру противостояний прошлых лет.

Иными словами, несмотря на многолетние межправительственные переговоры и механизмы, погранично-территориальная проблема остается в двусторонних отношениях наиболее болезненной, чреватой, как показали последние события, рисками и для их общего качественного вектора.

Торгово-экономические отношения

Заметная противоречивость сопровождает отношения двух стран в сфере торговли и инвестиций, других форм экономического сотрудничества.

С учетом высокой динамики последних десятилетий достижения в данной области более чем очевидны²⁰. С 3 млрд долл. в 2000 г. до 92,8 млрд в 2019 г. возросла двусторонняя торговля товарами²¹. С 2008 по 2019 г. КНР прочно занимала место главного внешнеторгового партнера Индии. На долю Китая в 2014–2019 гг. приходилось от 13,5 до 16,4% всей индийской внешней торговли и в среднем свыше 15% ее импорта.

Место Индии в списке торговых партнеров КНР заметно скромнее. Но среди стран-импортеров китайской продукции Индия занимает довольно высокое 7–8 места, «принимая» порядка 3% общемирового объема китайского экспорта²². Индия импортирует из Китая главным образом продукцию машиностроения, другие товарные позиции с высокой добавленной стоимостью (до 80% всех поставок из КНР). Напротив, структура китайского импорта из Индии в основном сырьевая; на руды, каучук, минеральное топливо, хлопок и другие подобные товарные группы сегодня приходится, как правило, свыше половины индийских поставок.

В такой товарной структуре отчасти кроется, видимо, и главная из существующих ныне проблем китайско-индийской торговли — проблема серьезного индийского дефицита, которого у Индии нет ни с одной другой страной. Наметившись в начале нынешнего столетия, он нарастал поэтапно и достиг ныне весьма внушительных размеров. Если в 2010 г. экспорт в Индию превышал импорт из нее вдвое, то в 2014–2016 гг. уже примерно в 6 раз. Справедливости ради следует отметить, что ряд индийских экспертов указывают на слабую конкурентоспособность индийской обрабатывающей промышленности и усматривают возможности снижения дисбаланса не столько за счет сокращения импорта, сколько за счет роста поставок на китайский рынок. Определенные перемены происходят. По итогам 2018 — начала 2020 гг. индийская статистика показала, что превышение импорта над экспортом в торговле с КНР, оставшись высоким — четырехкратным, все же снизилось²³.

19. India-China standoff | Army is working to restore status quo along LAC, says Northern Command chief. New-Delhi, July 25, 2020. / The Hindu Official Website. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-china-standoff-army-is-working-to-restore-status-quo-along-lac-says-northern-command-chief/article32192812.ece> (date of access 30.07.2020).

20. Подр. см. напр.: Уянаев С. Россия—Китай—Индия: в контурах многополярного миропорядка. М.: Форум, 2019. С. 50–56.

21. Торговля КНР в декабре и январе — декабре 2019 г. / Официальный сайт государственной таможни КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302277/302276/2851396/index.html> (дата обращения: 19.05.2020).

22. Top China Export to the World/ The World's Richest Countries» Website.

URL: http://www.worldsrichestcountries.com/top_china_exports.html (date of access 12.07.2020).

23. Department of Commerce.Export Import Data Bank.Country — wise. Values in US\$ Million. Dated: 13/6/2020. / Ministry of Commerce and Industry Website. URL: <https://commerce-app.gov.in/eidb/iecnt.asp> (date of access 13.06.2020).

Отдельной проблемной зоной экономического взаимодействия является его *инвестиционная часть*. Одним из немногих позитивных моментов можно считать лишь определенную положительную динамику сотрудничества, начинавшегося 30 лет назад едва ли не с нуля. Однако достигнутые объемы, по общему признанию, значительно отстают от имеющегося потенциала. К началу 2018 г. объем накопленных прямых китайских инвестиций в Индии составлял более 4,75 млрд долл. (почти втрое меньше объема инвестиций КНР в России). Накопленные индийские вложения в КНР, согласно тем же данным, не превышали 0,85 млрд долл., причем даже в этом небольшом объеме выделить прямые инвестиции в производство или сферу услуг достаточно непросто²⁴.

Относительно инвестиций из КНР долгое время бытовало объяснение, что индийское руководство искусственно сдерживает китайские вложения в инфраструктуру и другие «стратегические» отрасли. В последние годы эта ситуация, похоже, лишь обрывает дополнителными элементами. В конце мая 2020 г. в китайском офисе Gopal Times говорилось о претензиях китайской стороны по поводу индийских «дискриминационных практик» в отношении уже не только прямых, но и портфельных инвестиций из КНР²⁵. А месяцем ранее это же издание выразило недовольство случаями попыток Индии «переманивать» на ее территорию «бизнесы, перемещающиеся из КНР», тем самым упрекая ее в желании «спекулятивно захватывать некоторые элементы промышленной цепочки у Китая» и вытеснить его с тех или иных рынков сбыта²⁶.

Похоже, что проблемная часть двусторонней торгово-экономической повестки, по меньшей мере в краткосрочной перспективе, способна лишь усилиться. На фоне обострения пограничного вопроса летом 2020 г. в Индии стали настойчиво звучать призывы к бойкоту китайской продукции. Правительство объявило об отказе от покупки крупных партий китайского электрооборудования, о запрете 59 китайских мобильных приложений и отстранении компании Huawei от участия в создании сетей 5G. Пекин заявил в ответ, что «примет необходимые меры для защиты законных интересов своих компаний»²⁷. Впрочем, нельзя исключать, что в случае смягчения «пограничной темы», эти решения могут быть пересмотрены. Не зря та же Gopal Times, завершая комментарий с критикой внешнеэкономической политики Индии, констатировала, что «Китай и Индия скорее должны быть друзьями, чем противниками».

Тибетская и другие двусторонние проблемы

Для последних 60 лет китайско-индийских отношений традиционной стала и так называемая *тибетская проблема*. Во многом она коренится в событиях в Тибете в первые годы существования КНР, в том числе, когда в 1959 г., далай-лама IV покинул Лхасу и вместе с группой своих сторонников переселился в индийский город Дхарамсала. С тех пор сам факт нахождения далай-ламы на индийской территории вызывает неприятие у Пекина, который связывает такое пребывание с «поддержкой тибетского сепаратизма».

Как известно, Индия в первые годы своей независимости традиционно пыталась рассматривать Тибет как государственное образование с высокой степенью самостоя-

24. India-China Bilateral Relations./Website of Ministry of External Affairs (India)- URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf. (date of access 12.07.2020).

25. Hopefully US 'political virus' won't infect India 2020/5/25/Website of The Global Times (China).- URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1189406.shtml> (date of access 12.07.2020).

26. Indian companies should seek cooperative development rather than trying to replace Chinese firms 2020/4/28/Website of The Global Times (China).- URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1187061.shtml> (date of access 12.07.2020).

27. С. Строкань. Индийский слон против китайского дракона/Сайт газеты «Коммерсант», 07.07. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4406417> (дата обращения: 08.07.2020).

тельности, исторически служившее буферной зоной между Индией и Китаем. Однако достаточно скоро, в том числе с учетом подписанного в мае 1951 г. Соглашения между Тибетом и КНР, руководство страны пошло, так или иначе, на признание Тибета в качестве «автономной» части КНР. Об этом уже своим названием свидетельствовал один из первых двусторонних документов — Соглашение о торговле и контактах между Тибетским районом Китая и Индией, подписанное в ноябре 1954 г.

И хотя в Индии и в наши дни нередко говорят о том, что Нью-Дели тогда «излишне доверился» китайским обещаниям сохранить «истинную автономию Тибета» и, в частности, «неосмотрительно» свернул там свои военные посты, а немалую гражданскую инфраструктуру «передал правительству КНР»²⁸, на официальном политическом уровне вопрос считается давно решенным. Причем в известном Совместном коммюнике от декабря 1988 г. индийская сторона не только вновь подчеркнула признание Тибета в качестве автономного района Китая, но и указала, что «антикитайская политическая деятельность тибетских элементов на индийской земле является недопустимой». Тем не менее, тибетская проблема, которая по версии Пекина формально заключается в антикитайской деятельности опирающихся на поддержку далай-ламы тибетских беженцев, является болезненной точкой двусторонних отношений.

В последние годы проблема особенно обостряется в случаях посещения далай-ламой районов, принадлежность которых Индии оспаривается китайской стороной. Прежде всего, речь идет о штате Аруначал-Прадеш, куда далай-лама XIV неоднократно, в том числе в апреле 2017 г., приезжал для посещения особо почитаемого среди буддистов монастыря Таванг²⁹.

Одноименный округ находится непосредственно близ ЛФК (здесь ее чаще называют «линией Макмагона»). Но более всего он известен как священное место рождения далай-ламы VI, а значит как потенциальная «колыбель» следующей реинкарнации. В Китае такую вероятность, важную и с религиозной, и с политической точки зрения, конечно, учитывают. Поэтому события в этом районе, как и вопрос о его принадлежности, воспринимаются Пекином с повышенной болезненностью.

При этом очевидно, что в ситуации вокруг штата Аруначал-Прадеш и Таванга «тибетский вопрос», трактуемый в более широком контексте, с особой четкостью накладывается на «территориальную проблему».

Дело в том, что позиция Нью-Дели на всех пограничных переговорах с КНР основывается на документах, подписанных в свое время между колониальными властями Индии и формально независимым правительством Тибета. И, как считают в Индии, именно окончательное вхождение Тибета в состав КНР и последующее «непризнание» Пекином всех ранее имевшихся договоров, включая Симлское соглашение 1914 г., «породили» и пограничную проблему. «Китай никогда не имел иной границы с Индией, кроме как «через Тибет», а индийская граница с Тибетом — это полностью оформленная граница», — подчеркивают сегодня индийские эксперты³⁰.

28. LL Mehrotra/ India~s Tibet Policy. New Delhi, 2000. pp. 12–15/ «The Tibetnet» Website/ URL: <https://tibet.net/wp-content/uploads/2017/05/Inidas-Tibet-Policy.pdf> (date of access 12.07.2020).

29. О первом дне учений Его Святейшества Далай-ламы в Таванге. 13.04.2017 / Веб-сайт «Буддист.ру». URL: <https://buddhist.ru/buddhist-news/site/7976-o-pervom-dne-ychenii-ego-sviat> (дата обращения: 08.04.2020).

30. LL Mehrotra/ India~s Tibet Policy. New Delhi, 2000. p. 19/ «Tibetnet» Website/ URL: <https://tibet.net/wp-content/uploads/2017/05/Inidas-Tibet-Policy.pdf> (date of access 12.07.2020).

В КНР не согласны с таким подходом. В частности отвергают принятую в Симле «линию Макмагона», которая включила территорию нынешнего штата Аруначал-Прадеш и Таванг в состав Британской Индии.

Кроме перечисленных в двусторонней повестке отношений КНР и Индии периодически дают о себе знать и другие проблемы. Это, например, вопрос водопользования на пограничных реках. Прежде всего, речь идет о реке Брахмапутра, называемой в Китае Ялунцзян (Ялунцангпо). Индия обеспокоена потенциальными паводковыми и иными рисками в протянувшемся по ее территории речном низовье, которые связаны с планами строительства выше по течению китайских ГЭС. Китайская сторона называет опасения беспочвенными.

Не является также секретом, что, несмотря на достаточно высокий уровень контактов по военной линии, стороны продолжают внимательно следить за размерами оборонных бюджетов друг друга, а СМИ обеих стран даже в свободные от обострения пограничного вопроса периоды часто не удерживаются от алармистских комментариев по поводу внутреннего «военного строительства в соседней стране».

Внешняя среда: противоречивые векторы

В группе внешних факторов, влияющих на отношения Пекина и Нью-Дели, как и в двусторонней повестке, также действуют неоднозначные векторы.

Безусловным свидетельством позитивных тенденций являются не только декларации о необходимости тесного взаимодействия на международной арене, но и реальные действия в этом направлении. Самым показательным их примером служит параллельное участие в таких структурах, как БРИКС, ШОС, формат Россия—Индия—Китай (РИК), ряд «дорожек» диалога под эгидой АСЕАН. Конечно сам факт совместной работы в перечисленных форматах вовсе не означает, что Индия и Китай не имеют различий в подходах. Но ряд принципиальных позиций носят сходный характер. Прежде всего речь идет о вопросах глобального мироустройства, которое видится в обеих странах в целом как многополярное, не приемлющее одностороннего доминирования, основанное на коллективном способе управления при центральной роли ООН. И в Пекине, и в Дели говорят о необходимости мирного урегулирования в горячих точках, «решительной борьбы» против международного терроризма, противодействия изменениям климата, о ряде других крупных вопросов. Есть и примеры сотрудничества по многосторонним экономическим проектам, например в энергетике, о чем еще в начале 2000-х годов сообщали мировые СМИ.

В то же время перечень разногласий выглядит ничуть не меньше. Пунктом традиционных противоречий являются вопросы, связанные с заявками Индии на повышение своего статуса в ООН до уровня Постоянного члена Совета Безопасности, а также на участие в Группе ядерных поставщиков (ГЯП). В обоих случаях позиция КНР колеблется от уклончивости до откровенного неприятия. Есть выраженные особенности в подходах к определению тех же источников международного терроризма и глобальных климатических проблем. Особенно высок уровень конкуренции на региональном уровне, прежде всего, в контексте попыток обеих стран расширить и укрепить свои интересы в континентальной и морской зонах Индийского океана и в меньшей степени в странах ЮВА.

Новым проблемным пунктом в последние годы стала тема китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая встретила откровенное неприятие в Индии. Видимой и главной причиной стало официальное включение в план базовой инфраструктуры ОПОП отдельного субпроекта, связанного с построением «Экономического коридора Китай—Пакистан» (ЭККП). ЭККП проходит через «оккупированную», по версии Индии, северную часть Кашмира. Ничего, кроме резкого раздражения, это вызывать в Нью-Дели не может.

При этом не будет преувеличением заметить, что серьезная часть китайско-индийских разногласий по международной повестке объективно группируется вокруг нескольких «страновых факторов». Имеется в виду, что отношения КНР и Индии испытывают прямое влияние взаимодействия каждой из них с третьими глобальными и региональными игроками. Причем в ряду последних наблюдатели чаще всего говорят о США и их крупных союзниках в АТР, а также о Пакистане и России.

Американский фактор

Именно термином «фактор США» принято определять важную особенность в треугольной экспертной конфигурации «Китай—Индия—США», где «американский угол» весьма существенно сказывается на китайско-индийской линии, явно умножая их проблемную составляющую. На уровне практической политики это находит выражение в том, что Пекин с серьезным подозрением относится к целям активно развивающихся в текущем веке отношений Нью-Дели и Вашингтона.

Пытаясь рассуждать объективно, трудно не признать, что для обеспокоенности у Китая есть основания. Речь идет, прежде всего о намерениях Вашингтона. Они давно не являются секретом и стали еще более очевидными в годы президентства Б. Обамы, когда практически не скрывалось, что объявленный «возврат» США в Азию мотивирован «обеспокоенностью» Америки ростом и усилением КНР. Стремление всеми способами «сдержать» Китай обрело полную откровенность после прихода в Белый дом Д. Трампа. Поэтому поступательный рост индийско-американских связей — только за первые три года пребывания у власти Н. Модии 5 раз посетил США — в Пекине рассматривают именно в этом контексте. Не случайно на фоне нового обострения отношений с США, объявившими КНР «виновной за пандемию коронавируса», Пекин через каналы официальной печати счел необходимым предостеречь Индию от заражения исходящим из США антикитайским «политическим вирусом» и «использования связей с США для сбора больших козырей в отношениях с Китаем»³¹.

Повышенное внимание привлекают при этом растущие в последние годы индийско-американские связи в оборонной сфере

Уже в одном из первых документов на эту тему (появившийся в 2003 г. совместный доклад Индийско-американские военные отношения: перспективы и оценки) прямо говорилось о целях США по «доступу к индийским военным базам и инфраструктуре в центре Азии и на важнейших морских коммуникациях». «Нам нужен друг, который сможет оказать военную помощь для устранения китайской угрозы», — приводилось в докладе мнение высокопоставленного адмирала ВМФ США³². В последующие годы эта линия активно реализовывалась. К 2016 г. Индия обрела статус «главного оборонного партнера США», который спустя три года был повышен уже до статуса «Партнер блока НАТО». А годом позже, взамен прежнего термина АТР, США активизировали концепцию Индо-Тихоокеанского региона (Indo-Pacific), в том числе переименовали в «Индо-Тихоокеанское» прежнее «Тихоокеанское военное командование США». По мнению многих экспертов, это, помимо прочего, стало явным жестом в сторону поощрения более активной индийской роли, «балансирующей Китай». Так, в опубликованной 1 июня 2019 г. Пентагоном Стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе, вновь подчеркивалось значение

31. India could suffer from speculative attitude amid China-US conflict. 19.05. 2020/Website of The Global Times (China). URL: [http:// https://www.globaltimes.cn/content/1188872.shtml](http://https://www.globaltimes.cn/content/1188872.shtml) (date of access 12.07.2020).

32. Военное сотрудничество США и Индии/ Образовательный портал Studbooks/ URL: https://studbooks.net/2211600/ekonomika/voennoe_sotrudnichestvo_indii (дата обращения: 08.04.2020).

для США «широкого стратегического сотрудничества с Индией», а предварял данный тезис целый раздел документа, где акцентированно говорилось о том «напоре», который Индо-Тихоокеанский регион испытывает со стороны КНР, «подрывающей международную систему»³³.

Другим примером такого рода служит поощрение (если не прямое подталкивание) Индии к участию в различного рода региональных структурах под своей эгидой («Трехсторонний диалог по безопасности США—Япония—Индия», «Четырехсторонний стратегический диалог» или QUAD, где к названной тройке присоединяется Австралия).

Показательно, как в Вашингтоне (США обычно нейтральны в территориальных спорах третьих стран) в июне 2020 г. прореагировали на столкновение в Ладакхе. Вскоре после инцидента госсекретарь М. Помпео не только четко возложил вину на Китай, но и заявил, что места планируемой передислокации зарубежных военных контингентов США будут определяться с учетом «угроз и провокаций», которые компартия Китая и его вооруженные силы несут, в частности Индии, странам Южно-Китайского моря. «Мы позаботимся, чтобы размещение наших сил должным образом соответствовало задаче противодействия Народно-освободительной армии КНР», — добавил глава американской дипломатии³⁴.

В свою очередь Нью-Дели, имея свои резоны, не скрывает цели путем отношений с США «создать приемлемый для Индии баланс региональных сил». В Совместной декларации по итогам визита (январь 2020 г.) в Индию Д. Трампа эта цель облечается в формулу «тесного партнерства, имеющего ключевое значение для свободного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона»³⁵. По более откровенной версии индийского экспертного сообщества, поддержание такого «баланса» и «сходство интересов с США» касается в первую очередь «отношений с Китаем», в частности озабоченностей, связанных «с китайским присутствием в островных государствах и стратегических портах, таких как Гвадар и Джибути»³⁶.

Исходя из собственных представлений о безопасности и задачи «сдерживать растущего и малопредсказуемого северного соседа», Индия, похоже, не отвергает и «многосторонние альянсы» по типу QUAD, хотя ведет себя в них весьма осторожно, отказавшись, к примеру, от американского предложения о совместном военно-морском патрулировании в ЮКМ.

Вместе с тем очевидно, что в итоге в треугольнике «Индия—Китай—США» Нью-Дели нацелен на прагматичное маневрирование. Деликатность подходов Индии отметил недавно видный отставной индийский дипломат Канвал Сибал: «У Индии есть свои собственные опасения по поводу враждебной политики Китая. Но при этом она не может безоговорочно «держаться за руку США», поскольку самостоятельно взаимодей-

33. THE DEPARTMENT OF DEFENSE Indo-Pacific Strategy Report./US Department of Defence Website. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (date of access 12.07.2020).

34. MICHAEL R. POMPEO. A new Transatlantic Dialogue. Speech. German Marshall Fund's Brussels Forum. June 25 2020/ Website of US Department of State. URL: <https://www.state.gov/a-new-transatlantic-dialogue/> (date of access 12.07.2020).

35. Joint Statement: Vision and Principles for United States-India comprehensive global strategic partnership/ 25.02.2020/ US President Administration Website. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-vision-principles-united-states-india-comprehensive-global-strategic-partnership/> (date of access 12.04.2020).

36. Sujan R. Chinoy. Indo-US Defence Partnership: Future Prospects/ Institute for Defence Studies and Strategic Analyses (India) Website. URL: <https://idsa.in/idsacomments/indo-us-defence-partnership-srchinoy-260620> (date of access 12.07.2020).

ствуует с Китаем и имеет с ним сходство интересов: например, по вопросам глобального управления, где Индия имеет разногласия с Западом»³⁷.

Однако в любом случае «американский фактор» остается серьезным раздражителем для Пекина, что в целом, конечно, не способствует укреплению китайско-индийского диалога.

Фактор Пакистана

Не меньшим поводом для разногласий, но на этот раз с выраженным беспокойством с индийской стороны, является «фактор Пакистана». Речь идет о давней «всепогодной дружбе» Пекина и Исламабада, которая, по мнению Нью-Дели, содержит серьезные риски для индийских интересов, поскольку индийско-пакистанские отношения носят на редкость нестабильный, если не сказать, порой, — откровенно враждебный — характер.

Еще на заре независимой Индии, когда в китайско-индийских отношениях только начала формироваться территориальная, тибетская и иные проблемы, Дж. Неру подчеркивал, что «Пакистан не имеет ничего общего ни с Китаем, ни с Тибетом, однако захочет воспользоваться ухудшением индийско-китайских отношений в своих интересах»³⁸. Позже такая оценка в Индии лишь укрепилась, и китайско-пакистанские военно-политические связи, включившие, по мнению Индии, и передачу Исламабаду китайских военно-ядерных технологий, на десятилетия стали одной из наиболее серьезных и перманентных причин для беспокойств в Нью-Дели.

Примеров завязанности «фактора Пакистана» на системную для отношений Китая и Индии пограничную проблему и на другие вопросы их двусторонней повестки насчитывается немало. В числе первых речь идет о китайско-пакистанском пограничном соглашении 1963 г., по которому КНР отошли порядка 7 тыс. кв. км (Транс-Каракорумский тракт) в Кашмире, всю территорию которого Индия считает своей. В Индии вряд ли забыли, что именно после подписания данного соглашения премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай заверил Пакистан, что впредь «будет защищать его по всему миру»³⁹. К этой же теме относится сюжет упомянутого экономического коридора «Китай—Пакистан», который также проходит через оспариваемые Нью-Дели и Исламабадом территории Кашмира (Гилгит-Балтистан).

Кроме того, Индия, постоянно испытывающая тяжелые последствия губительных террористических актов, не раз обвиняла Пакистан в бездействии в отношении находящихся на его территории баз террористов и даже в прямом поощрении их враждебной антииндийской активности. Понятно, что политика Китая, который, по оценке Индии, не только «уходит» от критики Пакистана, но и молчаливо поддерживает его подходы к вопросам терроризма, вызывает у Индии недовольство, более того, подталкивает ее к выводам, что в Пекине сознательно сохраняют эту разновидность «рычага» давления на Индию. Примером таких разногласий в последнее время служил вопрос о внесении в международные криминальные списки лидера исламистской группировки «Джаиш-е-Мухаммад» Масуда Азхара, который укрывается в Пакистане и, в частности, взял на себя ответственность за теракт с большим числом жертв 14 февраля 2014 г. в штате Джамму и Кашмир. Китай не один год был единственной страной в Совбезе ООН которая последо-

37. Amb. Kanwal Sibal. The India-U.S. Defense Relationship/EastWest Institute (NGO) Website. URL: <https://www.eastwest.ngo/idea/india-us-defense-relationship> (date of access 22.07.2020).

38. Цит. по: Китайский синдром в политике Индии. 09.08.2009/Вебсайт ИндоНет. URL: <https://indonet.ru/article/kitaiskii-sindrom-vo> (дата обращения: 08.04.2020).

39. Why did Pakistan give the Shaksgam Valley to China? What was India's reaction?/ «Quora» Website (India). URL: <https://www.quora.com/Why-did-Pakistan-give-the-Shaksgam-Valley-to-China-What-was-Indias-reaction> (date of access 22.07.2020).

вательно блокировала включение Масуда Азхара в упомянутые списки, и лишь весной 2019 г. снял свое «вето»⁴⁰.

Продолжает заботить Индию сотрудничество Китая и Пакистана в сфере обороны и ВТС. Так, летом 2018 г. индийские эксперты весьма внимательно наблюдали за визитом в КНР министра обороны Пакистана К.Д. Баджвы, когда стороны обсуждали уже не только поставки готовых партий оружия, но и вопросы совместного, в том числе лицензионного производства (многофункциональный истребитель-бомбардировщик, различные модификации ракет и т.п.)⁴¹. Подсчитано, что в 2014–2018 гг. на долю Пакистана пришлось 35% всех зарубежных оружейных поставок КНР⁴². В контексте визита неоднократно звучали также китайско-пакистанские планы по охране экономического коридора Китай—Пакистан (ЭККП) от террористической опасности, что практически неизбежно влечет за собой появление китайских военных на спорных территориях на севере Кашмира.

Кроме этого в последнее время в Индии с тревогой говорят о неафишируемой пакистано-китайской договоренности, касающейся строительства западнее Гвадара (район Дживани) китайской военной базы, обладающей, как и в Джибути, морской и сухопутной инфраструктурой⁴³.

Китай традиционно расценивает перечисленные озабоченности Индии, в том числе по базе в Дживани, как «беспочвенные»⁴⁴. Что касается ЭККП и линии его прохождения через Гималаи, то, похоже, Китай отвергает здесь индийские претензии в принципе.

В то же время Китай откровенно поддержал Пакистан в его «серьезных озабоченностях» в связи с тем, что в августе 2019 г. Индия упразднила штат Джамму и Кашмир и создала на его основе две союзные территории — Джамму и Кашмир и Ладакх. Заодно Пекин вновь напомнил тогда о своих взглядах на китайско-индийскую границу в Кашмире, что лишь усилило негативную роль «фактора Пакистана» в отношениях КНР и Индии⁴⁵.

Роль и интересы России

«Российский фактор» также проявляется в китайско-индийских отношениях, хотя его векторная направленность зачастую иная.

40. Очень большая двойка. Индо-китайское партнерство как альтернатива Pax Americana и Pax Sinica // Коммерсантъ. 18.04.2020 (дата обращения: 19.04.2020).

41. China to boost military cooperation with Pakistan: Report/Jul 12, 2018/ The Economic Times Website/ URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-to-authorise-pakistan-to-build-missiles-tanks-fc-1-xiaolong-combat-aircraft/articleshow/57684105.cms> (date of access 22.07.2020).

42. Round Table Discussion on 'China's Policy Towards South Asia: Implications for India. 16.07.2019./ Institute for Defence Studies and ategic Analyses (India) Website/ URL: <https://idsa.in/event/rt-chinas-policy-towards-south-asia-120719> (date of access 22.07.2020).

43. First Djibouti... now Pakistan port earmarked for a Chinese overseas naval base, sources say./ The South China Morning Post Website. 05.01.2018/. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2127040/first-djibouti-now-pakistan-port-earmarked-chinese> (date of access 22.07.2020).

44. By Rajeswari Pillai Rajagopalan for The Diplomat A New China Military Base in Pakistan?/ The Diplomat February 09, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/02/a-new-china-military-base-in-pakistan/> (date of access 22.07.2020).

45. Article 370: China says opposed to Ladakh as Union Territory/ The India Today Website. 06.08.2019/ URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-reaction-jammu-kashmir-article-370-1577915-2019-08-06> (date of access 22.07.2020).

Начнем с того, что в 1980-е — 1990-е годы как минимум три важных политических процесса, связанных с ролью Москвы, повлекли за собой достаточно очевидные последствия и для китайско-индийской линии. Это, во-первых, нормализация советско-китайских отношений в 1989 г., во-вторых, последующий распад СССР, но продолжившееся развитие отношений между КНР и новой Россией, и наконец, временное (но на деле имевшее место) ослабление в 1990-е годы внимания Москвы к еще недавно весьма тесным связям с Нью-Дели.

Все это предопределило усиление заинтересованности Индии в нормализации отношений с КНР, что и произошло в конце 1988 г. в ходе визита в Китай Р. Ганди. Как теперь очевидно, и «пекинский взгляд» на отношения с Нью-Дели оказался тогда весьма позитивным, допускавшим параллельное развитие отношений КНР и с РФ, и с Индией.

На рубеже веков экспертная конфигурация «Москва—Пекин—Нью-Дели» стала обретать достаточно необычный характер. Это было связано с усилиями Москвы по постепенному продвижению инициативы Е.М. Примакова, высказавшегося за создание структуры трехстороннего стратегического взаимодействия, известной сегодня как формат Россия—Индия—Китай (РИК). В результате виртуальный политологический треугольник с участием КНР, Индии и России обрел черты реально функционирующей международной структуры⁴⁶. Диалоговый формат РИК, официально возникнув в 2002 г. в виде первой трехсторонней встречи министров иностранных дел (к сегодняшнему дню таких встреч состоялось 17), уже вскоре дал толчок возникновению (2006 г.) вначале «четверки», а затем «пятерки» стран, входящих объединение БРИК/БРИКС. Параллельно, как государство-наблюдатель, Индия присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где основателями и главными действующими лицами изначально выступали РФ и КНР, а в 2017 г. вступила в ШОС уже в качестве полноформатного участника. Такое усиление взаимодействия в многосторонних форматах, во многом инициированных Россией, не могло не сказываться и на общем комплексе китайско-индийских отношений, которые, помимо прочего, обрели несколько дополнительных площадок для обсуждения двусторонних вопросов. Роль России, неформально востребованная, в частности через формат РИК, уже не в первый раз оказалась нелишней и в связи с китайско-индийской пограничной напряженностью мая—июля 2020. Состоявшаяся 23 июня 2020 г. по инициативе С.В. Лаврова видеоконференция министров иностранных дел стран РИК, не касаясь двусторонней повестки, стала свидетельством настроения Дели и Пекина продолжать работать вместе, невзирая на возросший градус проблем. Российская сторона, подчеркивая, что вопрос о границе является сугубо двусторонним, неизменно выступает за высокий уровень отношений между КНР и Индией, поскольку обе страны входят в число ее главных стратегических партнеров.

Разумеется, роль России не может представляться столь простой и однозначно позитивной «всегда и для всех». Очевидно, что и в Пекине, и в Нью-Дели достаточно внимательно наблюдают за диалогом друг друга с Москвой. Так, в КНР ранее не раз высказывалось мнение о том, что в сфере военно-технического сотрудничества РФ «отдает большее предпочтение Индии», поставляя ей те виды вооружений, в «которых отказывает Китаю». Сейчас такие оценки слышатся реже, что понятно: те же ЗРК С-400 «Триумф» Россия поставила в КНР уже к началу 2020 г., когда поставки данных систем в Индию еще находились в стадии реализации. Однако стоило Индии (вскоре после событий в Ладакхе) обратиться к РФ с просьбой ускорить поставки «Триумфов», а заодно и 33 российских истребителей, как это вновь вызвало достаточно очевидное «беспокойство»

46. Подр. см.: Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах многополярного мира. М., 2019. С. 102–138.

в КНР. В свою очередь, в Индии с неменьшим вниманием стремятся «не пропустить» каких-либо важных для себя перемен в российско-китайских отношениях.

Такое развитие событий вряд ли можно считать необычным для общей внешнеполитической практики. Равным образом оно вряд ли способно негативно сказаться на не идеальном, но достаточно высоком уровне нынешнего стратегического взаимодоверия, существующего у Москвы с Пекином и Нью-Дели. Очевидно, что для России важно сохранить этот уровень, сделать так, чтобы российско-китайская и российско-индийская стороны «треугольника» РИК развивались одинаково надежно и продуктивно. А этому может способствовать поддержание конструктивного стратегического диалога между КНР и Индией, дальнейшее развитие взаимодействия в РИК, БРИКС и ШОС, что одновременно снижало бы перспективу критического дрейфа Индии в сторону США.

Перспективы конструктивного диалога

Сложная картина современных китайско-индийских отношений делает трудными попытки прогнозов и выводов. Очевидные достижения соседствуют со многими проблемами, а порой нивелируются ими.

На протяжении многих лет в разговорах с китайскими и индийскими экспертами не раз звучал вопрос: что является главной проблемой? Версии ответов бывали разные. Назывались тибетская проблема, погранично-территориальный вопрос. Но наибольшие раздумья вызвал в свое время ответ, состоявший из одного слова — «доверие».

Действительно, системной проблемой, уходящей корнями в прошлое, как минимум, к событиям пограничной войны 1962 г., видится дефицит взаимодоверия — как стратегического, так и на бытовом уровне. А главным горячим материалом для такой ситуации служит реальная геополитическая и геоэкономическая конкуренция. Исторически она может быть связана с самим статусом двух крупных соседних стран — государств-цивилизаций, которые до начала XIX в. представляли половину мировой экономики, находятся ныне на траектории нового и совпавшего по времени подъема, а потому «обречены» в известном смысле на естественное соперничество.

Сегодня такая конкуренция чаще всего проявляется в Азии и в зоне Индийского океана. Индия давно говорит о китайской стратегии «жемчужного ожерелья» — создании в Мьянме, Непале, Шри-Ланке, на Мальдивах, в странах Восточной Африки сети опорных баз с целью «сдерживания Индии» и утверждения собственного доминирования⁴⁷. КНР, отвергая любые упреки в стремлении к гегемонии, напротив, практически в том же самом обвиняет Индию, в частности не признает индийский тезис о «естественных предпочтениях Индии в зоне Индийского океана». Соперничество за энергетические, политические и другие ресурсы имеет место в ряде других стран и районов (Центральная Азия, Иран, Афганистан).

Дефицит доверия и конкуренция — эти связанные между собой базовые категории служат фундаментом препятствий, которые лежат на пути решения пограничной, тибетской и других двусторонних проблем. А последние, обостряясь в своего рода «реверсном режиме», лишь подпитывают недостаток взаимодоверия.

Какими могут быть прогнозы на ближайшее будущее?

На фоне пограничного кризиса в 2020 г. в Ладакхе в ряде экспертных, в том числе западных, комментариев рассматривались риски крупной китайско-индийской войны,

47. Prabhash K Dutta. Can China really encircle India with its String of Pearls? The great game of Asia /India Times Official Website, June 15, 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-encircle-india-string-of-pearls-982930-2017-06-15> (date of access 22.07.2020).

которая в силу ядерного статуса обеих держав могла бы выйти не только за двусторонние, но и региональные рамки⁴⁸.

Думается, что такой теоретически не исключаемый сценарий, не только разрушительный для обеих сторон, но и несущий серьезные риски для многих стран, включая Россию, все же маловероятен. «Большая война» не нужна ни Китаю, ни Индии. Собственно об этом, несмотря на людские потери, свидетельствовала и достаточно сдержанная официальная реакция из обеих столиц, лейтмотивом которой стала задача «скорейшего поиска урегулирования и недопущения подобных инцидентов в будущем»⁴⁹.

Умозрительно возможен другой вариант. В соответствии с ним стороны, в хорошем смысле «напуганные» ситуацией на грани крупной войны, «срочно форсируют решение долговременных проблем», включая погранично-территориальный вопрос. Ликвидируется почва для базовых разногласий, создаются условия для укрепления взаимодоверия, на деле реализуется не раз декларированный тезис, что «в мире достаточно пространства для одновременного роста и Индии, и Китая»⁵⁰. Наверное, с точки зрения модальности представлений о принципах международных отношений, такое развитие событий было бы наиболее предпочтительным. Однако, с учетом груза застарелых проблем, внутренней реакции на них в Китае и, особенно, в Индии (здесь не забыт синдром поражения в войне 1962 г.), такой сценарий был бы излишне оптимистичным и также не слишком вероятным.

Не самым плохим и, думается, реалистичным сценарием было бы дальнейшее развитие алгоритма, который в целом сопровождал отношения двух стран в текущем столетии. Речь идет о параллельном продвижении позитивной (сотрудничество) и объективно негативной (разногласия и столкновения) тенденций, но при главном условии — *преобладании тенденции партнерства и взаимодействия*. Как показывает практика, именно позитивные накопления, в том числе созданные переговорные механизмы, в последние десятилетия не только позволяли развивать сотрудничество, но и, при обострении разногласий не раз удерживали стороны от «перехода красных линий». Так, собственно, происходило и в 2020 г., когда в опоре на подобные институциональные рычаги стороны подходили к урегулированию очередного кризиса на границе.

Надежду на жизнеспособность последнего сценария дают встречные официальные декларации. Даже сделанные в не лучший момент, они указывали на необходимость продолжения мирного диалога. Глава дипломатии КНР в телефонном разговоре со своим индийским коллегой 17 июня 2020 г. подчеркнул: «Взаимное уважение и взаимная поддержка отвечают долгосрочным интересам Китая и Индии»⁵¹. А неделей позже в пресс-релизе индийского МИД отмечалось, что скорейшее урегулирование в пограничных районах будет способствовать и «более широким отношениям между двумя странами»⁵².

48. There are growing fears military clashes along the India-China border could spark a nuclear World War 3./ The Sun Official Website/ June 18, 2020. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11893725/nuclear-world-war-3-india-and-china/> (date of access 22.07.2020).

49. Эксперты прокомментировали инцидент на границе Китая и Индии/Сайт агентства «Россия сегодня», 16.06.2020. URL: <https://ria.ru/20200616/1573010031.html> (дата обращения: 28.06.2020).

50. Wen says world big enough for India and China growth/Reuters Official Website, December 15, 2010. URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-china-idUSTRE6BE1BM20101215> (date of access 22.04.2020).

51. Ван И тун инду вайчжан Судзешэн тун дяньюа: [Ван И провел переговоры с министром иностранных дел Индии С. Джайшанкар] // Синьхуа. 17.06.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-06/17/c_1126127034.htm (дата обращения: 08.07.2020).

52. 15th Meeting of the Working Mechanism for Consultation & Coordination on India-China Border Affairs./ Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of India/ June 24, 2020. URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32785/>

Позитивные оценки высказаны и экспертами, которые, в частности, полагают, что Индия «не поддержит шаги США по обвинению КНР в распространении коронавируса». Умиротворяющую роль должны сыграть также общие интересы, контакты в форматах ШОС, БРИКС, РИК: обе стороны продолжают видеть их весьма важными в своей политике.

Есть основания рассчитывать, что именно такой путь будет, как и прежде, превалировать в непростых отношениях КНР и Индии, которые в 2005 г. обрели статус стратегических. А мирный и конструктивный диалог между двумя азиатскими гигантами еще сослужит службу интересам глобального и регионального мира, в том числе делу продуктивного взаимодействия Китая и Индии с Российской Федерацией.

Литература

- С. Строкань*. Индийский слон против китайского дракона/Сайт газеты «Коммерсант», 07.07. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4406417> (дата обращения: 08.07.2020).
- Уянаев С.* 30 лет китайско-индийской нормализации: возврат «на перекресток» или верность сотрудничеству и добрососедству? / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23.
- Уянаев С.* Россия—Китай—Индия: в контурах многополярного миропорядка. М.: Форум, 2019.
- Уянаев С.В.* Китай и Индия: отношения в начале нового столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1.
- Prabhash K Dutta*. Can China really encircle India with its String of Pearls? The great game of Asia /India Times Official Website, June 15, 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-encircle-india-string-of-pearls-982930-2017-06-15> (date of access 22.07.2020).
- Sujan R.* Chinoy.Indo-US Defence Partnership: Future Prospects/ Institute for Defence Studies and ategic Analyses (India) Website. URL: <https://idsa.in/idsacomments/indo-us-defence-partnership-srchinoy-260620> (date of access 12.07.2020).

References

- S. Strokan`*. Indijskij slon protiv kitajskog drakona/Sajt gazety` «Kommersant», 07.07. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4406417> (data obrashheniya: 08.07.2020).
- Uyanaev S.* 30 let kitajsko-indijskoj normalizacii: vozvrat «na perekrestok» ili vernost` sotrudnichestvu i dobrososedstvu? / Kitaj v mirovoj i regional`noj politike. Istoriya i sovremennost`. 2018. T. 23. № 23.
- Uyanaev S.* Rossiya—Kitaj—Indiya: v konturax mnogopoljarnogo miroporjadka. M.: Forum, 2019.
- Uyanaev S.V.* Kitaj i Indiya: otnosheniya v nachale novogo stoletiya // Problemy` Dal`nego Vostoka. 2009. № 1.
- Prabhash K Dutta*. Can China really encircle India with its String of Pearls? The great game of Asia /India Times Official Website, June 15, 2017. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/china-encircle-india-string-of-pearls-982930-2017-06-15> (date of access 22.07.2020).
- Sujan R.* Chinoy.Indo-US Defence Partnership: Future Prospects/ Institute for Defence Studies and ategic Analyses (India) Website. URL: <https://idsa.in/idsacomments/indo-us-defence-partnership-srchinoy-260620> (date of access 12.07.2020).

Публичная дипломатия как инструмент северокорейской политики США

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011583-2

Пугачева Оксана Сергеевна

Аспирант кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (У) МИД. E-mail: ksusha2739@bk.ru.

Аннотация:

Информационно-пропагандистские программы — основной инструмент, используемый США для обеспечения международной поддержки своего внешнеполитического курса в отношении КНДР, а также давления на северокорейский режим и попыток выйти на северокорейскую аудиторию. Хотя ключевой целью внешней политики США в отношении КНДР выступает денуклеаризация Северной Кореи, в качестве условия конвенционализации КНДР выдвигаются требования трансформации северокорейского режима. Автор приходит к выводу, что США продолжают проводить агрессивную информационную публичную дипломатию в отношении Пхеньяна ввиду нарастания конкуренции с Китаем и неготовности Вашингтона к включению КНДР в международное сообщество без трансформации ее политической системы.

Ключевые слова:

Публичная дипломатия США, денуклеаризация, права человека, Корейский полуостров, КНДР, США, трансформация северокорейского режима.

Для цитирования:

Пугачева О.С. Публичная дипломатия как инструмент северокорейской политики США // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 42–57. DOI: 10.31857/S013128120011583-2.

Public Diplomacy as an Instrument of the U.S. North Korean Policy

Oksana Pugacheva

Postgraduate student of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (U) MFA. E-mail: ksusha2739@bk.ru.

Abstract:

Public diplomacy propagandistic programs have become the main tool used by the United States to provide international support for the US foreign policy towards North Korea as well as exercise information pressure on the North Korean regime and attempt to penetrate the North Korean audience. Despite the fact that the key goal of American foreign policy and public diplomacy with regard to the DPRK is the denuclearization of North Korea, the requirements for the transformation of the North Korean regime are put forward as a condition for the conventionalization of the DPRK. The author concludes that the United States will continue to conduct aggressive informational public diplomacy regarding the DPRK due to increased competition with China and Washington's unwillingness to include the DPRK in the international community without transforming the North Korean political system.

Key words:

US public diplomacy, denuclearization, human rights, the Korean Peninsula, North Korea, USA, transformation of the North Korean regime.

For citation:

Pugacheva O.S. Public Diplomacy as an Instrument of the U.S. North Korean Policy // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 42–57. DOI: 10.31857/S013128120011583-2.

Под публичной дипломатией понимается политика воздействия правительства одного государства на общество другого государства в политических целях как по государственным, так и негосударственным каналам¹. Автор классической современной концепции «публичной дипломатии» Э. Гуллион понимал под публичной дипломатией «средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения»².

Руководство США рассматривает публичную дипломатию в качестве важного инструмента реализации американских внешнеполитических интересов и обеспечения национальной безопасности США³. Деятельность США в области публичной дипломатии концентрируется на культурных, академических и образовательных обменах, информационных программах и цифровом взаимодействии с иностранной аудиторией.

Северная Корея, наряду с Россией, КНР, Ираном, Кубой, отнесена к приоритетным направлениям для приложения американских усилий в области информационной публичной дипломатии⁴. В данной статье рассматривается, каким образом США используют инструменты публичной дипломатии для реализации своей внешнеполитической стратегии на Корейском полуострове.

Внешиполитические интересы США и их политика в сфере ядерной проблематики Корейского полуострова

Краеугольным камнем американской внешней политики в отношении Северной Кореи выступает денуклеаризация КНДР. При этом, если до 2016–2017 гг. ядерные испытания КНДР представлялись в качестве угрозы интересам США в Восточной Азии и режиму нераспространения, то после испытания северокорейским режимом баллистической ракеты, способной достичь американских мегаполисов, стал вопрос о потенциальной прямой угрозе непосредственно Соединённым Штатам⁵. Насколько эта угроза реальна — отдельный разговор. Российские исследователи полагают, что ракетная угроза КНДР преувеличена⁶. Вместе с тем ядерные и ракетные испытания КНДР выступают «функциональной угрозой», позволяющей США реализовывать их геополитические интересы.

Прежде всего, это сохранение американского военно-политического доминирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сдерживание Китая, конкуренция с которым за лидирующие позиции в регионе стала набирать обороты с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина и поворотом США к Азии в период президентства Б. Обамы. Важнейшим элементом обеспечения этих интересов является система военных союзов с рядом стран региона, включая Республику Корея, и присутствие американского военного контингента

1. *Лебедева М.М.* Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2017. С. 8–9.
2. Цит. по *А.В. Лукин.* Публичная дипломатия // *Международная жизнь.* 2013. № 3. С. 70.
3. A Message to the Public Diplomacy Community by Richard Stengel, Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs, Washington, DC, February 18, 2014. URL: <https://2009–2017.state.gov/r/remarks/221768.htm>.
4. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting: Focus on Fiscal Year 2017 Budget Data. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2018-ACPD.pdf>.
5. *Chanlett-Avery E., Manyin M.E., Nikitin M.B.D., Campbell C.E., Mackey W.* CRS Report R41259, North Korea: U.S. Relations, Nuclear Diplomacy, and Internal Situation, July 27, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41259.pdf>.
6. *Михеев В.В., Федоровский А.Н.* (ред.) Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 37.

на юге Корейского полуострова. Оправданием нахождения войск США в Республике Корея, а также размещения на южнокорейской территории элементов системы ПРО как раз и служит неурегулированность корейского вопроса. Кроме того, интересам США не отвечают возможные альтернативы текущей ситуации и риски их реализации.

В целом США устраивал бы статус-кво, существовавший до испытания КНДР ядерного оружия. Их реактивную, а не инициативную политику в отношении Северной Кореи определяли существовавшая ранее заинтересованность США в сохранении статус-кво на Корейском полуострове, отвлечение внешнеполитического внимания на другие регионы, а также отсутствие эффективных рычагов воздействия на КНДР. Однако с появлением успехов северокорейцев в ядерной сфере ситуация стала грозить выйти из-под контроля (в частности, за КНДР может последовать Япония, которая обладает замкнутым ядерным циклом). В таком случае рухнет вся выстроенная США система безопасности в АТР. Поэтому по мере развития ядерной программы КНДР главной целью северокорейской политики США становилась денуклеаризация КНДР.

Поставив ее во главу угла, различные администрации США ужесточали курс в отношении северокорейского государства в рамках стратегии сдерживания. В военно-политическом плане сдерживание основывалось на американских двусторонних военно-политических союзах с Южной Кореей и Японией, а также на выстраивании военно-политических связей с проведением регулярных консультаций в треугольнике РК — США — Япония. Кроме того, стратегия сдерживания включала оказание дипломатического давления на северокорейский режим.

Администрация Дж. Буша-мл. придерживалась мер «жесткого сдерживания» КНДР, выражавшихся в политическом и финансовом давлении, ограничении экономических связей и вынесении северокорейской ядерной проблемы на обсуждение Совета Безопасности ООН⁷. Б. Обама и Д. Трамп продолжили этот курс. В основе «стратегического терпения» Б. Обамы лежало наращивание санкционного давления и дипломатической изоляции КНДР, для чего активно использовали площадку ООН. США оказывали давление на третьи страны, с тем чтобы они прекратили официальные контакты и экономические отношения с северокорейским режимом. При этом ключевая роль в принуждении Северной Кореи к денуклеаризации отводилась Китаю, так как признавалась малоэффективность давления на КНДР без его поддержки как ключевого торгового партнера Северной Кореи⁸.

Администрация Б. Обамы провозглашала готовность к переговорам, но обусловливала ее шагами КНДР в сфере выполнения своих обязательств по денуклеаризации. Вместе с тем ливийские события и «арабская весна» стали наглядным примером, убедившим КНДР в необходимости продолжить разработку ядерного оружия и средств его доставки.

Политика Трампа в отношении КНДР по сути не претерпела особых изменений по сравнению со «стратегическим терпением». Провозглашенный курс «максимального давления» стал логическим продолжением линии Б. Обамы. Жесткий, сопровождаемый агрессивной риторикой курс администрации Д. Трампа был направлен на то, чтобы заставить руководство КНДР сесть за стол переговоров, обеспечив при этом северокорейцам наилучшие переговорные условия⁹. В итоге после долгого перерыва США и КНДР

7. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров; метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 429.

8. Chanlett-Avery E., Manyin M.E., Nikitin M.B.D., Campbell C.E., Mackey W. CRS Report R41259, North Korea: U.S. Relations, Nuclear Diplomacy, and Internal Situation, July 27, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41259.pdf>.

9. Tabatabai A. Maximum Pressure Yields Minimum Results // Foreign Policy. March 6, 2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/06/maximum-pressure-yields-minimum-results/>.

вновь вступили в переговоры по вопросу ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако начало переговорного процесса было обусловлено не только давлением США и их готовностью к диалогу, но и заинтересованностью северокорейского режима, который получил сильные «козыри» в виде усиления потенциала ракетно-ядерного сдерживания.

Кроме того, на международной арене складывались условия, которые позволяли КНДР прорвать единый фронт давления. Во-первых, это обострение конкуренции и «торговая война» между США и Китаем, которая снижала согласованность действий по корейскому вопросу и стремление Китая поддерживать и повышать планку давления в отношении КНДР. Во-вторых, в Южной Корее к власти пришли прогрессисты, выступавшие за налаживание отношений с Севером и выведение из-под международных санкций межкорейских экономических проектов. В-третьих, очередное обострение отношений между Южной Кореей и Японией ограничивало сотрудничество по ЯПКП в треугольнике «Республика Корея — США — Япония».

Новой особенностью переговорного процесса с КНДР стала вовлеченность в него лично президента США, а также «саммитовая» дипломатия на уровне лидеров государств. При этом ряд исследователей критикуют подобный подход Д. Трампа, утверждая, что саммиты между США и КНДР лишь легитимизируют Ким Чен Ына¹⁰ и КНДР в качестве ядерной державы¹¹.

Тем не менее подход США к решению ядерной проблемы Корейского полуострова не изменился: они по-прежнему настаивают на «полной, верифицируемой и необратимой денуклеаризации» КНДР. Отказ США от комплексного подхода к вопросу решения проблем Корейского полуострова и нежелание заниматься причинами, побудившими КНДР обратиться к ядерному сдерживанию как гаранту сохранения режима и независимости страны вылились в превращение Северной Кореи де-факто в ядерное государство. Ранее целью ядерных разработок и ракетных испытаний КНДР было стремление вступить в прямой диалог с США и добиться от них признания и гарантий безопасности путем заключения мирного договора. Теперь КНДР обладает собственным сдерживающим ядерным потенциалом и добивается признания себя ядерной державой, не отказываясь от нормализации отношений с США.

Большинство американских исследователей, отмечает руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН А.З. Жебин, довольно скептически относятся к возможности отказа КНДР от ракетно-ядерной программы, которую режим с таким трудом реализовывал, и которая позволила ему выйти на прямой диалог с США¹². Однако США не могут признать ядерного статуса КНДР, в том числе по политическим причинам. В интересах США было бы как можно дольше сохранять статус-кво в регионе, которое А.Н. Панов охарактеризовал как «стабильная нестабильность»¹³. Разумеется, США заинтересованы в такой нестабильности, при которой их положение в регионе стабильно. Ядерная Северная Корея трансформирует военно-политическую систему в регионе, представляя угрозу американским позициям и экономическим интересам в нем. В этих условиях США продолжают курс на повышение издержек КНДР от облада-

10. *Mcfaul M.* Trump's denuclearization strategies for Iran and North Korea are totally opposite. Why? // The Washington Post. March 2, 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/03/01/trumps-denuclearization-strategies-iran-north-korea-are-totally-opposite-why/>

11. *Purayil M. P.* Trump's Twitter Engagement with North Korea: A Public Diplomacy Perspective // Journal of International Affairs. July 19, 2019. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/online-articles/trump%E2%80%99s-twitter-engagement-north-korea-public-diplomacy-perspective>.

12. *Жебин А.З.* Денуклеаризация Корейского полуострова: забытые аспекты // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 29–39.

13. *Примаковские чтения 2019. Возвращение к конфронтации: есть ли альтернативы? Сборник материалов международного форума.* Москва, 10–11 июня, 2019 г. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 35.

ния ядерным оружием. Одновременно, несмотря на то, что денуклеаризация выступает ключевой целью американской внешней политики в отношении КНДР, в качестве условия конвенционализации Северной Кореи всё чаще выдвигаются требования трансформации северокорейского режима. Значительная роль в реализации данных внешнеполитических установок отводится публичной дипломатии.

Северокорейское направление публичной дипломатии США: денуклеаризация и права человека

После развала социалистического содружества, распада Советского Союза и налаживания китайско-южнокорейских отношений в США ожидали быстрого коллапса северокорейского режима. Эти ожидания были связаны также с внутренними событиями, происходившими в КНДР — смертью лидера—основателя КНДР Ким Ир Сена в 1994 г., тяжелейшим голодом, столкнувшись с которым власти были вынуждены закрыть глаза на развитие черного рынка и «приоткрыть» страну остальному миру, впуслав на северокорейскую территорию международные неправительственные организации, чтобы справиться с ситуацией.

Однако несмотря на внутренние трудности и неблагоприятную международную среду, северокорейская политическая система продемонстрировала устойчивость. В частности, стала очевидным, наивность предположений, что пропаганда среди населения Северной Кореи свободы и экономического процветания в Южной Корее приведет к его массовой миграции на юг полуострова¹⁴. Нежелание американцев, убежденных в неминуемом падении режима, признать КНДР стимулировало северокорейское руководство продолжать развивать ракетно-ядерные программы для обеспечения независимости страны и сохранения существующего политического строя.

Пришедшая к власти в США в 2000 г. администрация Дж. Буша-мл. сделала ставку на смену режимов в неугодных для США странах, включённых ими в так называемую ось зла. Как отмечает Р. Хаас, в понимании Дж. Буша смена режима предполагала применение военной силы или тайных операций, а также экономическую и политическую изоляцию соответствующего правительства¹⁵. Вместе с тем именно администрация Дж. Буша-мл. инициировала использование публичной дипломатии путем задействования внешнеполитических инструментов, которые, по мнению Р. Хааса, необходимы для осуществления постепенной эволюционной смены режима — стратегического использования телевидения, радио и Интернета.

Ключевым нарративом информационного давления на КНДР стал вопрос защиты прав человека. В 2004 г. сенат США принял Акт по правам человека в Северной Корее, целями которого провозглашались продвижение и защита в ней прав человека, обеспечение свободного потока информации в КНДР, а также продвижение процесса мирного объединения Корейского полуострова под управлением демократического правительства¹⁶. Акт устанавливал, что вопрос прав человека является ключевым в «будущих переговорах между США, Северной Кореей и другими заинтересованными сторонами в Северо-Восточной Азии». США обратились к приему «увязывания», неко-

14. *Kretchun N.* The Need for a New US Information Strategy for North Korea. Special Report. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2019-07/sr_451-the_need_for_a_new_u.s._information_strategy_for_north_korea.pdf.

15. *Хаас Р.* Смена режима и пределы ее эффективности // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smena-rezhima-i-predely-ee-effektivnosti/>.

16. An Act to promote human rights and freedom in the Democratic People's Republic of Korea, and for other purposes. October 18, 2004. URL: <https://www.congress.gov/108/plaws/publ333/PLAW-108publ333.htm>.

гда использованному в переговорах с СССР и заключающемуся в продвижении к договоренностям в военной области вместе с обсуждением вопросов защиты прав человека. Однако в случае с Северной Кореей «увязка» с правами человека служила для того, чтобы тормозить переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова, и в совокупности с мерами «строгого сдерживания» была ориентирована на изменение северокорейской политической системы.

Принятие Акта позволило выделять средства для финансирования мероприятий в области публичной дипломатии, направленных на подрыв существующего в КНДР строя. Основными направлениями деятельности стали радиовещание, которое намеревались довести до 12 часов в сутки, грантовая поддержка неправительственных организаций, реализующих проекты по продвижению прав человека, демократии, верховенства закона и развития рыночной экономики в КНДР, разработка и внедрение технических средств, повышающих доступ граждан Северной Кореи к информации извне, а также продвижение вопроса защиты прав человека в Северной Корее на различных площадках ООН. Так, еще в 2003 г. при поддержке США Комиссия по правам человека ООН приняла резолюцию 2003/10 по соблюдению прав человека в КНДР, в которой выражалась озабоченность по поводу сообщений о «систематических, широко распространенных и грубых» нарушениях прав человека¹⁷.

Администрация Б. Обамы продолжила использовать те же инструменты публичной дипломатии, что и предыдущая администрация, т.е. информационные кампании и радиовещание. Важным направлением внешней политики и публичной дипломатии оставалось продвижение повестки о правах человека в КНДР в ООН. В 2013 г. Советом по правам человека ООН была создана Комиссия по расследованию нарушений прав человека в Северной Корее. В 2014 г. эта Комиссия опубликовала доклад, в котором устанавливался факт совершения в КНДР преступлений против человечности и содержалась рекомендация привлечения виновных за них к ответственности путем передачи дел в Международный уголовный суд¹⁸.

Отличительной особенностью политики Вашингтона в период администрации Б. Обамы стало увязывание с вопросом защиты прав человека не только переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова, но и нормализации американо-северокорейских отношений в целом. Во время слушаний в Комитете по международным делам Конгресса США специальный представитель США по Северной Корее Глен Дэвис подчеркнул, что отношения между двумя странами не могут фундаментально улучшиться без прогресса в межкорейских отношениях и ситуации с правами человека в КНДР¹⁹.

Подобный подход США может объясняться тем фактом, что именно нормализация отношений и конвенционализация северокорейского государства, по мнению некоторых американских исследователей, представляет наибольший интерес для КНДР и поэтому является рычагом воздействия на северокорейский режим²⁰. Вместе с тем данная

17. Commission on Human Rights Resolution 2003/10: Situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea, April 16, 2003. URL: <https://www.refworld.org/docid/43f313210.html>.

18. Асмолов К. Права человека в Северной Корее и комиссия ООН Часть 1 // Новое восточное обозрение. 8 марта 2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/03/08/prava-cheloveka-v-severnoj-koree-i-komissiya-onn-chast-1/>.

19. Testimony of Glyn T. Davies, Special Representative for North Korea Policy U.S. Department of State, before the Senate Committee on Foreign Relations, Washington, DC, March 7, 2013. U.S. Policy toward North Korea. URL: https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Ambassador_Davies_Testimony.pdf.

20. See: Friedman U. Inside the Collapse of Trump's Korea Policy // The Atlantic. December 19, 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/12/donald-trump-kim-jong-un-north-korea-diplomacy-denuclearization/603748/>; Rosenberger L. Trump's summit with Kim shows the dangers of

позиция США не представляется конструктивной для решения ядерной проблемы Корейского полуострова, так как возникает «замкнутый круг»: КНДР рассматривает вопрос денуклеаризации только в контексте налаживания двусторонних отношений и отказа США от враждебной политики в отношении Пхеньяна. США же, в свою очередь, обусловливают нормализацию отношений изменением внутренней политики руководства в том направлении, которое несет риски для сохранения режима, что, с точки зрения КНДР, является проявлением враждебности и требует усиления северокорейского потенциала ядерного сдерживания.

Что касается упоминания Г. Дэвисом межкорейских отношений, то необходимо отметить, что эти слова были сказаны в период нахождения у власти в Южной Корее консерваторов. Новая администрация во главе с Пак Кын Хе, как и предыдущая администрация Ли Мен Бака, придерживалась жесткого курса в отношении КНДР, обуславливая любой прогресс в двусторонних отношениях предварительными шагами КНДР к денуклеаризации и проводя агрессивную пропагандистскую кампанию по объединению Кореи, которое, по убеждению южнокорейского руководства, наступит в ближайшем будущем в результате коллапса северокорейского режима.

Принятие в 2016 г. Закона об усилении санкций и политики в отношении Северной Кореи стало свидетельством ужесточения позиции США в вопросе нарушения прав человека в КНДР. В отличие от предыдущих законов, устанавливающих санкции, новый закон обязывает президента налагать санкции на любое физическое или юридическое лицо, замеченное в нарушении прав или осуществлении цензуры и потворствовании им²¹. Первые санкции против КНДР, связанные с нарушением прав человека, были введены в июле 2016 года²².

С приходом к власти в США администрации Д. Трампа Северная Корея заняла одно из центральных мест в американской внешней политике. Ключевым нарративом выступлений официальных лиц и информационных кампаний по корейской проблеме стал в первую очередь вопрос денуклеаризации Корейского полуострова. Тема защиты прав человека в Северной Корее сохранялась, но играла вспомогательную роль в выполнении ключевой задачи — обеспечении международной поддержки американской политики «максимального давления» с целью денуклеаризации КНДР. Для усиления «максимального давления» Северная Корея вновь была включена в список «государств-спонсоров терроризма», так как возвращение ее в данный список означает дополнительные санкции и новый виток стигматизации КНДР²³.

Вместе с тем администрация Д. Трампа сигнализировала о готовности вступить с КНДР в переговоры. Госсекретарь США Рекс Тиллерсон заявил в августе 2017 г., что США не добиваются смены режима в КНДР и не стремятся к объединению двух Корей²⁴.

too much self-confidence // The Washington Post. July 13, 2018.

URL: <https://www.washingtonpost.com/news/posteverything/wp/2018/06/13/trump-surrendered-u-s-leverage-over-kim-he-got-almost-nothing-in-return/>.

21. *Go Myong-Hyun*. US-North Korea Negotiations: Whither the Human Rights // Italian Institute International Political Studies. June 11, 2018. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/us-north-korea-negotiations-whither-human-rights-issue-20765>.
22. *Асмолов К.* Санкционное и дипломатическое давление США на КНДР не ослабевает // Новое восточное обозрение. 11 января 2019. URL: <https://ru.journal-neo.org/2019/01/11/sanktsionnoe-i-diplomaticheskoe-davlenie-ssha-na-kndr-ne-oslabevaet/>.
23. *Асмолов К.* КНДР снова в списке стран-спонсоров терроризма // Новое восточное обозрение. 22 ноября 2017. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/11/22/kndr-snova-v-spiske-stran-sponsorov-terrorizma/>.
24. *Тиллерсон*: США не хотят смены режима в КНДР. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/08/02/727705-tillerson-kndr>.

Также оставалась незанятой должностью специального представителя США по вопросам прав человека в Северной Корее, которая была учреждена Актом 2004 года.

Стремясь добиться успеха в вопросе денуклеаризации Корейского полуострова, давление в отношении прав человека в КНДР США снизили. Вопрос о соблюдении прав человека не был упомянут в совместной декларации, подписанной американским президентом Д. Трампом и руководителем КНДР Ким Чен Ыном по итогам саммита в Сингапуре в июне 2018 г.²⁵. После начала американо-северокорейских переговоров по денуклеаризации официальная американская риторика по вопросу прав человека в КНДР была смягчена, что проявилось уже при сравнении ежегодных посланий Д. Трампа к Конгрессу в 2018 и 2019 годах²⁶. По инициативе США ни в 2018, ни в 2019 гг. не проводилось обсуждение ситуации с правами человека в КНДР в Совете Безопасности ООН, проходившее ежегодно в декабре, начиная с 2014 г., и вызывавшее протесты руководства КНДР, квалифицировавшего подобные действия как провокацию²⁷.

Стоит иметь в виду, что республиканская администрация во главе с Д. Трампом строит внешнюю политику на прагматических началах, не обременяя ее ценностными установками, особенно тогда, когда это контрпродуктивно для американских интересов.

Политика Д. Трампа по вопросу прав человека в КНДР вызвала недовольство в Конгрессе и получила негативные оценки исследователей. В частности, по мнению сопредседателя Комиссии по правам человека Тома Лантоса, американская политика в вопросе защиты прав человека должна быть более последовательной и не отходить на второй план, как только начинаются переговоры по денуклеаризации²⁸.

Высказываются опасения, что если денуклеаризация и улучшение ситуации с правами человека в КНДР не будут продвигаться параллельно, то соглашение по вопросу денуклеаризации, включающее гарантии безопасности КНДР со стороны США, будет рассматриваться в США и в мире как свидетельство использования «ядерного рычага» для защиты северокорейского режима от привлечения к ответственности за нарушение прав человека²⁹.

Необходимость включения защиты прав человека в широкое соглашение обосновывают тем, что «страна, совершающая преступления против человечности, останется источником глобальной нестабильности»³⁰. По словам В. Ча, угрозу представляют не только ракетная и ядерная программы КНДР, но и правительство, обладающее ядерным

25. Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit, June 12, 2018.

URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/>.

26. King Robert R. Congress Affirms Concern for North Korea Human Rights: Extends Human Rights Act. Center for Strategic and International Studies, July 12, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/congress-affirms-concern-north-korea-human-rights-extends-human-rights-act>.

27. Ромашенко С. США блокировали заседание Совбеза ООН по правам человека в КНДР. URL: <https://p.dw.com/p/3UWMW>.

28. North Korea: Denuclearization Talks and Human Rights. Hearing before the Tom Lantos Human Rights Commission, House of Representatives, One Hundred and Fifteenth Congress, Second Session, September 13, 2018. P. 6. URL: https://humanrightscommission.house.gov/sites/humanrightscommission.house.gov/files/documents/North%20Korea_Final.pdf.

29. Go Myong-Hyun. US-North Korea Negotiations: Whither the Human Rights // Italian Institute International Political Studies. June 11, 2018. URL: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/us-north-korea-negotiations-whither-human-rights-issue-20765>.

30. North Korea: Denuclearization Talks and Human Rights. Hearing before the Tom Lantos Human Rights Commission, House of Representatives, One Hundred and Fifteenth Congress, Second Session, September 13, 2018. P. 41. URL: https://humanrightscommission.house.gov/sites/humanrightscommission.house.gov/files/documents/North%20Korea_Final.pdf.

оружием и совершающее преступления против своих граждан³¹. Поэтому, утверждает он, политика США не может быть направлена только на решение вопросов, связанных с безопасностью. Он предлагает инкорпорировать улучшение ситуации с правами человека в КНДР в повестку дня по денуклеаризации и в качестве приоритетной задачи указывает необходимость увеличивать поток информации в Северную Корею, считая, что доступ к внешней информации является базовым правом человека.

Таким образом, вопрос прав человека становится все более самостоятельным фактором американо-северокорейских отношений, который инструментально используется США в их северокорейской политике. Несмотря на то что в периоды двусторонних переговоров американское давление на официальном уровне по вопросу соблюдения прав человека в Северной Корее снижалось, происходила постепенная институционализация данной проблематики на международной арене и в самих США. При этом вопрос соблюдения прав человека в КНДР превратился в элемент внутренней американской политической повестки, который в настоящее время используется противниками Д. Трампа. В этой связи, как отмечает Г.Д. Толорая, ситуация на Корейском полуострове и переговорный процесс между США и КНР становятся зависимыми от американской политической конъюнктуры. В свою очередь, по мере того как переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова оказались в тупике, все больше представителей американских политических кругов и экспертного сообщества настаивают на продолжении линии на непризнание и стигматизацию КНДР, оказание давления, в том числе по вопросу защиты прав человека.

Инструменты публичной дипломатии администрации Д. Трампа по корейскому вопросу

Публичная дипломатия администрации Д. Трампа по корейскому вопросу нацелена на международное общественное мнение и северокорейскую аудиторию, при этом её главным объектом является международное сообщество, в частности страны, отношения с которыми чувствительны для КНДР (Китай и страны Юго-Восточной Азии, на которые приходится свыше 90% торгового оборота страны).

Основным инструментом публичной дипломатии для обеспечения международной поддержки американского курса в отношении КНДР стали международные СМИ. Доминирование западных СМИ в формировании международной повестки обеспечивает США преимущества для информационного сопровождения своей внешней политики, в том числе в отношении Северной Кореи. Президент Д. Трамп активно использовал платформу Twitter для воздействия на международное общественное мнение, в частности для оказания давления на Китай. США предпринимают также попытки для вовлечения в неформальный диалог по северокорейской проблеме на уровне дипломатии «второй дорожки» китайских стратегов, занимающихся разработкой северокорейской политики, и аналитиков из Южной Кореи и Японии для обмена мнениями, согласования целей и подходов вразрез с вызовами, которые бросает северокорейский режим³².

Еще одним форматом публичной дипломатии является программа американских спикеров, в рамках которой известные американские эксперты взаимодействуют с зару-

31. *Cha V.* Statement before the Tom Lantos Human Rights Commission “North Korea: Denuclearization Talks and Human Rights”. Washington D.C., September 13, 2018. P. 3.

URL: <https://humanrightscommission.house.gov/sites/humanrightscommission.house.gov/files/documents/Victor%20Cha%20testimony-%20North%20Korea%20hearing.pdf>.

32. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data, p. 202. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>.

бежной аудиторией путем организации различных лекций, семинаров, совещаний на темы, представляющие стратегический интерес для США. В рамках этой программы председатель Центра азиатских исследований Фонда «Наследие» Уолтер Ломэн выступил в 2019 г. в Гуанчжоу и Шэньяне на тему индо-тихоокеанской стратегии, затронув при этом вопрос Северной Кореи³³. Особенность данной программы заключается в том, что она позволяет обсуждать острые вопросы, которые часто не могут быть предметом диалога на правительственном уровне³⁴.

В мае 2017 г. и ноябре 2018 г. по программе публичной дипломатии американского правительства «Инициатива молодых лидеров Юго-Восточной Азии» были организованы специальные туры для журналистов и блогеров из стран Юго-Восточной Азии в демилитаризованную зону на границе между Северной и Южной Кореей и место расположения Тихоокеанского командования США. Участники туров встретились с военными, представителями правительства, «мозговых центров» и неправительственных организаций США и Южной Кореи. По результатам этой программы каждый из приглашенных журналистов должен был опубликовать от 3 до 6 статей. Цель программы состояла в продвижении американского видения ситуации и интересов на Корейском полуострове в информационном пространстве стран ЮВА и воздействии посредством общественного мнения в этих странах на политику их правительств. Как отмечается в ежегодном Докладе публичной дипломатии и международном вещании за 2017 г., подготовленном Комиссией по публичной дипломатии при Госдепартаменте США, отчетная волна публикаций в изданиях стран ЮВА отличалась утверждениями о необходимости государств региона «быть более ответственными и прилагать усилия для изменения репрессивной и воинственной политики северокорейского режима»³⁵.

Постоянный обмен мнениями посредством научных обменов и мероприятий происходит между мозговыми центрами США и их союзников в АТР — Южной Кореей и Японией. Это позволяет США участвовать в выработке и направлять общий дискурс исследований по северокорейской тематике, отвечающий интересам США.

При Д. Трампе продолжились попытки предыдущих администраций выйти на северокорейскую аудиторию путем использования радиовещания. Основными средствами американского радиовещания на КНДР являются «Голос Америки» и радиовещание «Свободная Азия», которые вещают на средних и длинных волнах, через спутники, а также при помощи Интернета (веб-сайт, мобильные приложения, социальные медиа). За три года президентства Д. Трампа время вещания радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Азия» незначительно увеличилось с 42 и 34 часов в неделю соответственно до 48,25 и 42 часов³⁶.

Основными темами радиопередач являются права человека и другие вопросы внутривнутриполитической жизни в Северной Корее, южнокорейская культурно-развлекатель-

33. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2018 Budget Data. P. 114–115. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/2019-ACPD-Annual-Report.pdf>.

34. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2018 Budget Data. P. 114–115. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/2019-ACPD-Annual-Report.pdf>.

35. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data, p. 205. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>.

36. См. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data, p. 205. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>; Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2018 Budget Data. P. 114–115. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/2019-ACPD-Annual-Report.pdf>.

ная тематика, личный опыт северокорейских беженцев, живущих в других странах, а также отношение международного сообщества к ядерной и ракетной программам КНДР³⁷.

В 2012 г. InterMedia при поддержке госдепартамента США провела исследование по оценке медиа-пространства в КНДР и доступа ее граждан к иностранным СМИ. В отчете отмечалось, что северокорейскому правительству все сложнее контролировать доступ граждан к зарубежным источникам информации³⁸. В этом видится возможность, которой необходимо воспользоваться для стимулирования социальных изменений в Северной Корее.

Кроме того, деятельность по информационному воздействию на северокорейскую элиту рассматривается некоторыми исследователями как один из инструментов достижения денуклеаризации КНДР путем раскола северокорейской элиты и генерирования внутренних угроз для власти Ким Чен Ына³⁹. По мнению Б. Боумэна и Д. Максвелла, это должно заставить северокорейского лидера отказаться от ядерного оружия. При этом авторы выделяют три целевые аудитории американского информационного воздействия — элита, руководство второго уровня и народ, для каждой из которых предлагается транслировать различные «сообщения», нацеленные в конечном итоге на смену режима в КНДР.

Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений госдепа США выделяет финансирование неправительственным организациям, осуществляющим проекты по поддержке прав человека и свободного потока информации на территории КНДР⁴⁰.

Национальный фонд поддержки демократии», деятельность которого финансируется из госбюджета США, также представляет гранты для южнокорейских неправительственных организаций, в частности Citizen Alliance for Human Rights in North Korea, Network for Democracy in North Korea, Duri Hana, Unification Media Group.

Последней принадлежит южнокорейская интернет-газета Daily NK, освещающая вопросы, связанные с КНДР. Проекты включают контрабанду USB-флешек, электронных книг, аудио- и видео материалов, агитационных листовок на территорию КНДР, трансляцию радиопередач организациями, возглавляемыми северокорейскими перебежчиками.

США реализуют ряд программ публичной дипломатии, целевой аудиторией которых являются северокорейские перебежчики. Северокорейцы, покинувшие страну, в свою очередь рассматриваются как самые эффективные и заслуживающие доверия «инструменты» для осуществления информационного воздействия на северокорейское население, а также для продвижения кампании международного давления в отношении КНДР в вопросе соблюдения прав человека⁴¹.

С этой целью организуются программы, направленные на повышение уровня знания английского языка (в американском посольстве в Южной Корее) и обучение навыкам пользования молодыми северокорейцами, покинувшими КНДР, различными циф-

37. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2016 Budget Data. P. 205. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD.pdf>.

38. Mull C. Challenges to U.S. Public Diplomacy in North Korea. American Security Project. URL: <https://www.americansecurityproject.org/challenges-to-u-s-public-diplomacy-in-north-korea/>.

39. Bowman B., Maxwell D. Maximum Pressure 2.0. A Plan for North Korea. December 5, 2019. URL: <https://www.fdd.org/analysis/2019/12/3/maximum-pressure-2>.

40. США выделяют средства на поддержку прав человека в КНДР. URL: <https://ria.ru/20180117/1512743288.html>.

41. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Focus on Fiscal Year 2018 Budget Data. P. 160. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/2019-ACPD-Annual-Report.pdf>.

ровыми платформами. В частности, в 2018 г. в рамках программы Фулбрайта были предоставлены гранты учащимся средней школы из числа северокаорейских беженцев для участия в двухнедельном языковом лагере в США. Впоследствии северокаорейские беженцы вовлекаются в НПО по продвижению прав человека в КНДР и принимаются на работу на американские радиостанции, вещающие на территорию КНДР.

НПО, вовлеченные в публично-дипломатическую деятельность в отношении КНДР, действуют и в США. Среди них — Комитет по правам человека в Северной Корее, исследовательская и публикационная деятельность которого связана с проблематикой прав человека в КНДР⁴²; Фонд Форума обороны, который спонсирует радиостанцию Free North Korea Radio, вещающую на территорию Северной Кореи, занимается контрабандой радиоприемников в Северную Корею, а также организует форумы по продвижению свободы, демократии и прав человека в КНДР⁴³; Движение обменов американских каорейцев (Korean American Sharing Movement), реализующее программу Washington Leadership Program, для участия в которой отбираются молодые участники из числа северокаорейских беженцев и южнокорейцев. Программа нацелена на развитие лидерских качеств и приобретение опыта управления у молодежи, интересующейся северокаорейской тематикой и перспективами объединения двух Кореи⁴⁴.

Также стоит отметить Национальный комитет по Северной Корее, членами которого являются представители ведущих американских университетов, исследовательских центров и неправительственных организаций, занимающиеся проблемами Корейского полуострова. Данная НПО стремится содействовать налаживанию взаимопонимания и доверия между правительствами и народами США и КНДР посредством выстраивания отношений и обмена информацией между ними. Ряд религиозных НПО, такие как «Христианские друзья Кореи» или «Американский комитет друзей на службе обществу», непосредственно вовлечены в реализацию проектов в социально-гуманитарной области, в частности в сфере здравоохранения и сельского хозяйства.

Большая часть американских НПО, которые хотя и не вовлечены непосредственно в реализацию государственных программ публичной дипломатии, тем не менее, действуют в интересах публичной дипломатии США, состоящих в распространении либерально-демократических ценностей. Разумеется, НПО может и не работать в интересах государства или той или иной администрации. Так, деятельность ряда неправительственных организаций препятствует налаживанию американо-северокаорейских и межкаорейских отношений, противодействуя сотрудничеству с КНДР и ведению переговоров с режимом Ким Чен Ына. В качестве примера, свидетельствующего о попытках американских неоконсерваторов помешать вовлечению США в диалог с КНДР, можно привести вручение премий «Национальным фондом поддержки демократии» четырем южнокорейским организациям, выступающим за соблюдение прав человека в КНДР, которое произошло практически параллельно с саммитом президента США Д. Трампа и лидера КНДР Ким Чен Ына в Сингапуре⁴⁵.

Обобщая усилия США в области публичной дипломатии в отношении КНДР, необходимо отметить, что они практически полностью сводятся к информационным программам. Выбор данных методов публичной дипломатии обусловлен закрытостью Северной Кореи от внешнего мира, а также конфликтным характером отношений между

42. The Committee for Human Rights in North Korea. URL: <https://www.hrnk.org/>.

43. Defense Forum Foundation. URL: <https://defenseforumfoundation.org/>.

44. Korean American Sharing Movement. URL: <http://www.kasm.org/>.

45. *Shim E.* National Endowment Democracy to award North Korea human rights activists. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2018/05/22/National-Endowment-Democracy-to-award-North-Korea-human-rights-activists/5991527001764/.

США и КНДР, при которых страны фактически до сих находятся в состоянии войны и не имеют дипломатических отношений. Начало переговорного процесса между Д. Трампом и Ким Чен Ыном не сопровождалось проведением культурных обменов из опасения, что их осуществление может быть расценено как «награда» КНДР за плохое поведение и победа северокорейской пропаганды⁴⁶.

Более того, в августе 2019 г. США продлили введенные в 2017 г. ограничения на посещения Северной Кореи американскими гражданами. Которые были введены в 2017 г. Вашингтон также запретил посещение в США иностранным гражданам по программе безвизового въезда, если они посетили Северную Корею после 1 марта 2011 г. Данную меру многие эксперты расценили как попытку помешать развитию межкорейского туризма, активно продвигаемого южнокорейским правительством во главе с Мун Чжэ Ином⁴⁷. Таким образом, социально-гуманитарное измерение по-прежнему используется как еще одно поле для оказания давления, чтобы заставить северокорейское руководство отказаться от ядерного оружия и трансформировать политическую систему КНДР.

На фоне усиления американского давления на КНДР во всех сферах в целях ее денуклеаризации периодически инициировались переговоры, которые оказывались механизмом управления кризисной ситуацией на Корейском полуострове⁴⁸, а не ее решения. Дело в том, что несмотря на официальную цель денуклеаризации КНДР и рвение администрации Д. Трампа договориться с Ким Чен Ыном, определенная часть американской правящей элиты выступает категорически против какого-либо диалога с КНДР и воспринимает режим в Северной Корее как «абсолютное зло»⁴⁹. Требования открытости, проведения экономических реформ и ослабления контроля над населением страны остаются. Инструменты публичной дипломатии в отношении Северной Кореи определяются общей северокорейской стратегией США, направленной на сдерживание КНДР и изменение ее политической системы.

При этом, как считают некоторые российские исследователи, денуклеаризация КНДР не может быть целью и северокорейская ракетно-ядерная угроза не может быть решена в отрыве от других вопросов, так как есть много оснований полагать, что денуклеаризация рассматривается в США как шаг на пути к ликвидации режима⁵⁰.

Вместе с тем пересмотра подходов к решению северокорейской ракетно-ядерной проблемы со стороны США ожидать не стоит, так как «северокорейская карта» используется Вашингтоном в его противостоянии с Пекином. Нарастание конкуренции между центрами силы мировой политики снижает возможности координации международных усилий по решению ядерной проблемы Корейского полуострова.

Признаки готовности США перейти от агрессивной информационной публичной дипломатии к культурному вовлечению и обмену с КНДР также отсутствуют. Это связано в первую очередь, с тем, что общее состояние двусторонних отношений, уровень

46. Cathcart A. Why North Korea and the U.S. should try a little cultural diplomacy.

URL: <https://www.nknews.org/2018/10/why-north-korea-and-the-u-s-should-try-a-little-cultural-diplomacy/>.

47. Ji D., Hotham O. Recent visitors to North Korea no longer eligible for visa-free entry into U.S.

URL: <https://www.nknews.org/2019/08/recent-visitors-to-north-korea-no-longer-eligible-for-visa-free-entry-into-u-s/>.

48. Smart Power: Remaking U.S. Foreign Policy in North Korea: Hearing before the Subcommittee on Asia, the Pacific, and the Global Environment of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, One Hundred Eleventh Congress, First Session, February 12, 2009, vol. 4. P. 91.

49. Михеев В.В., Федоровский А.Н. Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 35.

50. Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 131–146.

недоверия между сторонами, отсутствие независимого неправительственного сектора и гражданского общества в КНДР не позволяют США воспользоваться всем разнообразием инструментов, которые предлагает публичная дипломатия. При этом стоит отметить, что вопрос соблюдения прав человека в КНДР приобретает самостоятельное значение и может служить препятствием для конвенционализации КНДР вне зависимости от ее ядерного/неядерного статуса.

Литература

- Асмолов К.* КНДР снова в списке стран-спонсоров терроризма // Новое восточное обозрение. 22 ноября 2017. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/11/22/kndr-snova-v-spiske-stran-sponsorov-terrorizma/>.
- Асмолов К.* Права человека в Северной Корее и комиссия ООН Часть 1 // Новое восточное обозрение. 8 марта 2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/03/08/prava-cheloveka-v-severnoj-koree-i-komissiya-oon-chast-1/>.
- Асмолов К.* Санкционное и дипломатическое давление США на КНДР не ослабевает // Новое восточное обозрение. 11 января 2019. URL: <https://ru.journal-neo.org/2019/01/11/sanktsionnoe-i-diplomaticheskoe-davlenie-ssha-na-kndr-ne-oslabevaet/>.
- Жебин А.З.* Денуклеаризация Корейского полуострова: забытые аспекты // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2.
- Лебедева М.М.* Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2017.
- Лукин А.В.* Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3.
- Михеев В.В., Федоровский А.Н.* Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
- Примаковские чтения 2019. Возвращение к конфронтации: есть ли альтернативы? Сборник материалов международного форума. Москва, 10–11 июня, 2019 г. М.: ИМЭМО РАН, 2019.
- Ромащенко С.* США блокировали заседание Совбеза ООН по правам человека в КНДР. URL: <https://p.dw.com/p/3UWMW>.
- Толорая Г.Д., Торкунов А.В.* Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4.
- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров; метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Хаас Р.* Смена режима и пределы ее эффективности // Россия в глобальной политике. 2005. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smena-rezhima-i-predely-ee-effektivnosti/>.
- Bowman B., Maxwell D.* Maximum Pressure 2.0. A Plan for North Korea. December 5, 2019. URL: <https://www.fdd.org/analysis/2019/12/3/maximum-pressure-2>.
- Cathcart A.* Why North Korea and the U.S. should try a little cultural diplomacy. URL: <https://www.nknews.org/2018/10/why-north-korea-and-the-u-s-should-try-a-little-cultural-diplomacy/>.
- Cha V.* Statement before the Tom Lantos Human Rights Commission “North Korea: Denuclearization Talks and Human Rights”. Washington D.C., September 13, 2018. URL: <https://humanrightscommission.house.gov/sites/humanrightscommission.house.gov/files/documents/Victor%20Cha%20testimony-%20North%20Korea%20hearing.pdf>.
- Chanlett-Avery E., Manyin M.E., Nikitin M.B.D., Campbell C.E., Mackey W.* CRS Report R41259, North Korea: U.S. Relations, Nuclear Diplomacy, and Internal Situation, July 27, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41259.pdf>.
- Friedman U.* Inside the Collapse of Trump’s Korea Policy // The Atlantic. December 19, 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/12/donald-trump-kim-jong-un-north-korea-diplomacy-denuclearization/603748/>.
- Go Myong-Hyun.* US-North Korea Negotiations: Whither the Human Rights // Italian Institute International Political Studies. June 11, 2018. URL: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/us-north-korea-negotiations-whither-human-rights-issue-20765>.

- Ji D., Hotham O.* Recent visitors to North Korea no longer eligible for visa-free entry into U.S.
URL: <https://www.nknews.org/2019/08/recent-visitors-to-north-korea-no-longer-eligible-for-visa-free-entry-into-u-s/>.
- King Robert R.* Congress Affirms Concern for North Korea Human Rights: Extends Human Rights Act. Center for Strategic and International Studies, July 12, 2018.
URL: <https://www.csis.org/analysis/congress-affirms-concern-north-korea-human-rights-extends-human-rights-act>.
- Kretchun N.* The Need for a New US Information Strategy for North Korea. Special Report.
URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2019-07/sr_451-the_need_for_a_new_u.s._information_strategy_for_north_korea.pdf.
- McFaul M.* Trump's denuclearization strategies for Iran and North Korea are totally opposite. Why? // The Washington Post. March 2, 2019.
URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/03/01/trumps-denuclearization-strategies-iran-north-korea-are-totally-opposite-why/>.
- Mull C.* Challenges to U.S. Public Diplomacy in North Korea. American Security Project.
URL: <https://www.americansecurityproject.org/challenges-to-u-s-public-diplomacy-in-north-korea/>.
- Purayil M. P.* Trump's Twitter Engagement with North Korea: A Public Diplomacy Perspective // Journal of International Affairs. July 19, 2019. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/online-articles/trump%E2%80%99s-twitter-engagement-north-korea-public-diplomacy-perspective>.
- Rosenberger L.* Trump's summit with Kim shows the dangers of too much self-confidence // The Washington Post. July 13, 2018.
URL: <https://www.washingtonpost.com/news/posteverything/wp/2018/06/13/trump-surrendered-u-s-leverage-over-kim-he-got-almost-nothing-in-return/>.
- Shim E.* National Endowment Democracy to award North Korea human rights activists.
URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2018/05/22/National-Endowment-Democracy-to-award-North-Korea-human-rights-activists/5991527001764/.
- Tabatabai A.* Maximum Pressure Yields Minimum Results // Foreign Policy. March 6, 2019.
URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/06/maximum-pressure-yields-minimum-results/>.

References

- Asmolov K.* KNDR snova v spiske stran-sponsorov terorizma // Novoe vostochnoe obozrenie. 22 noyabrya 2017. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/11/22/kndr-snova-v-spiske-stran-sponsorov-terorizma/>.
- Asmolov K.* Prava cheloveka v Severnoj Koree i komissiya OON Chast` 1 // Novoe vostochnoe obozrenie. 8 marta 2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/03/08/prava-cheloveka-v-severnoj-koree-i-komissiya-oon-chast-1/>.
- Asmolov K.* Sankcionnoe i diplomaticheskoe davlenie SShA na KNDR ne oslabevaet // Novoe vostochnoe obozrenie. 11 yanvarya 2019. URL: <https://ru.journal-neo.org/2019/01/11/sanktsionnoe-i-diplomaticheskoe-davlenie-ssha-na-kndr-ne-oslabevaet/>.
- Zhebin A.Z.* Denuklearizaciya Korejskogo poluostrova: zaby`ty`e aspekty` // Vostochnaya Aziya: fakty` i analitika. 2019. № 2.
- Lebedeva M.M.* Publichnaya diplomatiya: ischeznovenie ili novy`e gorizonty`? // Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika: Nauchnoe izdanie / pod.red. M.M. Lebedevoy. M.: Izdatel`stvo «Aspekt-Press», 2017.
- Lukin A.V.* Publichnaya diplomatiya // Mezhdunarodnaya zhizn`. 2013. № 3.
- Mixeev V.V., Fedorovskij A.N.* Krizis i novaya povestka dnya dlya korejskogo poluostrova i regio-nal`ny`x derzhav. M.: IME`MO RAN, 2018.
- Primakovskie chteniya 2019. Vozvrashhenie k konfrontacii: est` li al`ternativy`? Sbornik materialov mezhdunarodnogo foruma. Moskva, 10–11 iyunya, 2019 g. M.: IME`MO RAN, 2019.
- Romashenko S.* SShA blokirovali zasedanie Sovbeza OON po pravam cheloveka v KNDR. URL: <https://p.dw.com/p/3UWMW>.
- Toloraya G.D., Torkunov A.V.* Raketno-yadernaya ugroza na Korejskom poluostrove: prichiny` i mery` reagirovaniya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 4.
- Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.F.* Korejskij poluostrov; metamorfozy` poslevoennoj isto-rii. M.: OLMA Media Grupp, 2008.

- Xaas R.* Smena rezhima i predely` ee e`fektivnosti // Rossiya v global`noj politike. 2005. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smena-rezhima-i-predely-ee-effektivnosti/>.
- Bowman B., Maxwell D.* Maximum Pressure 2.0. A Plan for North Korea. December 5, 2019. URL: <https://www.fdd.org/analysis/2019/12/3/maximum-pressure-2>.
- Chahcart A.* Why North Korea and the U.S. should try a little cultural diplomacy. URL: <https://www.nknews.org/2018/10/why-north-korea-and-the-u-s-should-try-a-little-cultural-diplomacy/>.
- Cha V.* Statement before the Tom Lantos Human Rights Commission “North Korea: Denuclearization Talks and Human Rights”. Washington D.C., September 13, 2018. URL: <https://humanrightscommission.house.gov/sites/humanrightscommission.house.gov/files/documents/Victor%20Cha%20testimony-%20North%20Korea%20hearing.pdf>.
- Chanlett-Avery E., Manyin M.E., Nikitin M.B.D., Campbell C.E., Mackey W.* CRS Report R41259, North Korea: U.S. Relations, Nuclear Diplomacy, and Internal Situation, July 27, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41259.pdf>.
- Friedman U.* Inside the Collapse of Trump’s Korea Policy // The Atlantic. December 19, 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2019/12/donald-trump-kim-jong-un-north-korea-diplomacy-denuclearization/603748/>.
- Go Myong-Hyun.* US-North Korea Negotiations: Whither the Human Rights // Italian Institute International Political Studies. June 11, 2018. URL: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/us-north-korea-negotiations-whither-human-rights-issue-20765>.
- Ji D., Hotham O.* Recent visitors to North Korea no longer eligible for visa-free entry into U.S. URL: <https://www.nknews.org/2019/08/recent-visitors-to-north-korea-no-longer-eligible-for-visa-free-entry-into-u-s/>.
- King Robert R.* Congress Affirms Concern for North Korea Human Rights: Extends Human Rights Act. Center for Strategic and International Studies, July 12, 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/congress-affirms-concern-north-korea-human-rights-extends-human-rights-act>.
- Kretchun N.* The Need for a New US Information Strategy for North Korea. Special Report. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2019-07/sr_451-the_need_for_a_new_u.s._information_strategy_for_north_korea.pdf.
- Mcfaul M.* Trump’s denuclearization strategies for Iran and North Korea are totally opposite. Why? // The Washington Post. March 2, 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/03/01/trumps-denuclearization-strategies-iran-north-korea-are-totally-opposite-why/>.
- Mull C.* Challenges to U.S. Public Diplomacy in North Korea. American Security Project. URL: <https://www.americansecurityproject.org/challenges-to-u-s-public-diplomacy-in-north-korea/>.
- Purayil M. P.* Trump’s Twitter Engagement with North Korea: A Public Diplomacy Perspective // Journal of International Affairs. July 19, 2019. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/online-articles/trump%E2%80%99s-twitter-engagement-north-korea-public-diplomacy-perspective>.
- Rosenberger L.* Trump’s summit with Kim shows the dangers of too much self-confidence // The Washington Post. July 13, 2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/posteverything/wp/2018/06/13/trump-surrendered-u-s-leverage-over-kim-he-got-almost-nothing-in-return/>.
- Shim E.* National Endowment Democracy to award North Korea human rights activists. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2018/05/22/National-Endowment-Democracy-to-award-North-Korea-human-rights-activists/5991527001764/.
- Tabatabai A.* Maximum Pressure Yields Minimum Results // Foreign Policy. March 6, 2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/06/maximum-pressure-yields-minimum-results/>.

Экономика**Япония и Центральная Азия:
модель экономического взаимодействия**

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011402-3

Добринская Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД РФ, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: doa_78@mail.ru.

Аннотация:

В статье дается анализ основных направлений экономического взаимодействия Японии и стран Центральной Азии. Акцент сделан на сотрудничестве в сфере добывающей промышленности и налаживании энергетической инфраструктуры. Японское присутствие также охватывает другие отрасли промышленности и сельское хозяйство. Высокие технологии, качественная инфраструктура и обучение людских ресурсов характеризуют экономические проекты Японии в Центральной Азии. Стремление стран региона отойти от ориентации на экспорт сырья и проводить модернизацию экономики определяет перспективы дальнейшего взаимодействия Японии и Центральной Азии. Присутствие других азиатских стран в регионе создает для Японии не только вызовы, но и возможности для сотрудничества.

Ключевые слова:

Центральная Азия, Япония, энергетика, инфраструктура, Китай, Турция, Южная Корея, Индия.

Для цитирования:

Добринская О.А. Япония и Центральная Азия: модель экономического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 58–73. DOI: 10.31857/S013128120011402-3.

Economics**Japan and Central Asia: Model of Economic Cooperation****Olga Dobrinskaya**

Ph.D. in History, senior lecturer of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs (RF), researcher of the Institute of Oriental Studies (RAS). E-mail: doa_78@mail.ru.

Abstract:

The article analyses main directions of Japan's economic cooperation with Central Asia. The focus is placed on cooperation in the mining industry, assistance in building energy infrastructure in the region. Japan's presence is also visible in other industrial spheres as well as agriculture. Advanced technology, quality infrastructure and educating human resources are the main characteristics of Japan's projects in Central Asia. As the countries of the region declare their intention to reduce dependence on the exports of mineral resources and follow the path of modernization Japan is becoming a more desirable partner. From Japan's point of view presence of other Asian countries in the region not only leads to competition but also creates new opportunities for cooperation.

Key words:

Central Asia, Japan, energy, infrastructure, China, Turkey, South Korea, India.

For citation:

Dobrinskaya O.A. Japan and Central Asia: Model of Economic Cooperation // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 58–73. DOI: 10.31857/S013128120011402-3.

Регион Центральной Азии становится все более привлекательным для других азиатских государств. Всплеск внимания к нему связан с выдвиганием Китаем в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), включающей создание сети транспортных коридоров, идущих через Центральную Азию. В 2013 г. Южная Корея обнародовала Евразийскую инициативу, ставящую целью развитие транспортных коммуникаций, информационных технологий и энергетического сотрудничества. Стремление наладить тесные отношения со странами региона демонстрирует и Индия, в 2018 г. провозгласившая концепцию «Соединить Центральную Азию». Япония, с начала 1990-х годов прилагавшая немало усилий для налаживания двусторонних отношений и ставшая одним из главных доноров официальной помощи развитию (ОПР) странам Центральной Азии, стоит перед задачей корректировки региональной стратегии с целью упрочить свое экономическое присутствие на фоне растущей активности других азиатских держав. Результаты визита премьер-министра С. Абэ в регион в октябре 2015 г. свидетельствуют о том, что Япония стремится обеспечить более ошутимое присутствие в экономике этих стран.

Ресурсный потенциал региона и интересы Японии

Японию привлекает богатый ресурсный потенциал региона, однако ее участие в проектах по добыче и разработке месторождений ископаемых носит ограниченный характер. В 1990-е годы японские компании проявляли активный интерес к проектам трансграничных трубопроводов: в 1995 г. «Мицубиси» подписала соглашение о сотрудничестве в строительстве трубопровода Туркменистан — Казахстан — Китай — Южная Корея — Япония, в 1997 г. компании «Итотю» и «Инпекс» вошли в консорциум по строительству Трансафганского газопровода (ТАП), однако ни тот, ни другой проекты не были реализованы¹.

На настоящем этапе единственным проектом по добыче углеводородов в Центральной Азии, в котором участвует Япония, является освоение Кашаганского месторождения в северной части шельфа Каспийского моря, геологические запасы которого оцениваются в 4 850 млн т нефти, а извлекаемые — в 1 476 млн т нефти. Осенью 1998 г. компания «Инпекс» приобрела у правительства Казахстана долю в консорциуме по разработке месторождения, что стало первым случаем выхода японских компаний на рынок нефтедобычи в Центральной Азии. Производство нефти началось в сентябре 2013 г., однако было приостановлено после обнаружения протечек газа. Эксплуатация месторождения возобновилась только в сентябре 2016 г., а стоимость проекта в пять раз превысила ожидания и составляет более 53 млрд долл.². В связи со значительным удорожанием проекта в 2017 г. с целью содействия в его финансировании половину акций в нем приобрела государственная Японская корпорация по нефти, газу и металлам (Japan oil, gas and metals group-JOGMEC).

Отсутствие рентабельных путей доставки углеводородных ресурсов не позволяет Японии получать нефть и газ напрямую из региона, единственным вариантом являются своп сделки через третьи страны. Доминирующие позиции в нефте- и газодобывающей отрасли региона занимают западные страны, а также Китай в силу своего выгодного географического положения и активной экономической деятельности. Играет роль и осторожность японских бизнесменов, которые предпочитают работать в странах с благоприятным инвестиционным климатом, транспарентными механизмами принятия решений, на рынках с низкой степенью рисков. Ситуация вокруг Ирана делает затруднитель-

1. Добринская О.А. Энергетическая дипломатия Японии в Центральной Азии//Япония. Ежегодник. М., 2011. С. 43.

2. John C. Daly. Kashagan, Down but not out. *The Diplomat*. 11.01.2014.

URL: <https://thediplomat.com/2014/01/kashagan-down-but-not-out/> (дата обращения: 06.02.2020).

ными поставки центральноазиатских ресурсов через это государство. В настоящий момент Япония не рассчитывает на Каспийский регион как альтернативу существующим поставщикам углеводородов, однако надеется, что выход каспийской нефти на мировой рынок будет способствовать, пусть даже косвенно, ослаблению нефтяной конкуренции на рынке за счет обеспечения новых поставок нефти и газа³.

В Узбекистане Япония с 2010 г. вела переговоры о возможной совместной разработке месторождений горючих сланцев. Запасы этого вида ископаемых в Узбекистане насчитывают 47 млрд т. В 2010 г. японские компании «Джапан газ корпорейшн», «Текнопиан» проявили интерес к месторождениям Байсун в Сурхандарьинской области, Сангрунтау в Навоийской области, а в 2011 г. СМИ сообщали о возможном участии «Джапан газ корпорейшн» в проекте переработки горючих сланцев в жидкие углеводороды. Совместной разведкой углеводородов с 2007 г. занимаются корпорация JOGMEC и «Узбекнефтегаз». Очередные японо-узбекские договоренности о совместной разведке и разработке месторождений углеводородных ресурсов в Узбекистане были достигнуты во время визита С. Абэ в 2015 г.

Интерес для Японии представляют богатые запасы урана. В апреле 2007 г. Япония и Казахстан договорились о поставках уранового концентрата, а также о создании совместных предприятий «Байкен» и «Кызылкум» для разработки участков Хорасан-1 и Хорасан-2 месторождения Северный Хорасан, запасы которого оцениваются в 160 тыс. т урана. Для освоения месторождения был создан консорциум «Энерджи Эйжа», в который входят шесть японских компаний («Тосиба», «ТЭПКО», «Тюбу электрик», «Тохоку электрик», «Кюсю электрик» и «Марубэни»). В 2006 г. японские компании «Сумитомо» и «Кансай электрик пауэр» вошли в ТОО «АППАК» по эксплуатации участка Западный месторождения Мынкудук, рудник был официально открыт в июне 2008 г.

Примерно в то же время через компанию «Итотю» начались поставки узбекского урана в Японию, а ряд японских компаний выразил интерес к проведению совместных геологоразведочных работ в Кызылкумах, на месторождении Рудное. В июне 2009 г. «Госкомгео» и JOGMEC подписали договор о совместной разведке урановых месторождений в Навоийской области. Накануне визита президента Узбекистана И. Каримова в Японию в феврале 2011 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в урановой сфере и о закупке по 500–1000 т урана в год в течение 10 лет. Очередные контракты на сумму более 1 млрд долл. на поставку узбекского урана в Японию были заключены с компаниями «Итотю» и «Марубэни» в ходе визита премьер-министра Ш. Мирзиёева в Токио в декабре 2019 г.

Еще в 1990-е годы Япония начала проявлять интерес к возможностям добычи и обработки металлов, которыми богат регион, однако первоначальная активность не привела к упрочению позиций в сфере их добычи и производства. В 1995 г. японский консорциум «Джапан Хром корпорейшн» получил в управление компанию Казхром, крупнейшего производителя хрома в СССР, однако через несколько лет был вынужден передать управление другим собственникам. Япония остается крупным импортером металлов из Казахстана, она закупает значительное количество сплавов хрома, тантал, цинк, титан, соединения редкоземельных металлов⁴.

Активно японцы действовали и в Узбекистане: концерн «Мицубиси» финансировал проект модернизации Алмалыкского горно-металлургического комбината, компа-

3. E. Van Wie Davis and R. Azizian, eds. Islam, oil, and geopolitics. Central Asia after September 11. 2007. P. 114.

4. Сэкай когё-но сусэй: [Тенденции развития мировой добывающей промышленности]. Токио. 2017. Стр. 120. URL: Mric.jogmec.go.jp/wp-content/uploads/2017/12/trend2017.pdf (дата обращения: 05.02.2020).

ния «Миндеко» в 1997 г. проводила геолого-разведочные работы и оценку запасов вольфрама на месторождениях Саутбай и Сарытау, а также занималась поиском и оценкой золоторудных запасов на Булутканской площади и в горах Южного Каратау⁵. Для разработки золотых месторождений Кочбулак и Кызылмасай было создано СП «Ангрен голд», однако в связи с конъюнктурой цен на золото его деятельность была признана нерентабельной⁶. Японцы должны были заниматься модернизацией золотодобывающего карьера Мурунтау, однако в 2002 г. Навойский горно-металлургический комбинат отказался от японского предложения из-за его высокой стоимости — около 120 млн долл. и продолжил реконструкцию в сотрудничестве с другими партнерами⁷.

Новая волна интереса к импорту металлов наблюдается со второй половины 2000-х годов, после того, как в 2006 г. Китай, откуда Япония импортирует порядка 82% редкоземельных металлов, начал снижение объемов их экспорта. Перспективы сотрудничества обсуждались в ходе визита президента Казахстана Н.Назарбаева в Японию в 2008 г., и в октябре 2009 г. в Нур-Султане были подписаны меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве с «Сумитомо» и JOGMEC, а также соглашение по разработке ТЭО производства редкоземельных металлов. В 2010 г. компании «Казатомпром» (51% акций) и «Тосиба» (49%) договорились о создании совместного предприятия KT Rare Metals company, а в марте 2010 г. «Казатомпром» (51% акций) и «Сумитомо» (49%) учредили СП SARECO (Summit Atom Rare Earth Company). Предполагалось, что компания займется производством продукции с высокой добавленной стоимостью, и в 2012 г. в Степногорске был открыт завод по производству концентрата редких и редкоземельных металлов для японского рынка, были подписаны соглашения о реализации продукции с компаниями «Сумитомо», «Синьэцу Кемикалз» и «Родиа», однако вскоре стало известно, что «Сумитомо» оказалась недовольна качеством товара, и по итогам 2014 г. вся продукция была отгружена в Россию. В 2015 г. SARECO произвела 4,5% от возможного объема производства, а с августа 2015 г. производство было приостановлено. Позже в СМИ появилась информация о том, что «Казатомпром» планирует выкупить долю «Сумитомо» в этом предприятии⁸.

Новые договоренности о совместных геологических исследованиях были достигнуты во время упомянутого визита С. Абэ: JOGMEC и «Казгеология» планируют исследовать земли, содержащих иттрий, в районе Кыземшекского месторождения в Карагандинской области и Жана-Аркалыкского месторождения в Костанайской области⁹. В июне 2017 г. было подписано соглашение о совместных исследованиях месторождений

-
5. Комиссина И. Н. Япония и Центральная Азия: партнерство набирает силу // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 3. URL: https://ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_10_komissina.shtml (дата обращения: 03.02.2020).
 6. Узбекистан под давлением мировых цен // Независимая газета. 27.04.2000. URL: http://www.ng.ru/cis/2000-04-27/5_uzbekistan.html (дата обращения: 10.01.2020).
 7. Узбекский НГМК ввел в эксплуатацию горный конвейер на месторождении «Мурунтау» стоимостью 70 млн долл. 02.03.2011. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/uzbekskiy-ngmk-vvel-v-ekspluatatsiyu-gornyy-konveyer-na-mestorozhdenii-muruntau-stoimostyu-70-mln> (дата обращения: 05.02.2020).
 8. SARECO — новая бизнес-модель предприятия. 30.01.2017. URL: <http://apgazeta.kz/2017/01/30/otchetnye-vstrechi-sareco-novaya-biznes-model-predpriyatiya-too-met-est-dve-teplicy-iz-dvenadcati/> (дата обращения: 03.02.2020).
 9. Сэкай когё-но сусэй: [Тенденции развития мировой добывающей промышленности]. Токио, 2017. Стр. 127. URL: <Mric.jogmec.go.jp/wp-content/uploads/2017/12/trend2017.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).

вольфрама¹⁰. Вырисовываются перспективы сотрудничества в сфере разведки и добычи редкоземельных металлов с Киргизией, богатой этими ресурсами. В мае 2012 г. JOGMEC подписала соглашение с Институтом геологии им. М.Адышева о совместных геологических исследованиях редких металлов.

Энергетическое сотрудничество

Страны Центральной Азии представляют интерес для Японии не только как источники природных ресурсов. Под лозунгом создания качественной инфраструктуры Япония наращивает свое присутствие в энергетическом секторе. Япония и раньше занималась обустройством инфраструктуры, но преимущественно в транспортной сфере, при японском участии были осуществлены модернизация аэропортов в Казахстане (в Нур-Султане), Киргизии («Манас»), в Узбекистане (в Самарканде, Бухаре, Ургенче), Таджикистане (Душанбэ), восстановление или строительство дорожной инфраструктуры (автодороги на западе Казахстана, мост через реку Иртыш, новая железнодорожная магистраль Ташгузар — Кумкурган на юге Узбекистана, восстановление ключевой магистрали Киргизии — дороги Бишкек — Ош и др.).

Сотрудничество со странами региона Япония осуществляет на основе формулы «ресурсы в обмен на технологии». В основном ее технологии используются в проектах, связанных с переработкой углеводородных ресурсов и в нефтехимии. Они направлены на модернизацию возможностей переработки ресурсов и производств энергии, создание экологичного производства, повышение энергоэффективности. Япония занималась реконструкцией НПЗ в г. Туркменбаши и Сейдинского НПЗ — крупнейших заводов на территории Туркменистана. Японские компании участвуют в реконструкции Атырауского НПЗ в Казахстане, где за счет японских кредитов строится комплекс глубокой переработки нефти.

В Узбекистане японские фирмы произвели реконструкцию Ферганского и строительство Бухарского НПЗ, а также обустройство нефтяного месторождения Кокдумалак. Японская организация по развитию новых энергетических и промышленных технологий (NEDO), а также компании «Марубэни» и «Кавасаки» участвуют в проекте внедрения высокоэффективных газотурбинных установок на Ферганской ТЭЦ, что позволит сэкономить 38% энергии и обеспечить стабильное снабжение энергией Ферганского района. Ведется реализация кредитного проекта электроэнергетического сектора «ЮПИТЕР», включающего строительство Туракурганской ТЭС, модернизацию Талимарджанской ТЭС, расширение Навоийской ТЭС, модернизацию Ташкентской ТЭЦ.

В последнее время Япония участвует в проектах по производству синтетического топлива в Узбекистане и Туркменистане. В Туркменистане в июне 2019 г. был открыт первый в мире завод по производству бензина из метанола, построенный при участии «Кавасаки плант системз» и турецкой «Ренессанс». Производство основано на технологии TIGASTM (улучшенный синтез бензина), разработанной датской фирмой Haldor Topsoe. Технология позволяет производить бензин высокого качества с минимальными энергозатратами и воздействием на окружающую среду. По словам японской стороны, этот проект характеризуется экологичностью и представляет собой пример качественной инфраструктуры, которая стала лозунгом японского присутствия в регионе¹¹. Компания «Кавасаки хеви индастриз» намерена принять участие в строительстве в Узбекистане за-

10. Киндзоку сигэн кайхацу сизэн: [Содействие в разработке металлических ресурсов] / Министерство экономики, торговли и промышленности Японии. С. 21. URL: www.meti.go.jp/committee/materials2/downloadfiles/g906616a06j.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

11. METI State Minister Isozaki Visits Turkmenistan. 01.07.2019. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2019/0701_005.html (дата обращения: 02.02.2020).

вода по переработке природного газа в бензин. Комплекс будет ежегодно производить 600 тыс. т бензина А-92¹².

В Туркменистане и Узбекистане идет реализация проектов в сфере химической промышленности: строительство завода по производству аммиака и карбамида в г. Мары с участием консорциума японских компаний «Кавасаки плант системс» и «Содзиц», а также завода по производству аммиака и карбамида на базе АО «Навоиазот». Компания «Мицубиси» осуществляет проекты «механизма чистого развития» (МЧР) на узбекских химических предприятиях.

Казахстан является важным партнером Японии в сфере атомной энергетики. В марте 2010 г. подписано Соглашение о мирном использовании атомной энергии, позволившее Казахстану в обмен на урановые ресурсы получить доступ к передовым технологиям в сфере атомной промышленности. На японский рынок поступает не только сырье, но и продукты высокого передела, что позволяет увеличить добавочную стоимость экспортируемой Казахстаном урановой продукции. В качестве примера можно привести Ульбинский металлургический завод, который производит и поставляет компоненты ядерного топлива для изготовления топливных сборок на предприятиях «Ньюклеар фьюэл индастриз» для дальнейшей поставки их на АЭС компании «Кансай» в Японии.

Осенью 2010 г. компании «Джапан атомик пауэр», «Тосиба» и «Марубэни ютилити сервисез» подписали меморандум с Национальным ядерным центром Казахстана о проведении предварительных исследований по строительству АЭС. По заявлению пресс-службы «Джапан атомик пауэр», Казахстан высказал интерес к строительству блока с водяным кипящим реактором мощностью 1000 МВт (эл.). Япония, в свою очередь, располагает современными технологиями водяных кипящих реакторов ABWR.

Проект строительства АЭС с участием японских фирм остается под вопросом, а по итогам российско-казахстанской встречи на высшем уровне в июне 2012 г. ключевым партнером в строительстве АЭС в Казахстане была объявлена Россия, хотя уже в 2013 г. появилась информация о подписании казахстанско-японского меморандума о взаимопонимании по строительству АЭС в районе озера Балхаш. В январе 2015 г. министр энергетики Казахстана сообщил о возможном строительстве двух электростанций — в районе г. Курчатов в Восточно-Казахстанской области и в п. Улкен, на озере Балхаш. Во время визита С. Абэ в Казахстан в 2015 г. сообщалось об очередных предварительных договоренностях об участии Японии в строительстве АЭС в течение 2018–2030 гг.¹³. На настоящий момент какой-либо более конкретной информации об этом проекте нет, однако в документах по итогам встреч на высшем уровне стороны закрепили договоренность о возможном сотрудничестве в деле строительства АЭС в будущем.

Японская сторона проявила интерес к проекту строительства первой АЭС в Узбекистане, о чем договорились президент России В. Путин и премьер-министр Казахстана Ш. Мирзиёев. Япония в свою очередь предложила поделиться опытом и оказать помощь в подготовке кадров для этого проекта¹⁴.

Еще одной сферой, в которой Япония готова предложить свои технологические достижения, является «зеленая» энергетика. С 2014 г. по программе NEDO в Казахстане осуществляется исследование по внедрению систем «чистого угля», подписан меморандум с национальным центром промышленного технологического развития о сотрудничестве в сфере

12. Кавасаки наладит в Узбекистане производство бензина из газа. Агентство нефтегазовой информации. 17.04.2018. URL: <http://www.angi.ru/news/2859926-Kawasaki-naladit-v-Uzbekistane-proizvodstvo-benzina-iz-gaza/> (дата обращения: 06.02.2020).

13. Лихачев М. Строительство казахстанской АЭС откладывается на неопределенный срок. 01.03.2016. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1457071620> (дата обращения: 03.02.2020).

14. Япония может помочь с подготовкой кадров для будущей АЭС в Узбекистане. 12.11.2018. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20181112/1532586389.html> (дата обращения: 06.02.2020).

промышленных технологий энергосбережения и «чистого угля». Сотрудничество включает не только изучение возможности внедрения японских технологий, но и обучение кадров из Центральной Азии. В марте 2018 г. была достигнута договоренность между Японией и Казахстаном об обмене опытом в сфере использования возобновляемых источников энергии.

В 2012 г. NEDO по линии ОПР организовала стажировки в Японии по знакомству с опытом использования ВИЭ для специалистов из Киргизии. В рамках схемы финансирования программы «Прохладная земля», включающей оказание содействия развивающимся странам с целью внедрения чистой энергетики, Япония спонсировала установку солнечных батарей в медицинских учреждениях Таджикистана.

Диверсификация японского экономического присутствия в регионе

Энергетика — не единственная сфера сотрудничества Японии и Центральной Азии, японские предприятия представлены и во многих других отраслях экономики стран региона. Так, в сфере автомобильной промышленности в Казахстане давно работают компании «Тойота» и «Мицубиси». В 1993 г. «Тойота» открыла первый офис и начала продажу и обслуживание автомобилей, а в 2007 г. было открыто постоянное представительство компании. После шести лет переговоров в 2014 г. на заводе в Костанаяе было налажено производство внедорожников Fortuner, планировалось продавать в год не менее 3000 автомобилей местной сборки, при этом экспортировать их в Россию не планировалось, а для местного населения они оказались неоправданно дороги. Вместо ежегодных 3000 удалось продать всего только около тысячи внедорожников, и к концу 2016 г. производство автомобилей было прекращено¹⁵. В настоящее время осуществляются продажи автомобилей, сделанных за пределами Казахстана. В Узбекистане работает совместное предприятие «СамАвто» по сборке автобусов и грузовиков марки «Исудзу» на Самаркандском автомобильном заводе. Оно является единственным в сфере автомобильной промышленности, что довольно скромно на фоне расширения присутствия других автомобильных гигантов в Узбекистане. На рынке Киргизии обосновалась компания «Эс Би Ти», крупнейший дилер подержанных автомобилей. В 2012 г. она открыла кол-центр в Бишкеке, через который осуществлялся экспорт подержанных машин в СНГ. После того как в апреле 2015 г. Киргизия запретила ввоз праворульных машин, их продажи полностью прекратились, и с 2016 г. компания в основном занимается продажами авто в Россию, хотя ее офис в Киргизии по-прежнему открыт.

Успешно осуществляет коммерческую деятельность в Центральной Азии компания «Джапан табакко», представительство которой в Казахстане было открыто в 1996 г. В Алматы работает завод, продукция которого реализуется как в самом Казахстане, так и в других странах Центральной Азии и в Монголии. Открыт 21 офис в различных городах Казахстана, а также представительство в Киргизии и Таджикистане¹⁶.

Японское оборудование пользуется спросом в стремительно развивающейся легкой промышленности Центральной Азии. Текстильная продукция Туркменистана была представлена на выставке в Японии, что, как ожидается, позволит ей найти покупателей в Японии. Японские компании начали поставки оборудования на узбекские заводы и закупки узбекского хлопка для использования в производстве супермягких полотенец Имабари¹⁷.

15. В Казахстане завершили производство внедорожников Toyota. URL: <https://autoreview.ru/news/v-kazahstane-zavershili-proizvodstvo-vnedorozhnikov-toyota> (дата обращения: 06.02.2020).

16. Узбекистан. Джетро: [Узбекистан]. 22.06.2018. URL: www.jetro.go.jp/world/russia_cis/uz/basic_01.html (дата обращения: 01.12.2019).

17. Хонкакуки-но Узбекистан ни окэру кэйдзай, бизнесу доко: [Деловые и экономические тенденции в Узбекистане, находящемся на перепутье]. 06.12.2018. Джетро. Представительство в Ташкенте. URL: www.jica.go.jp (дата обращения: 03.02.2020).

Есть примеры присутствия японского бизнеса и в других отраслях промышленности. Туркменистан на протяжении многих лет использует японскую дорожно-строительную и землеройную технику. Компании «Комацу» и «Итою» поставляют производственное оборудование для реализации проектов в топливно-энергетическом секторе, транспортной сфере, в области водного хозяйства, в частности, строительства Туркменского озера в Центральных Каракумах.

Расширяет присутствие в Центральной Азии компания «Токио роуп» — ведущий производитель высокотехнологичных стальных канатов. Компания несколько лет работает на территории СНГ, ее первый проект был выполнен в 2008 г. в Казахстане, на опытно-демонстрационном участке для системы предотвращения камнепадов и улавливания камней. В 2009 г. было открыто первое представительство компании на территории СНГ в Алма-Ате. В 2010 г. был реализован проект по креплению скальных откосов системой Mighty Net в районе участка канатной дороги «Медео — Чимбулак», приуроченный к зимним Азиатским играм 2011 г.¹⁸. В 2017 г. она открыла в Киргизии дочернее предприятие и в настоящее время производит установку противоланнинных сооружений на участке автодороги Бишкек — Ош.

Относительно новой сферой является банковское сотрудничество. В декабре 2008 г. крупнейший японский банк «Мицубиси» открыл представительство в Алматы, которое осуществляет операции и в остальных странах Центральной Азии, поскольку является единственным представительством японского банка в регионе. В последнее время японцы проявляют активность, направленную на участие в управлении местными банками. Компания «Савада холдингс» стала крупнейшим акционером «Кыргызкоммерцбанка», в 2017 г. приобретя 52,9% акций. По словам председателя правления, компания планирует принести на местный рынок технологии и экспертизу и рассматривает инвестиции в «Кыргызкоммерцбанк» в качестве долгосрочного бизнес-проекта¹⁹. Договоренность о сотрудничестве в банковской сфере была достигнута во время визита в Токио премьер-министра Узбекистана Ш. Мирзиёева. По ее итогам в январе 2020 г. было объявлено о готовящейся продаже контрольного пакета акций государственного банка Asia alliance компании «Савада холдингс».

Сельское хозяйство — новые перспективы

Привлекательной для японцев становится сфера сельского хозяйства — с учетом провозглашенных странами региона планов по его модернизации, направленной на создание крупных мощностей и увеличение урожайности с помощью малогабаритной мобильной эффективной техники и применения информационных технологий. В этом могут пригодиться опыт и ноу-хау японских предприятий.

Сельскохозяйственная продукция стран региона слабо представлена на японском рынке, однако, вероятно, по мере улучшения транспортно-логистических возможностей ее экспорт будет увеличен. Японская компания «Тойота цусё» проявляет интерес к налаживанию постоянного канала поставок казахстанских сельхозкультур — ячменя, пшеницы, гречихи. В 2008 г. компания впервые произвела закупку в Казахстане ячменя, однако столкнулась с тем, что восточный маршрут экспортных поставок Казахстана проработан недостаточно четко²⁰. В июне 2014 г. «Тойота цусё» приобрела долю размером в 20% акций в компании «Коктем», что стало первым случаем японского участия в совместном

18. Tokyo Rope. URL: <http://tokyoropeco.ru/company/> (дата обращения: 02.02.2020).

19. Ниппон коку: как крупный японский холдинг стал крупнейшим акционером кыргызского банка. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/article/banks/sawada/> (дата обращения: 03.02.2020).

20. Тойота Цусе Корпорейшн определяет масштабы деятельности в Казахстане. 2009–05–22. URL: <http://panoramakz.com/index.php/world/item/22109>.

проекте в сфере растениеводства. По словам представителя «Тойота», задействование транспортной сети с использованием железных дорог Казахстана позволит наладить поставки зерновых в Центральную Азию и будет способствовать продовольственной безопасности региона²¹.

Проекты по линии сельского хозяйства в Узбекистане в основном реализуются по линии Японского агентства международного сотрудничества (ЈСА). В качестве примеров сотрудничества можно привести поставки насосов, модернизацию технологий выращивания яблок в рамках проектов сотрудничества с японскими сельскохозяйственными институтами. Япония проявляет интерес к поставкам сухофруктов из Узбекистана в Японию.

В Японии с интересом следят за планами Киргизии наладить экологически чистое производство, считая, что это создает деловые возможности для применения японских ноу-хау. В стране реализуется японская программа регионального развития «Одна деревня — один продукт». В Центральной Азии она называется «Одно село — один продукт (ОСОП)». Эта программа была разработана в Японии еще в 1980-е годы и доказала свою эффективность, что позволило распространить ее более чем на 30 развивающихся стран. Суть состоит в том, чтобы определить характерный для данной местности продукт, который будет пользоваться наибольшей популярностью, и сосредоточить силы на его производстве. В рамках ОСОП выпускается экологически чистая продукция — варенье, соки, сухофрукты, мед, мыло. Японцы через ЈСА предлагают всевозможную поддержку: обучение, предоставление информации о технике продаж и небольшой финансовой помощи для производства такой продукции, а также осуществляют импорт продукции: с 2013 г. в Японии продается киргизский горный мед, а известная компания «Мудзи» покупает сделанные в рамках ОСОП войлочные продукты²².

В сельскохозяйственной сфере действует и единственное японо-таджикское СП «Аввалин», которое в сентябре 2011 г. открыло в Хатлонской области завод по переработке корня солодки (лакричника). Расширению деятельности этого предприятия способствовала деятельность ЈСА, которое одновременно с поддержкой японского бизнеса организовало проекты по улучшению уровня благосостояния местных фермеров. При содействии со стороны ЈСА прорабатывается вопрос о передаче местным компаниям удобрений из отходов переработки лакричника и технологий обработки земли²³. В Таджикистане Япония в сотрудничестве с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (FAO) реализует проект улучшения методов управления борьбы с саранчой, ведет работы по восстановлению системы обеспечения пресной водой в районе Пяндж Хатлонской области.

Помимо внедрения передовых технологий и консультативной помощи в развитии сельского хозяйства, Япония уделяет большое внимание обучению местных сотрудников. Она организует стажировки для управленцев в области сельского хозяйства пяти стран Центральной Азии в рамках действия программы ЈСА «Совместное создание знаний»²⁴.

21. Исибасу К. Тоёта цусё, Тюо Адзиа ни сёки ари: [Тойота — деловые возможности в Центральной Азии]. *Кайгай тоюси дзёхо дзайдан. Гайкё нов. Казафустан*. 2015. #7. С. 50–51.

URL: www.joi.or.jp/modules/downloads_open/index.php?page=visit&cid=22&lid=1831 (дата обращения: 10.07.2020).

22. Вечерний Бишкек. 06.06.2017.

23. Таджикистан. Инфура мисэйбикуку синсюцу-но кёцуко: [Таджикистан. Общие положения продвижения бизнеса в условиях неналаженной инфраструктуры] // Джетро сэсна. Эриа репо-то. 19.07.2016. URL: <https://www.jetro.go.jp/world/reports/2017/01/c20f18d5d498cc49.html> (дата обращения: 10.07.2020).

24. Туркменские агроменеджеры прошли учебный курс в Японии. URL: <https://turkmenportal.com/blog/24868/turkmenskije-agromenedzhery-proshli-uchebnyi-kurs-v-yaponii> (дата обращения: 05.02.2020).

Взаимодействие с третьими странами: вызовы и возможности

Активное продвижение третьих стран в Центральной Азии не может не вызывать пристального интереса Японии, однако можно предположить, что оно не только несет вызовы японскому присутствию, но и создает новые возможности для расширения бизнеса.

Деятельность Китая в Центральной Азии получила значительный импульс с появлением инициативы ОПОП, направленной на укрепление его позиций в мире. Хотя Япония в большей степени озабочена усилением Китая на морском пространстве, что привело к ее большей активности в ЮВА, Южной Азии и Африке, Центральная Азия не осталась вне поля зрения японцев. В качестве ответа на ОПОП в 2015 г. премьер-министр С. Абэ выдвинул инициативу «Партнерство в целях качественной инфраструктуры: инвестиции в будущее Азии». Было заявлено, что Япония в сотрудничестве с Азиатским банком развития предоставит примерно 100 млрд долл. на инвестиции в качественную инфраструктуру в течение 5 лет. Инициатива включает и Центральную Азию, где Япония продвигает проекты по налаживанию транспортной и энергетической инфраструктуры.

Активность Японии в регионе можно рассматривать как реакцию на усиление экономических и политических позиций Китая. В то же время говорить о реальном соперничестве между двумя странами не приходится в силу несоизмеримых показателей экономического присутствия двух стран в регионе. Кроме того, как отмечает профессор Т. Дадабаев, модели участия Японии и Китая в инфраструктурном строительстве показывают, что интересы и механизмы реализации этих интересов отличаются, что позволяет говорить о взаимодополняемости китайского и японского инфраструктурного строительства. Китай предпочитает создавать новую инфраструктуру, а Япония сосредоточена в основном на модернизации существующих объектов²⁵.

Преимуществом Японии можно считать устойчивое благоприятное отношение к ней, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения. Если экспансия Китая нередко вызывает опасения у стран региона, то Япония пользуется репутацией государства, долгие годы помогающего им и не преследующего корыстных интересов. Многие респонденты называют ее наиболее желательным инвестором как страну передовых технологий с низким показателем коррупции, приверженностью демократическими ценностями. Можно говорить о сложившихся в регионе высоких ожиданиях от делового сотрудничества с Японией, однако ни внешние факторы, ни эти ожидания автоматически не переходят в деловые возможности, поскольку в Центральной Азии не созданы необходимые условия, которые привлекли бы японский бизнес. В этой связи специалисты исследовательского института «Мицуи» отмечают, что ОПОП как проект, способствующий налаживанию инфраструктуры и расширению внутрорегионального диалога, мог бы создать в регионе благоприятную среду для продвижения японского бизнеса²⁶.

В качестве примера сотрудничества японских и китайских компаний в регионе можно привести проект по модернизации НПЗ в Атырау. В перспективе, по словам директора «Синойл», было бы интересно партнерство с японскими и корейскими фирмами

25. T. Dadabaev. Japanese and Chinese infrastructure development strategies in Central Asia. // *Japanese Journal of Political Science*. 2018. P. 2.

26. Хэмбо о тогэру Тюо Адзия — Иттай итиро то тики кёрёку но какудай. Мицуи буссан сэнряку кэнкюдзё: [Меняющаяся Центральная Азия — «Один пояс, Один путь» и расширение регионального сотрудничества] / Институт стратегических исследования Мицуи буссан. URL: https://www.mitsui.com/mgssi/ja/report/detail/_icsFiles/afiedfile/2019/08/13/1908e_kitade.pdf (дата обращения: 05.02.2020).

в проекте по строительству хранилищ для НПЗ в Казахстане²⁷. Сотрудничество было бы желательно в тех областях, где ощущается недостаток опыта, уровня технологий и капитала. Например, потребность в японской продукции очевидна там, где разработка ресурсов проходит в особо сложных условиях, на высокосернистых участках, при разработке скважин глубиной более 7 тыс. метров. Ценятся китайскими компаниями и бесшовные трубы для транспортировки нефти. Они отличаются дороговизной, однако в случае роста цен на нефть их использование экономически оправданно²⁸.

Япония заинтересовалась перспективами, открывающимися в связи с созданием сухого порта и СЭЗ Хоргос-Восточные ворота на основе соглашения между Китаем и Казахстаном. В ноябре 2018 г. был подписан договор, согласно которому японская логистическая компания «Ниппон экспресс» и «КТЗ экспресс» стали партнерами, а в 2019 г. японская компания открыла представительство в Казахстане. Подписан меморандум о контейнерном транзите через Казахстан, а в декабре 2018 г. был запущен первый поезд со сборным грузом по маршруту Сиань — Дуйсбург. Японская компания намерена преимущественно использовать объекты и специализированные контейнеры, принадлежащие казахстанскому партнеру²⁹. «Итогю логистикс» начала осуществление грузовых железнодорожных перевозок из Японии в Европу. Проявляют заинтересованность японские производители автомобилей и продукции тяжелого машиностроения, заводы которых расположены в Китае. Китайские бизнесмены рассчитывают на то, что участие японских компаний позволит расширить объемы перевозок по маршруту Европа — Китай, в частности потому, что китайцы могли бы транспортировать запчасти и другие товары из Европы для нужд японских компаний³⁰.

Перспективы сотрудничества Китая и Японии основаны как на экономических расчетах, так и на политической воле лидеров. В июне 2017 г. С. Абэ заявил, что Япония готова сотрудничать с Китаем в рамках ОПОП, если проекты будут экономически жизнеспособными и не будут противоречить принципам свободы и справедливости, а построенная инфраструктура будет открыта для широкого использования. С. Абэ и премьер Госсовета Ли Кэцян в мае 2018 г. договорились сотрудничать по инфраструктурным проектам в третьих странах. Наиболее вероятным кандидатом считают создание высокоскоростного поезда в Таиланде, также стороны рассматривают возможность партнерства в сфере строительства станций по производству солнечной энергии. Партнерство в сфере инфраструктурного строительства в третьих странах не только будет способствовать улучшению двусторонних отношений, но и позволит оптимизировать затраты на реализацию проектов, а также избежать обвинений в том, что Китай является инвестором с плохой репутацией.

Наиболее эффективно сотрудничество Японии с третьими странами в Центральной Азии осуществляется с Турцией, чью активность в регионе Япония поддерживала с 1990-х годов. С 1993 г. была разработана схема оказания ОПП, согласно которой япон-

27. Тую Адзия ни окэру Тюгоку кигё но синсюцу дзирэй: [Примеры продвижения китайских предприятий на рынках Центральной Азии] // Джетро. Октябрь 2017 г. С. 10.

URL: <https://www.jetro.go.jp/world/reports/2017/01/d1b015de4854d6a3.html> (дата обращения: 10.07.2020).

28. Тую Адзия ни окэру Тюгоку кигё но синсюцу дзирэй: [Примеры продвижения китайских предприятий на рынках Центральной Азии] // Джетро. Октябрь 2017 г. С. 17.

URL: <https://www.jetro.go.jp/world/reports/2017/01/d1b015de4854d6a3.html> (дата обращения: 10.07.2020).

29. Пресс релиз компании Ниппон цуун: (Ниппон экспресс). 20.09.2017. URL: www.nittsu.co.jp/press/2017/20170920-1.html (дата обращения: 05.02.2020).

30. Japan firms hopping on modern Silk Road railway under China's One belt one road // Mainichi Japan. 15.10.2018.

ский Экспортно-импортный банк предоставляет средства Турции, которые она, в свою очередь, выделяет Центральной Азии. Была открыта кредитная линия до 650 млн долл. на финансирование интересов турецкого бизнеса и строительных подрядчиков, имеющих проекты в Центральной Азии, регион нередко посещали совместные делегации Японии и Турции. В январе 2012 г. был подписан меморандум о взаимопонимании с Турецким агентством сотрудничества и координации (ТКА) по продвижению совместных проектов, часть из них уже реализуется в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Сотрудничество предполагает обучение представителей третьих стран в Турции при японском содействии, в качестве примера можно привести проекты по развитию аквакультур в Центральной Азии и Азербайджане³¹.

Наиболее активно японский и турецкий бизнес сотрудничает в Туркменистане. Консорциум японских компаний («Джей Джи Си», «Итотю», «Тиёда», «Содзиц») совместно с «Чалык холдинг» и «Ренессанс» участвует в разработке месторождения Галкыныш, крупнейшего в Туркменистане, которое является отправной точкой трубопровода ТАПИ. Планируется строительство крупного ультрасовременного предприятия по переработке природного газа в районе города Мары. Компании «Кавасаки» и «Ренессанс» построили комплекс по переработке природного газа в бензин в районе г. Овандепе. Японская «Мицубиси» и турецкая «Гап» занимаются совместным строительством порта Гарабогаз на северном побережье Каспийского моря. Частью проекта является строительство завода по производству более 1,5 млн т аммония и мочевины в год, большая часть продукции которого пойдет на экспорт. Консорциум «Кавасаки», «Содзиц» и турецкая «Ренессанс» в октябре 2014 г. завершили строительство комплекса по переработке газа и получению минеральных удобрений, часть которых будет использоваться в сельском хозяйстве внутри страны, а часть будет продаваться за рубеж. Подобные проекты имеют стратегическое значение, поскольку за счет использования технологий конверсии природного газа позволяют Туркменистану диверсифицировать экономику и снизить зависимость от экспорта природного газа. Соответственно, это будет означать уменьшение влияния России и Китая как основных направлений туркменского экспорта. Сотрудничество осуществляется и в сфере текстильной промышленности, где компаниями «Чалык Холдинг» и «Мицубиси» был построен крупнейший в мире комплекс, введенный в эксплуатацию в феврале 2000 года.

Совместные проекты имели место и в других странах региона, например, строительство подвесного моста через реку Иртыш в Казахстане в 2001 г. по линии ОПР. В Узбекистане компании «Мицубиси» и «Бурсел» участвуют в узбекско-японско-турецком совместном предприятии «Чиноз тукимачи лтд.», которое занимается производством пряжи и трикотажного полотна. Турецкая компания принимает участие в осуществляемом «Мицубиси» проекте по строительству Таракурганской ТЭС. Надо сказать, что к совместным с турками проектам в Узбекистане японцы относятся более осторожно, помня о прекращении вещания турецких программ, закрытии школ, а также порядка 50 турецких компаний в 2012 г.³²

В Центральной Азии Турция привлекательна для Японии как партнер, этнически близкий населению региона, знакомый с местными реалиями и умеющий вести бизнес с этими странами, а также обладающий личными связями. Импонирует японцам и энтузи-

31. Third country training program in Turkey 2018. JICA. URL: <https://www.jica.go.jp/turkey/english/office/topics/180530.html> (дата обращения: 10.07.2020).

32. Торуко кигё ва Нихон кигё ни гидзюцу то сикинкёрёку о ёбикакэ. Тюо Адзиа бизнесу сэмина: [Турецкие предприятия обращаются к японским за сотрудничеством в сфере технологий и финансов. Бизнес семинар по Центральной Азии. 27.01.2016.] // Джетро. URL: <https://www.jetro.go.jp/biznews/2016/01/d568d0441fa84238.html> (дата обращения: 05.02.2020).

азм, с которым турки берутся за реализацию различных проектов. В то же время Япония важна Турции с точки зрения технологий и привлечения финансирования. Таким образом, сотрудничество в Центральной Азии является обоюдовыгодным и имеет важное значение с геополитической точки зрения. Центральная Азия не единственный регион, где Япония рассчитывает на турецкое содействие, исходя из высокой степени взаимодополняемости японских и турецких предприятий. В целом можно сказать, что в тех районах, где японские позиции относительно слабы, благодаря сотрудничеству с турецкими предприятиями им удастся создать плацдарм для экономического продвижения³³.

Еще одним азиатским государством, активно осваивающим регион, является Южная Корея. После установления дипломатических отношений корейский бизнес активно устремился в Центральную Азию. Пока крупные японские компании предпочитали наращивать там присутствие постепенно, участвуя в проектах с низкой степенью риска, чаще всего по линии ОПР, южнокорейские фирмы решительно приступили к освоению нового рынка. В XXI веке энергетическая стратегия Кореи значительно изменилась, совершив поворот от импорта энергоресурсов к получению прав на их разработку за рубежом. Повлиял на активизацию энергетической политики Сеула за рубежом и рост цен на энергоресурсы.

Торговый оборот Южной Кореи со странами Центральной Азии примерно вдвое превышает японский, высок уровень инвестиций в местную экономику. Как и Япония, Южная Корея представляет государствам модель своего экономического развития, а по соотношению цена-качество ее продукция является более привлекательной для местного населения, чем дорогостоящая японская. В 2010 г. Корея присоединилась к Комитету ОЭСР и начала оказание содействия развитию Центральной Азии, пополнив ряды азиатских доноров ОПР региону.

В то же время корейские компании заинтересованы во взаимодействии с японскими, сильными сторонами которых они считают предварительные исследования, разработку проектов на уровне государственных организаций, а также возможности финансирования³⁴. В Кашкадарьинской области Узбекистана при участии корейской «Хюндай инжиниринг» строится завод по переработке природного газа в бензин, где японская «Хитати» выступает субподрядчиком по изготовлению под ключ основного технологического звена строящегося завода — реактора LTFT (Low Temperature Fischer-Tropsch), предназначенного для синтеза топлива из природного газа³⁵. Обсуждая перспективы сотрудничества японского и корейского бизнеса, эксперты указывают на возможности посредничества корейских таможенных брокеров в осуществлении таможенных процедур и транспортного обеспечения (third party logistics) японских товаров, а корейские девело-

33. *Икэгами Кадзуки*. Торуко кёвакоку тайто суру Туюто, Тую Адзия но аратана хабу. // *Гуробару репото*: [Ближний Восток и Центральная Азия как новые хабы для поднимающейся Турции. *Глобальный доклад*. Mitsubishi UFG research consulting. 07.06.2013. С. 7.

URL: http://www.murc.jp/thinktank/rc/report/global_report/global_1306_1.pdf (дата обращения: 05.02.2020).

34. Канкоку кигё ва Нихон кигё ни сакигакэ синсюцу-Тую Адзия Бизнесу сэмина: [Корейские предприятия опережают японские. Бизнес семинар о Центральной Азии. 26.01.2016. URL: www.jetro.go.jp/biznews/2016/01/a68f8beb9e9ff0d9.html (дата обращения: 05.02.2020).

35. Японская Hitachi построит реактор синтеза для завода GTL в Узбекистане. Japan's Hitachi to build fusion reactor for GTL plant in Uzbekistan. Available at: URL: https://finance.rambler.ru/economics/29392746/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://finance.rambler.ru/economics/29392746/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 03.02.2020).

перы высказывают интерес к японскому финансовому участию в лицензированных проектах с налаженной инфраструктурой³⁶.

Еще одним перспективным партнером Японии по сотрудничеству в Центральной Азии может стать Индия. Индия заинтересована в обеспечении бесперебойных поставок энергии и ведении торговли через Центральную Азию, а Япония — в разблокировании региона и развитии его как единого рынка. По мнению японских аналитиков, развитие иранского порта Чехбехар и автодороги Зарандж — Деларам, где Индия играла важную роль при поддержке Японии, позволило бы Токио и Нью-Дели наладить доступ к странам Центральной Азии в обход Пакистана. Япония могла бы оказать содействие в осуществлении индийского предложения соединить сухопутные маршруты в Центральной Азии с международным транспортным коридором Север-Юг, что расширило бы географические рамки взаимосвязанных маршрутов³⁷.

Заключение

Экономическое присутствие Японии в Центральной Азии в обозримой перспективе продолжит расширяться. Интересы страны связаны, прежде всего, с перспективами получения доступа к природным ресурсам региона, однако не ограничиваются добывающей промышленностью. Особенно заметным является присутствие Японии в сферах нефте- и газопереработки, химической промышленности. Перспективным является сотрудничество в сфере сельского хозяйства.

Государство продолжает играть стимулирующую роль в развитии экономического взаимодействия. Государственно-частное партнерство является основным способом продвижения экономических интересов Японии в Центральной Азии. Поддержка извне играет большую роль для обеспечения стабильных условий деятельности частного бизнеса в регионе. Японцы предпочитают участвовать в проектах с низкой степенью риска, при гарантиях со стороны государства. По мере налаживания инвестиционного климата и улучшения условий для внутрирегионального сотрудничества будет расти привлекательность региона для японских бизнесменов.

Используя формулу «ресурсы в обмен на технологии», Япония предлагает странам региона свой опыт в обеспечении экологически устойчивого, энергосберегающего производства. Намерение самих стран Центральной Азии преодолеть сырьевой характер своих экономик и выйти на более высокий уровень развития определяет их стремление повысить собственную инвестиционную привлекательность.

Страны региона заинтересованы в получении от Японии новых технологий, которые помогут им сделать скачок в развитии. Такое сотрудничество отвечает и интересам самой Японии, поскольку именно успехи передовой технологической мысли являются ее «визитной карточкой» в регионе. Как свое конкурентное преимущество Япония выдвигает качество и устойчивость, а также внимание к трудовым ресурсам, что подразумевает не только создание рабочих мест в регионе, но и обучение кадров. Подготовка местных специалистов придает долгосрочный, устойчивый характер японским проектам и одновременно способствует повышению квалификации местных специалистов. Более того, Япония, недавно принявшая новое иммиграционное законодательство, проявляет интерес к пер-

36. Тью адзиа но канкоку кигё то хиарингу тёса хококу. 17.02.2010: [Отчет о деятельности и результаты опросов корейских предприятий в Центральной Азии.] / Центр содействия международному сотрудничеству. URL: <https://www.cfiec.jp/2010/h22-eurasia-0217-2/> (дата обращения: 06.02.2020).

37. S. Sano. India is key for including Central Asia in Japan's free and open Indo-Pacific strategy. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/indias-role-key-including-central-asia-in-japans-free-and-open-indo-pacific-strategy> (дата обращения: 05.02.2020).

спективам приема на работу кадров из Центральной Азии. В частности, речь идет о включении Узбекистана в перечень стран—экспортеров рабочей силы в Японию.

В регионе Япония сталкивается с конкуренцией со стороны других азиатских государств. Безусловно, экономические позиции Китая в регионе несопоставимы с японскими, однако Япония стремится обеспечить себе ниши в экономике стран региона в свете растущей китайской экспансии. Конкурентом Японии в регионе является и Южная Корея, обладающая прочными позициями в местной экономике и во многом способная предложить странам Центральной Азии то же, что и Япония, но по меньшей цене. Турция, напротив, является экономическим союзником Японии, существуют перспективы сотрудничества с Индией в регионе. Партнерство с другими странами не только выгодно японскому бизнесу в регионе, но и является частью японской глобальной стратегии по завоеванию зарубежных рынков.

В то же время присутствие других азиатских стран в регионе создает возможности для сотрудничества. Реализация ОПОП открывает для Японии новые возможности, и задача японского бизнеса состоит в том, чтобы их не упустить. Японии выгодно развитие региона, с чьим бы участием оно не осуществлялось, поскольку это означает повышение общего уровня внутрирегионального взаимодействия и приближение его к формированию единого экономического пространства, с которым Японии было бы более выгодно сотрудничать. Открываются новые возможности с точки зрения транспорта и логистики, которые позволят японскому бизнесу в регионе расширяться. Технологические и финансовые возможности Японии делают ее привлекательным партнером не только для самих центральноазиатских государств, но и для третьих стран, активно работающих в регионе.

Литература

На русском языке:

Добринская О.А. Энергетическая дипломатия Японии в Центральной Азии//Япония. Ежегодник. М., 2011.

Комиссина И.Н. Япония и Центральная Азия: партнерство набирает силу // *Центральная Азия и Кавказ*. 1999/ № 3. URL: https://ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_10_komissina.shtml (дата обращения: 03.02.2020).

Лихачев М. Строительство казахстанской АЭС откладывается на неопределенный срок. 01.03.2016. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1457071620> (дата обращения: 03.02.2020).

На японском языке:

Икэгами К. Торуко кёвакоку тайто суру Тюто, Тюо Адзия но аратана хабу.

Гуробару репото: [Ближний Восток и Центральная Азия как новые хабы для поднимающейся Турции. *Глобальный доклад*. Mitsubishi UFG research consulting. 07.06.2013.

URL: http://www.murc.jp/thinktank/rc/report/global_report/global_1306_1.pdf (дата обращения: 05.02.2020).

Исибаси К. Тоёта цусё, Тюо Адзия ни сёки ари: [Тойота — деловые возможности в Центральной Азии] // *Кайгай тоюси дзёхо дзайдан. Гайкё now. Казафусутан*. 2015. № 7.

URL: www.joi.or.jp/modules/downloads_open/index.php?page=visit&cid=22&lid=1831 (дата обращения 10.07.2020).

Тюо Адзия но канкоку кигё то хиарингу тёса хококу. 17.02.2010: [Отчет о деятельности и результаты опросов корейских предприятий в Центральной Азии] / Центр содействия международному сотрудничеству. URL: <https://www.cfiec.jp/2010/h22-eurasia-0217-2/> (дата обращения: 06.02.2020).

На английском языке:

E. Van Wie Davis and R. Azizian, eds. Islam, oil, and geopolitics. Central Asia after September 11. 2007.

John C. Daly. Kashagan, Down but not out. *The Diplomat*. 11.01.2014.

URL: <https://thediplomat.com/2014/01/kashagan-down-but-not-out/> (дата обращения 06.02.2020).

- S. Sano. India is key for including Central Asia in Japan's free and open Indo-Pacific strategy. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/indias-role-key-including-central-asia-in-japans-free-and-open-indo-pacific-strategy> (дата обращения 05.02.2020).
- T. Dadabaev. Japanese and Chinese infrastructure development strategies in Central Asia. //Japanese Journal of Political Science. 2018.

References

Russian Language:

- Dobrinskaya O.A. E'nergeticheskaya diplomatiya Yaponii v Central'noj Azii//Yaponiya. Ezhegodnik. M., 2011.
- Komissina I.N. Yaponiya i Central'naya Aziya: partnerstvo nabiraet silu // Central'naya Aziya i Kavkaz.1999/ № 3. URL: https://ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_10_komissina.shtml (data obrashhe-niya: 03.02.2020).
- Lixachev M. Stroitel'stvo kazaxstanskoj AE'S otklady'vaetsya na neopredelenny'j srok. 01.03.2016. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1457071620> (data obrashheniya: 03.02.2020).

Japanese Language:

- Ike'gami K. Toruko kyovakoku tajto suru Tyuto, Tyuo Adzia no aratana xabu.
- Gurobaru repoto: [Blizhnij Vostok i Central'naya Aziya kak novy'e xaby` dlya podnimayushhejsya Turcii. *Global'ny'j doklad*. Mitsubishi UFG research consulting. 07.06.2013. URL: http://www.murc.jp/thinktank/rc/report/global_report/global_1306_1.pdf (data obrashheniya: 05.02.2020).
- Isibasi K. Toyota czusyo, Tyuo Adzia ni syoki ari: [Tojota — delovy'e vozmozhnosti v Central'noj Azii] // Kajgaj toyusi dzyoxo dzajdan. Gajkyo now. Kazafucutan. 2015. № 7. URL: www.joi.or.jp/modules/downloads_open/index.php?page=visit&cid=22&lid=1831 (data obrashheniya 10.07.2020).
- Tyuo Adzia no kankoku kigyto to xiaringu tyosa xokoku. 17.02.2010: [Otchet o deyatel'nosti i rezul'ta-ty' oprosov korejskix predpriyatij v Central'noj Azii] / Centr sodejstviya mezhdunarodnomu sotrudnich-estvu. URL: <https://www.cfiec.jp/2010/h22-eurasia-0217-2/> (data obrashheniya: 06.02.2020).

English Language:

- E. Van Wie Davis and R. Azizian, eds. Islam, oil, and geopolitics. Central Asia after September 11. 2007.
- John C. Daly. Kashagan, Down but not out. The Diplomat. 11.01.2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/01/kashagan-down-but-not-out/> (data obrashheniya 06.02.2020).
- S. Sano. India is key for including Central Asia in Japan's free and open Indo-Pacific strategy. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/indias-role-key-including-central-asia-in-japans-free-and-open-indo-pacific-strategy> (data obrashheniya 05.02.2020).
- T. Dadabaev. Japanese and Chinese infrastructure development strategies in Central Asia. //Japanese Journal of Political Science. 2018.

Четвертая Всекитайская экономическая перепись: оценка состояния национальной экономики

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011545-0

Чуванкова Валентина Васильевна

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: Chuvankova@ifes-ras.ru.

Аннотация:

Важную роль в выявлении экономического потенциала, проблем и перспектив развития национальной экономики на завершающем этапе 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) сыграла Четвертая Всекитайская экономическая перепись, проведенная в 2019 г.

Базовым временем переписи стало 31 декабря 2018 года. Перепись охватила все, без исключения, действующие на территории Китая субъекты со статусом юридического лица, во вторичной и третичной сферах экономики — в промышленности, строительстве и многочисленных отраслях сферы услуг, подчиненные им производственно-хозяйственные структуры и организации, а также зарегистрированные как физические субъекты индивидуальные хозяйства, в 31 регионе страны.

Одно из главных мест в переписи уделено анализу современного состояния частных и индивидуальных предприятий, составляющих подавляющее большинство во вторичной и третичной сферах экономики. В качестве отдельного предмета исследования выделены средние, малые и микропредприятия, имеющие статус юридического лица, а также индивидуальные хозяйства. Показано их приоритетное значение в обеспечении высококачественного и устойчивого развития страны, расширении каналов трудоустройства, повышении материального благосостояния граждан.

Ключевые слова:

Китай, Четвертая Всекитайская экономическая перепись, частный и индивидуальный сектор экономики, средние, малые и микропредприятия, экономический потенциал.

Для цитирования:

Чуванкова В.В. Четвертая Всекитайская экономическая перепись: оценка состояния национальной экономики // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 74–83.

DOI: 10.31857/S013128120011545-0.

The fourth Chinese economic census: assessment of the state of the national economy

Valentina Chuvankova

Ph.D. in Economics, leading researcher of the Center for Socio-Economic Research of China, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: Chuvankova@ifes-ras.ru.

Abstract:

The fourth Chinese economic census, conducted in 2019, played an important role in identifying the economic potential, problems and prospects for the development of the national economy at the final stage of the 13th five-year plan (2016–2020).

The base time for the census was December 31, 2018. The census covered all entities with the status of a legal entity operating on the territory of China, in the secondary and tertiary sectors of the economy — in industry, construction and numerous service industries, and subordinate production and economic structures and organizations, as well as individual farms registered as physical entities, in 31 regions of the country.

One of the main places in the census is devoted to the analysis of the current state of private and individual enterprises, which make up the vast majority in the secondary and tertiary sectors of the economy. As a separate subject of research, medium-sized, small and micro-enterprises with the status of a legal entity, as well as individual farms are identified. Their priority importance in ensuring high-quality and sustainable development of the country, expanding employment channels, and improving the material well-being of citizens is shown.

Key words:

China, the fourth Chinese economic census, private and individual sector of the economy, medium, small and microenterprises, economic potential.

For citation:

Chuvankova V.V. The Fourth Chinese Economic Census: Assessment of the State of the National Economy // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 74–83. DOI: 10.31857/S013128120011545-0.

Раз в пять лет в Китае проводится Всекитайская экономическая перепись, цель которой — получить максимально полную картину состояния национальной экономики с учетом новых изменений и особенностей развития страны по сравнению с пятилетней давностью; предоставить мощную статистическую поддержку для высококачественного развития, совершенствования макроэкономического регулирования, углубления структурных реформ, разработки научно обоснованных среднесрочных и долгосрочных планов развития, определения новых механизмов роста.

Китай провел уже три общенациональные экономические переписи: базовое время первой — 2004 г., второй — 2008 г. и третьей — 2013 г. С 1 января 2019 г. началась 4-я Всекитайская экономическая перепись, которая продолжалась около четырех месяцев. Базовым временем проведения переписи стало 31 декабря 2018 года, а собранные данные охватили весь 2018 год.

Цель переписи — сбор сведений об основных характеристиках объектов экономики с точки зрения их масштабов, персонала, производственной и организационной структуры, эффективности, научно-технического потенциала, территориального размещения, состава производственных факторов, активов и операционных доходов, ситуации с потреблением сырьевых материалов, энергетических и других основных ресурсов. Она состоит также в том, чтобы определить сможет ли Китай к 2020 г. решить задачу удвоения ВВП и среднедушевых доходов населения по сравнению с 2010 г. и построения среднезажиточного общества «сяокан» в течение периода до конца 13-й пятилетки более низкими темпами, чем ожидалось ранее.

Информация, собранная в ходе этой переписи, стала более обширной и качественной с учетом требований перехода к всеобщей цифровизации чем экономические показатели предыдущей переписи 2013 г. Она охватила все, без исключения, действующие в 31 регионе Китая субъекты со статусом юридического лица, занятые во вторичной и третичной сферах экономики, т.е. в промышленности, строительстве и многочисленных отраслях сферы услуг, подчиненные им производственно-хозяйственные структуры и организации, а также зарегистрированные как физические субъекты индивидуальные хозяйства.

После регистрации, проверки, обработки и подведения итогов, полученных в рамках переписи данных, первые отчеты с результатами анализа материалов обследования начали публиковаться в китайской печати с конца ноября 2019 г. Они отразили достижения, за предыдущее пятилетие в оптимизации структуры экономики с учетом новых типов динамично развивающихся производств, модернизации и трансформации развития. Отмечено, что проверка качества полученных переписью данных показала суммарную частоту погрешности 1,09%. В 2013 г. она составляла 3,3%.

В целом, четвертая экономическая перепись, проведя качественный «физический осмотр» вторичной и третичной сфер экономики на основе применения новых про-

грамм учета, получила более полные и подробные статистических данные о реальной картине социально-экономического развития Китая на завершающем этапе 13-й пятилетки, позволила в 2019 г. и 2020 г. откорректировать ранее опубликованные данные учета ВВП, общего объема розничных продаж потребительских товаров, инвестиций в основной капитал и ряда других показателей.

Основные данные переписи

Из результатов переписи следует, что масштабы экономики Китая за последние пять лет значительно расширились. Наблюдался значительный рост количества предприятий во вторичной и третичной сферах экономики, имеющих статус юридических лиц, по числу занятых частной и индивидуальной трудовой деятельностью, что стало важным результатом оптимизации бизнес-среды, стимулирования массового инновационного предпринимательства и значительного увеличения участников рынка. Производственная структура заметно оптимизировалась за счет динамично развивающихся инновационных и высокотехнологичных производств, которые стали новой точкой роста.

В конце 2018 г. в стране во вторичной и третичной сферах экономики насчитывалось 21,79 млн субъектов, имеющих статус юридических лиц, на которых было занято 383,24 млн человек. Рост по сравнению с данными Третьей Всекитайской экономической переписи на конец 2013 г. составил 107,7% и 7,6% соответственно. Среди них: 18,57 млн — корпоративные предприятия, рост по сравнению с 2013 г. составил 10,36 млн (126,2%). Причем подавляющая их часть — 18,35 млн (98,8%) — это национальные предприятия, финансируемые из внутренних источников; 1,08 млн — государственные ведомства и учреждения; 2,14 млн — общественные организации и другие объекты (табл. 1).

Таблица 1

Численность субъектов, имеющих статус юридических лиц, и зарегистрированных индивидуальных предприятий во вторичной и третичной сферах экономики в 2013 г. и 2018 г.

Годы	2013		2018		2018/2013
	млнед.	%	млнед.	%	%
Численность					
Субъекты, имеющие статус юридического лица, в том числе:	10,86	100	21,79	100	100,6
корпоративные предприятия	8,21	75,6	18,57	85,2	126,2
государственные ведомства и учреждения	1,04	9,6	1,08	5,0	3,8
общественные организации и прочие	1,61	14,8	2,14	9,8	32,9
Индивидуальные предприятия, имеющие статус физических лиц, в том числе:	32,79	100	62,96	100	92,0
вторичная сфера	1,88	5,7	7,32	11,6	289,4
третичная сфера	30,91	94,3	55,64	88,4	80,0

Источник: Составлено и рассчитано по данным: ГСУ КНР — Nation Bureau of Statistics of China. Third National Economic Census (in Chinese).

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html, табл. 1–1;

Fourth National Economic Census (in Chinese). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201911/t20191119_1710335.html, табл. 2–1. (дата обращения 20.11.2019).

Занятость. С изменениями в демографической структуре Китая численность трудоспособного населения страны в возрасте 16–59 лет приблизилась к 900 млн человек, а общее число занятых составило более 750 млн человек. На конец 2018 г. на предприятиях, имеющих статус юридических лиц, во вторичной и третичной сферах было за-

нято 383,24 млн человек, что на 27,21 млн человек, или на 7,6%, больше чем на конец 2013 г.; в их числе — 144,47 млн человек составляли женщины (37,7%). Во вторичной сфере было занято 172,56 млн человек, что на 20,05 млн меньше показателя 2013 г. (спад на 10,4%). В третичной сфере насчитывалось 210,68 млн человек, рост составил 28,9% (47,26 млн человек). В индивидуальном секторе в этих сферах было занято еще 149,31 млн человек, из них 69,01 млн — женщины.

Отраслевая структура. В производственной структуре вторичной и третичной сфер первые три места по количеству юридических лиц занимают: оптовая и розничная торговля — 6,50 млн предприятий (29,8% от их общего числа); обрабатывающая промышленность — 3,27 млн (15,0%); лизинг и бизнес-услуги — 2,55 млн и 11,7% соответственно.

Порядок отраслевого размещения по численности занятых отличается от порядка размещения по числу предприятий. Так, 1-е место по количеству занятых на предприятиях, имеющих статус юридических лиц, занимает обрабатывающая промышленность — 104,71 млн человек, ее доля 27,3%; строительство — 58,09 млн человек, что составляет 15,2%; оптовая и розничная торговля — 40,09 млн человек (10,5%) — находится на 3-м месте (табл. 2).

Таблица 2

**Отраслевая структура субъектов со статусом юридических лиц
во вторичной и третичной сферах экономики и зарегистрированных
индивидуальных предприятий в 2018 г.**

	Численность юридических субъектов		Занятые		Численность индивидуальных предприятий		Занятые	
	млн ед.	уд. вес (%)	млн человек	уд. вес (%)	млн ед.	уд. вес (%)	млн человек	уд. вес (%)
Всего	21,79	100	383,24	100	62,96	100	149,31	100
Добывающие предприятия	0,07	0,3	5,96	1,6	0,02	0,0	0,09	0,0
Обрабатывающая промышленность	3,27	15,0	104,71	27,3	4,48	7,1	16,37	11,0
Производство и распределение электроэнергии, тепловой энергии, газа, воды	0,11	0,5	4,67	1,2	0,09	0,1	0,15	0,1
Строительство	1,22	5,6	58,29	15,9	2,89	4,6	9,50	6,4
Оптовая и розничная торговля	6,50	29,8	40,09	10,5	31,85	50,6	64,43	43,2
Транспортировка, хранение, связь	0,58	2,6	14,35	3,7	5,80	9,2	11,73	7,9
Гостиничный сервис и общественное питание	0,43	2,0	7,07	1,8	7,59	12,1	22,35	15,0
Информационные услуги, программное обеспечение и технологическое обслуживание	0,92	4,2	10,112	2,6	0,21	0,3	0,44	0,3
Финансовые услуги	0,14	0,3	18,32	4,8	—	—	—	—
Недвижимость	0,75	3,4	12,69	3,3	0,83	1,3	1,72	1,2
Лизинг и бизнес-услуги	2,55	11,7	22,90	6,0	1,31	2,1	2,99	2,0

	Численность юридических субъектов		Занятые		Численность индивидуальных предприятий		Занятые	
Научные исследования и техническое обслуживание	1,28	5,9	11,83	3,1	0,18	0,3	0,48	0,3
Охрана водных ресурсов, окружающей среды и коммунальные услуги	0,15	0,7	3,53	0,9	0,03	0,0	0,08	0,0
Помощь на дому, ремонт и другие услуги	0,50	2,3	4,33	1,1	5,48	8,7	13,04	8,7
Образование	0,67	3,1	22,31	5,8	0,32	0,5	1,38	0,9
Здравоохранение и социальные услуги	0,27	1,3	11,48	3,0	0,58	0,9	1,32	0,9
Культура, спорт, развлечения	0,57	2,6	4,20	1,1	0,63	1,0	1,80	1,2
Государственное управление, социальное обеспечение и социальные организации	1,60	7,3	25,09	6,5	—	—	—	—

Примечание: В общую сумму показателей приведенной выше таблицы включены предприятия, имеющие статус юридического лица, которые занимаются предоставлением услуг для сельского и лесного хозяйства, животноводства и рыболовства, а также индивидуальные хозяйства, предоставляющие те же услуги.

Источник: Составлено и рассчитано по данным: ГСУ КНР — Nation Bureau of Statistics of China. Fourth National Economic Census.

URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201911/t20191120_1710327.html, табл. 2–2, 2–4. (дата обращения: 21.11.2019).

Что касается **регионального размещения** предприятий, имеющих статус юридических лиц, то в восточных районах насчитывалось 12,80 млн таких предприятий, что составило 58,8% от их общего числа; в центральных районах — 4,93 млн (22,6%); в западных районах — 4,06 млн (18,6%).

В порядке размещения занятых на предприятиях, имеющих статус юридических лиц, произошли изменения за счет небольшого снижения доли восточных регионов в пользу центральных и западных районов. В восточных районах было занято 216,21 млн человек, что составило 56,4% от общего числа; в центральных районах — 93,09 млн человек (24,3%); в западных районах — 73,93 млн человек (19,3%)¹.

Активы, обязательства и доходы от бизнеса. На конец 2018 года совокупные активы юридических лиц, занятых во вторичных и третичных сферах экономики, составили 914,20 трлн юаней, из которых на долю вторичной сферы приходилось 19,0%, а на долю третичной 81,0%.

Совокупные обязательства юридических лиц во вторичной и третичной сферах составили 624,0 трлн юаней, из которых на долю третичной сферы приходилась подавляющая часть этой суммы — 83,9%, тогда как на долю вторичной сферы пришлось только 16,1%.

1. Данные ГСУ КНР — Nation Bureau of Statistics of China. Fourth National Economic Census. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201911/t20191120_1710324.html (дата обращения: 21.11.2019).

В 2018 г. доходы от хозяйственной деятельности корпоративных предприятий, функционирующих во вторичных и третичных сферах, составили 294,6 трлн юаней, из которых на долю вторичных отраслей пришлось 48,8%, а на долю третичных отраслей—51,2%².

Развитие новых отраслей промышленности. На конец 2018 г. в стратегических развивающихся отраслях было занято 66 214 корпоративных промышленных предприятий, что составляло 17,7% от общего числа ведущих промышленных предприятий с годовым доходом от реализации не менее 20 млн юаней. На конец 2018 г. насчитывалось 33 573 высокотехнологических производственных предприятия выше установленного размера, что на 24,8% больше, чем в конце 2013 г. Что касается инвестиций в НИОКР, то в 2018 г. расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) высокотехнологических производственных корпоративных предприятий, превышающих установленный размер доходов от реализации продукции, составили 355,91 млрд юаней, что на 75,0% больше, чем в 2013 году. Отношение расходов на НИОКР к доходам предприятий составило 2,27%.

В сфере культуры и смежных отраслей на конец 2018 г. насчитывалось 2,10 млн юридических лиц, что на 129,0% больше, чем на конец 2013 г. Общее число занятых достигло 20,56 млн человек, что на 16,8% больше по сравнению с концом 2013 г. Общий объем активов достиг 22,60 трлн юаней, увеличившись на 118,3% по сравнению с концом 2013 г.³.

Данные экономической переписи показывают, что доля предприятий и занятых в *обрабатывающей промышленности* снижается, тогда как доля занятых в *индустрии услуг* быстро возрастает не только количественно, но и качественно. Если в 2013 г. на них приходилось 20,7 и 35,2% соответственно, то в 2018 г. — уже 15 и 27,3%. С точки зрения потенциала эффективность обрабатывающей промышленности продолжает расти, масштабы расширяются, производительность труда повышается, технологии постоянно совершенствуются. В структуре индустрии услуг также происходят значительные изменения. С одной стороны, продолжается предоставление традиционных услуг, с другой — быстро растет предложение современных услуг с относительно высоким содержанием технологий и большим размером активов. В целом, если доля доходов от хозяйственной деятельности предприятий третичной сферы и доля доходов предприятий вторичной сферы в общем объеме сопоставимы, то в решении проблемы с трудоустройством в условиях нынешней нисходящей тенденции в экономике третичный сектор, подавляющую часть которого составляют мелкие, средние и микропредприятия, становится главным источником занятости и повышения благосостояния населения.

Частные и индивидуальные предприятия становятся движущей силой экономического роста в Китае

Частные предприятия учитываются в переписи в составе предприятий, имеющих статус юридических лиц, и по-прежнему преобладают в их структуре. Согласно данным переписи, в структуре национальных предприятий к началу 2019 г. произошли существенные изменения в их организационной форме. Удельный вес частных предприятий в общей численности корпоративных предприятий, участвующих в переписи, вырос в 2018 г. до 84,1% против 68,3% в конце 2013 г. — базового периода предыдущей пе-

2. Данные ГСУ КНР — Nation Bureau of Statistics of China. Fourth National Economic Census. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201911/t20191120_1710324.html (дата обращения: 21.11.2019).
3. Данные ГСУ КНР — Nation Bureau of Statistics of China. Fourth National Economic Census. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201911/t20191120_1710324.html (дата обращения: 21.11.2019).

реписи. В абсолютном выражении их количество увеличилась в 2,8 раза и достигло 15,61 млн единиц. Тогда как доля государственных и коллективных предприятий, компаний с ограниченной ответственностью, предприятий, основанных на иностранном капитале, сократилась по сравнению с 2013 г. почти вдвое не только по удельному весу, но и в абсолютном выражении, составив 0,4, 0,5, 12,6, 0,6% соответственно. Прирост численности предприятий, помимо частных, имел место только среди компаний с ограниченной ответственностью (на 56,4%) и предприятий, базирующихся на капитале Гонконга, Макао и Тайваня (на 20%) (табл. 3).

Таблица 3

Организационная структура предприятий, зарегистрированных во вторичной и третичной сферах экономики и имеющих статус юридических лиц, в 2013 г. и 2018 г.

	Численность предприятий 2013 / 2018	Удельный вес (%) 2013 / 2018
Всего (млн ед.)	8,21 18,57	100 100
Национальные корпоративные предприятия, в том числе:	8,00 18,35	97,4 98,8
— государственные	0,11 0,07	1,3 0,4
— коллективные	0,13 0,10	1,6 0,5
— на основе паевой кооперации	0,07 0,03	0,9 0,1
— совместные	0,02 0,01	0,2 0,0
— компании с ограниченной ответственностью	1,49 2,33	18,1 12,6
— акционерные компании с ограниченной ответственностью	0,12 0,20	1,5 1,1
— частные предприятия	5,60 15,61	68,3 84,1
— прочие	0,46 –	5,6 –
Предприятия на капитале Гонконга, Макао и Тайваня	0,10 0,12	1,2 0,6
Предприятия на иностранном капитале	0,11 0,10	1,3 0,6

Источник: Составлено и рассчитано по данным: GCV KHP — Nation Bureau of Statistics of China. Third National Economic Census (in Chinese).

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201412/t20141216_653709.html, табл. 1–3; Fourth National Economic Census (in Chinese).

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201911/t20191119_1710335.html, табл. 2–3 (дата обращения: 20.11.2019)

Во внутренней структуре частных предприятий во вторичном и третичном секторах преобладают средние, малые и микропредприятия. На конец 2018 г. в стране насчитывалось 15,27 млн национальных частных средних, малых, и микропредприятий, имеющих статус юридического лица, что на 9,55 млн больше, чем в 2013 г. (рост в 2,7 раза). Их удельный вес в общей численности частных предприятий составил 97,8%. Подавляющая часть из них — 13,59 млн — это частные общества с ограниченной ответственностью (75,1% всех предприятий), что на 9,73 млн больше чем на конец 2013 г., и в 3,5 раза больше чем рост всех юридических лиц малого и среднего бизнеса за тот же период⁴.

4. Данные ГСУ КНР — Nation Bureau of Statistics of China. Fourth National Economic Census (in Chinese). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201912/t20191220_1718680.html (дата обращения: 27.12.2019).

Как следует из статистических показателей (табл. 4), в отраслевой структуре предприятий в Китае, зарегистрированных во вторичной и третичной сферах экономики и имеющих статус юридических лиц, по-прежнему преобладают *частные предприятия*, причем их удельный вес вырос по сравнению с 2013 г. в среднем на 20% по всем позициям. Так, в промышленности на них приходится 86,6% общей численности предприятий, действующих в этой отрасли — 2,91 млн; в оптовой и розничной торговле — 84,6% (5,5 млн предприятий); в строительстве — 83,6% (1,02 млн); в сфере информационных услуг, программного обеспечения и технологического обслуживания — 84,4% (0,76 млн предприятий). В других отраслях их доля также высока и составляла от 75 до 80%.

В общей численности занятых в основных отраслях промышленного сектора и сферы услуг на частные предприятия приходится от 40 до 70% трудоустроенных. В том числе: в промышленности работает 59,79 млн человек (62,2% от общего числа занятых в отрасли); в строительстве — 32,27 млн человек (55,8%); в оптовой и рознично торговле — 27,63 млн человек (72,7%); в сфере лизинга и предоставления бизнес-услуг — 14,29 млн человек (65,7%); в сфере научных исследований и техническом обслуживании — 6,15 млн человек (62,0%). (табл. 4).

Таблица 4

Отраслевая структура частных предприятий, имеющих статус юридических лиц, в основных отраслях вторичной и третичной сфер экономики и занятых на них в 2018 г.

	Общая численность предприятий в отрасли, (млн ед.)	Количество частных предприятий, (млн ед.)	Уд. вес частных предприятий в отрасли, (%)	Общая численность занятых в отрасли, (млн человек)	Занятые на частных предприятиях, (млн человек)	Уд. вес частных предприятий в отрасли, (%)
Промышленность	3,36	2,91	86,60	96,15	59,79	62,2
Строительство	1,22	1,02	83,67	57,85	32,27	55,8
Оптовая и розничная торговля	6,50	5,50	84,60	38,00	27,63	72,7
Транспорт, складское хозяйство, связь	0,57	0,46	80,70	13,47	5,37	39,9
Гостиничный сервис и общественное питание	0,43	0,36	83,70	6,17	4,06	65,8
Информационные услуги, программное обеспечение и технологическое обслуживание	0,90	0,76	84,40	8,74	4,97	56,9
Лизинг и бизнес-услуги	2,48	1,87	75,40	21,75	14,29	65,7
Научные исследования и техническое обслуживание	1,18	0,94	79,70	9,92	6,15	62,0

Источники: Составлено и рассчитано по данным: GCV KHP — Nation Bureau of Statistics of China. Fourth National Economic Census (in Chinese).

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201911/t20191119_1710336.html. табл. 3–1, 3–5;

URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201911/t20191119_1710337.html. табл. 4–2, 4–5, 4–8, 4–11, 4–18; URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201911/t20191119_1710338.html. табл. 5–2 (дата обращения: 20.11.2019).

Таким образом, во внутренней структуре частных национальных предприятий и занятых на них физических лиц по-прежнему преобладают промышленность, строительство, оптовая и розничная торговля, гостиничный сервис и общественное питание, лизинг и бизнес услуги. Быстрыми темпами увеличивается число частных предприятий и трудоустроенных в таких высокотехнологичных отраслях, как информационные услуги, программное обеспечение, технологическое и техническое обслуживание, научные исследования.

Особое место в переписи уделено изучению состояния *индивидуальных предприятий*, которые учитываются в ней как физические лица и, в соответствии с действующими в Китае положениями «Стандартного статистического требования к классификации деления на крупные, средние, малые и микропредприятия в различных отраслях экономики» (в редакции 2017 г.), все относятся к микропредприятиям. Общая численность индивидуальных предприятий, действующих во вторичной и третичной сферах экономики, продолжила свой рост и достигла 62,96 млн. единиц, увеличившись по сравнению с 2013 г. на 92%, причем подавляющая их часть — 55,64 млн сосредоточены в третичной индустрии. В то же время удельный вес третичной сферы в общей численности индивидуальных предприятий снизился с 94,3% в 2013 г. до 88,4%, а доля вторичной сферы увеличилась с 5,7% до 11,6%, хотя в абсолютном выражении прирост был очень внушительным — 3,8 раза (табл. 1). Численность занятых на них увеличилась на 59,18 млн человек (рост на 65,7%) и достигла 149,31 млн человек.

В отраслевой структуре среди индивидуальных предприятий 1-е место по-прежнему приходится на оптовую и розничную торговлю — 31,85 млн. предприятий, что составляет 50,6% от их общего числа; на 2-м месте находятся гостиничные услуги и общественное питание — 7,59 млн предприятий (12,1%); на 3-м — транспортировка, хранение и почта — 5,80 млн предприятий (9,2%) (табл. 2). По числу занятых на индивидуальных предприятиях в первую тройку вошли предприятия оптовой и розничной торговли, на которых было занято 64,43 млн человек — 43,2% их общего числа; гостиничного хозяйства и общественного питания — 15,0% и 22,35 млн человек; и обрабатывающей промышленности — 11,0% с 16,37 млн человек соответственно. Хотя на долю перечисленных сфер в отраслевой структуре индивидуального сектора приходится 87,7% предприятий и 84,8% занятых на них, их совокупный удельный вес по сравнению с показателями 2013 г. снизился в пользу других отраслей хозяйственной деятельности индивидуальных тружеников.

Если к 15,27 млн частных средних, малых и микропредприятий, имеющих статус юридических лиц, присоединить 62,96 млн индивидуальных хозяйств, действующих во вторичной и третичной сферах экономики, то общая численность этой категории предприятий в 2018 г. составила 78,23 млн единиц. На них нашли работу более 380 млн человек. Таким образом, индивидуально-частные микро-, малые и средние предприятия составляют подавляющее большинство во вторичной и третичной сферах экономики и вносят колоссальный вклад в рост производства, повышения занятости и сокращения масштабов бедности в Китае.

Результаты четвертой Всекитайской экономической переписи свидетельствуют о том, что в период с 2013 по 2019 г., вопреки давлению нисходящей тенденции темпов роста на новом этапе реформенных преобразований, экономика Китая быстро развивалась. Роль частных и индивидуальных предприятий в социально-экономическом развитии и обеспечении занятости становилась все более значимой на фоне создания благоприятной бизнес-среды для развития средних, малых и микропредприятий.

В настоящее время частные и индивидуальные предприятия в Китае составляют более 99% общего числа зарегистрированных в промышленно-торговой системе субъектов хозяйствования, причем подавляющая их часть — 97,8% — мелкие и микропредприятия. В конце 2019 г. в стране было зарегистрировано 34,68 млн частных и 81,63 млн

индивидуальных предприятий. В общей сложности — 116,31 млн предприятий. Они в совокупности обеспечили стабильное трудоустройство и заработок более 404 млн человек⁵, что составило почти 50% от общей численности занятого населения страны и 80% городской занятости, создали 90% новых рабочих мест.

На долю частного и индивидуального секторов приходится свыше 60% ВВП, около 50% налоговых поступлений в бюджет государства, 60% промышленного производства, 56,4% общего объема инвестиций в основные фонды (без учета крестьянских дворов), что делает их главным фактором роста основных фондов, 90% объема внутренней торговли, 48% экспорта, свыше 80% новой инновационной продукции, изобретений и технических новинок. (По количеству патентных заявок частные компании в два раза обошли государственные и коллективные предприятия.)⁶.

В 2019 г. среднедушевой показатель ВВП впервые достиг 10 276 долл. (70 892 юаня), средний уровень располагаемого дохода жителей Китая также впервые превысил 30 тыс. юаней, составив 30 733 юаня, и досрочно достиг намеченных на 2020 г. показателей. Рост доходов населения, в том числе за счет самозанятости, увеличил вклад потребления в экономический рост до 57,8%. Активное перемещение предпринимательства в третий сектор экономики повысило удельный вес индустрии услуг в ВВП до 60%. На фоне стимулирования массовой предпринимательской деятельности инновационного типа продолжал наращиваться инновационный потенциал страны. Вклад научно-технического прогресса в экономический рост увеличился до 59,5%, наукоемкость ВВП в масштабе всей страны достигла 2,19%⁷.

Накопленный за предыдущие пять лет экономический потенциал и предприятия в первые месяцы 2020 г. беспрецедентные меры по нейтрализации негативных последствий эпидемии COVID-2019 и поддержке малого и среднего бизнеса должны обеспечить необходимую ресурсную базу для дальнейшего поступательного развития Китая и выполнения задач 13-го пятилетнего плана в полном объеме.

Литература/ References

Zhang Jiuqin. A Widening Door. China accelerates opening up its domestic capital market.

URL: http://www.bjreview.com/Business/202002/t20200207_800192053/html (accessed 08.02.2020).

5. Жэньминь жибао. 26.12.2019.

6. Жэньминь жибао. 26.12.2019; Ministry pledges backing for private sector/. URL: http://en.ce.cn/Business/topnews/201811/16/t20181116_30797180.shtml (дата обращения 17.11.2018). (accessed 17.11.2018); Zhang Jiuqin. A Widening Door. China accelerates opening up its domestic capital market. URL: http://www.bjreview.com/Business/202002/t20200207_800192053/html (accessed 08.02.2020); (дата обращения: 08.02.2018).

7. Жэньминь жибао. 29.02.2020.

Государство и общество

О формировании системы государственного управления в доконституционный период истории КНР

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011400-1

Бородич Владимир Федорович

Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: rodich@rambler.ru.

Аннотация:

На доконституционный период истории государственного управления КНР приходится формирование правовых, военных, региональных, политических основ, на которых зиждется вся ныне существующая в стране управленческая конструкция. Доконституционный период в 1954 г. завершился в целом позитивными результатами. Вместе с тем на естественный ход административного системобразования все сильнее оказывала негативное влияние внутриполитическая борьба, что снижало возможности административной системы служить развитию страны и быть фактором политической стабильности.

Ключевые слова:

КНР, система государственного управления, институты государственного администрирования, внутриполитическая борьба.

Для цитирования:

Бородич В.Ф. О формировании системы государственного управления в доконституционный период истории КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 84–99.
DOI: 10.31857/S013128120011400-1.

State and Society

Formation of the Public Administration System in the Pre-Constitutional Period of the History of the PRC

Vladimir Borodich

Ph.D. in Jurisprudence, leading researcher of the IFES RAS. E-mail: borodich@rambler.ru.

Abstract:

The preconstitutional period of the history of the PRC's state administration accounts for the formation of the legal, military, regional, and political foundations on which the entire currently existing in the country administrative structure is based. The pre-constitutional period ended in 1954 with generally positive results. At the same time, the normal course of administrative system formation had increasingly negative influence of the internal political struggle, that reduced the ability of the administrative system to serve the country's development and be a factor of political stability.

Key words:

the PRC, public administration system, institutions of public administration, internal political struggle.

For citation:

Borodich V.F. Formation of the Public Administration System in the Pre-Constitutional Period of the History of the PRC // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 84–99.
DOI: 10.31857/S013128120011400-1.

Доконституционный период истории государственного управления КНР представляет для понимания системы государственного управления/ администрирования (далее ГУ) современного Китая особый интерес — именно на него приходится формирование тех основ, на которых зиждется вся ныне существующая в стране управленческая конструкция. Рассматриваемые в статье основы далеко не ограничивают весь их перечень, но представляются наиболее фундаментальными, каждая сочетает в себе традиционное и современное, собственно китайское и заимствуемое извне. И каждая, трансформируясь, вносит свой «вклад» в трансформацию системы государственного управления.

Формирование системы государственного управления происходило по завершении гражданской войны, которая предопределяла доминирование военного администрирования и мозаичную форму усилий, предпринимаемых руководством компартии, их поэтапный и многополюсный характер. Перевод системы военного администрирования на гражданские рельсы осуществлялся во многом неявным действием скрытых пружин, которые и привели к формированию той модели государственного управления, которая сохраняет свои черты вплоть до настоящего времени.

На формирование системы государственного управления особенно заметно влияли несколько факторов: военный («винтовка рождает власть»), внутривнутриполитический, включая внутривнутрипартийный (какой быть философии государственного управления и политической стратегии, которую система будет администрировать), региональный (на каких началах будут строиться взаимоотношения центра и регионов, как система ГУ будет отражать специфические черты регионов), историко-культурный (как будут соотноситься традиции и заимствования извне в управлении государством), внешний (отношение к политическому и управленческому опыту зарубежья; наличие или отсутствие у управленческих кадров образования, полученного за рубежом, опыта работы за границей и т.п.). Важную роль играл характер участия того или иного кадрового работника в антияпонской и гражданской войнах (служба в частях Красной армии либо партийно-административная работа на территориях, контролируемых КПК, с одной стороны, работа в подполье, на территориях, занятых японскими войсками или в «белых районах», контролируемых гоминьдановским правительством, — с другой). Перечисленные и ряд других факторов заслуживают отдельного рассмотрения, а в нашей статье только обозначаются как необходимый фон.

Правовые основы формирования системы ГУ КНР

Накануне образования КНР ЦК КПК отменил «Полную книгу шести законов» (*Люфа цюаньшу*) гоминьдановских властей. Правотворчество и правоприменение, в том числе в сфере государственного управления, оказались в относительном вакууме, как и подготовка кадров управленцев различных профилей. По просьбе китайского правительства в КНР была направлена большая группа советских специалистов, часть которых привлекалась к разработке решений по реорганизации системы управления народным хозяйством и государственного планирования¹. В вузах Китая юридические дисциплины стали преподаваться по советским учебникам. О ситуации с подготовкой управленческих кадров может свидетельствовать состояние дел с преподаванием в стране администра-

1. Новейшая история Китая (1917–1970). С. 259.

тивного права. В середине 1950-х годов в столице – Пекинском и Народном университетах – курс административного права преподавался с использованием учебников, составленных работавшими в Народном университете советскими преподавателями. Учебники были размножены на mimeографе. Учитывая трудности с переводом их на китайский, было введено преподавание русского языка студентам².

Обстановку в среде, где готовились юридически образованные кадры, характеризует оценка, данная автором труда по административному праву Китая Ло Хаоцаем. «В те годы, – писал Ло Хаоцай, – Китай политически «придерживался одной стороны» и осуществлял «полную советизацию». В области юридического образования, разумеется, необходимо было сохранять единство с Советским Союзом»³.

В 1949 г. новое государство конституировалось как республика советского типа с «формальным верховенством представительных органов над всеми остальными органами государства», политический режим был партократическим, что означало «фактическую принадлежность власти центральным и местным структурам правящей партии»⁴. Иерархия властно-административных органов выстраивалась параллельно иерархии органов КПК⁵. Структура органов государственной власти и управления КНР выстраивалась «сублимировано», начиная с того, что роль Учредительного собрания играл Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК — 中国人民政治协商会议). 29-го сентября 1949 г. им была принята Общая программа, ст. 12-й которой был определен состав и соподчиненность новых органов государственной власти: «Органами, посредством которых народ осуществляет государственную власть, являются собрания народных представителей и правительства различных ступеней». При этом предусматривалось, что правительства разных ступеней на время перерывов в работе собраний народных представителей наделяются полномочиями органов власти⁶.

Еще до принятия Общей программы сессия НПКСК 27.09.1949 г. приняла Закон об организации Центрального народного правительства (ЦНП) КНР (中华人民共和国中央人民政府) (далее Закон). Статьей 2 Закона было определено, что ЦНП функционирует в составе системы Собраний народных представителей и в работе опирается на принцип демократического централизма. Статья 3 гласила, что пленарная сессия НПКСК, осуществляя, в период до проведения всеобщих выборов во Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) КНР его функцию, принимает Закон об организации Центрального народного правительства и избирает Центральный народный правительственный совет (ЦНПС) КНР *чжунхуа жэньминь чжэньфу вэйюаньхуэй* (中华人民共和国中央人民政府委员会).

2. Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая. М.: Книгоед, 2019. С. 5.

3. Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая. С. 5.

4. Гудошников Л.М. Эволюция политических режимов и систем управления в Китае во второй половине XX века. // Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX века. Материалы научной конференции 13.05.1998 г. М.: ИСАА при МГУ, 1999. С. 123.

5. Л.М. Гудошников в этом параллелизме на первое место ставил властно-административные органы — См.: Гудошников Л.М. Эволюция политических режимов... С. 124.

6. Чжунхуа жэньминь чжэньчи сешан хуйи гунтун ганлин: [Общая программа Народного консультативного совета Китая]/1949/09/29. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/06/ARTI1315304517625199.shtml>.

Согласно ст. 4, ЦНПС уполномочен представлять КНР в отношениях с внешним миром, а внутри страны — осуществлять государственную власть. Законом (ст. 5) предусматривалось, что ЦНПС формирует следующие государственные структуры:

- Административный совет (далее АС) *чжэньюань* (政务院) – высший исполнительный орган государственного административного управления⁷;
- Народный революционный военный совет *жэньминь гэмин цзюньши вэйюаньхуй* (人民革命军事委员会) – высший государственный командный орган;
- Верховный народный суд *цзуй гао жэньминь фаюань* (最高人民法院) — высший судебный орган государства;
- Верховную народную прокуратуру *цзуй гао жэньминь цзяньчашу* (最高人民檢察署) — высший государственный прокурорский орган⁸.

В компетенцию АС, так же как и в компетенцию Центрального народного правительственного совета, входила и законодательная деятельность. АС в переходный период издал большую часть правовых нормативных документов. Военными вопросами он не ведал, они входили в компетенцию Народного революционного военного совета⁹.

Административный совет, согласно Закону, наделялся правом подавать предложения Центральному народному правительственному совету о назначении или смещении, либо утверждении назначения и смещения председателей, заместителей председателей правительств больших административных районов (大行政区), народных правительств провинций, городов, а также кандидатур на важные административные должности.

Статьей 10 Закона Административный совет наделялся правом, в случае необходимости, требовать досрочного созыва, равно как и отсрочки, пленарных заседаний Центрального народного правительственного совета.

Полномочиями назначать и смещать руководящий состав Административного совета Закон наделял Центральный народный правительственный совет. В список учреждаемых ЦНПС должностей были включены, по убывающей: премьер-министр, его заместители, члены АС, начальник секретариата (秘书长), его заместители, председатели комитетов и их заместители, члены комитетов, министры и их заместители, президент Академии наук и его заместители, начальники управлений (署) и их заместители, а также глава Банка (行).

Статья 13 Раздела 3 Закона оговаривала должностной состав АС: премьер, несколько заместителей премьера, начальник Секретариата, несколько членов АС. Члены АС могли, по совместительству, быть и председателями комитетов АС, и министрами.

-
7. В советской и российской исследовательской литературе встречается и другой вариант перевода — Государственный административный совет. Перевод «Административный совет» по формальным показателям более точный. — Прим. авт.
 8. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэньфу цзучжифа: [Закон об организации Центрального народного правительства]. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000/12/10/content_4237.htm.
 9. Современное право КНР. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. С. 11.

АС, как предусмотрено в ст. 14, ответственен перед ЦНПС и докладывает ЦНПС о работе. В промежутках работы ЦНПС Административный совет ответственен перед Председателем ЦНП и докладывает ему о работе.

Административному совету для исполнения законов и проведения политического курса были определены (ст. 15) шесть функций:

- издавать решения и приказы, контролировать их исполнение;
- отменять или корректировать решения и приказы министерств, комитетов, институтов, управлений и банков, вступающих в противоречие с законами и подзаконными актами государства;
- представлять на рассмотрение ЦНПС предложения и законопроекты;
- осуществлять взаимную связь с министерствами, комитетами, институтами, управлениями и банками, вести внутреннюю организационную и повседневную работу;
- возглавлять работу народных правительств в масштабах всей страны;
- назначать и смещать или утверждать назначение и смещение главных должностных лиц административных органов, за исключением органов, указанных в ст. 7 п. 9.2.

Премьер руководит ведением дел всеми структурными подразделениями АС. Заместители премьера и начальник Секретариата оказывают ему помощь в исполнении обязанностей.

Порядком работы Закон предусматривал, что заседания АС проводятся один раз в неделю и на них председательствует премьер. Он же, в случае необходимости, либо по требованию более 1/3 членов АС, мог проводить заседания и чаще, и реже. Заседания Административного совета допускалось открывать при наличии более чем половины его членов, при этом решения считались принятыми, если за них проголосовало больше половины присутствовавших. Статьей 17 предусматривалось, что решения и приказы АС подписывает либо премьер единолично, либо, кроме него, ставят подпись главы соответствующих комитетов, министерств, институтов, управлений, банка.

В состав АС в год его образования вошли 35 рабочих органов: Политико-юридический комитет (政务院政治法律委员会), Финансово-экономический комитет (中央人民政府国家计划委员会), Комитет культуры и образования (政务院文化教育委员会), Комитет народного контроля (政务院人民监察委员会), Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Министерство общественной безопасности, Министерство финансов, Министерство торговли, Министерство тяжелой промышленности, Министерство топливной промышленности, Министерство текстильной промышленности, Министерство пищевой промышленности, Министерство легкой промышленности, Министерство железных дорог, Министерство почты и телеграфа, Министерство транспорта, Министерство сельского хозяйства, Министерство лесонасаждений и подъема целины, Министерство водного хозяйства, Министерство труда, Министерство культуры, Министерство образования, Министерство здравоохранения, Министерство юстиции, Комитет законодательных предположений, Комитет по делам национальностей, Комитет по делам зарубежных китайцев, Академия наук, Главное информационное управление,

Главное таможенное управление, Главное управление новостей, Главное управление по делам печати, Народный банк, Секретариат¹⁰.

При этом за тремя первыми из перечисленных комитетов была закреплена функция руководства работой конкретных министерств и ведомств:

– Политико-юридический комитет руководит работой Министерства внутренних дел, Министерства общественной безопасности, Министерства юстиции, Комитета законодательных предположений и Комитет по делам национальностей;

– Финансово-экономический комитет руководит работой Министерства финансов, Министерства торговли, Министерства тяжелой промышленности, Министерства топливной промышленности, Министерства текстильной промышленности, Министерства пищевой промышленности, Министерства легкой промышленности, Министерства железных дорог, Министерства почты и телеграфа, Министерства транспорта, Министерства сельского хозяйства, Министерства лесного хозяйства и подъема целины, Министерства водного хозяйства, Министерства труда, Народного Банка и Главного таможенного управления;

– Комитет культуры и образования руководит работой Министерства культуры, Министерства образования, Министерства здравоохранения, Академии наук, Главного управления новостей, Главного управления по делам печати.

Руководство работой подведомственных им министерств и ведомств указанные комитеты осуществляют (ст. 19) посредством издания соответствующих решений (决议 *цзюэи*) и приказов (命令 *минлин*), исполнение которых комитетами проверяется. В рамках своих полномочий министерства, комитеты, учреждения (院 *юань*), управления (署 *шу*), банк (行 *хан*) также издают решения и приказы.

В Административном совете (ст. 20) для ведения повседневной работы, делопроизводства, распоряжения печатями и архивом учрежден Секретариат (秘书厅 *мишутин*). Определение штатного расписания всех названных в Законе организационных структур Административного совета — комитетов, министерств, учреждений, управлений, банка и служб (厅 *тин*) — отнесено к компетенции ЦНПС (ст. 21). Закон предусматривал (ст. 22), что ЦНПС при необходимости может принимать решение об увеличении и уменьшении количества комитетов, министерств, учреждений, управлений, банков и служб, равно как производить их слияние¹¹.

2 декабря 1949 г. в дополнение к Закону об организации Центрального народно-го правительства КНР были приняты «Типовые положения об организации Административного совета и подведомственных ему органов» (政务院及其所属各机关组织通则) (далее — Типовые положения)¹². Документ обязывал все структурные подразделения

10. Чжунго дабайкэ цюаньшу. Чжэнчжисюэ: [Большая энциклопедия Китая. Политология]. Бэй-цзин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 2002. С. 595.

11. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу цзучжифа. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000/12/10/content_4237.htm.

12. Чжэнуоань цзи ци сошу гэ цзигуань цзучжи тушэ: [Типовые положения Административного совета и подведомственных ему органов] 1949/12/2. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%94%BF%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%8F%8A%E5%85%B6%E6%89%80%E5%B1%9E%E5%90%84%E6%9C%BA%E5%85%B3%E7%BB%84%E7%BB%87%E9%80%9A%E5%88%99>.

АС определить свои полномочия (职权), сформировать канцелярии. Для разграничения участков работы надлежало сформировать департаменты (司 处) или отделы (处 处). Уровнем ниже управлений (厅 处), департаментов (司 处) и отделов (处 处) должны быть образованы отделы (处 处) или сектора (科 处). Документ пояснял, что структуры, работа которых предполагала относительную самостоятельность, должны были называться управлениями или отделами (局 处), а органы с установленным назначением называться: кабинет, бюро, отдел (室 处)¹³, группа (组 处), институт/учреждение (所 处), комитет (会 处). Каждой оргструктуре от уровня управлений (厅) и ниже должны быть определены ее функции. Должностям руководителей оргструктур Документ определял соответствующие наименования: руководитель управления (厅 主任), руководитель комитета (主任 委员), начальник департамента (司长), начальник управления/начальник отдела (局长), начальник группы (组长), начальник (директор) института/учреждения (所长), начальник отдела/отделения (处长), начальник сектора (科长). При необходимости для каждой из руководящих должностей допускалось введение должности заместителя.

Пунктом 6 Типовых положений предусматривалось введение для комитетов (委) должности заведующего секретариатом (秘书长) и его заместителя (副秘书长), а для других видов оргструктур — должности секретаря (秘书). Исходя из потребностей, в управленческих структурах учреждались следующие виды должностей: советник (参事), главный специалист (专门 委员), инженер (工程师), техник (技师), инспектор (视察) и др.

Устанавливалось, что назначение на должности заведующих и заместителей заведующих секретариатом комитетов (委 — 秘书长, 副秘书长) и равных им по уровню должностей, а также смещение с указанных должностей должно производиться, по представлению Административного совета, Центральным народным правительственным советом. На должности руководителей управлений (厅 主任), департаментов (司长), управлений/отделов (局长), отделов/отделений (处长), кабинетов (室 主任), равно как на должности руководителей других управленческих структур равного с перечисленными ранга, а также на должности их заместителей, назначения и смещения производит Административный совет. Должности глав структур более низкого уровня, а именно должности начальников отделов/отделений (处长), заведующих кабинетами (室) и начальников секторов (科长) и должности их заместителей, должны замещаться решением руководителей соответствующих управленческих структур, с последующим уведомлением Административного совета.

Пунктом 8 Типовых положений в порядок повседневной работы вводился режим совещаний (会议 制度) для комитетов (委 务 会议), министерств (部 务 会议), комитетов подминистерского уровня (会 务 会议) и институтов/учреждений (院 务 会议). В подведомственных указанным управленческих структурах вводился режим рабочих совещаний (工作 会议).

13. Например, кабинет советников (参事 室), бухгалтерия либо финансовый отдел (会计 室), методический кабинет (资料 室).

Внутренняя структура, в случае необходимости, могла (Типовое положение, п. 9) дополняться, уменьшаться, допускались и слияния органов решениями государственных совещаний (政务会议).

Подготовленные различными управленческими структурами организационные уставы (组织条例), после их рассмотрения и утверждения Административным советом, некоторое время должны были применяться в опытный порядок, после чего их следовало направлять на утверждение в Центральный народный правительственный совет (п. 10).

Типовыми положениями устанавливалось, что мера организационной сложности учреждаемых управленческих органов, численность их кадрового состава должна определяться исходя из задач, планов, финансовых и людских ресурсов¹⁴.

«Закон об организации Центрального народного правительства КНР» и «Типовые положения Административного совета и подведомственных ему органов» создали правовую базу для развития системы государственного управления КНР. Что касается работы провинциальных и уездных народных правительств, то она строилась на основе «Положения об организации провинциальных народных правительств» от 06.01.1950 г. и «Положения об организации уездных народных правительств» от 06.01.1950 г. Оба правовых нормативных документа были утверждены ЦНПС и Административным советом¹⁵.

Институты военного и регионального администрирования как основы формирующейся системы государственного управления КНР

Представление о первых шагах в построении системы государственного управления КНР невозможно ограничить характеристикой закладывавшихся правовых основ, конкретно-историческая ситуация вплетает их в другие грани этого сложного процесса. Одну из таких граней представляли институты военного и регионального администрирования, послужившие готовыми формами администрирования и контроля на всей территории вновь образованного государства. Поначалу Центральное народное правительство не располагало необходимой управленческой инфраструктурой и кадрами, и то и другое требовалось создавать заново, частично сохраняя контингент чиновников, служивших ранее на территориях, подконтрольных гоминьдановскому правительству. Поэтому неудивительно, что несколько лет, предшествовавших принятию Конституции КНР, система управления государством строилась на основе института регионального управления, источниками которого были институт военного контроля полевых армий над отдельными частями территории страны и институт административного управления территориями, находившимися под контролем КПК во время гражданской войны¹⁶. Кадры органов государственной власти и административных органов составляли, в значительной степени,

14. Чжэнююань цзи ци сошу гэ цзигуань цзучжи тунцзэ. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%94%BF%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%8F%8A%E5%85%B6%E6%89%80%E5%B1%9E%E5%90%84%E6%9C%BA%E5%85%B3%E7%BB%84%E7%BB%87%E9%80%9A%E5%88%99>.

15. Современное право КНР. С. 12.

16. Цзяньгочу люо дасинчжэнцзюй шэли юй чэсяо чжи нэйцин: [Подоплека создания и упразднения шести больших административных регионов в первые годы после образования (КНР)]. URL: <http://news.cri.cn/gb/27824/2009/12/28/541s2716998.htm>.

военнослужащие. Кроме того, частично кадровые вакансии заполняли местные активисты и чиновники прежней администрации¹⁷. Последнее из названных обстоятельств вскоре после образования КНР сыграло роль в инициировании кампании чистки госаппарата – метода, отработанного практикой администрирования на контролировавшихся КПК территориях в 1940-е годы. Опыт военного администрирования оказал колоссальное влияние на командный стиль руководящей работы, который пережил свои военные корни и проявил себя в разнообразных формах в последующие годы.

К началу 1949 г. территория Китая к северу от Янцзы была отвоевана войсками КПК у гоминьдановского правительства, и участвовавшие в боях полевые армии были переименованы: Северо-Западная полевая армия (ПА) — в 1-ю ПА, командующим и политкомиссаром которой оставался Пэн Дэхуай; Полевая армия Центральной равнины переименована во 2-ю ПА, командующим которой оставался Лю Бочэн, а политкомиссаром Дэн Сяопин; Восточно-Китайская ПА была переименована в 3-ю ПА, командующим и политкомиссаром которой оставался Чэнь И; Северо-Восточная ПА была переименована в 4-ю ПА с прежним командующим Линь Бяо и политкомиссаром Ло Жунхуанем; войска, оперировавшие в Северном Китае, были переименованы в Северокитайскую ПА, игравшую роль стратегических маневренных войск, подчиненных непосредственно Военному совету ЦК КПК. Впоследствии ее командующим и политкомиссаром был назначен Сюй Сянцзянь¹⁸.

На рубеже 1940-х — 1950-х годов, когда 2-я гражданская война закончилась, четыре полевые армии с закрепленными за ними территориями дислокации были преобразованы в военные округа (ВО): на базе 1-й ПА был образован Северо-Западный Военный округ, командующий 1-й ПА Пэн Дэхуай занял пост командующего ВО, на пост политкомиссара, который в 1-й ПА по совместительству занимал Пэн Дэхуай, был назначен Си Чжунсюнь; 2-я ПА была преобразована в Юго-Западный ВО, его руководящий tandem сохранился – командующий полевой армией Лю Бочэн стал командующим этим округом, пост политкомиссара занял Дэн Сяопин; территория, на которой дислоцировались формирования 3-й ПА, отошла к Восточному ВО, командующим которого остался экс-командующий 3-й ПА Чэнь И. Пост политкомиссара за ним сохранен не был, политкомиссаром стал Жао Шуши, возглавлявший Отдел Восточного Китая ЦК КПК; 4-я ПА, части и соединения которой в ходе Гражданской войны были перебазированы с Северо-Востока в Северный Китай, была преобразована в Центрально-Южный ВО, на посты командующего и политкомиссара которого были назначены бывший командарм 4-й ПА Линь Бяо и бывший политкомиссар 4-й ПА Ло Жунхуань.

Кроме номерных полевых армий, две группы частей и соединений, дислоцированных на Северо-Востоке и Севере страны, стали основой еще 2-х военных округов: Северо-Восточный военный округ с воинскими формированиями, оставшимися там после вывода войск 4-й ПА, возглавил Гао Ган, совместивший должности командующего и политкомиссара ВО. Воинские части и соединения, размещенные в провинциях Север-

17. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. 2017. С. 27.

18. Цзяньго чу лю да синчжэнцзюй шэли юй чэсяочжи нэйцин: [Подоплека создания и упразднения.]. URL: <http://news.cri.cn/gb/27824/2009/12/28/541s2716998.htm>.

ного Китая, были сведены в Северный ВО, командующим которым был назначен Не Жунчжэнь, а политкомиссаром Бо Ибо¹⁹.

Именно 6 названных военных округов стали основой для образования 6 больших административных районов (БАР): Северо-Восточного (华北大行政区), председателем Народного правительственного совета БАР (东北人民政府委员会) на его первом заседании был избран Гао Ган²⁰; Северного (华北大行政区), председателем Народного правительства Северного Китая (华北人民政府) стал Дун Биу²¹; Восточного (华东大行政区), председателем его Военно-административного комитета (ВАК) (军政委员会) стал Жао Шуши; Центрально-Южного (中南大行政区), председателем ВАК стал Линь Бяо; Северо-Западного (西北大行政区), председателем его ВАК стал Пэн Дэхуай; Юго-Западного (西南大行政区), председатель ВАК Лю Бочэн²². Все указанные первые руководители административных органов совмещали свои должности с должностями партийными и(или) военными, двое из 6 глав были избраны, четверо назначены.

Учреждения Народного правительства Северного Китая и, следовательно, учреждения большого административного района Северного Китая, стали структурной основой для создания центрального государственного аппарата КНР и влились в него²³. После того как НОАК в 1947 г. заняла г. Шицзячжуан, два Пограничных района — районы Шаньси — Чахар — Хэбэй и Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань были слиты воедино, и в июне 1948 г. их административные органы (Правительство Пограничного района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань и Административный совет пограничного района Шаньси — Чахар — Хэбэй) образовали Объединенный административный совет Северного Китая (华北联合行政委员会). В августе 1948 сессия Временного собрания народных представителей Северного Китая (华北临时人民代表大会) в Шицзячжуане учредило Народный правительственный совет (НПС) Северного Китая (华北人民政府委员会). 20 сентября 1948 г. на первом пленарном заседании НПС Северного Китая были произведены назначения на правительственные должности, а 26 сентября — официально создано Народное правительство Северного Китая. Объявлением об этом 27 сентября 1948 г. упразднились Правительство Пограничного района

19. Цзяньго чу лю да синчжэнцзюй шэли юй чэсяочжи нэйцин: [Подоплека создания и упразднения.]. URL: <http://news.cri.cn/gb/27824/2009/12/28/541s2716998.htm>.

20. Чжао Баоцзоань. Синь Чжунго лю да синчжэнцзюй шэли юй чэсяо шимо: [Создание и упразднение шести больших административных районов Нового Китая]. URL: http://www.laogebao.net/html/2010-02/25/content_2264353.htm; 1949 нянь 12 юэ 16 жи Чжунъян жэньминь чжэнюань ди шици чжэну хуйи тунго «Дасин чжэнцзюй жэньминь чжэнфу вэйюаньхуй цзучжи тунцзэ»: [16 декабря 1949 г. на 11-м пленарном совещании Центрального народного административного совета был принят Организационный устав Народного правительственного совета большого административного района]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zhzc/6/2/Document/1066806/1066806.htm>.

21. Дун Биу // URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%91%A3%E5%BF%85%E6%AD%A6>.

22. 1949 нянь 12 юэ 16 жи Чжунъян жэньминь чжэнфу чжэнюань ди шици чжэну хуйи тунго «Дасин чжэнцзюй жэньминь чжэнфу вэйюаньхуй цзучжи тунцзэ»: [16 декабря 1949 г. на 11-м пленарном заседании.]. //URL: <http://www.scio.gov.cn/zhzc/6/2/Document/1066806/1066806.htm>.

23. Цзяньго чу лю да синчжэнцзюй шэли юй чэсяочжи нэйцин: [Подоплека создания и упразднения.]. URL: <http://news.cri.cn/gb/27824/2009/12/28/541s2716998.htm>.

Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань и Административный совет пограничного района Шаньси — Чахар — Хэбэй²⁴. Народное правительство Северного Китая было к тому времени уже в основном укомплектовано кадрами, получившими некоторый управленческий опыт на территории Маньчжурской революционной базы²⁵. 28 апреля 1949 г. Народное правительство Северного Китая перебазировалось в Пекин из его пригорода. В начале октября состоялась передача Административному совету некоторого имущества министерств гоминьдановской Китайской Республики²⁶. 27 октября 1949 г. Народное правительство Северного Китая приказом Председателя Центрального народного правительства Мао Цзэдуна было упразднено и 31 октября состоялась церемония передачи его полномочий Административному совету Центрального народного правительства²⁷. В остальных пяти больших административных районах были созданы собственные структуры регионального управления²⁸.

5 сентября 1950 г. решением Центрального народного правительственного совета КНР в составе Центрального народного правительства было образовано Министерство по делам Северного Китая (中央人民政府华北事务部)²⁹, что обозначило направление трансформации института больших административных районов — дальнейшее размывание их относительно автономного статуса. В апреле 1952 г. указанное министерство было преобразовано в Административный комитет Северного Китая, включенный в состав Административного совета как одна из его структур. А в ноябре 1952 г. ЦНПС на своем 19-м заседании принял «Решение относительно изменения структуры и задач народных правительств (военно-административных комитетов) больших административных районов». Согласно этому Решению народные правительства и военно-административные комитеты также преобразовывались в административные комитеты соответствующих больших административных районов³⁰, осуществляющие, по поручению Центрального народного правительства, руководство и контроль над местными правительствами и ВАК. Министерства местных правительств и военно-административные комитеты были преобразованы в управления и отделы, часть отделов стала напрямую подчиняться центральному министерствам. Тем самым Центральное народное правительство упразднило

24. Хуабэй жэньминь чжэнфу: [Народное правительство Северного Китая].

URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%8D%8E%E5%8C%97%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%94%BF%E5%BA%9C>.

25. Современное право КНР. С. 11. Маньчжурская революционная база была создана в 1945 г. после разгрома японской Квантунской армии Советской Армией и освобождения ею Северо-Востока. — Прим. авт.

26. Современное право КНР. С. 11.

27. Хуабэй жэньминь чжэнфу. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%8D%8E%E5%8C%97%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%94%BF%E5%BA%9C>.

28. Цзяньго чу лю да синчжэнцзюй шэли юй чэсяочжи нэйцин: [Подоплека создания и упразднения.]. URL: <http://news.cri.cn/gb/27824/2009/12/28/541s2716998.htm>.

29. Чжунъян жэньминь чжэнфу Хуабэй шиубу: [Министерство по делам Северного Китая Центрального народного правительства]. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%A4%AE%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%94%BF%E5%BA%9C%E5%8D%8E%E5%8C%97%E4%BA%8B%E5%8A%A1%E9%83%A8>.

30. Дасинчжэнцзюй: [Большие административные регионы]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%85%AD%E5%A4%A7%E8%A1%8C%E6%94%BF%E5%8C%BA>.

административные комитеты больших административных районов как самостоятельную ступень в системе государственного управления³¹.

Политические основы формирования системы ГУ КНР

Процесс строительства системы государственного управления все отчетливее проходил в противоборстве сторонников двух подходов в руководстве КПК — волонтиристского и прагматического. Первый, которым руководствовался Председатель ЦНП Мао Цзэдун и близкие ему руководители, ставил политическую волю выше всяких других мотивов при принятии политических решений, при этом воля выражалась в стремление развивать страну посредством ведения классовой борьбы с эксплуататорами внутри китайского общества. Сторонники прагматического подхода, главным представителем которых можно считать заместителя Председателя ЦНП Лю Шаоци, выступали за постепенные преобразования, при которых изживание классовых различий проходило бы менее болезненно и не выключало бы одновременно частнокапиталистический сектор из экономического процесса³².

Сторонников двух политических подходов отличало также отношение к коллегиальному стилю работы руководящих органов при реализации миссии КПК как правящей партии. После VII съезда КПК (23 апреля — 11 июня 1945 г.), включившего в Устав положение о том, что КПК в своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна, принцип коллегиальности, сторонником которого был Лю Шаоци, оказался в подчиненном положении по отношению к политической воле лидера. Коллегиальность не отвергалась, но постепенно вытеснялась в процессе принятия решений и повседневной политической практики формирующимся культом личности Мао Цзэдуна.

В среде руководителей партийно-государственного аппарата, во многом благодаря позиции Мао Цзэдуна, усиливались разногласия в отношении Советского Союза, его опыта и его помощи. В первые несколько лет преобладала позитивная оценка роли СССР в строительстве Нового Китая, но по мере усиления внутривнутриполитической борьбы позитивная оценка сменялась подозрительным отношением и к СССР, и к лояльным ему политикам и управленцам, в особенности к тем, кто учился или стажировался в СССР (Гао Ган, Жао Шуши, Лю Шаоци и др.).

В 1952 г. Политбюро ЦК КПК приняло генеральную линию развития Китая³³, которая предусматривала «за довольно длительный промежуток времени постепенно

31. Синчжэн вэйюаньхуй: [Административные комитеты]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%A1%8C%E6%94%BF%E5%A7%94%E5%91%98%E4%BC%9A>.

32. О позиции Лю Шаоци по вопросу политики в отношении частного капитала можно судить по словам, прозвучавшим в его речи на собрании кадровых работников, созванном Всекитайским комитетом Народного консультативного совета Китая по случаю Международного дня трудящихся Первого мая 1950 г.: «Сейчас частное предпринимательство может в довольно широких пределах развертывать свою деятельность, Народное правительство не запрещает частным лицам заниматься всеми теми делами, которые идут на пользу, а не во вред национальной экономике и благосостоянию народа». *Лю Шаоци*. Избранные произведения. Т. II. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1991. С. 26.

33. Гуаньюй цзяньго илай дандэ жогань лиши вэньтидэ цзюэи: [Решение по некоторым вопросам истории партии после образования КНР]. URL: <http://news.sina.com.cn/c/nd/2016-05-16/doc-ifxsenvn7202369.shtml>.

осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, в торговых и промышленных предприятиях, находящихся в руках частного капитала»³⁴. Генеральная линия по сути стала проявлением коллективного разума высшего руководства, политической основой для формирования соответствующей ее целям и содержанию системы ГУ. Но на деле она играла лишь роль временного компромисса между сторонниками постепенного строительства социализма и теми, кто выступал за ускоренные социалистические преобразования. Формирование организационных управленческих структур и рекрутирование управленческих кадров стало фронтом внутривластного противоборства. В этом противоборстве сторонники Мао Цзэдуна коллективно вызревающим в сфере государственного управления решениям давали асимметричные ответы в духе «классовой борьбы», организуя показательные «персональные дела» и кампании чисток, объектами которых становились кадровые работники партийно-государственного аппарата всех ступеней. Фактически политические кампании служили препятствием проведению генеральной линии.

Административная система реформируется в режиме поиска

Структура Административного совета по мере накопления опыта администрирования, в ответ на решение текущих и перспективных задач, а также возникающих проблем, постоянно менялась. Уже в 1950 г. АС пополнился Министерством кадров (人事部), одновременно было упразднено Министерство пищевой промышленности³⁵. Пищевая промышленность была представлена в значительной мере частными мелкими предприятиями, что делало трудновыполнимым директивное управление отраслью и, следовательно, неактуальным наличие соответствующего министерства. К 1952 г. интересы восстановления хозяйства и политика индустриализации вызвали масштабные структурные изменения: из Министерства тяжелой промышленности было выделены 4 новых министерства — 1-е министерство машиностроения, 2-е министерство машиностроения (производство вооружений), Министерство строительства, Министерство геологии; Министерство торговли преобразовано в два новых министерства — Министерство торговли и Министерство внешней торговли; из Министерства финансов выделено Министерство продовольствия; из Министерства образования выделено Министерство высшего образования, Комитет по физической культуре и спорту и Комитет по ликвидации неграмотности. Были упразднены: Главное управление информации (中央人民城市情报总署), работа которого, как показала практика, могла быть совмещена с работой Агентства информации (情报司) Министерства иностранных дел КНР³⁶; Главное управление новостей (新闻总署), которое было ранее создано путем объединения комитета по изданию учебной литературы Правительства Северного Китая, издательского комитета

34. Ганшин Г.А. Очерк экономики современного Китая. М.: Мысль, 1982. С. 52.

35. Чжунго дабайкэ цюаньшу. Чжэнчжисюэ: [Большая энциклопедия Китая. Политология]. С. 595.

36. Чжунъян жэньминь чжэньфу цинбаоцзуншу: [Главное управление информации Центрального народного правительства]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%A4%AE%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%94%BF%E5%BA%9C%E6%83%85%E6%8A%A5%E6%80%BB%E7%BD%B2>.

Отдела пропаганды ЦК КПК и редакционного отдела магазина Синьхуа. Работа, выполнявшаяся Главным управлением, была поручена другим структурам³⁷.

В связи с решением руководства КПК развивать плановую социалистическую экономику, в финансово-экономическом комитете АС было создано Бюро планирования (综合计划处) — первый в КНР плановый орган общегосударственного значения. В финансово-экономических и культурно-просветительских органах Центрального народного правительства и в подчиненных им организациях были созданы плановые отделы (бюро), отделения и секции планирования. В больших административных районах, а также в финансово-экономических комитетах народных правительств провинций (городов), автономных районов также были созданы бюро и отделы планирования. Все создаваемые плановые структуры положили начало системе плановых органов КНР, посредством которых формировалась и реализовывалась модель плановой экономики. Для формирования такой модели, ее введения в действие и развития в конце 1952 г. был создан Государственный плановый комитет (Госплан) Центрального народного правительства (中央人民政府国家计划委员会). На него были возложены функции по разработке и организации выполнения общегосударственных экономических планов³⁸. Госплан, председателем которого, решением Центрального правительственного совета, был назначен заместитель председателя Центрального народного правительства, занимавший, по совместительству, также должность председателя Административного совета самого развитого в промышленном отношении Северо-Восточного Китая, Гао Ган, имел статус самостоятельного государственного органа, не находящегося в подчинении Административному совету. В этом органе были собраны руководители, составлявшие ядро управленцев, отвечающих за восстановление и развитие социально-экономической сферы. Среди них Дэн Цзыхуй как заместитель председателя, члены Госплана Чэнь Юнь и Дэн Сяопин, которым предстояло сыграть важную роль в формировании с конца 1970-х годов курса реформ и открытой для внешнего мира политики, Пэн Дэхуай, Линь Бяо, Жао Шуши, Бо Ибо, Пэн Чжэнь, Ли Фучунь, Си Чжунсюнь и еще 6 членов³⁹.

Одновременно были упорядочены плановые органы (отделы, бюро, секции) финансово-экономических и культурно-просветительских учреждений АС. В 1954 г. в народных правительствах различного уровня (провинции, города центрального подчинения, автономные районы; города, округа и уезды провинциального подчинения) также начали поэтапно создаваться плановые комитеты, которые подчинялись одновременно вышестоящим плановым органам и Госплану. По вертикали сформировалась достаточно целостная плановая структура⁴⁰.

37. Синьвэнь чубань цзуншу люшиньянь цзигоу бяньцяньцзи: [Структурные изменения в Главном управлении по делам печати и издательств]. URL: <http://news.sohu.com/20090911/n266644114.shtml>.

38. Проблемы планового управления в Китае: В 2 т. Т. 1: Пер. с кит. М.: Прогресс, 1989. С. 82.

39. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя цзихуа вэйюаньхуй: [Государственный плановый комитет КНР]. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E8%AE%A1%E5%88%92%E5%A7%94%E5%91%98%E4%BC%9A>.

40. Проблемы планового управления в Китае. Т. 1. С. 83.

В первой половине 1954 г., к моменту преобразования Административного совета в Государственный совет, в его составе насчитывалось 42 структурные единицы: 4 комитета, 34 министерства, учреждения (院) или компании (会), 3 структурные единицы уровня управления — банка — бюро (局), 1 канцелярия (厅)⁴¹.

Доконституционный период формирования системы ГУ КНР завершился в 1954 г. в целом позитивными результатами. Вместе с тем на естественный ход административного системообразования все сильнее оказывала негативное влияние внутривластная борьба, что снижало возможности административной системы служить развитию страны и быть фактором политической стабильности.

Литература

- Вэй Но, У Аймин.* Дандай Чжунго чжэнфу юй синчжэн (Ди сан бань): [Современное китайское правительство и администрирование]. 3-е изд. — Бэйцзин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2012.
- Ганишин Г.А.* Очерк экономики современного Китая. М.: Мысль, 1982.
- Гуаньюй цзяньго илай дандэ жогань лиши вэньтидэ цзюэи: [Решение по некоторым вопросам истории партии после образования КНР]. URL: <http://news.sina.com.cn/c/nd/2016-05-16/doc-ixfsenvn7202369.shtml>.
- Гудошников Л.М.* Эволюция политических режимов и систем управления в Китае во второй половине XX века. // Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX века. Материалы научной конференции 13.05.1998 г. М.: ИСАА при МГУ, 1999.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013.
- Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. Т. VIII. М.: Наука. 2017.
- Ло Хаоцай.* Очерки современного административного права Китая. М.: Книгоед, 2019.
- Новейшая история Китая (1917–1970). М.: Мысль: 1972.
- Лю Шаоци.* Избранные произведения. Т. II. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1991.
- Проблемы планового управления в Китае: В 2 т. Т. 1: Пер. с кит. М.: Прогресс, 1989.
- Современное право КНР. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.
- Чжунго дабайкэ цюаньшу. Чжэнчжисюэ: [Большая энциклопедия Китая. Политология]. Бэйцзин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 2002.
- Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуньян жэньминь чжэнфу цзучжифа: [Закон об организации Центрального народного правительства]. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000/12/10/content_4237.htm.
- Чжунхуа жэньминь чжэнчжи сешан хуйи гунтун ганлин: [Общая программа Народного консультативного совета Китая] 1949/09/29. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/06/ART11315304517625199.shtml>.
- Чжэнюань цзи ци сошу гэ цизгуань цзучжи тунцэ. [Типовые положения Административного совета и подведомственных ему органов] 1949/12/2. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%94%BF%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%8F%8A%E5%85%B6%E6%89%80%E5%B1%9E%E5%90%84%E6%9C%BA%E5%85%B3%E7%BB%84%E7%BB%87%E9%80%9A%E5%88%99>.

41. *Вэй Но, У Аймин.* Дандай Чжунго чжэнфу юй синчжэн (Ди сан бань): [Современное китайское правительство и администрирование]. 3-е изд. — Бэйцзин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2012. С. 41.

References

- Vey No, U Aymin.* Danday Chzhungo chzhengfu yuy sinchzhen (Di san ban'): [Sovremennoye kitayskoye pravitel'stvo i administrirovaniye]. 3 ye izd. — Beytszin: Chzhungo zhen'min' dasyue chuban'she, 2012.
- Ganshin G.A.* Ocherk ekonomiki sovremennogo Kitaya. M.: Mysl', 1982.
- Guan'yuy tszyan'go ilay dande zhogan' lishi ven'tide tszyuei: [Resheniye po nekotorym voprosam istorii partii posle obrazovaniya KNR]. URL: <http://news.sina.com.cn/c/nd/2016-05-16/doc-ifxsenvn7202369.shtml>.
- Gudoshnikov L.M.* Evolyutsiya politicheskikh rezhimov i sistem upravleniya v Kitaye vo vtoroy polovine XX veka. // Al'ternativnost' istoricheskogo razvitiya Kitaya vo vtoroy polovine XX veka. Materialy nauchnoy konferentsii 13.05.1998 g. M.: ISAA pri MGU, 1999.
- Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: V 10 t. / gl. red. akad. RAN S.L. Tikhvinskiy; In-t Dal'nego Vostoka RAN. M.: Nauka, 2013.
- Kitayskaya Narodnaya Respublika (1949–1976) / otv. red. YU.M. Galenovich. T. VIII. M.: Nauka. 2017.
- Lo Khaotsy.* Ocherki sovremennogo administrativnogo prava Kitaya. M.: Knigoyed, 2019.
- Noveyshaya istoriya Kitaya (1917–1970). M.: Mysl': 1972.
- Lyu Shaotsi.* Izbrannyye proizvedeniya. T. II. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1991.
- Problemy planovogo upravleniya v Kitaye: V 2 t. T. 1: Per. s kit. M.: Progress, 1989.
- Sovremennoye pravo KNR. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka», 1985.
- Chzhungo dabayke tsyuan'shu. Chzhenchzhisyue: [Bol'shaya entsiklopediya Kitaya. Poli-tologiya]. Beytszin: Chzhungo dabayke tsyuan'shu chuban'she, 2002. S. 595.
- Chzhunkhua zhen'min' gunkhego chzhun"yan zhen'min' chzhengfu tszuchzhifa: [Zakon ob organizatsii Tsentral'nogo narodnogo pravitel'stva]. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000/12/10/content_4237.htm.
- Chzhunkhua zhen'min' chzhenchzhi seshan khuyi guntun ganlin: [Obshchaya programma Narodnogo konsul'tativnogo soveta Kitaya] 1949/09/29. URL: <http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/06/ARTI1315304517625199.shtml>.
- Chzhenyuan' tsi tsi soshu ge tsziguan' tszuchzhi tuntsze. [Tipovyie polozheniya Administrativnogo soveta i podvedomstvennykh yemu organov] 1949/12/2. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%94%BF%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%8F%8A%E5%85%B6%E6%89%80%E5%B1%9E%E5%90%84%E6%9C%BA%E5%85%B3%E7%BB%84%E7%BB%87%E9%80%9A%E5%88%99>.

Демографическая безопасность России и Китая: основные факторы влияния

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120010568-5

Комарова Татьяна Михайловна

Кандидат географических наук, доцент, заместитель директора по научным вопросам, ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан.
E-mail: carpi-komarova@yandex.ru.

Аннотация:

В статье рассчитан и проанализирован интегральный показатель демографической безопасности России и Китая за период 2001–2018 гг. Для расчета интегрального показателя демографической безопасности были использованы следующие показатели: коэффициент рождаемости; коэффициент смертности; коэффициент младенческой смертности; суммарный коэффициент рождаемости; коэффициент естественного прироста; доля населения младше 15 лет; доля населения старше 65 лет; продолжительность жизни; коэффициент миграционного прироста. Интегральный индикатор демографической безопасности был рассчитан из среднего суммы отдельных показателей. Показано, что в настоящее время обе страны располагаются в зоне социальной напряженности. Показатели безопасности России ниже Китая, что говорит о наличии большего числа факторов, которые ухудшают российский показатель безопасности. Выявлены факторы, которые оказывают наибольшее влияние на снижение показателей демографической безопасности: низкая рождаемость, увеличение доли населения старше 65 лет. Показано, что одним из факторов низкой рождаемости является сокращение количества женщин фертильного возраста. Увеличение продолжительности жизни населения способствует быстрому росту доли населения старшего возраста, особенно быстрыми темпами она растет в Китае. Неблагоприятные демографические тенденции могут в дальнейшем привести к замедлению экономического роста и в целом повлиять на геополитическую ситуацию.

Ключевые слова:

Россия, Китай, демографическая безопасность, интегральный показатель, факторы, низкая рождаемость, старение населения.

Для цитирования:

Комарова Т.М. Демографическая безопасность России и Китая: основные факторы влияния // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 100–111.
DOI: 10.31857/S013128120010568-5.

Komarova T.M. Komarova. Demographic Security Russia and China: the Main Factors of Influence

Tatiana Komarova

Ph.D. in Geography, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Birobidzhan, Russia. E-mail: carpi-komarova@yandex.ru,

Abstract:

The integral indicator of the demographic security of Russia and China for the period 2001–2018 was calculated and analyzed. Countries are currently in a zone of social tension. The following

indicators were used to calculate the integral indicator of demographic security: fertility rate; mortality rate; infant mortality rate; total fertility rate; growth rate; share of population under 15 years old; share of the population over 65; life expectancy; migration growth rate. The integrated indicator of demographic security was calculated from the average of individual indicators. It is shown that at present both countries are located in a zone of social tension. Russia's security indicators are lower than China, which indicates the presence of a larger number of factors that worsen the Russian security indicator. The factors that have the greatest impact on the decline in demographic security indicators are identified: low fertility, an increase in the share of the population over 65 years of age. It is shown that due to the reduction in the number of women of child-bearing ages, the country will remain in the zone of social tension in the medium term. Adverse demographic trends may further slow down economic growth.

Key words:

Russia, China, demographic security, integral indicator, factors, low fertility, aging.

For citation:

Komarova T.M. Demographic Security Russia and China: the Main Factors of Influence // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 100–111. DOI: 10.31857/S013128120010568-5.

Постановка проблемы

Современный мир представляет сложное переплетение между собой отдельных региональных проблем, которые наряду с локальными, могут привести и к глобальным изменениям. Принято считать, что основу национальной безопасности составляют физическое выживание общества, сохранение суверенитета и территориальной целостности государства. Национальная безопасность — это чрезвычайно сложная многоуровневая функциональная система, одной из составляющих которой является демографическая безопасность. Демографическая безопасность — такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного влияния внешнего фактора и обеспечение человеческими ресурсами геополитических интересов государства¹.

В современной геополитической ситуации и для дальнейшего равновесия в мире как никогда важны добрососедские отношения России и Китая. Именно эти страны могут сыграть важную роль в сохранении мировой стабильности. В то же время демографические проблемы этих стран могут существенно повлиять на ход социально-экономического развития внутри самих стран. Несмотря на некоторые существенные различия демографических процессов на территории России и Китая (численность и плотность населения), у них есть общие негативные тенденции: низкая рождаемость, проблема старения населения, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население, что в итоге может привести к торможению экономического роста.

Цель работы: проанализировать динамику демографической безопасности в России и Китае и выявить основные факторы, на нее влияющие. Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи:

1. Рассчитать интегральный показатель демографической безопасности России и Китая за период 2001–2018 гг.
2. Выявить факторы, влияющие на снижение интегрального показателя.

Результаты исследования и их обсуждение

Интегральный показатель демографической безопасности

Реальную демографическую ситуацию в любой стране определяют три главных демографических процесса: смертность, рождаемость, миграция. В каждом из них отражается

1. Рыбаковский Л. Демографическая безопасность // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 24–156.

противоречие демографических и недемографических процессов, и от того, как оно разрешается в каждой стране, зависит демографическое развитие и его конечные результаты².

До настоящего времени не существует общепринятой методики расчета уровня безопасности. Чаще всего используется методика индикаторов безопасности и их пороговых значений, которая позволяет проанализировать соответствие показателей им отдельных стран и регионов³. Данилова З.А., Данилов Б.Б. на основе вышеописанной методики проанализировали социально-экономическую и демографическую безопасность Китая и России и пришли к выводу, что основными угрозами являются низкий уровень и качество жизни, бедность и безработица, высокие показатели социальных заболеваний⁴.

На наш взгляд, одним из недостатков этой методики является то, что на ее основе нельзя вычислить интегральный показатель демографической безопасности, поэтому в данной работе предлагаем рассчитать его из среднего суммы отдельных показателей с помощью многомерной средней арифметической, рассчитанной методом В.М. Рябцева⁵. Основным преимуществом данного метода являются определение весов стандартизированных индикаторов исходя из математических расчетов, а не на основе экспертных оценок. Кроме этого, он дает возможность увеличения количества используемых показателей и их динамику. Выбор данного вида средней обусловлен тем, что исследуемые показатели имели абсолютные значения.

Здесь мы приводим формулу для расчета

$$Y = (X - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min})$$

Y — уровень безопасности,

X — показатель n -страны,

X_{\min} — минимальный мировой показатель,

X_{\max} — максимальный мировой показатель.

Показатели измеряются от нуля до единицы, чем ближе значение к единице, тем выше показатель демографической безопасности.

Для расчета интегрального показателя демографической безопасности были использованы индикаторы демографических угроз, то есть показатели, которые характеризуют отдельные стороны демографических процессов⁶. Для нашего исследования были выбраны следующие показатели:

- 1) коэффициент рождаемости;
- 2) коэффициент смертности;
- 3) коэффициент младенческой смертности;
- 4) суммарный коэффициент рождаемости;

2. *Luts W., Scherbov S., Gui Yung Cao, Qiang Ren, Xiaoying Zheng.* China's uncertain demographic present and future // Vienna Yearbook of population research. 2007. P. 37–59.
3. Социально-демографическая безопасность России: научное издание / [В. А. Черешнев и др.]; под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина; Рос. акад. наук, Ин-т экономики Урал. отд-ния РАН; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; М-во здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации, Центр. науч.-исслед. ин-т орг. и информатизации здравоохранения. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2008. 863 с.
4. *Данилова З.А., Данилов Б.Б.* Социально-экономическая и демографическая безопасность стран Великого шёлкового пути // Байкал как участок Всемирного природного наследия: 20 лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году экологии, Году особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации, 60-летию Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. С. 142–145.
5. *Рябцев В.М.* Конкурентоспособность российских регионов: методология оценки и сравнительного анализа. Самара: Издательство СГЭА, 2002. 128 с.
6. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–153.

- 5) коэффициент естественного прироста;
- 6) доля населения младше 15 лет;
- 7) доля населения старше 65 лет;
- 8) продолжительность жизни;
- 9) коэффициент миграционного прироста.

При мониторинге рейтинга страны предпочтителен интервальный анализ, который позволяет более четко классифицировать его изменения (табл. 1).

Таблица 1.

Классификация уровней безопасности⁷

Интервалы величин показателя безопасности	Характеристика градаций
Менее 0,3	кризис
0,31–0,5	напряженность
0,51–07	стабильность
0,71–1,0	благополучие

Помимо отнесения к тому или иному классу безопасности, важным является сравнительный анализ по отдельным показателям, так как именно на их основе можно ранжировать остроту и причины демографических угроз для конкретной территории, то есть выявить факторы, влияющие на их рост. Анализ интегрального показателя демографической безопасности стран за период 2001–2018 гг. показал, что они располагаются в зоне демографической напряженности и показатели безопасности России ниже Китая, что говорит о наличии большего числа факторов, которые ухудшают российский показатель безопасности (рис. 1). После некоторого падения в 2005–2006 гг. в КНР отмечается его плавный медленный рост, Россия имеет неустойчивое состояние показателя с относительно резким ростом в 2018 г. Попадание региона (страны) по индикатору в зону напряженности означает, что необходимо проведение комплекса срочных профилактических мероприятий для предотвращения перехода в кризисную зону. Нахождение региона в зоне кризиса показывает, что система начинает терять устойчивость и для выхода из данной ситуации требуются большие материальные и иные ресурсы.

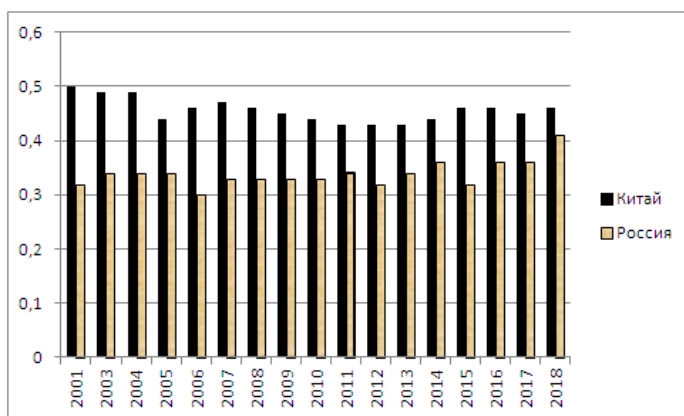

Рис. 1. Динамика интегрального показателя демографической безопасности России и Китая.

7. Фомичева Т.А. Методологический аспект статистической оценки и межрегиональной дифференциации социальной безопасности // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2009. № 10 (60). С. 101–107.

Факторы демографической безопасности

Одним из важных факторов роста демографической безопасности государств является рост численности населения, обусловленный естественным приростом населения и миграцией населения. В КНР за всю ее историю было проведено пять Всекитайских переписей населения и ряд выборочных обследований, что служит солидной базой для прослеживания его динамики. Материалы переписей показывают, что в Китае происходит постоянный рост численности населения с преобладанием мужского пола над женским, уменьшение размера семьи, снижение доли детей, увеличение доли лиц в трудоспособном возрасте и в возрасте свыше 60 лет⁸. Общий коэффициент миграции в Китае за последние годы имеет нулевое значение, следовательно, миграция не оказывает сильного влияния на увеличение численности населения, которая растет в основном за счет именно естественного прироста⁹. Численность населения Китая росла медленными темпами в результате осуществления политики «одна семья — один ребенок», что явилось следствием курса экономических реформ, в связи с необходимостью снижения нагрузки на имеющиеся ресурсы, повышения качества жизни населения¹⁰. За анализируемый период ежегодный рост населения страны составлял от 0,73% (2001 г.) до 0,51% (2015 г.) с дальнейшим снижением уже в 2018–2019 гг. до 0,26%¹¹. (рис. 2). По оценкам демографов, темпы снизятся к 2025 г. до 0,1%, с дальнейшим сохранением тенденции падения данного показателя вплоть до отрицательных значений¹². В России в условиях естественной убыли населения в 1992–2012 гг. миграция стала единственным источником роста его численности, но недостаточной в отдельные годы, чтобы ее полностью компенсировать¹³. В результате принятой Концепции демографической политики Российской Федерации мероприятия, проводимые в результате ее осуществления, привели к сокращению убыли населения с — 0,4% в 2005 году до 0,1% в 2011 году¹⁴. В 2012–2015 гг. в РФ естественная убыль населения сменилась небольшим естественным приростом около 0,2%, с дальнейшим возвращением естественной убыли населения в 2018 году до — 0,1%.¹⁵

Среди факторов, которые оказывают наибольшее влияние на положение интегрального показателя демографической безопасности в зоне напряженности, это низкая рождаемость. Рассчитанный показатель безопасности на основе коэффициента рождаемости показал, что на протяжении исследуемого периода Россия и Китай относились к зоне кризиса (табл. 2).

8. *Баженова Е.* Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 121–129.
9. *Кулькова И.А., Плутова Т.* Сравнительный анализ показателей рождаемости в России и Китае // Human progress, 2016, т. 2, № 2. URL: http://progress-human.com/images/2016/Tom2_12/Koulikova_Plutova.pdf (дата обращения: 01.08.2019).
10. *Красова Е.В., Бао Ган.* Исследование демографической дифференциации в контексте экономического развития Китая и его регионов в XXI веке // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 126–129.
11. Рост населения в Китае. URL: <https://www.worlddata.info/asia/china/populationrowth.php> (дата обращения: 01.08.2019).
12. Population of China. <https://www.populationof.net> Population of China. 2020 demographics: density, ratios, growth rate, clock, rate of men to women (дата обращения: 03.02.2020).
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Р. 32. Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
14. Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (ред. 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года». URL: https://www.consultant.ru//document/cons_doc_LAW_716737 (дата обращения: 03.02.2020).
15. Основные демографические показатели по всем странам мира. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril_world.php (дата обращения: 5.07.2019).

Заложенные меры в принятой в России в 2007 г. концепции демографического развития страны привели к росту коэффициента рождаемости с 9,8 ‰ (2005 г.) до 13,3 (2012–2015 гг.) на первоначальном этапе, но в дальнейшем, в связи с сокращением численности населения репродуктивного возраста, что было связано с низкой рождаемостью в 90-х годах XX века, последовало его снижение до 10,9 ‰ в 2018 г.

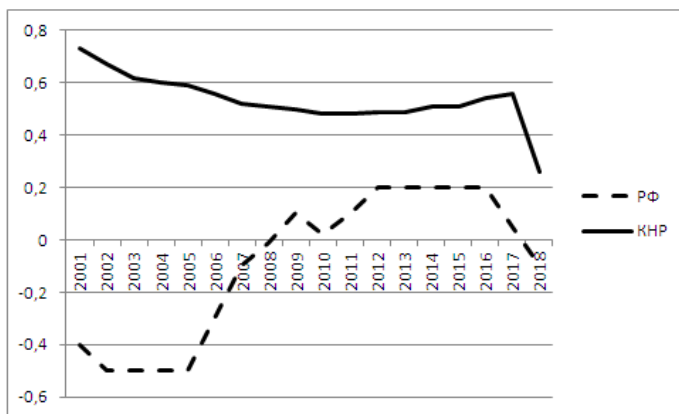

Рис. 2. Динамика прироста населения России и Китая, в %

Таблица 2.

**Показатель демографической безопасности,
рассчитанный на основе коэффициента рождаемости**

Год	2001	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Китай	0,15	0,10	0,11	0,12	0,15	0,13	0,13	0,13	0,12	0,12	0,13
Россия	0,02	0,08	0,11	0,14	0,17	0,15	0,15	0,16	0,15	0,12	0,13

В Китае с 1988 г. началось сокращение коэффициента рождаемости (22,4‰), которое продолжалось вплоть до 2011 г. (до 11,9 ‰), с 2012 г. отмечался его небольшой рост до 12,1‰¹⁶. (рис. 3). В связи с принятием в 2015 г. на V пленуме компартии Китая решения о разрешении семьям иметь двух детей с 1 января 2016 г., коэффициент рождаемости вырос до 12,95‰. Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) предложило в сентябре 2018 г. упразднить законы «О народонаселении и планировании рождаемости» и «О защите матери и ребенка» и начать работу по подготовке закона «О населении и охране здоровья матери и ребенка». В связи с тем, что ранее принятые законы были установлены в конституции, Государственный комитет по делам здравоохранения Китая считает, что по этой причине не следует полностью исключать из ее содержания положения о том, что государство продолжит осуществлять планирование рождаемости. Как отмечали некоторые исследователи, всплеск рождаемости, обусловленный новой демографической политикой, может продлиться от пяти до восьми лет, но вопреки ожиданиям, коэффициент рождаемости в 2017 г. снизился до 12,43 ‰, а в 2018–2019 гг. он достиг одного из самых низких показателей рождаемости в стране за последние шестьдесят лет — соответственно 10,94 и 10,48 ‰¹⁷.

16. Основные демографические показатели по всем странам мира. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril_world.php (дата обращения: 5.07.2019).

17. Гулева М.А. Отмена политики «одна семья — один ребенок» в Китае // Азия и Африка сегодня. 2016. № 6. С. 24–33.

Одной из главных причин снижения рождаемости, характерных для обеих стран, является сокращение численности женщин фертильного возраста. В Китае более чем на протяжении тридцати лет гендерный дисбаланс оставался очень высоким, достигнув максимума до 121,2 мальчиков к 100 девочкам (2004–2008 гг.), возникнувший как в результате действия программы «одна семья — один ребенок», в связи с традиционными представлениями о том, что мальчики — это будущие кормильцы престарелых родителей.

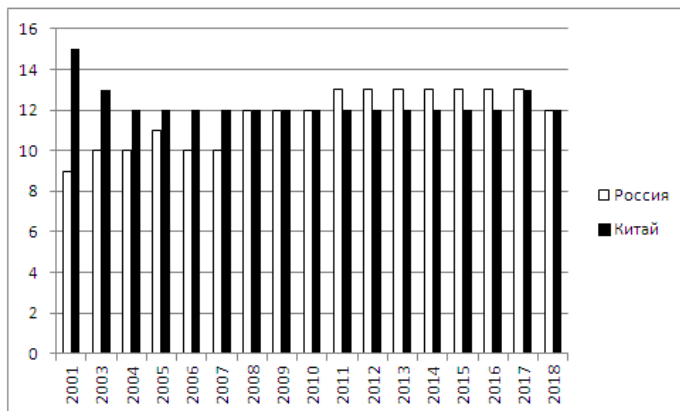

Рис.3. Динамика коэффициента рождаемости России и Китая, в %.

В связи с изменением половой и возрастной структуры населения общее число женщин фертильного возраста имеет отрицательную тенденцию. В 2015 г. число женщин репродуктивного возраста 15–49 лет уменьшилось на 5,2 млн человек по сравнению с 2014 г., при этом наиболее благоприятная для рождения детей возрастная когорта 20–29 лет снизила свою численность на 1,2 млн, а когорта 25–35 лет — на 2,7 млн человек¹⁸.

Численность женщин фертильного возраста в России — около 35 млн человек. Сокращение числа женщин фертильного возраста в РФ началось с 2008 г. и только за 2015–2018 гг. их численность сократилась на 2,4%¹⁹. В Китае снижение за аналогичный период составило более 5%. А вот другой важный фактор, который в последние годы характерен как для Китая, так и России, — склонность молодого поколения позже вступать в брак и заводить детей²⁰. Маловероятно, что дети, рожденные в однодетной семье, будут стремиться к двухдетной, особенно в крупных городах.

Рост продолжительности жизни, сокращение доли населения в возрасте 0–15 лет приводит к росту доли населения старше 65 лет, что характерно для обеих стран. По прогнозам ООН, к 2050 г. доля детей в Китае составит 14%, в РФ — 17%. При этом доля населения старших возрастов в Китае растет более быстрыми темпами, чем в России, одной из причин является более высокая смертность населения и более низкая продолжительность жизни в РФ. К концу 2017 г. насчитывалось 241 млн граждан Китая в возрасте 60 лет и старше (17,3% населения), а к 2030 и 2050 г. ожидается,

18. Баженова Е.С. Политика двухдетной семьи в КНР: первые итоги и прогнозы // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК/ отв.ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 100–109.

19. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (дата обращения: 01.08.2019).

20. Прогноз: год начала естественной убыли в Китае. URL: <https://stranger233.livejournal.com/39491.html> (дата обращения: 24.01.2020).

что доля китайцев в возрасте 65 лет и старше достигнет 17,2 и 27,6% соответственно²¹. В России в 2017 г. доля населения старше 60 лет составляла 37,3 млн человек (25,4% населения), к 2030 г. его доля составит 28,9%²². Как отмечают некоторые исследователи, численность населения 60+ с 2012 до 2050 г. ежегодно будет увеличиваться в Китае на 0,53%, в России — на 0,32%²³. Прогноз ООН показывает, что в Китае к 2050 году 26% населения будет старше 65 лет, в России — 22%. При этом необходимо отметить, что если в 2000 г. КНР была еще только на пороге «демографической старости» с показателем 7%, то Россия уже давно входила в список стареющих стран с показателем 13%. За 2001–2018 гг. доля пожилого населения в Китае выросла на 4%, в России — на 1%. За этот же период доля детей в КНР сократилась на 6%, в России осталась на уровне 18%, хотя в отдельные годы отмечалось падение до 15%.

В свое время, в 50-е — 70-е годы XX века, проводимая в Китае демографическая политика привела к резкому сокращению рождаемости, что принесло Китаю так называемый демографический дивиденд — в совокупном населении доля лиц трудоспособного возраста стала максимальной при минимальной демографической нагрузке. Эта благоприятная ситуация во многом способствовала рывку национальной экономики. Однако к настоящему времени этот ресурс практически исчерпан. Если в 2010 г. медиальный возраст населения в Китае составлял 34,2 года, в 2018–38,3 лет, то по оценкам демографов в 2050 г. он составит 46,2 года, что превратит Китай в одну из самых пожилых стран мира²⁴. Это приведет страну к замедлению экономического роста, увеличению расходов на здравоохранение и социальное обеспечение. Уже в настоящее время КНР наращивает расходы на здравоохранение и пенсионное обеспечение, что является достаточно проблематичным, поскольку люди, родившиеся в 50-х — 60-х годах, начинают выходить на пенсию²⁵. Проблема старения населения Китая особенно остро стоит в старых промышленных районах Северо-Востока страны, в провинциях Ляонин, Хэйлуцзян, Цзилинь. В провинции Ляонин местное правительство разработало долгосрочный план поощрения рождаемости для молодых семей и пожилого населения, откладывающего свой выход на пенсию или начавшего собственный бизнес²⁶.

Старение населения приводит к снижению численности рабочей силы, в связи с чем исчезает преимущество ее дешевизны, вследствие чего и конкурентоспособности китайских товаров. В 2014 г. доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения была максимальной, составляя 72,8%, после чего началось ее снижение к 2050 г. до 54,8% и к 2100 г. стабилизация на уровне 56%²⁷. В России максимальная доля

21. Johnston L.A. What fast-ageing countries such as China tell us about our economic future // World economic forum. — 2019. — Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/what-ageing-china-and-japan-teach-us-about-our-economies/>.

22. Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб./ Росстат. М., 2019. 252 с.

23. Сунь Фу, Еремينا С.Л. Старение населения. Влияние на экономику Китая // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 252–264.

24. Population of China. <https://www.populationof.net> Population of China. 2020 demographics: density, ratios, growth rate, clock, rate of men to women (дата обращения: 03.02.2020).

25. Population of China: statistics, trends, patterns and consequences. URL: <https://factsanddetails.com/china/cat4/sub15/item129.html> (дата обращения: 03.02.2020).

26. China's ageing population problem worsens as birth and marriage fall. URL: <https://www.scmp.com> (дата обращения: 03.02.2020).

27. Лу Ц. Стратегический выбор и влияние старения населения на непрерывное развитие экономики. 2015. URL: http://news.xinhuanet.com/gongyi/yanglao/2015-07/28/c_128068093.htm (дата обращения 5.07.2020).

рабочей силы в 2016 г. составила 69,5% с последующим снижением в 2017 г. до 69,1%²⁸. В дальнейшем, в связи с низкой рождаемостью, доля трудоспособного населения продолжит уменьшаться.

Одним из важных вариантов преодоления дефицита рабочей силы может стать увеличение пенсионного возраста. В 2018 г. в России был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ о повышении пенсионного возраста в стране: мужчин до 65 лет, женщин до 60 лет²⁹. В настоящее время пенсионный возраст в Китае, установленный законом для сотрудников администрации служащих, составляет 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин; но для сотрудников предприятий он составляет 60 лет для мужчин и 50 лет для женщин³⁰. В связи с увеличением продолжительности жизни повышение пенсионного возраста позволит не только сократить расходы на поддержание пенсионной системы, но и частично снять проблему дефицита рабочей силы.

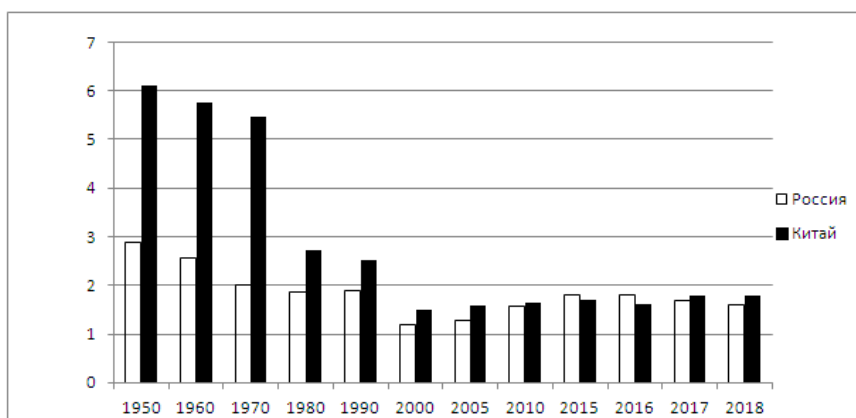

Рис. 4. Динамика смертности населения России и Китая, в %.

Объем требуемых пенсионных выплат в странах значительно увеличился. Средств, собираемых пенсионными фондами (ПФ), не хватает на исполнение своих обязательств. И в связи с дальнейшим ростом лиц старших возрастов бюджеты ПФ все больше и больше будут нуждаться в поддержке государств. Например, рост дотаций из федерального бюджета России в Пенсионный фонд в 2018 г. по сравнению с 2011 г. увеличился в 1,37 раза. В Китае дефицит средств в ПФ растет также быстрыми темпами, если в 2014 г. — 0,17% ВВП, то в 2016—0,46% ВВП, который вынужден покрывать государственный бюджет³¹. Ожидается, что к 2050 г. в Китае будет 438 млн пожилых людей. К 2035–2040 гг. при пике старения населения Китай столкнется с дефицитом социального обеспечения, по некоторым оценкам, в размере 128 млрд долл.³².

28. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Р. 32. Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 990 с.

29. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ.

30. Сунь Фу, Еремина С.Л. Старение населения. Влияние на экономику Китая // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 252–264.

31. Китай: демографические перспективы. URL: [www.http://giovanni1313.livejournal.com/76465.html](http://giovanni1313.livejournal.com/76465.html) (дата обращения: 01.08.2019).

32. Population of China: statistics, trends, patterns and consequences. URL: <https://factsanddetails.com/china/cat4/sub15/item129.html> (дата обращения: 03.02.2020).

Увеличение числа пожилого населения в перспективе приведет к дальнейшему росту смертности населения, несмотря на увеличение продолжительности жизни. При этом если в России за анализируемый период смертность населения стала сокращаться с 16,1‰ (2005 г.) до 12,4‰ (2017 г.), то в Китае, имеющем более низкие ее показатели, она имеет тенденцию к росту с 6,5‰ до 7,1‰³³ (рис. 4). В настоящее время данный показатель не оказывает заметного влияния на уровень демографической безопасности стран.

Выводы

1. За рассматриваемый период времени демографическая безопасность России и Китая находилась на уровне социальной напряженности, для выхода из которого требуется комплекс профилактических мероприятий.

2. Одной из важных причин низких показателей демографической безопасности является уровень рождаемости. В связи с тем, что демографическая политика этих стран, направленная на увеличение рождаемости, не может давать сиюминутный эффект, особенно в ситуации сокращения числа женщин фертильного возраста, Россия и Китай продолжают оставаться в среднесрочной перспективе в зоне социальной напряженности «благодаря» кризисным значениям такого индикатора демографических угроз, как коэффициент рождаемости.

3. Для обеих стран характерно увеличение численности населения старше трудоспособного возраста, особенно высокими темпами растущей в Китае, что в перспективе будет способствовать росту демографической нагрузки на трудоспособное население.

4. Неблагоприятные демографические тенденции в дальнейшем могут привести к замедлению экономического роста данных стран в среднесрочной перспективе и в целом повлиять на геополитическую ситуацию в глобальном масштабе.

Литература

- Johnston L.A.* What fast-ageing countries such as China tell us about our economic future // World economic forum. — 2019. — Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/what-ageing-china-and-japan-teach-us-about-our-economies/>.
- Luis W., Scherbov S., Gui Yung Cao, Qiang Ren, Xiaoying Zheng.* China's uncertain demographic present and future // Vienna Yearbook of population research. 2007.
- Population of China. URL: <https://www.populationof.net>. Population of China. 2020 demographics: density, ratios, growth rate, clock, rate of men to women (дата обращения: 03.02.2020).
- Population of China: statistics, trends, patterns and consequences. URL: <https://factsanddetails.com/china/cat4/sub15/item129.html> (дата обращения: 03.02.2020).
- Баженова Е.* Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5.
- Баженова Е.С.* Политика двухдетной семьи в КНР: первые итоги и прогнозы // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК/ отв.ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2018.
- Гулева М.А.* Отмена политики «одна семья — один ребенок» в Китае // Азия и Африка сегодня. 2016. № 6.
- Данилова З.А., Данилов Б.Б.* Социально-экономическая и демографическая безопасность стран Великого шелкового пути // Байкал как участок Всемирного природного наследия: 20 лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году экологии, Году особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации, 60-летию Сибирского отделения Российской академии наук. 2017.
- Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб./ Росстат. М., 2019.
- Китай: демографические перспективы. URL: <http://giovanni1313.livejournal.com/76465.html> (дата обращения: 01.08.2019).

33. Основные демографические показатели по всем странам мира. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril_world.php (дата обращения: 5.07.2019).

- Красова Е.В., Бао Ган.* Исследование демографической дифференциации в контексте экономического развития Китая и его регионов в XXI веке // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16).
- Кулькова И.А., Плутова Т.* Сравнительный анализ показателей рождаемости в России и Китае // Human progress, 2016, т. 2, № 2. URL: http://progress-human.com/images/2016/Tom2_12/Koulikova_Plutova.pdf (дата обращения: 01.08.2019).
- Ли Ц.* Стратегический выбор и влияние старения населения на непрерывное развитие экономики. 2015. URL: http://news.xinhuanet.com/gongyi/yanglao/2015-07/28/c_128068093.htm (дата обращения 5.07.2020).
- Основные демографические показатели по всем странам мира // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril_world.php (дата обращения: 5.07.2019).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., 2018.
- Рыбаковский Л.* Демографическая безопасность // Безопасность Евразии. 2003. № 3.
- Рябцев В.М.* Конкурентоспособность российских регионов: методология оценки и сравнительного анализа. Самара: Издательство СГЭА, 2002.
- Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4.
- Социально-демографическая безопасность России: научное издание / [В. А. Черешнев и др.]; под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина; Рос. акад. наук, Ин-т экономики Урал. отд-ния РАН; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; М-во здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации, Центр. науч.-исслед. ин-т орг. и информатизации здравоохранения. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2008.
- Сунь Фу, Еремина С.Л.* Старение населения. Влияние на экономику Китая // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37.
- Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (ред. 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_716737 (дата обращения: 03.02.2020).
- Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ.
- Фомичева Т.А.* Методологический аспект статистической оценки и межрегиональной дифференциации социальной безопасности // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2009. № 10 (60).
- Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (дата обращения: 01.08.2019).

References

- Johnston L.A.* What fast-ageing countries such as China tell us about our economic future // World economic forum. — 2019. — Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2019/10/what-ageing-china-and-japan-teach-us-about-our-economies/>.
- Luts W., Scherbov S., Gui Yung Cao, Qiang Ren, Xiaoying Zheng.* China's uncertain demographic present and future // Vienna Yearbook of population research. 2007.
- Population of China. URL: <https://www.populationof.net>. Population of China. 2020 demographics: density, ratios, growth rate, clock, rate of men to women (data obrashheniya: 03.02.2020).
- Population of China: statistics, trends, patterns and consequences. URL: <https://factsanddetails.com/china/cat4/sub15/item129.html> (data obrashheniya: 03.02.2020).
- Bazhenova E.* Naselenie Kitaya v e'poxu modernizacii i e'konomicheskix reform // Problemy` Dal`-nego Vostoka. 2009. № 5.
- Bazhenova E.S.* Politika dvuxdetnoj sem`i v KNR: pervy`e itogi i prognozy` // E'konomika KNR v svete reshenej XIX s`ezda KPK/ otv.red. A.V. Ostrovskij. M.: IDV RAN, 2018.
- Guleva M.A.* Otmena politiki «odna sem`ya — odin rebenok» v Kitae // Aziya i Afrika segodnya. 2016. № 6.
- Danilova Z.A., Danilov B.B.* Social`no-e'konomicheskaya i demograficheskaya bezopasnost` stran Velikogo shelkovogo puti // Bajkal kak uchastok Vsemirnogo prirodnogo naslediya: 20 let spustya. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj Godu e'kologii, Godu

- osobo ohranyaemy'x prirodny'x territorij v Rossijskoj Federacii, 60 letiyu Sibirsko-go otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2017.
- Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2019: Stat.sb./ Rosstat. M., 2019.
- Kitaj: demograficheskie perspektivy'. URL: [www.http://giovanni1313.livejournal.com/76465.html](http://giovanni1313.livejournal.com/76465.html) (data obrashheniya: 01.08.2019).
- Krasova E.V., Bao Gan.* Issledovanie demograficheskoj differenciacii v kontekste e'konomiche-skogo razvitiya Kitaya i ego regionov v XXI veke // ANI: e'konomika i upravlenie. 2016. T. 5. № 3 (16).
- Kul'kova I.A., Plutova T.* Sravnitel'ny'j analiz pokazatelej rozhdacnosti v Rossii i Kitae // Human progress, 2016, t. 2, № 2. URL: http://progress-human.com/images/2016/Tom2_12/Koukova_Plutova.pdf (data obrashheniya: 01.08.2019).
- Li Cz.* Strategicheskij vy'bor i vliyanie stareniya naseleniya na nepreryvnoe razvitie e'konomiki. 2015. URL: http://news.xin huanet.com/gongyi/yanglao/2015-07/28/c_128068093.htm (data obrashheniya 5.07.2020).
- Osnovny'e demograficheskie pokazateli po vsem stranam mira // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril_world.php (data obrashheniya: 5.07.2019).
- Regiony' Rossii. Social'no-e'konomicheskie pokazateli. 2018: R32. Stat. sb. / Rosstat. M., 2018.
- Ry'bakovskij L.* Demograficheskaya bezopasnost' // Bezopasnost' Evrazii. 2003. № 3.
- Ryabcev V.M.* Konkurentosposobnost' rossijskix regionov: metodologiya ocenki i sravnitel'nogo analiza. Samara: Izdatel'stvo SGE'A, 2002.
- Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V.* Demograficheskaya bezopasnost' Rossii: regional'ny'e izmeriteli, ocenka rezul'tatov // Mir novoj e'konomiki. 2016. № 4.
- Social'no-demograficheskaya bezopasnost' Rossii: nauchnoe izdanie / [V. A. Chereshnev i dr.]; pod red. V.A. Chereshneva, A.I. Tatar'kina; Ros. akad. nauk, In-t e'konomiki Ural. otd-niya RAN; In-t socz.-e'kon. problem narodonaseleniya RAN; M-vo zdravooxraneniya i socz. razvitiya Ros. Federa-cii, Centr. nauch.-issled. in-t org. i informatizacii zdravooxraneniya. Ekaterinburg: In-t e'konomiki UrO RAN, 2008.
- Sun` Fu, Eremina S.L.* Starenie naseleniya. Vliyanie na e'konomiku Kitaya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. E'konomika. 2017. № 37.
- Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 g. № 1351 (red. 01.07.2014) «Ob utverzhdenii Konceptcii demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2015 goda». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_716737 (data obrashheniya: 03.02.2020).
- Federal'ny'j zakon «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii po voprosam naznacheniya i vy'platy' pensij» ot 03.10.2018 № 350-FZ.
- Fomicheva T.A.* Metodologicheskij aspekt statisticheskoj ocenki i mezhtregional'noj differenciacii social'noj bezopasnosti // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta, 2009. № 10 (60).
- Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (data obrashheniya: 01.08.2019).

Теория и методология

Перспективы экономического доминирования КНР на континенте Евразия

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011440-5

Балакин Вячеслав Иванович

Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: prof_bvi@mail.ru.

Аннотация:

После распада биполярного мира резко возросла роль КНР в глобальных и региональных делах, что привело к теоретическим изысканиям в китайских экспертных кругах по таким важным вопросам, как государственные экономические интересы, национальная безопасность, а также геостратегия мировой и региональной торговли. Пекин выработал долгосрочный внешнеполитический курс, суть которого состоит в следующей формуле: «Умиротворить Запад, опереться на Север, бороться за Восток и Юг». Считается, что Китай, как государство восточной части Евразии, просто обязан развивать стратегические партнерские отношения с ведущими державами евроазиатского континента, такими как Германия, Россия и Индия, поскольку только находясь с ними в процессе «самостоятельной» и «совместной» трансформации, Китай способен окончательно стать главной движущей силой изменяющейся мировой системы. Мощный экономический потенциал позволяет Пекину оказывать заметное воздействие на геополитическую ситуацию в Евразии и проводить самостоятельную внешнеэкономическую политику.

Ключевые слова:

КНР, Евразия, экономические интересы, геополитика, мировая система.

Для цитирования:

Балакин В.И. Перспективы экономического доминирования КНР на континенте Евразия // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 112–120. DOI: 10.31857/S013128120011440-5.

THEORY AND METHODOLOGY

The Perspectives of China's Economic Domination on Eurasia Continent

Vyacheslav Balakin

Ph.D. in Jurisprudence, leading researcher of the IFES RAS. E-mail: prof_bvi@mail.ru.

Abstract:

After disintegration of bipolar world the role of PRC in global and regional affairs had grown. That made some theoretical researches among Chinese experts to explore such important problems like state economic interests, national security, geostrategy of world and regional trade. Beijing has worked out long-term foreign-policy course, the essence of which can be interpreted like the formula: "Pacify West, lean against North, struggle for East and South". It's been considered that China as a State settled down in Eastern part of Eurasia is simply obliged to develop strategic partner relations with leading powers of Eurasian continent, such as Germany, Russia and India since only being in the process of "independent" and "joint" transformation with them China is able to become finally main motive strength in conditions of modified world system. Powerful economic potential affords Beijing to render noticeable influence on geopolitical situation in Eurasia and conduct independent foreign economic policy.

Key words:

The PRC, Eurasia, economic interests, geopolitics, world system.

For citation:

Balakin V.I. The Perspectives of China's Economic Domination on Eurasia Continent // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 112–120. DOI: 10.31857/S013128120011440-5.

То целое, что Китай собирается построить в Евразии, как предполагается, будет заметно больше, чем сумма его частей, и этому в значительной степени способствует весьма воинственный изоляционизм, предлагаемый администрацией США во главе с Дональдом Трампом, по сути оставляющий КНР значительный простор для геополитического маневра.

Защищая свои долгосрочные интересы на евро-азиатском континенте, но не имея при этом четко сформулированной стратегии, Вашингтон постепенно уступает Евразию своим основным конкурентам, что грозит США крупными и катастрофическими геополитическими последствиями тотального проигрыша Пекину и Москве¹.

Теория политического реализма утверждает, что любые проекты региональной интеграции устойчивы лишь в случае соблюдения баланса экономической взаимозависимости, а взаимовыгодное сотрудничество всегда приводит к формированию реальной устойчивости, которая не позволяет никому оспаривать существующий статус-кво. Фактически в своей экономической политике на евро-азиатском пространстве КНР исповедует сегодня диалектический принцип асимметричной взаимозависимости, что на самом деле представляет собой нарушение «баланса зависимости». То есть китайская сторона резервирует за собой право устанавливать благоприятные для себя экономические условия, а значит — получать политические уступки от своих партнеров. Иными словами, китайское государство усиливает свое внимание в отношении Евразии путем разрушения симметрии в экономических отношениях со странами региона, не давая им возможности диверсифицировать систему устоявшегося взаимодействия и жестко усиливая контроль над стратегическими рынками евро-азиатского континента.

Умышленно оставляя КНР простор для стратегического маневра в рамках евро-азиатского пространства, Вашингтон тем самым преследует вполне определенные геополитические цели, среди которых основной является стремление заставить Пекин «увязнуть» в объективно нерешаемых стратегических проблемах континента. Это, прежде всего, евроазиатская интеграция, диалектика которой выводит на повестку дня вопрос о формах единения суверенных государств. Китайские исследователи настаивают, что сегодня межгосударственная интеграция относится к сфере международных экономических отношений, в которой такая образующая совокупность государств оказывается реально способной приобретать признаки и свойства зрелой надгосударственной структуры². Данное явление отражает содержание международной экономической интеграции, под которым следует понимать парадигму взаимодействия заинтересованных государств, ведущую к последовательному их сближению, вплоть до формирования некой новой «большой системы», похожей на региональную «квазигосударственность». В США считают, что Китай, весьма увлекся стимулированием подобного сложного процесса созда-

-
1. *Luks, Leonid.* Eurasien aus neototalitärer Sicht — Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Russland. Aufsätze. Universität Köln Verlag. Totalitarismus und Demokratie, No. 1, 2014. S. 65 (63–76 s.). (In Deutsch).
 2. *Wen Jiayui.* ZhongMei Quanqui yu Yatai diqi anquan mubiao: [Параметры китайско-американской глобальной и азиатско-тихоокеанской безопасности]. Dongbei ya zhengzhi, No. 3. Dongbeiya luntan. Beijing, 2013. P. 10 (3–126 p.). (In Chinese).

ния из простейших экономических составляющих объединенного объекта своего геополитического доминирования в Евразии.

Необходимо понимать, что активные процессы региональной экономической интеграции практически никогда не бывают сугубо формальными, то есть субъективными, а носят объективный характер, толкая национальные государства к учреждению различных межгосударственных экономических объединений под воздействием глубинных исторических причин, иногда даже против воли правящих на данный конкретный момент элит. Традиционная китайская концепция достаточно глубоко рассматривает любую существующую государственность в качестве объективного феномена, представляющего собой универсальный интегрирующий фактор сначала внутри отдельной страны, а затем на региональном уровне, когда наиболее мощная государственность начинает доминировать над более слабыми соседними государственными образованиями. Межгосударственная экономическая интеграция последовательно вызывает из объективного взаимодействия существующих национальных государственных систем, которые к определенному моменту оказываются готовыми, а главное — способными поступиться некоторой частью своего суверенитета, в первую очередь касающегося региональных интересов, стимулирующих взаимное сближение. Каждая государственность предполагает согласованную парадигму сближения, предусматривающую стремление всей страны получить от этого сближения максимум экономических выгод и минимум политических обязательств, что в идеале всегда так или иначе уравнивается объективным взаимным интересом³. На всем евро-азиатском пространстве сложность общего интеграционного интереса выступает как исторически сложившиеся приоритеты каждой отдельно взятой государственности и ее цивилизационных традиций, играющих определяющую роль в сознании и мироощущении национальных элит.

Мудрость доминирующей национальной государственности (читай, китайской) в любом региональном интеграционном процессе определяется четкой ориентацией на добровольность предполагаемого объединения и проявляемым терпением при создании максимально благоприятных условий для каждого участника будущих совместных правовых институтов на континенте Евразия. КНР пытается предложить евро-азиатским странам в качестве возможной модели традицию собственной государственности, строительство которой в сфере экономики позволило бы повторить китайский успех последних лет. Китай рассчитывает, что влияние конфуцианской идеологии в формировании универсальных экономических институтов может стать весьма эффективным и даже определяющим для евро-азиатских элит, которые сторонились бы любых вариантов построения тесных экономических взаимоотношений с Западом. Китайская формула экономического роста при всех ее недостатках остается более понятной, а значит менее чреватой неожиданностями для евро-азиатских стран, поскольку позволяет достаточно безболезненно приспособлять к себе существующие местные особенности. Именно вышеупомянутый фактор сегодня играет ключевую роль в период, когда евро-азиатская интеграция выходит на повестку дня в условиях последовательно нарастающего цивилизационного противостояния между Востоком и Западом⁴.

Китайская экономическая стратегия региональной интеграции не внушает государствам Евразии таких опасений, как, например, напористое стремление США «загнуть» страны евро-азиатского региона в некое жесткое геополитическое партнерство,

3. *Yang Cheng*. The Eurasian Moment in Global Politics: A Comparative Analysis of the Big Powers' Strategy for Regional Integration. East China Normal University Publishers. Tianjin, 2014. P. 4 (29 p.).
4. *Masuda, Masayuki*. Chugoku gaiko to kokusai sistemu: [Внешняя политика Китая и международная система отношений]. Taiwan mondai, No. 4. Taibei, 2004. P. 83 (75–90 p.). (In Japanese).

покинуть которое в случае кардинального изменения реальной экономической ситуации будет скорее всего вряд ли возможно. Китайская интеграционная модель для евро-азиатского региона рассматривается в Пекине с точки зрения исключительной парадигмы комплексного экономического развития, способной объединить Евразию в рамках сложившихся традиционных принципов государственности. Реальная экономическая интеграция в китайской геополитике понимается, исходя из конфуцианского учения, как возможность держать под централизованным контролем практически все направления сохранения национального суверенитета или, иными словами, как совместное действие, точнее, взаимодействие различных потенциалов в целостном единении. Активно интегрирующиеся региональные государственности реально выглядят самоорганизующимися и по отношению к исходной китайской модели являются не просто новыми, но и заметно более упорядоченными, а также взаимосогласованными правовыми структурами⁵. В Пекине также считают, что начальные ступени любой экономической интеграции предполагают преодоление прежних устоявшихся принципов, укладов и особенностей осознания прошлой жизни внутри традиционной государственности.

По оценкам западных экспертов, китайский проект «Один пояс, один путь» со всей очевидностью представляет собой не что иное, как мощную предпосылку для доминирования КНР в Евразии, или на языке геополитики — последовательное вытеснение США с евразийского материка. Китай опасается американского противодействия на евро-азиатском континенте по многим причинам и, не в последнюю очередь, из-за потенциальной возможности со стороны президента США Дональда Трампа предпринять неожиданный политический маневр в сторону России, с тем чтобы не допустить формирования реального военно-политического альянса между Пекином и Москвой. Однако договоренности КНР и РФ в сфере экономики одновременно позволяют выстраивать достаточно эффективную идеологическую основу для ускорения интеграционных процессов в Евразии, придавать им серьезную смысловую ревалвацию, ориентированную на достижение взаимной ценовой стабильности, активизацию использования национальных валют во взаимных расчетах, жесткое поддержание сбалансированности бюджетных систем двух государств, повышение устойчивости национальных банковских систем. Потенциальный китайско-российский военно-политический альянс должен, как считают в Пекине и Москве, опираться, прежде всего, на внутренние источники финансирования национальных оборонных программ, ибо в обозримой перспективе окончательное вытеснение импорта реально обеспечит необходимое пространство для расширения спроса на отечественную продукцию в обеих странах⁶. Судя по всему, в ближайшее время никуда не уйти от решения вопроса о необходимости разработки единой стратегии по гармонизации национальных политик не только в оборонной сфере, но и в промышленной, сельскохозяйственной, научно-технической, энергетической, транспортной и других областях.

Явно вызревает необходимость сформировать серию совместных национальных инвестиционных проектов, включающих сооружение трансконтинентальных высокоскоростных транспортных железно- и автодорожных магистралей; окончательное оформление китайско-российского авиастроительного консорциума по выпуску авиационной техники практически всех типов и размеров с максимальным использованием технологического опыта и потенциалов таких инженерных школ, как «Илюшин», «Ту-

-
5. Zay, Christiane. China-Strategie 2015–2020: Strategischer Rahmen für die Zusammenarbeit mit China in Forschung. Referat: Zusammenarbeit mit Asien und Ozeanien. Bundesregierung, Bonn, 2015. S. 10 (17 s.). (In Deutsch).
 6. Zheng Yuisho. Zhongguo waijiao zhengce (Китайская внешняя политика). Hong Kong Changshidaxue chubanshe. Xyanggang, 2009. P. 19 (11–50 p.). (In Chinese).

полев», «Мясищев»; строительство континентальной сети трубопроводов, формирующих каркас евро-азиатского рынка углеводородов. КНР представляет собой в настоящее время естественный полюс притяжения для многих евро-азиатских государств, и Россия в этом списке не является исключением, уделяя особое внимание стимулирующей роли совместных институтов и норм в развитии китайско-российских экономических связей, повышая уровень взаимозависимости между двумя странами. При этом Китай и Россия, по мнению японских исследователей, последовательно фиксируют некую формулу, отражающую взаимную инициативу, а именно: оба государства выступают за создание всеобъемлющего евро-азиатского партнерства, основанного на принципах открытости, транспарентности и обоюдного учета самых значимых геополитических интересов⁷. Однако на практике создание наднациональных институтов далеко не всегда приводит к преодолению существующих противоречий между государствами и снижению транзакционных издержек при межгосударственном экономическом взаимодействии, примером чего может служить развитие различных многосторонних форматов в Евразии за последние два десятилетия, выступающих сегодня уже в качестве источников достаточно серьезных конфликтов.

С учетом развивающейся на пространстве Евразии множественности институциональных форматов и инициатив названная проблема становится все более актуальной, поскольку в значительной степени способствует политической, а, следовательно, и реальной экономической разделенности евро-азиатского континента, порождает своеобразную «конкуренцию форматов», а значит и конкуренцию концепций и повесток региональной интеграции. Это в любом случае неизбежно превращает реализацию подобных инициатив в процесс жесткого столкновения эгоистических интересов ведущих глобальных и региональных держав, неизбежно ослабляет стартовый потенциал даже самых выверенных интеграционных проектов как инструментов укрепления международного сотрудничества в Евразии. Выдвижение проектов межрегиональных экономических соглашений на евро-азиатском пространстве постепенно становится достаточным стимулом для усиления «конкуренции регионализмов», по сути дела превращающимся в борьбу за состояние будущего нормативного пространства, способного регулировать универсальную модель интеграционного взаимодействия в Евразии. Вместе с тем руководство КНР полагает, что менее структурированные инвестиционные проекты способны более эффективно решать задачу преодоления жесткой «конкуренции регионализмов», ибо гибкость интеграционной повестки ощутимо снижает международный конфликтный потенциал, маскируя корыстные цели страны-инициатора и предлагая заведомо более размытый формат сотрудничества, который позволяет заинтересованным партнерам продемонстрировать некое добровольное «соучастие» в интеграционных процессах⁸. Предлагаемая Китаем институциональная площадка форума «Один пояс, один путь» наглядно показывает, что подобные мега-инициативы сохраняют высокую степень гибкости и вбирают в себя новые инициативы, позволяющие адаптироваться к происходящим геополитическим изменениям.

Регионализация международной торговли на континенте Евразия не могла не привести к регионализации ее регулирования и развитию множества разнообразных форматов политического и экономического сотрудничества, ориентированных на формирование универсальной институциональной надстройки в рамках вызревающей китайской интеграционной программы для Евразии. Названная программа Китая пока не является в

7. *Takahara, Akio*. Chugoku no gaiko seisaku: [Внешняя политика Китая]. Tokyo kokuritsu daigaku seiji gakubu repoto, No. 684. Tokyo, 2010. P. 49 (47–50 p.). (In Japanese).

8. *Hirose, Yoko*. Yurasia togo no riso to genjitsu: [Концепция и реальность евроазиатского единения]. Gaikoku no rippo, No. 4. Mirai kenkyusyo. Niigata, 2013. P. 99 (95–117). (In Japanese).

полной мере интеграционным объединением, оставаясь проектом в лучшем случае обширной зоны свободной торговли без наднациональной надстройки и допускающей присоединение новых евро-азиатских государств только с прицелом на удовлетворение их объективных запросов на интеграцию. Основой для реализации проекта КНР «Один пояс, один путь» могла бы стать наработка политической и экономической базы взаимодействия с Россией, в частности масштабного использования потенциала китайско-российского геостратегического сотрудничества на просторах Большой Евразии. Китайское руководство считает, что российская вовлеченность в евро-азиатские интеграционные процессы пока остается явно недостаточной, даже несмотря на определенное повышение в последние годы уровня и глубины участия России в ключевых международных институтах на континенте Евразия⁹. Стратегия Китая по реализации инициативы «Один пояс, один путь» имеет в качестве макроцели формирование всеобъемлющего евро-азиатского партнерства, что, безусловно, предполагает укрепление Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как одной из основных несущих институциональных опор Большой Евразии и важнейшего инструмента продвижения российских национальных интересов именно в геополитическом диалоге с КНР.

Китайско-российское взаимодействие на самом крупном континенте Земли заметно тревожит «мирового гегемона» в лице Соединённых Штатов Америки, поскольку в Евразии не в мечтах, а на практике разворачиваются грандиозные проекты обустройства государств и народов, создания по сути глобальной транспортной инфраструктуры, освоения новых источников энергетических и сырьевых ресурсов, природных богатств арктических регионов. Власти США рассматривают китайский геополитический проект «Экономический пояс Шелкового пути» не только и не столько как наращивание потенциала углубленного межрегионального сотрудничества в рамках евро-азиатского пространства, сколько как проект тесного соразвития стран региона под активным и достаточно эффективным китайским контролем¹⁰. По мнению международных экспертов, в настоящее время в силу уникального стечения международных политических и экономических обстоятельств как раз и возник решающий момент в становлении евро-азиатской интеграции, позволяющий реализовать потенциал более тесного сотрудничества и совместного развития стран Евразии. Несмотря на американские надежды внести раскол в китайско-российское стратегическое взаимодействие, из этого вряд ли что-либо получится, так как Китай и Россия объективно не могут стать реальными конкурентами на евразийском континенте. На глазах администрации США начинает воплощаться в жизнь геополитическая концепция Пекина и Москвы о тесном сопряжении трансевразийского инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза.

В геополитической динамике современного континента Евразия значительно возросли экономические роль и значение Китая и России, но у каждого из названных государств присутствует собственное видение путей и методов реализации своих национальных интересов. Геополитический сдвиг на евро-азиатском пространстве неизбежно будет предопределять глобальную стабильность и мировой стратегический баланс, который потребует от Пекина и Москвы не только наращивания совокупной экономической мощи, но и ясного структурирования взаимного военного сотрудничества. Китайская и российская стороны вынуждены будут тщательно сдерживать политические амбиции США, прежде всего в Азии, поскольку Вашингтон не может «без потери лица» смириться со своей угасающей ролью, опасаясь утраты доверия ключевых союз-

9. Chase, Michael S. Russia-China Relations: assessing common ground and Strategic fault lines. The National Bureau of Asian Research. Special Report. Seattle, 2017. P. 40 (49 p.).

10. Shubert, Jeff. New Eurasien Age: China's Silk Road and the EAEU in SCO space. Chinese Quarterly of International Strategic Studies. Volume 02, Issue 04. Beijing, 2016. P. 91 (107 p.).

ников в лице Японии и Республики Корея¹¹. Кроме того, КНР и РФ намерены последовательно искать реальную альтернативу «заточенной» под американские интересы западной системе глобальных финансов и систем региональной экономической безопасности в различных районах земного шара. Китай и Россия сегодня отрицают намерение построить стратегический альянс под единым командованием, но это отнюдь не означает, что взаимодействие в критических сферах не будет детально согласовываться, так как постоянный идеологический прессинг со стороны западной цивилизации объективно заставляет Пекин и Москву вырабатывать конкретные меры противодействия ad hoc (на каждый конкретный случай), а это в современном мире не менее эффективный инструмент геополитической борьбы.

Современные китайско-американские отношения, по оценкам китайской стороны, характеризуются существенной неустойчивостью, препятствующей налаживанию взаимовыгодного сотрудничества, особенно в экономической сфере, где состоялся реальный крах идеи запуска своеобразного механизма под названием Chimerica, планировавшегося американцами как некий стратегический союз между экономиками США и Китая — «производителя-кредитора и потребителя-должника». Пекин весьма негативно отнесся к попыткам США навязывать какие-либо союзы, подчеркнув при этом свое желание проводить независимую внешнюю политику и не присоединяться ни к каким международным геополитическим альянсам, поскольку глобальные проблемы должны решаться всеми, а не одним или двумя государствами. На подобную позицию КНР явно повлияло заметное ослабление глобальной мощи США, вызванное серьезными финансовыми проблемами, что напрямую сказалось на американских военно-политических возможностях, по сути дела серьезно ограничивших способности Вашингтона силовым образом реагировать на неожиданно возникающие острые критические ситуации¹². Одновременно произошло значительное наращивание комплексной национальной мощи Китая, что заметно повысило его влияние и авторитет в мире, дало Пекину шанс претендовать не на вспомогательную роль во взаимоотношениях с США, а на вполне устойчивую позицию второй крупнейшей глобальной державы. На настоящий момент по всем основным экономическим показателям КНР успешнее других стран справляется с возникающими кризисными явлениями и тем самым заставляет Вашингтон постепенно осознавать, что китайская позиция впредь будет твердо и бескомпромиссно отстаиваться на основе ключевых национальных интересов.

Названный подход явно обострил одну из основных тем китайско-американских отношений, связанную со взаимными обвинениями в протекционизме, когда США открыто обвиняют КНР в субсидировании экспорта и умышленном демпинге по ряду важнейших товарных позиций, инициируя судебные разбирательства с использованием процедур ВТО. В последние годы акцент американских антидемпинговых обвинений стал последовательно смещаться в направлении китайской наукоемкой продукции и товаров с высокой степенью переработки, при этом в ходе подобных расследований соответствующие органы ВТО под нажимом американской стороны неправомерно использовали в антидемпинговых расследованиях несогласованные методики и критерии оценки. Китайская сторона постоянно жалуется на попытки США блокировать инвестиционные проекты китайских компаний под надуманными предлогами угрозы американской национальной безопасности, для чего введено жесткое лицензирование отдельных инвестпроектов

11. *Koshigi, Seifu*. Shinjidai no Nikkan kyoryoku: [Японо-южнокорейское сотрудничество в новую эпоху]. Nikkan shinjidai kenkyusyo no repoto. Tokyo, 2013. P. 72 (95 p.). (In Japanese).

12. *Braml, Martin; Felbermayr, Gabriel*. Handelskrieg und seine Folgen: Ist WTO am Ende? Zur Diskussion Gestellt. Ludwig-Maximilians Universität Verlag. München, 2018. S.2018 (29 s.). (In Deutsch).

из КНР¹³. В противостояние с Китаем часто вступают отдельные американские политические деятели, государственные органы или даже отдельные американские корпорации, активно эксплуатирующие тезис о китайской угрозе для блокирования китайского экспортного потенциала на территории США, а также прямых китайских инвестиций в американскую промышленность. За провозглашаемой китайской угрозой национальным интересам США зачастую скрывается элементарное и очень откровенное противодействие мощному конкуренту, особенно в важнейшей сфере информационных технологий и кибербезопасности.

КНР откровенно стремится к экономическому доминированию на континенте Евразия, рассчитывая сформировать там новую модель международного развития, а также подготовить серьезные предпосылки для перехода к некоей коллективной форме глобального лидерства, опираясь на консервативные идеи такого международного института, как G-20. Речь идет о возрастании роли ресурсно-сырьевого потенциала как объекта мировой конкуренции и глобальной ответственности, а также значимости регионов, располагающих ресурсами, росте влияния человеческого и демографического факторов на изменение качества и структуры мирового рынка труда и потребления. Китай полагает, что новые вызовы для экономической системы Евразии обусловлены двумя основными проблемами: усугубляющимся дефицитом природных ресурсов и резким увеличением численности в мире среднего класса за счет демографически доминирующих развивающихся стран¹⁴. Первая проблема приводит к возрастанию геополитического значения основных экспортеров ресурсов, таких как Россия и Иран, которые могут диктовать свои условия, что повышает степень противостояния и риск давления с их стороны на покупателей ресурсов из развитых стран. Вторая проблема тоже выглядит достаточно актуально, поскольку в ближайшие 20 лет население Земли увеличится на 3 млрд человек, а это неизбежно отразится на глобальном потреблении ресурсов, а также на структуре мирового производства и потребления.

Последовательное снижение ценностей западной идеологии и экономического потенциала коллективного Запада создают очевидные условия для торгово-экономической войны на различных театрах действий между развитыми и развивающимися странами, что предоставляет Пекину поистине уникальную возможность стать монопольным геополитическим игроком в рамках важнейшего для него евроазиатского пространства.

Литература / References

- Braml, Martin; Felbermayr, Gabriel.* Handelskrieg und seine Folgen: Ist WTO am Ende? Zur Diskussion Gestellt. Ludwig-Maximilians Universität Verlag. München, 2018. (In Deutsch).
- Chase, Michael S.* Russia-China Relations: assessing common ground and Strategic fault lines. The National Bureau of Asian Research. Special Report. Seattle, 2017.
- Hirose, Yoko.* Yurasia togo no riso to genjitsu: [Концепция и реальность евроазиатского единения]. Gaikoku no rippo, No. 4. Mirai kenkyusyo. Niigata, 2013. (In Japanese).
- Koshigi, Seifu.* Shinjidai no Nikkan kyogyoku: [Японо-южнокорейское сотрудничество в новую эпоху]. Nikkan shinjidai kenkyusyo no repoto. Tokyo, 2013. (In Japanese).
- Luks, Leonid.* Eurasien aus neototalitärer Sicht — Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Russland. Aufsätze. Universität Köln Verlag. Totalitarismus und Demokratie, No. 1, 2014. (In Deutsch).

13. *Wei Jiankangkai, Xu Zheng.* Meiguo chukou guanzhi gaige de lingzheng qinbao fenxi (Competitive Intelligence Analysis of U.S. Export Control Reform). Qingbao zazhi (Journal of Intelligence). Vol. 38, No. 4. Zhongguo zhengfa daxue chubanshe. Beijing, 2019. P. 6 (8 p.). (In Chinese).

14. *Umehara, Naoki.* Chugoku "Ittai, Ichiro" koso no tokucho to kongo ni-tsuite: [Об особенностях китайской идеи «Один пояс, один путь» и что будет дальше]. Kokusai tsuka kenkyusyo. Newsletter, No. 11. Tokyo, 2017. P. 4 (14 p.). (In Japanese).

- Masuda, Masayuki.* Chugoku gaiko to kokusai sistemu: [Внешняя политика Китая и международная система отношений]. Taiwan mondai, No. 4. Taipei, 2004. (In Japanese).
- Shubert, Jeff.* New Eurasien Age: China's Silk Road and the EAEU in SCO space. Chinese Quarterly of International Strategic Studies. Volume 02, Issue 04. Beijing, 2016.
- Takahara, Akio.* Chugoku no gaiko seisaku: [Внешняя политика Китая]. Tokyo kokuritsu daigaku seiji gakubu repoto, No. 684. Tokyo, 2010. (In Japanese).
- Umehara, Naoki.* Chugoku "Ittai, Ichiro" koso no tokucho to kongo ni-tsuite: [Об особенностях китайской идеи «Один пояс, один путь» и что будет дальше]. Kokusai tsuka kenkyusyo. Newsletter, No. 11. Tokyo, 2017. (In Japanese).
- Wei Jiankangkai, Xu Zheng.* Meiguo chukou guanzhi gaige de lingzheng qinbao fenxi (Competitive Intelligence Analysis of U.S. Export Control Reform). Qingbao zazhi (Journal of Intelligence). Vol.38, No. 4. Zhongguo zhengfa daxue chubanshe. Beijing, 2019. (In Chinese).
- Wen Jianyui.* ZhongMei Quanqi yu Yatai diqi anquan mubiao: [Параметры китайско-американской глобальной и азиатско-тихоокеанской безопасности]. Dongbei ya zhengzhi, No. 3. Dongbeiya luntan. Beijing, 2013. (In Chinese).
- Yang Cheng.* The Eurasian Moment in Global Politics: A Comparative Analysis of the Big Powers' Strategy for Regional Integration. East China Normal University Publishers. Tianjin, 2014.
- Zay, Christiane.* China-Strategie 2015–2020: Strategischer Rahmen für die Zusammenarbeit mit China in Forschung. Referat: Zusammenarbeit mit Asien und Ozeanien. Bundesregierung. Bonn, 2015. (In Deutsch).
- Zheng Yuisho.* Zhongguo wajjiao zhengce (Китайская внешняя политика). Hong Kong Changshi daxue chubanshe. Xygang, 2009. (In Chinese).

Российский Дальний Восток

Железнодорожные перевозки между СССР и КНР в 50-е — первой половине 60-х годов XX века на примере Дальнего Востока и Забайкалья: исторический опыт

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011406-7

Ежеля Ульяна Васильевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения, г. Хабаровск.

E-mail: siavassa@yandex.ru.

Аннотация:

В статье рассматривается взаимодействие СССР и КНР в области железнодорожного транспорта в 1950-е — 1960-е годы на примере грузовых перевозок через станцию Гродеково Хабаровского края и станцию Забайкальск Читинской области. Показана роль Дальневосточной и Забайкальской железных дорог в транспортном коридоре «СССР — КНР». Статистические данные Государственных архивов Хабаровского и Приморского краев позволили подтвердить выводы, сделанные ранее исследователями в отношении советско-китайских перевозок в Забайкалье. Обе стороны перевозок (СССР и КНР) нуждались в определенном сырье и взаимно дополняли друг друга. Автор отмечает работу международных контролирующих органов — Совещаний представителей железных дорог и внешнеторговых организаций социалистических стран Юго-Восточной Азии по согласованию планов перевозок экспортно-импортных грузов.

Статья подготовлена при поддержке правительства Хабаровского края (Соглашение N 71 с / 2020 от 24. 08. 2020 г.).

Ключевые слова:

СССР, Китай, железнодорожные перевозки, грузы, сотрудничество, Дальневосточный регион, Гродеково, Забайкальск.

Для цитирования:

Ежеля У.В. Железнодорожные перевозки между СССР и КНР в 50-е — первой половине 60-х годов XX века на примере Дальнего Востока и Забайкалья: исторический опыт // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 121–132. DOI: 10.31857/S013128120011406-7.

Russian Far East

From the History of the Soviet — Chinese Rail Freight: Grodekovo and Zabaikalsk (1950–60th ears)

Ulyana Ezhelya

Ph.D. in History, associate professor of Far Eastern State Transportation University, Khabarovsk, Russia. E-mail: siavassa@yandex.ru.

Abstract:

The article deals with various forms of interaction between the USSR and China in the field of railway transport in the 1950s and 60s — freight transportation through the station of Grodekovo of Khabarovsk territory and the station of Zabaikalsk of Chita region. The author shows the great role of the Far Eastern and Zabaikalskaya Railways in the transport corridor "The USSR — China". Statistical data of the State archives of the Khabarovsk and Primorsky territories allowed to confirm the conclusions made by researchers in relation to the Soviet-Chinese transportation in

Transbaikalia. Thus, both sides of transportation needed certain raw materials and mutually complemented each other. The author notes the work of international regulatory bodies — Meetings of representatives of railways and foreign trade organizations of the socialist countries of South-East Asia on the harmonization of export-import cargo transportation plans.

Key words:

USSR, China, railway transportation, cargo, cooperation, the Far East Region, Grodekovo, Zabaikalsk.

For citation:

Ezhyelya U.V. From the History of the Soviet — Chinese Rail Freight: Grodekovo and Zabaikalsk (1950–early 1960th) // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 121–132.
DOI: 10.31857/S013128120011406-7.

Тема советско-китайских отношений очень актуальна — с 1990-х годов наши страны вышли на новый виток сотрудничества. В период с конца XX века по настоящее время вышел ряд работ, посвященных внутренней и внешней политике КНР и, следовательно, раскрывающих объективную и закономерную взаимосвязь политики и экономики. Среди них видное место занимают труды Ю.М. Галеновича¹, В. Цвык², Г.В. Куликовой³, исследования дальневосточных историков-китаеведов Г.Н. Романовой⁴, Н.П. Рябченко⁵.

Авторы проводят анализ китайской дипломатии и советско-китайских отношений в течение нескольких десятилетий. Исследования Г.Н. Романовой посвящены железнодорожной политике и народной дипломатии, что очень важно в раскрытии предлагаемой темы.

Следующий ряд работ по проблеме двухсторонних отношений между СССР и КНР посвящен анализу работы железнодорожного транспорта в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 50-х — первой половине 60-х годов XX века. Это исследования забайкальских историков Н.В. Гордеева, В.И. Букреева, Н.Н. Ждановой (коллективная монография)⁶, А.П. Тарасова⁷, С.Б. Петиной (Макеевой)⁸ и их дальневосточных коллег Е.Ю. Бондаренко и А.В. Фролова⁹.

1. *Галенович Ю.М.* Россия — Китай: шесть договоров: М.: Муравей, 2003. 405 с.; Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница: М.: Изограф, 2010. 410 с.
2. *Цвык А.В.* Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) // Вестник РУДН. Серия Международные отношения, 2015. № 1. С. 53–58.
3. *Куликова Г.В.* Россия — Китай. Народная дипломатия: монография. — М.: ИД «Форум», 2012. 512 с.; *Куликова Г.В.* 70 лет российско-китайским дипломатическим отношениям и народной дипломатии.
4. *Романова Г.Н.* Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30–40-е гг. XX в. // Россия и АТР. Владивосток. 2015. № 2. С. 139— 156.
5. *Рябченко Н.П.* О Китае и российско-китайских отношениях: моногр. — Владивосток: Дальнаука, 2016. 258 с.
6. *Гордеев Н.В., Букреев В.И., Жданова Н.Н.* Советско-китайские и российско-китайские отношения в 40-х — 90-х годах XX в. Чита: Изд-во ИГЭА, 1999. 188 с.; *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: Экспресс-издательство, 2003. 432 с.; *Макеева С.Б. (Петина С.Б.)* Советско-китайские отношения в Забайкалье в 1950-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 97–102; *Петина С.Б.* История сотрудничества Забайкалья и Китая в сфере железнодорожного транспорта (1950-е — 1960-е годы) // Наука и современное общество. 2005. № 6. С. 21–24.
7. *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: Экспресс-издательство, 2003. 432 с.

С.Б. Петина на многочисленных примерах раскрывает историю сотрудничества железнодорожников Забайкалья и Северо-Восточных провинций КНР в 50-х — начале 60-х годов. Отмечается роль совместных советско-китайских пограничных комиссий из представителей трудовых коллективов станций Забайкальск и Маньчжурия. Автор отмечает, что «...сотрудничество в области железнодорожного транспорта являлось важнейшей составляющей экономического взаимодействия Читинской области и КНР в 50-е годы XX в.»¹⁰. А.П. Тарасов, исследуя более широкий период отношений, также делает вывод о том, что «Забайкалье играло и продолжает играть ключевую роль в российско-китайских отношениях»¹¹.

Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с Северо-Восточными провинциями КНР в 1949–1969 гг. стало предметом исследования А.В. Фролова. В частности, на основе материалов Государственного архива Приморского края (ГАПК) прослеживается возрастающая динамика советско-китайских грузовых перевозок со станции Гродеково с 1953 г. (начало импортно-экспортных перевозок через этот железнодорожный переход) по 1956 г.¹²

Интересен опыт зарубежного коллеги, историка Серена Рубальски (Мюнхен, Германия). Две из его работ непосредственно посвящены советско-китайскому сотрудничеству на примере Забайкалья¹³.

В данных исследованиях в научный оборот, помимо архивных источников (ГАРФ И ГАЧО), введен большой пласт периодической печати, европейских и китайских изданий, а также советские статистические сборники. С. Рубальски рассматривает вопрос с политической точки зрения, это современный взгляд со стороны на развитие двухсторонних отношений, которые, по его мнению, развивались «по приказу», были малопродуктивными для приграничных областей и в итоге оказались недолговечными. Не умаляя значение критического подхода к проблеме советско-китайского сотрудничества в середине XX века, автор оставляет ряд моментов для научной дискуссии.

В целом для российских историков, работающих по данной проблеме, характерна тенденция рассматривать период 1950-х — 60-х годов как исторический опыт, состоявшийся вариант сотрудничества двух стран с однотипной социалистической моделью и, следовательно, присущими ей особенностями. Поскольку Россия является непосредственным участником рассматриваемых двусторонних отношений, отечествен-

-
8. *Макеева С. Б. (Петина С.Б.) Советско-китайские отношения в Забайкалье в 1950-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 97–102.*
 9. *Бондаренко Е.Ю. Трудовые интернациональные связи дальневосточников с народами зарубежных стран в период строительства социализма в СССР (1938–1960 гг.): Владивосток, 1992. 110 с.; Фролов А.В. Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с северо-восточными провинциями КНР (1950-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 39–48; Фролов А.В. Советско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1949–1969 гг.): монография. Хабаровск: Хабар. погран. институт ФСБ России, 2001. 186 с.*
 10. *Петина С.Б. История сотрудничества Забайкалья и Китая в сфере железнодорожного транспорта (1950-е — 1960-е годы) // Наука и современное общество. 2005. № 6. С. 21.*
 11. *Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: Экспресс-издательство, 2003. С. 15.*
 12. *Фролов А.В. Советско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1949–1969 гг.): монография. Хабаровск: Хабар. погран. институт ФСБ России, 2001. С. 83.*
 13. *A Very ordered Friendship: The Sino-Soviet Border under The Alliance Regime, 1950–1960, Eurasia Border Review 3 (2012). PP. 33–52. (Очень упорядоченная Дружба: китайско-советская граница при режиме альянса, 1950–1960 годы); Дружба по приказу: советско-китайское приграничье в 50-е — 60-е годы XX в. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 106–124.*

ные исследования объединены надеждой на устойчивое, взаимопольное сотрудничество сегодня и надолго.

Российско-китайские договоры, заключенные в 50-е годы XX века открыли эру тесного сотрудничества между СССР и КНР во всех областях деятельности¹⁴. Особенно тесными были связи Китайской Народной Республики с приграничными советскими территориями — Забайкальем (Читинская область) и Дальним Востоком (Амурская область, Хабаровский и Приморский края).

Транспортные связи между двумя странами и особенно железнодорожные перевозки имели большое значение для развивавшейся экономики КНР, также они обеспечивали недостающей продукцией население нашей страны, в частности, граждан, живущих и работающих в условиях Севера и, конечно, способствовали межгосударственному диалогу.

Железнодорожной отрасли отводилась особая роль в выстраивании двухсторонних отношений. По мнению автора, функционирование железнодорожного транспорта в рассматриваемый период выступает в трех ипостасях: 1. Прежде всего, это широкомасштабная помощь советских специалистов — в строительстве железных дорог, мостов и тоннелей, инструктаж по обслуживанию советских и первых китайских локомотивов. 2. Это заимствование китайской стороной опыта СССР в применении Основных правил и нормативных актов по эксплуатации железных дорог и локомотивного хозяйства, в организации соревновательного движения среди китайских железнодорожников по профессиям и роду деятельности. 3. Это организация экспортно-импортных перевозок между двумя странами через приграничные транспортные коридоры (Забайкальск—Маньчжурия и Гродеково—Суйфэньхэ). «Народная дипломатия» — обмен делегациями, взаимопомощь в передаче профессионального опыта, соревновательная деятельность — стала инструментом международного сотрудничества двух социалистических стран.

Г.Н. Романова, говоря о сотрудничестве в сфере железнодорожного транспорта, отмечает в своей работе: «Оценивая результаты экономических связей в деятельности коммерческих предприятий Китайско-Чаньчуньской железной дороги, Мао Цзэдун в ходе переговоров в Москве с И.В. Сталиным в декабре 1949 — феврале 1950 г., подчеркивал (Г.Н. Романова приводит первоисточник): «Нынешняя политика с Китайско-Чаньчуньской железной дорогой и Порт-Артуром соответствует интересам Китая, так как сил одного Китая недостаточно для того, чтобы успешно бороться против империалистической агрессии. Кроме того, КЧЖД является школой по подготовке китайских железнодорожных и промышленных кадров». Это высокая оценка советской помощи и исторической миссии СССР в деле подъема китайской экономики. Далее автор, стремясь всесторонне осветить проблему, приводит мнение заокеанских и английских оппонентов. В их (зарубежной историографии. — *Авт.*) «...истории, посвященной экономическим аспектам взаимодействия СССР и Китая этого периода, внимание акцентируется на вводе

14. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. 16 ноября. № 36 / 651. С. 4; Соглашение между Правительством СССР и Центральным Народным Правительством КНР о предоставлении кредита КНР от 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. 16 ноября. № 36 / 651. С. 4; Соглашение между СССР и КНР о Китайской Чаньчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем от 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. 16 ноября. № 36 / 651. С. 4; Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации торговых соглашений между Правительством СССР и Центральным Народным Правительством КНР» от 3 июня 1950 г. // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. Т. 1. М.: Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1968. С. 49.

войск СССР или «оккупации Маньчжурии» и... подчеркивается лишь нанесенный экономике Северо-Восточного Китая материальный ущерб»¹⁵.

Непосредственная задача автора предлагаемой статьи — определить содержание (перечень), объем и направление грузовых потоков через приграничные транспортные коридоры (железнодорожные станции) между СССР и Китаем в указанный период времени, на примере ст. Гродеково и ст. Забайкальск. Выполнение этой задачи позволит увидеть роль железнодорожного транспорта в экономике сопредельных стран, что важно и в историческом контексте.

Статистические данные по международным перевозкам грузов в 1953–1956 гг.¹⁶, а также в 1960 г. и в 1962–1966 гг. показывают работу основных железнодорожных пограничных коридоров между СССР и КНР, а именно, переходы Забайкальск—Маньчжурия и Гродеково—Суйфэнхэ. Автор делает попытку восполнить имеющийся пробел в истории советско-китайского сотрудничества в области международных железнодорожных перевозок, на примере этих «коридоров», поскольку они были неразрывно связаны едиными планами перевозок. Основным источником информации по перевозкам являются статистические данные ГАХК — протоколы Совещаний представителей железных дорог и внешнеторговых организаций КНР, КНДР, ДРВ, МНР и СССР по согласованию планов перевозок экспортных, импортных и транзитных грузов, которые работали под эгидой ОСЖД — Международной организации сотрудничества железных дорог¹⁷. Совещания проводились почти каждый год в разных странах — участницах перевозок. В указанный период они работали в разные годы в Улан-Баторе (1958), Хабаровске (1959), Чите (1961), Пекине (1962), Пхеньяне (1963), Ханое (1964), Улан-Баторе (1965), Иркутске (1966)¹⁸. Участниками Совещаний были представители МПС СССР и заместители начальников железных дорог стран-участниц.

Большая роль в осуществлении межгосударственных перевозок в эти годы отводилась работе пограничных железнодорожных комиссий, совещания которых проходили в городах Забайкалья, Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая¹⁹. В их работе принимали участие руководители Дальневосточной, Забайкальской и китайских железных дорог.

В мае 1953 г. на пограничную станцию Гродеково прибыл первый поезд из Китая. В 1952–1954 гг. были выполнены большие работы по развитию этого железнодорожного узла; на станциях Гродеково и Хасан были построены перегрузочные районы²⁰.

А.В. Фролов, на основании данных ГАПК, отмечает: «если взять за единицу грузоперевозки ст. Гродеково в 1953 г., то в 1954 г. эта цифра в процентном соотношении составила 1,63; в 1955 г. — 2,11; 1956 г. — 1,92²¹.

15. Романова Г.Н. Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30–40-е гг. XX в. // Россия и АТР. Владивосток. 2015. № 2. С. 52.

16. Фролов А.В. Советско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1949–1969 гг.): монография. Хабаровск: Хабар. погран. институт ФСБ России, 2001. С. 83.

17. Организация сотрудничества железных дорог (ОСЖД) — международная организация, созданная на совещании министров 28 июня 1956 г. в Софии (Болгария) министрами, ведающими железнодорожным транспортом. Основой существования и работы ОСЖД является Положение об ОСЖД, которое имеет международный характер.

18. ГАХК.Ф.Р-730.Оп.34.Д.1.

19. ГАХК.Ф.Р-730.Оп.34.Д.2.

20. Дальневосточная магистраль России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. Хабаровск: Частная коллекция, 1997. С. 185.

21. Фролов А.В. Советско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1949–1969 гг.): монография. Хабаровск: Хабар. погран. институт ФСБ России, 2001. С. 83.

В 1960 г. из СССР в КНР через коридор ст. Гродеково — Суйфэньхэ были отправлены: черный металл — 30 тыс. т (1066 вагонов), нефть и нефтепродукты — 65 тыс. т (6196 вагонов), разных грузов — 16 тыс. т (1268 вагонов). Из КНР станция приняла каменный уголь — 140 тыс. т (4864 вагона), цемент — 40 тыс. т (1380 вагонов), каучук и резинотехнические изделия — 1 тыс. т (77 вагонов), химические грузы — 4 тыс. т (176 вагонов), соевые бобы, рис, растительное масло — 206 тыс. т (7929 вагонов), фрукты (яблоки, мандарины) — 73 тыс. т (3000 вагонов). По итогам года: Дальневосточная дорога отправила 95 тыс. т, и приняла 464 тыс. т, для этого были задействованы обеими сторонами 24674 вагона²².

Несомненно, это была серьезная нагрузка на станционное хозяйство Гродеково, в сводных отчетах указывалось на фактическую перегрузку по сравнению с нормативами, в отдельных случаях (каучук, химия — это из КНР), наоборот, недобор веса. В решениях Комиссий мы находим подтверждение этому, так как отмечался факт неравномерности перевозок, и предлагались способы решения этого. В дальнейшем анализе процесса перевозок не будут приводиться данные о количестве вагонов, поскольку и по одному году очевиден факт огромного их количества. Для ДВЖД, которая в ту пору стремилась выйти из статуса убыточной и проводила под руководством начальника дороги Д.С. Сугака (1953–1961 гг. — период его деятельности на этом посту) целый комплекс мероприятий, это было непросто. Но коллектив справлялся с поставленными задачами. Далее, западнее по Транссибу, грузы с китайской пограничной станции Маньчжурия принимал Забайкальск Читинской области. Статистические данные свидетельствуют об огромной нагрузке на этот участок Транссиба. Грузы (экспорт—импорт—транзит) отправлялись и принимались со всей Сибири и других районов страны.

В Плане перевозок на 1962 г., принятом на Совещании представителей железных дорог (Пекин, апрель 1962), имеются следующие данные. Из СССР в КНР отправить: нефть и нефтепродукты — из Гродеково в Суйфэньхэ 42 тыс. т, из Забайкальска в Маньчжурию 1206 тыс. т, черные металлы — 8 и 56 тыс. т, лесные грузы — 21 и 146 тыс. т, зерновые грузы — 50 и 180 тыс. т соответственно, металлургическое оборудование — 14 тыс. т и химикаты 18 тыс. т — только из Забайкальска. Итого: из Гродеково отправлено 121 тыс. т, из Забайкальска 1620 тыс. т.²³ Из КНР в СССР по плану 1962 г. отправить: каменный уголь (через Гродеково) — 140 тыс. т, черный металл (через Забайкальск) — 65 тыс. т, цемент — 160 тыс. т через Гродеково и 220 тыс. т через Забайкальск, рис — по 20 и 40 тыс. т соответственно, фрукты — 4 и 59 тыс. т соответственно, химикаты, шпат — 59 и 5 тыс. т (через Забайкальск), каучук — 3 тыс. т (через Гродеково), продовольствие — 4 и 12 тыс. т через Гродеково и Забайкальск, прочие грузы — 6 и 31 тыс. т соответственно. Итого: ст. Гродеково приняла 337 тыс. т, и Забайкальск 485 тыс. т, в общем — 822 тыс. т.²⁴ По данным перевозок 1960 и 1962 г., виден перечень грузов, которые мы отправляли в Китай и что получали оттуда. Это сырье, строительное и природное, и небольшой объем продовольствия из Китая, главным образом, свежие фрукты, которых зимой в нашей стране не было. Готовые изделия промышленного производства представлены металлургическим оборудованием, всего 14 тыс. т, из Забайкальска. Получается, обе страны нуждались в определенном сырье и взаимно дополняли ресурсы друг друга.

В последующие 1963, 1964, 1965, 1966 г., согласно статистике, наименование грузов между СССР и КНР, как и другими странами Юго-Восточной Азии, сохранилось, что свидетельствовало о долговременных договорах по этим видам поставок. В эти годы Китай стал активно принимать лесные грузы из СССР, по всем пограничным железнодорожным коридорам. Согласно Протоколу совещания представителей железных дорог

22. ГАХК.Ф.Р-730.Оп. 34.Д. 1. Л. 32–33.

23. ГАХК.Ф.Р-730.Оп. 34. Д. 1. Л. 44–45.

24. ГАХК. Ф.Р-730.Оп. 34. Д. 1. Л. 44–45.

(Пхеньян, январь, 1963), в 1963 г. из СССР в КНР через Гродеково планировалось отправить грузы по уже известной нам номенклатуре, общим весом в 95 тыс. т, по коридору Забайкальск — Маньчжурия — 1025 тыс. т, из них лесные грузы — 300 тыс. т, нефть и нефтепродукты — 668 тыс. т. Из КНР в СССР через Гродеково планировалось отправить грузы общим весом 245 тыс. т, по коридору Маньчжурия — Забайкальск — 480 тыс. т.²⁵

Через год, в январе 1964 г., в Ханое, состоялось очередное Совещание представителей железных дорог по согласованию плана перевозок грузов на 1964 г., согласно которому из СССР в Китай должны быть отправлены грузы через Гродеково в объеме 276 тыс. т / 230 тыс. т из них — лес. Через Забайкальск — 1120 тыс. т, 570 из них — лесные грузы. В обратном направлении, из КНР в СССР, соответственно, 411 тыс. т (без малого весь груз — каменный уголь и черные металлы) и 304 тыс. т. (более половины из них — фрукты и химия)²⁶.

В январе 1965 г. в Улан-Баторе были утверждены новые планы по перевозкам между СССР и КНР. Так, через ст. Гродеково в Китай планировалось перевезти 89 тыс. т (из них 80 тыс. т леса), через ст. Забайкальск 1207 тыс. т (1040 тыс. — лесные грузы). Из Китая через ст. Гродеково и ст. Забайкальск на территорию СССР необходимо было перевезти соответственно 225 тыс. т / 170 — каменный уголь и 217 тыс. т грузов / 139 из них фрукты и мясо²⁷.

В феврале—марте 1966 г. в г. Иркутске прошло очередное Совещание представителей железных дорог, на котором был согласован план перевозок грузов на 1966 г. Из СССР через ст. Гродеково предстояло провезти 195 тыс. т леса; через ст. Забайкальск — 994 тыс. т / 880 тыс. т из них лесные грузы. Из Китая в СССР через Суйфэньхэ—Гродеково планировалось доставить 56 тыс. т грузов, 34 тыс. т из них фрукты; через Маньчжурию—Забайкальск всего 403 тыс. т, из них 286 фрукты, мясо и 81 тыс. т — химия²⁸.

После 1966 г. железнодорожные перевозки между СССР и КНР в документах ГАХК не отражены. Возобновлены перевозки были лишь в 1980-е годы. Таким образом, авторы располагают информацией по советско-китайским перевозкам в 1953–1956 гг. (динамика) и за период: 1960, 1962, 1963, 1964, 1965 и 1966 г., на основании которых и составлена табл. 1.

Таблица 1.

Международные грузовые перевозки между СССР и КНР (в тыс. тонн)

Годы	СССР — КНР		КНР — СССР	
	Гродеково-Суйфэньхэ	Забайкальск-Маньчжурия	Суйфэньхэ-Гродеково	Маньчжурия-Забайкальск
1960	81	Данных нет	464	Данных нет
1962	121	1620	337	485
1963	95	1025	245	480
1964	276	1120	411	304
1965	89	1207	225	217
1966	195	994	57	397
Всего	857	5966	1682	1486
	6823		3622	

Примечание: ГАХК. Ф.Р-730. Оп. 34. Д. 1. Л. 32–33, 44–45, 47, 66–67, 80–86, 102–105, 127–128.

25. ГАХК.Ф. Р-730. Оп. 34. Д. 1. Л. 66–67.

26. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 34. Д. 1. Л. 80–86.

27. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 34. Д. 1. Л. 102–104.

28. ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 34. Д. 1. Л. 127–128.

Подведем итоги советско-китайских перевозок за эти годы:

1. Обе пограничные станции — Гродеково Хабаровского края и Забайкальск Читинской области выполняли напряженный график перевозок. По показателям видно, что из Китая в СССР шли примерно одинаковые объемы грузов через оба коридора, без перепадов и преваляирования одной из станций. Во встречном направлении грузов СССР — Китай основную нагрузку испытывал Забайкальск. Он пропускал грузов в 7 с лишним раз больше, по сравнению с Гродеково. Это, по мнению автора, объясняется географическими и экономическими причинами: Забайкальску отводилась основная роль в отправке советских грузов в Китай, они принимались со всех западных дорог Транссиба. Пограничный город Маньчжурия (КНР), в свою очередь, принимал большое количество грузов из СССР, так как они предназначались не только для Северо-Восточных районов КНР, но и для других районов страны.

В статье С. Рубальски (журнал «Россия и АТР») рассматривается напряженная работа станции Забайкальск. Автор составил таблицу «Годовой объем транзитных грузов через ст. Маньчжурия, с 1951 по 1960 г. (в тыс. т)», на основании данных ГАЧО и таблицы «Годовой объем торговли между СССР и Китаем с 1946 по 1964 г. (в млн. руб.)». Автор ссылается на статистический источник²⁹. Согласно представленной информации следует, что самый высокий показатель перевезенных через ст. Маньчжурия грузов (4379 тыс. т.) был выполнен в 1955 г.³⁰ Количество перевезенных грузов через советско-китайскую границу по забайкальско-маньчжурскому транспортному переходу оценивалось от 67 млн. руб. в 1946 г. до 518,9 млн. руб. в 1950 г., а самый высокий показатель периода — 1849,4 млн. руб. зафиксирован в 1959 г., в 1964 г. он составил 404,6 млн. руб.³¹ Таким образом, данные, приведенные С. Рубальски, и данного исследования по части Забайкальска дополняют друг друга.

2. Большой объем советского экспорта в Китай (нефть и лес, прежде всего) объясняется, несомненно, высокими темпами его экономического развития в рассматриваемый период. Китайская Народная Республика стала постоянным потребителем этого природного сырья. Ввоз его в КНР осуществлялся в тесной связи с выполнением целого ряда межгосударственных договоров. В СССР поступали, в основном, каменный уголь, строительные материалы, некоторые продукты питания: яблоки и цитрусовые, растительное масло, бобовые, мясо, из промышленных товаров — трикотажные изделия. Мы поддерживали экономику КНР и, конечно, одновременно имели возможность зимой купить фрукты.

Да, учитывая колоссальные материальные средства, которые СССР предоставлял КНР, «обмен» неравнозначный. Соглашение о предоставлении Советским Союзом правительству КНР кредита в сумме 300 млн долл. (1200 млн руб.) означало широкую поддержку³². Так, в течение 5 лет (1950–1954 гг.) из СССР на сумму кредита предусматривались поставки в Китай оборудования и материалов для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, железнодорожного и автомобильного транспорта и других отраслей экономики. Кредит был предоставлен на условиях с оплатой лишь 1% за пользование им. Помимо этого, оказывалась по-

29. Внешняя торговля СССР. Стат. Сб. 1918–1966 гг. Министерство внешней торговли СССР. План-эконом. управление. М., 1967. Табл. 2. С. 66–67.

30. Рубальски С. Дружба по приказу: советско-китайское приграничье в 50–60-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2017. С. 114.

31. Рубальски С. Дружба по приказу: советско-китайское приграничье в 50–60-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2017. С. 113.

32. Соглашение между Правительством СССР и Центральным Народным Правительством КНР о предоставлении кредита КНР от 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. 16 ноября. № 36 / 651. С. 4.

мощь в строительстве 50 крупных промышленных предприятий. Но СССР сознательно помогал молодой социалистической стране Азии, возлагая большие надежды на политическое и экономическое содружество в дальнейшем. Это была устоявшаяся международная практика СССР по отношению к соцстранам и странам «третьего мира» (а ведь это средства, которые могли быть использованы на неотложные нужды своей экономики и социальной сферы).

3. Далее, за высокими показателями грузовых перевозок стоит труд сотен железнодорожников, советских и китайских. Это машинисты и помощники машинистов, осмотрщики вагонов и составители поездов, кондукторы, слесари, весовщики, грузчики и т.д. Они жили далеко не всегда в удовлетворительных условиях, невысока была их зарплата, часто не было возможности купить необходимое из продуктов или желаемое из одежды или для дома. С. Рубальски в своем исследовании, со ссылкой на ГАРФ, отмечает, что половина работающих железнодорожников Забайкальска на начало 1950-х годов проживали в вагонах, теплушках, общежитиях, по несколько человек в помещении. Не хватало нормального жилья³³. Автор, в свою очередь подтверждает это своими исследованиями в области социально-бытового обустройства рабочих и служащих ДВЖД в эти и последующие годы. Во Владивостоке и в Хабаровске не хватало благоустроенного жилья и детских садов, а на линии тем более. Кстати, во время сооружения БАМа в 1974–1984 г. положение с жильем было еще острее. Насчет снабжения. Справедливости ради, мы должны вспомнить советские ОРСы (отделы рабочего снабжения), существовавшие с 1934 г. практически на всех предприятиях и дорогах. Их доля в снабжении товарами и в 1971 г. была заметна — 21%³⁴. В них были отечественные и импортные вещи, бытовые товары, но денег часто не хватало, да и самих товаров. Мы можем предположить сегодня, что получали железнодорожники от своего участия в международных перевозках вне ОРСов. Официальный вариант — возможность купить доставляемые продукты питания или промтовары с разрешения руководства железной дороги, если позволит зарплата. Такое положение было не только оборотной стороной «медали» — нашей широкой помощи другим соцстранам, это была характерная практика социального обеспечения в нашей стране. Железнодорожники старались держаться за работу на дороге. В дальнейшем, в конце 70-х — 80-е годы прошлого века проблемы заработной платы, обеспеченности жильем и детскими садами на Дальневосточной железной дороге были успешно решены.

4. Обе стороны получили огромный опыт работы в международных контролируемых органах — Совещаниях представителей железных дорог и внешнеторговых организаций соцстран Юго-Восточной Азии по согласованию планов перевозок экспортных, импортных и транзитных грузов, а также в смешанных советско-китайских пограничных железнодорожных комиссиях в городах КНР и СССР. В компетенции Совещаний, а также смешанных советско-китайских комиссий входило обсуждение планов перевозок, причем их согласование проводилось в соответствии с программой Комитета ОСЖД. В протоколах практически всегда обсуждались проблемы эффективности использования вагонного парка, качества перевозки нефти и вязких нефтепродуктов, скоропортящихся продуктов, о переводе колеи СССР на колею КНР (1524 мм — 1435 мм). Так, была разработана и принята «Инструкция о порядке движения поездов на участке ст. Гродеково-2 Дальневосточной железной дороги

33. Рубальски С. Дружба по приказу: советско-китайское приграничье в 50–60-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2017. С. 110–111.

34. Большая советская энциклопедия. В 30 томах. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. 1971. С. 607.

(СССР) — Суйфэньхэ Муданьцзянской железной дороги (КНР) по совмещенной колее шириной 1524–1435 мм»³⁵.

Делая попытку объективно охарактеризовать любой производственный процесс или явление в рассматриваемый период (1950-е — начало 1960-х годов), нельзя забывать, что это был период «оттепели» в СССР, время смелых, волевых, хотя иногда и непродуманных решений тогдашнего лидера страны Н.С. Хрущева. СССР «растапливал лед» сложившихся ранее внешнеполитических отношений с капиталистическим миром. В то время как перед КНР — молодой социалистической страной и ее лидером стояли иные задачи. И реакция Мао Цзэдуна, Председателя КНР, на внутренний и внешнеполитический курс Н.С. Хрущева сыграла большую роль в дальнейшем развитии событий.

Изменение внутривосточного курса КНР, к сожалению, привело к пересмотру советско-китайских отношений и, как следствие, политическому и экономическому разрыву с нашей страной. Весной 1960 г. китайское руководство подвергло резкой критике своего «старшего брата» — Советский Союз, из Китая были отозваны советские технические специалисты, советская сторона аннулировала заключенные ранее экономические соглашения. В июле 1963 г. попытки дипломатии Советского Союза урегулировать возникшие разногласия между двумя странами прекратились. Но железнодорожные перевозки между СССР и КНР продолжались до 1966 г. включительно, так как их объемы были утверждены ранее, и на несколько лет вперед. Это видно по статистике ГАХК. Однако есть мнение китайских исследователей, что перевозки продолжались и далее³⁶.

А.В. Цвык, анализируя особенности периода 1949–1959 гг. в дипломатии КНР, отмечает, что это был «поиск себя на международной арене, самоидентификация в качестве полноправного субъекта системы международных отношений, дружественных отношений с СССР... И если в начале 50-х годов КНР опиралась исключительно на зарубежный опыт в этой области, то спустя уже 10 лет правительство страны вынуждено было выработать новую внешнеполитическую доктрину, не зависящую от СССР и США»³⁷.

Международная практика показала, что даже крепкие межгосударственные связи и содружество двух народов могут подвергнуться кардинальному пересмотру и свертыванию, вплоть до конфронтации. Но рассмотренный исторический отрезок времени советская сторона прошла достойно, делая все возможное для сохранения дружеских связей с Китайской Народной Республикой.

Литература

- Бондаренко Е.Ю. Трудовые интернациональные связи дальневосточников с народами зарубежных стран в период строительства социализма в СССР (1938–1960 гг.): Владивосток, 1992.
- Галенович Ю.М. Россия — Китай: шесть договоров: М.: Муравей, 2003.
- Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница: М.: Изограф, 2010.
- Гордеев Н.В., Букреев В.И., Жданова Н.Н. Советско-китайские и российско-китайские отношения в 40-х — 90-х годах XX в. Чита: Изд-во ИГЭА, 1999.
- Дальневосточная магистраль России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. Хабаровск: Частная лекция, 1997.
- Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. 16 ноября. № 36 / 651.
- Куликова Г.В. Россия — Китай. Народная дипломатия: монография. — М.: ИД «Форум», 2012.

35. ГАХК.Ф.Р-730. Оп. 34. Д. 2. Л. 56–61.

36. Manzhouli zhan zhi. 1901–2001. Edited by “Manzhouli zhan zhi” bianweihui. Beijing: Zhongguo tiedao chubanshe, 2002, table on p. 133. Русский вариант: Станция Маньчжурия. 1901–2001 гг. Издано в КНР. 2002, данные в таблице на с. 133.

37. Цвык А.В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) // Вестник РУДН. Серия Международные отношения, 2015. № 1. С. 53.

- Куликова Г.В.* 70 лет российско-китайским дипломатическим отношениям и народной дипломатии. *Макеева С.Б. (Петина С.Б.)* Советско-китайские отношения в Забайкалье в 1950-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40.
- Петина С.Б.* История сотрудничества Забайкалья и Китая в сфере железнодорожного транспорта (1950-е — 1960-е годы) // Наука и современное общество. 2005. № 6.
- Романова Г.Н.* Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30–40-е гг. XX в. // Россия и АТР. Владивосток. 2015. № 2.
- Рубальски С.* Дружба по приказу: советско-китайское приграничье в 50–60-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2017.
- Рябченко Н.П.* О Китае и российско-китайских отношениях: моногр. — Владивосток: Дальнаука, 2016.
- Соглашение между Правительством СССР и Центральным Народным Правительством КНР о предоставлении кредита КНР от 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. 16 ноября. № 36 / 651.
- Соглашение между СССР и КНР о Китайской Чаньчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем от 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. 16 ноября. № 36 / 651.
- Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: Экспресс-издательство, 2003.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации торговых соглашений между Правительством СССР и Центральным Народным Правительством КНР» от 3 июня 1950 г. // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. Т. 1. М.: Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1968.
- Фролов А.В.* Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с северо-восточными провинциями КНР (1950-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3.
- Фролов А.В.* Советско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1949–1969 гг.): монография. Хабаровск: Хабар. погран. институт ФСБ России, 2001.
- Цык А.В.* Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) // Вестник РУДН. Серия Международные отношения, 2015. № 1.
- ГАХК (Государственный архив Хабаровского края).

References

- Bondarenko E. Yu.* Trudovy'e internacional'ny'e svyazi dal'nevostochnikov s narodami zarubezhny'x stran v period stroitel'stva socializma v SSSR (1938–1960 gg.): Vladivostok, 1992.
- Galenovich Yu.M.* Rossiya — Kitaj: shest' dogovorov: M.: Muravej, 2003.
- Galenovich Yu.M.* Rossiya i Kitaj v XX veke: granicza: M.: Izograf, 2010.
- Gordeev N.V., Bukreev V.I., Zhdanova N.N.* Sovetsko-kitajskie i rossijsko-kitajskie otnosheniya v 40 x — 90 x godax XX v. Chita: Izd vo IGE`A, 1999.
- Dal'nevostochnaya magistral' Rossii / sost. V.F. Burkova, V.F. Zuev. Xabarovsk: Chastnaya kollekcija, 1997.
- Dogovor o družbhe, soyuze i vzaimnoj pomoshhi mezhdru SSSR i KNR ot 14 fevralya 1950 g. // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1950. 16 noyabrya. № 36 / 651.
- Kulikova G.V.* Rossiya — Kitaj. Narodnaya diplomatiya: monografiya. — M.: ID «Forum», 2012.
- Kulikova G.V.* 70 let rossijsko-kitajskim diplomaticheskim otnosheniyam i narodnoj diplomatii. *Makeeva S.B. (Petina S.B.)* Sovetsko-kitajskie otnosheniya v Zabajkal'e v 1950 e gody' // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 15 (196). Istoriya. Vy'p. 40.
- Petina S.B.* Istoriya sotrudnichestva Zabajkal'ya i Kitaya v sfere zheleznodorozhnogo transporta (1950 e — 1960 e gody') // Nauka i sovremennoe obshhestvo. 2005. № 6.
- Romanova G.N.* E'konomicheskie svyazi SSSR i Kitaya v sfere zheleznodorozhnogo transporta v 30–40 e gg. XX v. // Rossiya i ATR. Vladivostok. 2015. № 2.
- Rubal'ski S.* Družhba po prikazu: sovetsko-kitajskoe prigranich'e v 50–60 e gg. XX v. // Rossiya i ATR. 2017.
- Ryabchenko N.P.* O Kitae i rossijsko-kitajskix otnosheniyax: monogr. — Vladivostok: Dal'nauka, 2016.

- Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom SSSR i Central'ny'm Narodny'm Pravitel'stvom KNR o pre-dostavlenii kredita KNR ot 14 fevralya 1950 g. // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1950. 16 noy-abrya. № 36 / 651.
- Soglashenie mezhdru SSSR i KNR o Kitajskoj Chan'chun'skoj zheleznoj doroge, Port-Arture i Dal'nem ot 14 fevralya 1950 g. // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1950. 16 noyabrya. № 36 / 651.
- Tarasov A.P.* Zabajkal'e i Kitaj: opy't analiza mezhdunarodny'x svyazej. Chita: E'kspress-izdatel'stvo, 2003.
- Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR «O ratifikacii torgovy'x soglashenij mezhdru Pravi-tel'stvom SSSR i Central'ny'm Narodny'm Pravitel'stvom KNR» ot 3 iyunya 1950 g. // Sbor-nik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR. 1938–1967. T. 1. M.: Izd-vo «Izvestiya Sove-tov deputatov trudyashhixsya SSSR», 1968.
- Frolov A.V.* Prigranichnoe sotrudnichestvo sovetского Dal'nego Vostoka s severo-vostochny'mi provin-ciyami KNR (1950 e gody' XX v.) // Rossiya i ATR. 2007. № 3.
- Frolov A.V.* Sovetsko-kitajskie prigranichny'e otnosheniya na Dal'nem Vostoke (1949–1969 gg.): mono-grafiya. Xabarovsk: Xabar. pogram. institut FSB Rossii, 2001.
- Czvy'k A.V.* E'volyuciya vneshnepoliticheskix doktrin KNR (1950–1990 e gg.) // Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2015. № 1.
- GAXK (Gosudarstvenny'j arxiv Xabarovskogo kraja).

Пространственное развитие Приморского края и Сахалинской области: мнение жителей

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011588-7

Фомин Максим Витальевич

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН (г. Москва). E-mail: mvfomin@mail.ru.

Безвербный Вадим Александрович

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН (г. Москва). E-mail: vadim_ispr@mail.ru.

Селезнёв Игорь Александрович

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН (г. Москва). E-mail: igdrake@yandex.ru.

Шушпанова Ирина Сергеевна

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН (г. Москва). E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru.

Мирязов Тимур Робертович

Младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН (г. Москва).
E-mail: miryazov_timur@mail.ru.

Аннотация:

В статье рассматриваются актуальные проблемы пространственного развития Приморского края и Сахалинской области. Приводятся результаты полевого социологического исследования, проведённого авторами в данных регионах в сентябре 2019 г. Выборка построена на основе модели, с использованием ключевых характеристик генеральной совокупности, базируется на принципах квотно-пропорционального и территориального методов. Общий объём выборки — 468 респондентов. Эмпирический объект исследования — взрослое население регионов.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00836 А.

Ключевые слова:

Приморский край, Сахалинская область, миграция, пространственное развитие, система расселения, инфраструктурная система, социальный сектор.

Для цитирования:

Фомин М.В., Безвербный В.А., Селезнёв И.А., Шушпанова И.С., Мирязов Т.Р. Пространственное развитие Приморского края и Сахалинской области: мнение жителей // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 133–152. DOI: 10.31857/S013128120011588-7.

Spatial development of Primorsky territory and the Sakhalin region: opinion of residents

Maxim Fomin

Ph.D. in Politics, leading researcher at the Institute for social and political research (ISPI) of the Federal center of the theoretical and applied Sociology (FCTAS) of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: mvfomin@mail.ru.

Vadim Bezverbny

Ph.D. in Economics, leading researcher at ISPI FCTAS RAS (Moscow).
E-mail: vadim_ispr@mail.ru.

Igor Seleznev

Ph.D. in Sociology, leading researcher at ISPI FCTAS RAS (Moscow).

E-mail: igdrake@yandex.ru.

Irina Shushpanova

Ph.D. in Sociology, leading researcher at ISPI FCTAS RAS (Moscow).

E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru.

Timur Miriazov

Junior researcher at ISPI FCTAS RAS (Moscow). E-mail: miryazov_timur@mail.ru.

Abstract:

The article discusses the urgent problems of the spatial development of Primorsky territory and the Sakhalin region. The results of a field sociological study conducted by the authors in these regions in September 2019 are presented. The sample is constructed on the model which is using key characteristics of the general totality and based on the principles of quota-proportional and territorial methods. The total sample size is 468 respondents. The empirical object of the study is the adult population of the regions.

Key words:

Primorsky territory, Sakhalin region, migration, spatial development, system of settlement, infrastructure system, social sector.

For citation:

Fomin M.V., Bezverbny V.A., Seleznev I.A., Shushpanova I.S., Miriazov T.R. Spatial development of Primorsky Territory and the Sakhalin Region: Opinion of Residents // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 133–152. DOI: 10.31857/S013128120011588-7.

Экономика и миграции в Приморье и Сахалине

Социально-экономическая ситуация Приморского края и Сахалинской области заметно выделяет их на фоне прочих субъектов Дальневосточного федерального округа. В первую очередь стоит отметить выгодное экономико-географическое положение регионов, имеющих сухопутную и морскую границу с крупнейшими региональными и мировыми экономиками (Китай, Япония, Республика Корея). Приморский край и Сахалинская область граничат с широким рынком сбыта и имеют значительный потенциал в качестве крупнейшего торгово-транспортного узла.

Регионы обладают большими запасами полезных ископаемых. В Приморье можно выделить месторождения полиметаллических и вольфрамовых руд, олова, золота, а также угольные месторождения, которые разрабатывались для внутренних нужд. Сахалин богат углеводородным сырьем, в первую очередь нефтью и газом. Регионы обладают ярко выраженной специализацией, связанной с рыбной отраслью (рыба, моллюски, водоросли и пр.). В структуре валового регионального продукта (ВРП) Приморья в 2016 г. преобладала доля транспорта и связи — более 24%, доля оптовой и розничной торговли — 18,3%, обрабатывающего производства — 8,8%, сельского хозяйства — 4%, рыбной отрасли — 5,4%¹. Около трети ВРП региона формируется за счет транспортной деятельности и обрабатывающих производств.

Экономика Сахалинской области не отличается столь высокой степенью диверсификации. На 2018 г. в структуре ВРП преобладала добыча полезных ископаемых (53,7%), торговля оптовая и розничная (17,1%), строительство (6,4%), транспортировка и хранение (6,2%). Доля обрабатывающих производств и сельского хозяйства, включая рыболовство, находилась, соответственно, на уровне 3,3% и 3,4%². Несмотря на низкий

1. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 года.

URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/materialy-proekta-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-primorskogo-kрая-do-2030-goda.php>.

2. Сахалинстат. URL: <https://sakhalinstat.gks.ru/folder/29633>.

процент в общей структуре ВРП, на Сахалинскую область приходится значительная часть официального производства рыбы в стране.

В 2010 г. Сахалинская область вырвалась в лидеры по показателю доли ВРП на душу населения. К сожалению, значительный упор в развитии добывающей промышленности при слабой поддержке прочих направлений может в будущем стать причиной серьезных проблем, с которыми уже столкнулись многие узкоспециализированные регионы. Тем не менее, благодаря строительству завода по производству сжиженного природного газа открылись новые перспективы в развитии экономики региона.

С 1998 г. индекс физического объема ВРП в сопоставимых ценах не имел значительной прибавки (рис. 1.). Более того, в отдельные годы, в период с 2012 г. по 2017 г., Сахалинская область и Приморский край демонстрировали сокращение объема ВРП. Характерно то, что наибольших значений валового регионального продукта Сахалин достигал в период с 2001 по 2007 г. В то время началась реализация проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», совпавшая с продолжавшимся ростом цен на нефть.

Одновременно с кризисом в 2008 г. можно было наблюдать снижение индекса объема ВРП в сопоставимых ценах (тогда как для Приморья значения оставались на прежнем уровне). Примечательно, что на тот момент слабо диверсифицированная экономика Сахалинской области продемонстрировала определенные проблемы, связанные с общим видением дальнейшего развития региона.

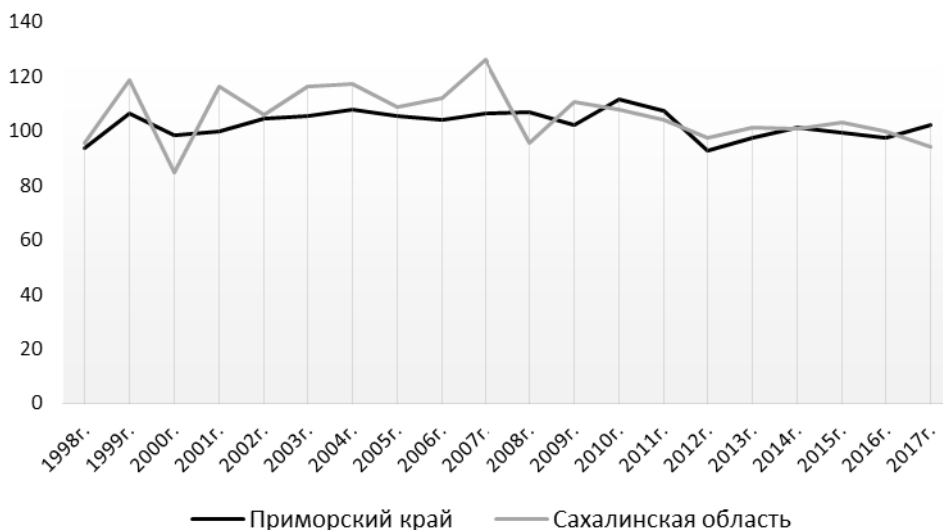

Рис. 1. Индекс физического объема ВРП в постоянных ценных, в % к предыдущему году³

При оценке потенциала пространственного развития рассматриваемых регионов становится очевидным, что Приморье выгодно отличается характером экономики и имеет значительные перспективы для развития. Преобладание доли транспорта (особенно портового хозяйства), перерабатывающей промышленности и торговли уже сейчас открывает возможности для реализации крупнейших проектов и устойчивых инфраструктурно-логистических связей с ведущими игроками в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴.

3. Федеральная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31083>.

4. Меламед И.И., Абрамов А.Л., Дягилев А.А., Кузнецова Г.Д., Матвиенко Н.Н. Социально-экономическое положение и перспективы развития Приморского края на период до 2024 г. (Часть II) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 4(85). С. 44–64.

В то же время, как в большинстве регионов Сибири и Дальнего Востока, для Приморья характерен миграционный отток населения. Меньше всего население покидало Приморский край в кризисные годы — 2008 и после 2014 (рис. 2).

В первую очередь, на это влияют общие экономические проблемы, затрудняющие процесс переселения на новое место жительства: рост цен на транспорт, отдаленность от более благополучных регионов Центральной России, проблемы с продажей недвижимости в кризисный период. Стоит особенно выделить то, что один из пиков миграционного оттока за всю современную историю региона приходился на относительно благополучный 2013 г. Вполне вероятно, что население стремится покинуть регион именно тогда, когда это позволяют их финансовые возможности.

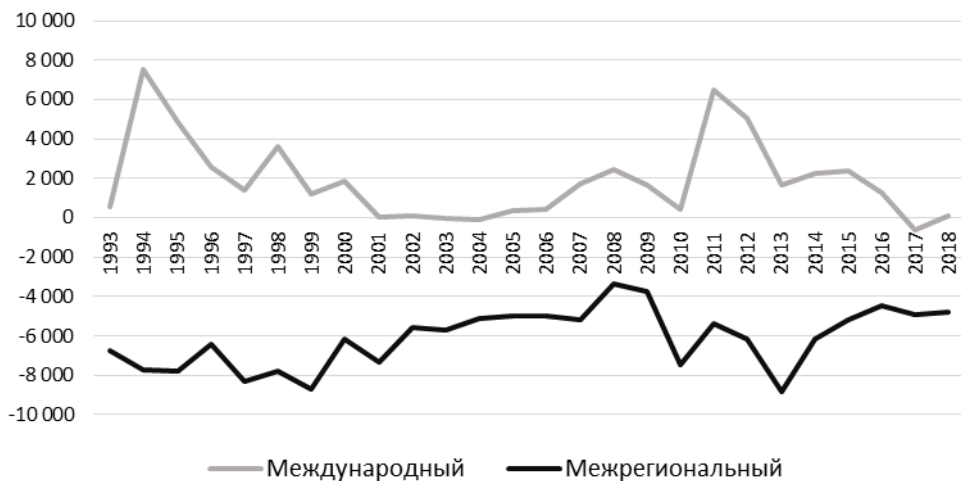

Рис. 2. Миграционный прирост/отток населения в Приморском крае, человек (1993–2018)⁵

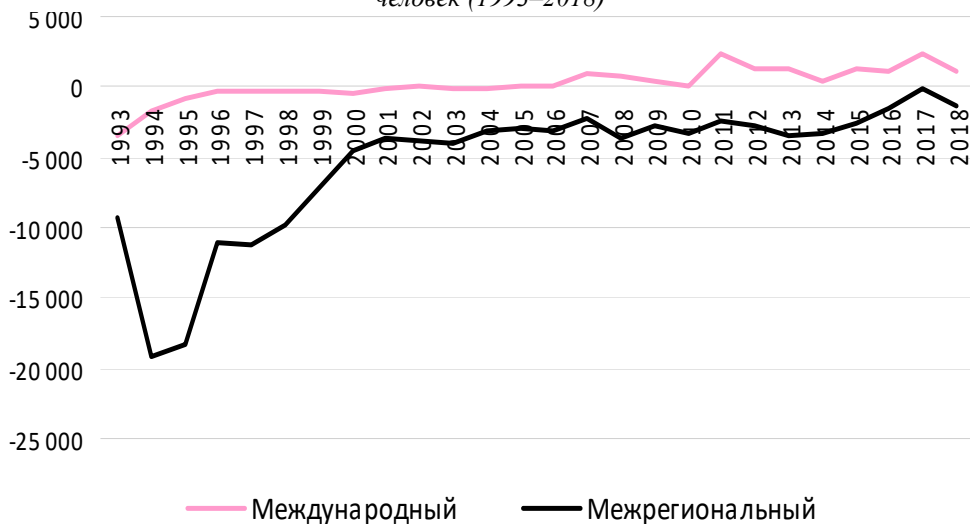

Рис. 3. Миграционный прирост/отток населения в Сахалинской области, человек (1993–2018)⁶

5. Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm.

6. Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm.

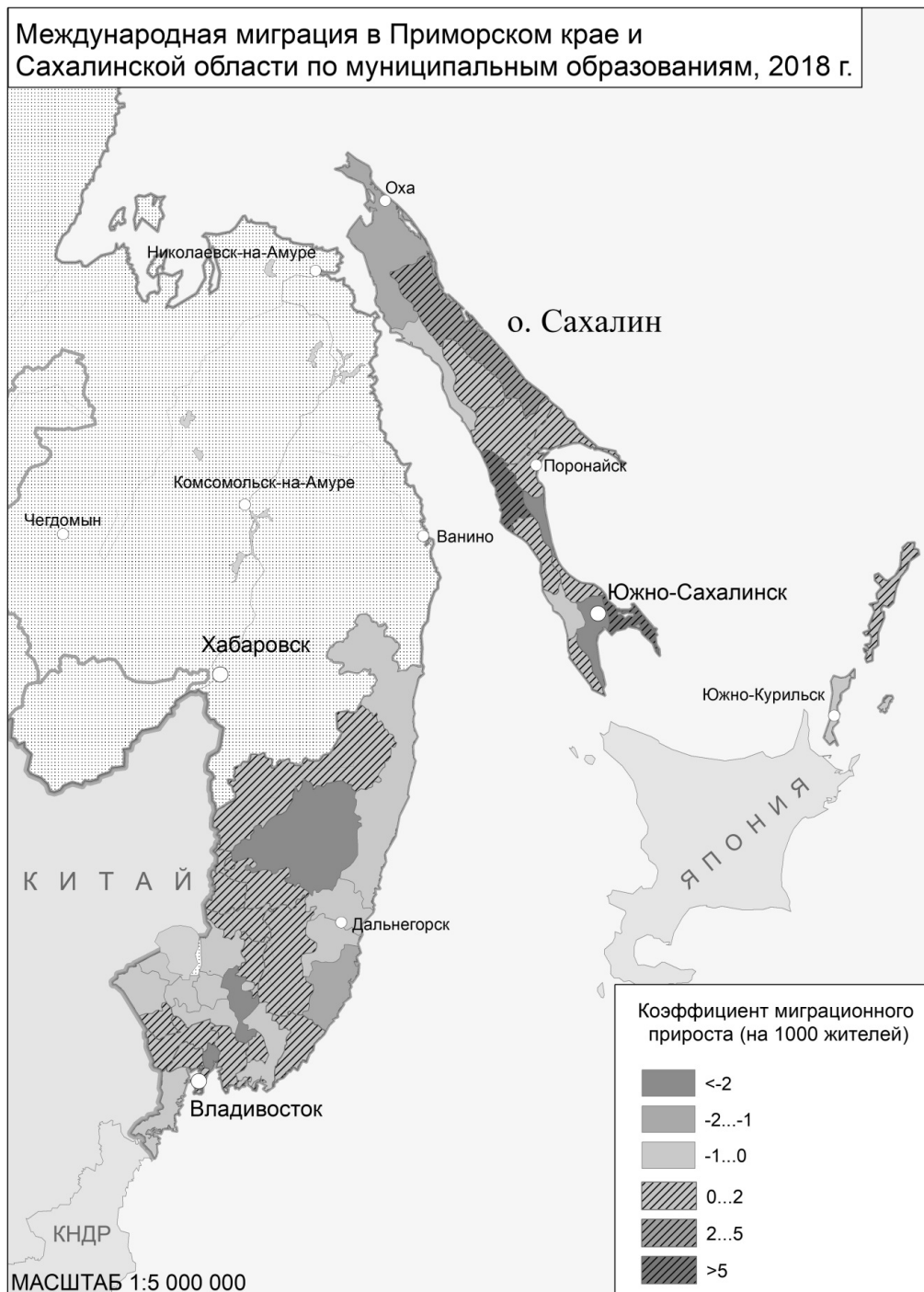

Рис. 4. Международная миграция в Приморье и на Сахалине

Источник: здесь и рис. 5,6: Отдел георбанистики и пространственного развития Центра социальной демографии ИСПИ ФНИСЦ РАН (разработчик Т.Р. Мирязов)

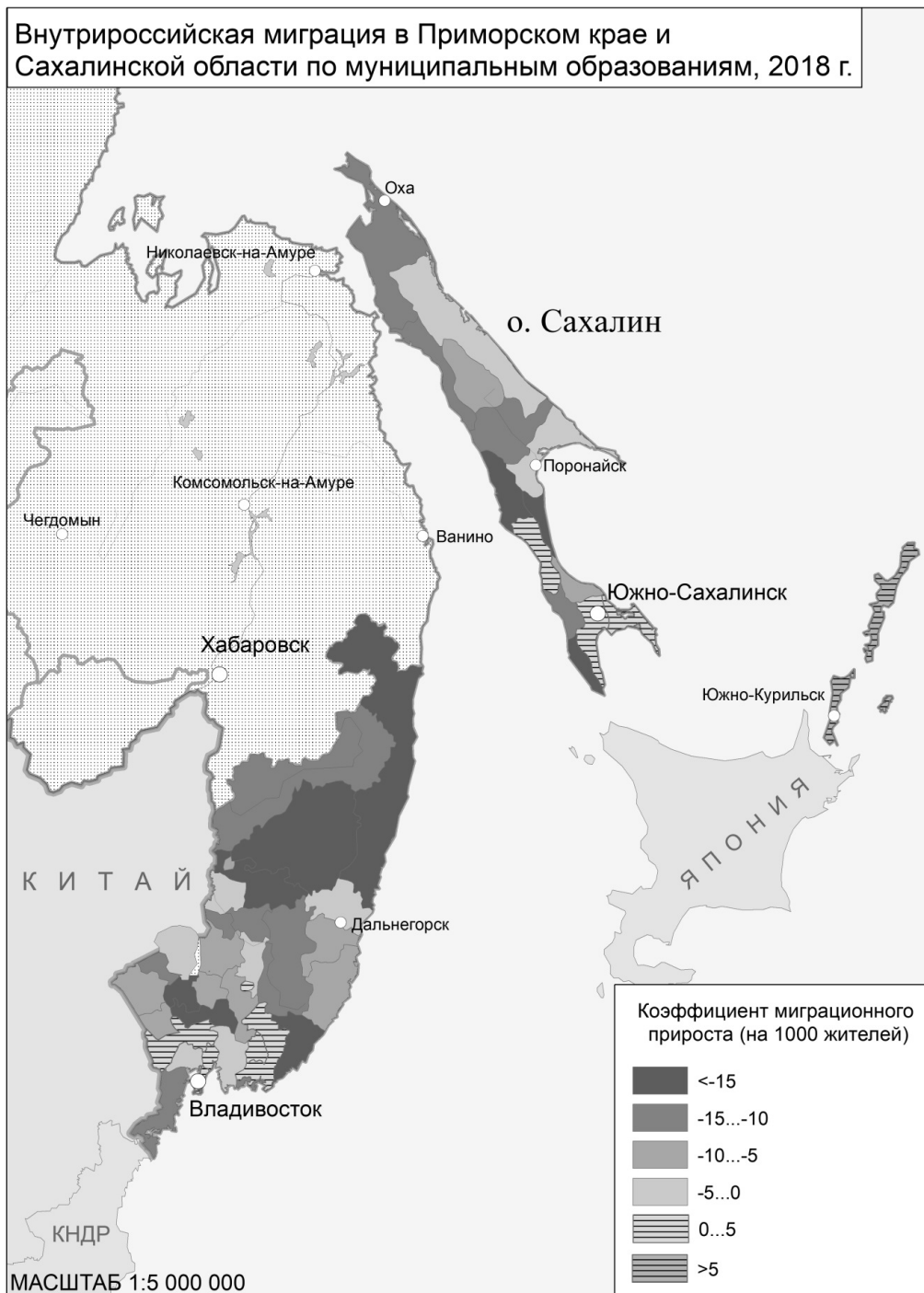

Рис. 5. Внутрироссийская миграция в Приморье и Сахалине

Динамика численности населения Приморского края и Сахалинской области по муниципальным образованиям, 2011-2018 гг.

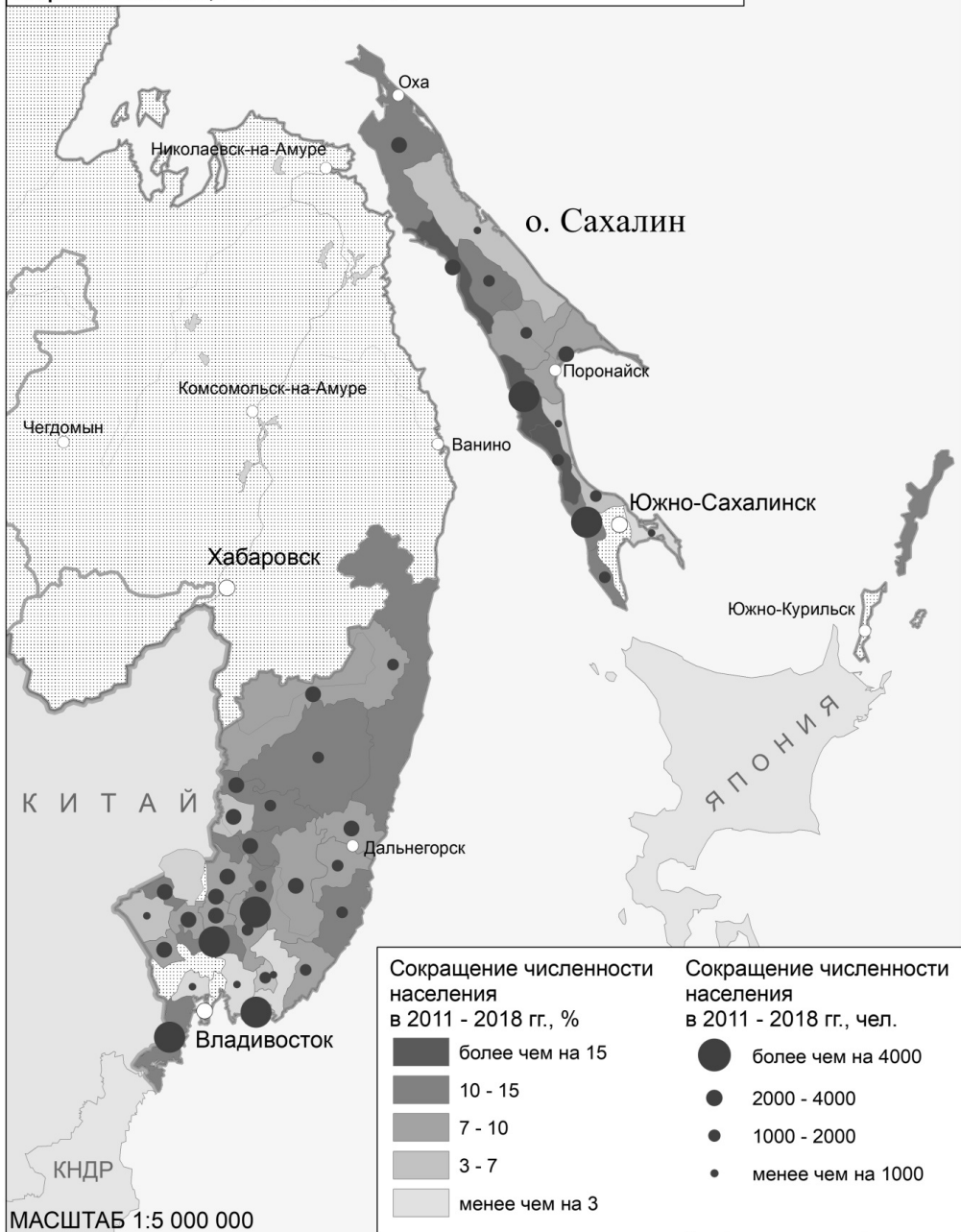

Рис. 6. Динамика численности населения Приморья и Сахалина

При оттоке местного населения международное сальдо миграции является положительным для края на всем протяжении периода с 1993 г. Очевидными можно назвать пиковые значения численности иностранных мигрантов в 1994 и 1998 г. После распада СССР несколько волн переселенцев из бывших союзных республик возвращалось в регионы России. Тем не менее значительный рост международной миграции фиксируется и начиная с 2011 г. В последнее десятилетие правительство РФ активизировало деятельность, направленную на реализацию большого числа крупных проектов в регионе (подготовка и проведение саммита АТЭС в 2012 г., федеральный проект «Свободный порт Владивосток», развитие Владивостокской агломерации и Находкинского транспортно-промышленного узла, ТОСЭР «Большой Камень» и пр.). Тогда же в регион начало прибывать значительное число международных трудовых мигрантов, в первую очередь из стран Средней Азии.

В отличие от Приморья для показателя миграционного прироста Сахалинской области характерен ярко выраженный спад, вызванный общим экономическим упадком региона в 1990-х годах (рис. 3). Между тем с ростом цен на нефть и развитием нефтегазовой отрасли в регионе отток населения заметно сократился, но международная миграция менее выражена, чем в Приморье. Важнейшую роль в этом сыграл экономический спад в конце прошлого века, а также транспортная изолированность и суровые климатические условия. Несмотря на заметные изменения в социально-экономическом положении рассматриваемых регионов, качество жизни в них не удовлетворяет запросам местного населения: продолжающийся миграционный отток⁷ и изменение численности⁸ населения это подтверждают (рис. 4–6).

Социальное самочувствие жителей Приморского края и Сахалинской области

В сентябре 2019 г. в рамках проекта «Моделирование сценариев пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России до 2030 года: особенности системы расселения» сотрудниками отдела геоурбанистики и пространственного развития ИСПИ ФНИСЦ РАН было проведено полевое социологическое исследование (руководитель — канд. полит. наук М.В. Фомин). Выборка была построена на основе модели с использованием ключевых характеристик генеральной совокупности, базирующейся на принципах квотно-пропорционального и территориального методов. Объем выборочной совокупности составил 468 респондентов. Эмпирический объект исследования — взрослое население Приморского края и Сахалинской области.

Анкета для опроса состояла из восьми пунктов, отображающих представление населения о состоянии пространственного развития региона, в котором они проживают. Рассматривались вопросы миграционных предпочтений, экономического потенциала и качества инфраструктуры, работы социальной сферы и местного управления. Большинство респондентов в обоих регионах **не испытывают желания переехать** (табл. 1). Доля тех, кто не собирается покинуть свой регион, значительно выше в Сахалинской области (76,2%).

7. *Безвербный В.А., Мирязов Т.П.* Трансформация системы расселения в Дальневосточном федеральном округе на уровне муниципальных образований // Науч. обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2019. № 5. С. 102–114.

8. *Фомин М.В.* Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. 2019. № 3. С. 15–29. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-0024.

Таблица 1.

Распределение ответов респондентов о желании переехать

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов
в Приморском крае и Сахалинской области)

Варианты ответов	Приморский край, %	Сахалинская область, %
Нет, не хотел(а) бы переехать	61,6	76,2
Да, хотел(а) бы переехать	37,9	22,2
Загруднились ответить	0,5	1,6

Источник: здесь и табл. 2–18: Отдел геоурбанистики и пространственного развития Центра социальной демографии ИСПИ ФНИСЦ РАН

При этом в Приморском крае (см. табл. 2) большинство указавших предполагаемое место жительства выбрало европейскую часть России, в частности Москву и Санкт-Петербург (58,8%). В то же время на Сахалине (см. табл. 3) большая часть респондентов не указала место переезда (57,2%), а самым популярным оказался юг России (28,6%).

Таблица 2.

Мнение респондентов о направлении и месте возможного переезда

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов
в Приморском крае, желающих переехать)

Варианты ответов	%
Да, хотел(а) бы переехать в Европейскую Россию (ЦФО, Поволжье, СЗФО)	58,8
Да, хотел(а) бы переехать на Юг (Кубань, Крым, Ставрополье)	12,4
Да, хотел(а) бы переехать в другие регионы ДФО, Сибири, Урала	4,6
Да, хотел(а) бы переехать (без указания места и причин)	24,2

Таблица 3.

Мнение респондентов о направлении и месте возможного переезда

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов
в Сахалинской области, желающих переехать)

Варианты ответов	%
Да, хотел(а) бы переехать в Европейскую Россию (ЦФО, Поволжье, СЗФО)	7,1
Да, хотел(а) бы переехать на Юг (Кубань, Крым, Ставрополье)	28,6
Да, хотел(а) бы переехать в другие регионы ДФО, Сибири, Урала	7,1
Да, хотел(а) бы переехать (без указания места и причин)	57,2

Среди причин переезда (см. табл. 4,5) выделяются высокие цены (на продукты и транспорт), низкий уровень заработной платы, отсутствие работы и плохой климат. В то же время население не стремится переехать по следующим причинам: «В регионе все устраивает», «Возраст не позволяет», «В регионе живут родственники».

Для большинства респондентов остается принципиальным проживание в родном регионе в силу привычки и личного комфорта. Значительная доля опрошенных считает неправильным переезжать из родного края. Они не стремятся покинуть земли, на которых выросли. Как видно из мнений респондентов в таблицах 4 и 5, жители Приморья приводили в комментариях несколько больше причин переезда, в отличие от сахалинцев, что и позволило сгруппировать их в дополнительные варианты ответов.

Таблица 4.

Мнение респондентов о причинах переезда

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Приморском крае, желающих переехать; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов о причинах возможного переезда	%
Плохие климатические условия	33,3
Высокие цены	33,3
К родственникам	26,7
Низкая заработная плата, нехватка денег	23,3
Мало рабочих мест	10
Власть не заботится о людях	6,7
Низкое качество, отсутствие и доступность продуктов питания	3,3
Низкое качество образовательных услуг	3,3
Низкое качество медицинских услуг	3,3
Плохая инфраструктура	3,3
Низкий уровень безопасности, преступность	3,3

Таблица 5.

Мнение респондентов о причинах переезда

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Сахалинской области, желающих переехать; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов о причинах возможного переезда	%
Плохие климатические условия	75
Высокие цены	41,7
Низкий уровень безопасности, преступность	16,7
Низкая заработная плата, нехватка денег	8,3
Низкое качество медицинских услуг	8,3
Неразвитая, плохая транспортная доступность	8,3

В то же время миграционные предпочтения жителей Приморья и Сахалина вполне ожидаемы. В связи с тем, что большая часть населения Приморского края проживает в относительно благоприятных климатических условиях, их желание переехать в южные регионы страны менее выражено по сравнению с жителями Сахалинской области.

Кроме того, именно низкие доходы вынуждают население Приморья думать о переезде в более благополучные регионы центральной России. Поскольку большая часть опрошенных на Сахалине не указала место переезда, можно предположить, что желание уехать скорее является эмоциональным, не вызванным конкретными проблемами в регионе.

На вопрос «Хотели бы Вы, чтобы ваши дети здесь жили» в среднем по двум регионам респонденты отвечали менее однозначно, чем в случае собственного переезда (см. табл. 6).

Доля тех, кто хотел, чтобы его дети переехали в другой регион, выше в Приморье. Среди комментариев в пользу миграции выделяется невозможность получения качественного образования, отсутствие социальной инфраструктуры, общая дороговизна жизни и отсутствие перспектив в будущем.

Таблица 6.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети здесь жили?»**
(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов
в Приморском крае и Сахалинской области)

Варианты ответов	Приморский край, %	Сахалинская область, %
Да	52	65,1
Нет	44,5	31,7
Загруднились ответить	3,5	3,2

Комментарии против переезда детей в основном затрагивали вопросы семейного благополучия («Семья должна быть вместе») и общие вопросы морального и духовного аспектов («Хотел, чтобы не забывали, где их Родина»).

Меньшая доля респондентов, желающих чтобы их дети остались в родном регионе, свидетельствует о сформировавшихся пессимистических взглядах относительно будущего Дальнего Востока.

Среди опрошенных выделяется группа, которая готова жить в Приморье и на Сахалине, но для детей они выбирают миграцию в более благополучные районы страны. Возможно, именно формирование внутри семьи представлений о будущем вынужденном переезде влечет за собой продолжающийся отток населения.

На вопрос о возможности комфортного проживания в регионе сейчас и в будущем на протяжении нескольких поколений (см. табл. 7) подавляющее большинство опрошенных ответило положительно (Приморский край — 77%, Сахалинская область — 93,7%).

Таблица 7.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Возможно ли комфортное проживание в Вашем регионе (городе)
населения на постоянной основе в течение многих поколений?»**

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов
в Приморском крае и Сахалинской области)

Варианты ответов	Приморский край, %	Сахалинская область, %
Да, возможно	77	93,7
Нет, невозможно	18,8	4,8
Загруднились ответить	4,2	1,5

При этом большинство респондентов в комментариях отмечает, что для этого нужно принять меры по развитию экономики, инфраструктуры, бизнеса, образования, здравоохранения (табл. 8,9). Для комфортного проживания важны также рост доходов населения и снижение цен на транспорт, в частности авиаперелетов, доступность жилья.

Проблема с жильем является одной из самых актуальных для рассматриваемых регионов. Если строительство жилья сегодня ведется эффективнее, чем раньше, то проблему с покупательской способностью⁹ населения решить в данный момент не удастся.

9. Меламед И.И., Абрамов А.Л., Дягилев А.А., Кузнецова Г.Д., Матвиенко Н.Н. Н.Н. Социально-экономическое положение и перспективы развития Приморского края на период до 2024 г. (Часть II) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 4(85).

Таблица 8.

Мнение респондентов о том, что необходимо для комфортного проживания населения на постоянной основе в течение многих поколений

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Приморском крае; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов	%
Развитие инфраструктуры	22
Повысить зарплаты, ввести льготы	22
Доступное жилье, строительство жилья	16
Создать новые рабочие места	16
Улучшить работу местной власти	16
Повысить качество медицинских услуг, наличие необходимых лекарств	12
Открыть новые предприятия	12
Увеличить инвестиции в регион	12
Снизить цены на продукты и ЖКХ	10
Повысить экологическую безопасность	8
Сделать доступными авиаперелеты	6
Повысить транспортную и логистическую доступность	4
Повысить качество образовательных услуг	4
Снизить уровень коррупции	4
Сделать более широкий спектр досуговой деятельности	2

Таблица 9.

Мнение респондентов о том, что необходимо для комфортного проживания населения на постоянной основе в течение многих поколений

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Сахалинской области; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов	%
Доступное жилье, строительство жилья	30
Повысить зарплаты, ввести льготы	30
Развитие инфраструктуры	20
Повысить качество медицинских услуг, наличие необходимых лекарств	17,5
Повысить транспортную и логистическую доступность	15
Создать новые рабочие места	15
Повысить экологическую безопасность	15
Сделать доступными авиаперелеты	12,5
Повысить качество образовательных услуг	12,5
Снизить цены на продукты и ЖКХ	12,5
Увеличить инвестиции в регион	10
Сделать более широкий спектр досуговой деятельности	5
Улучшить продовольственное снабжение, наличие качественных продуктов питания	2,5
Повысить качество связи (интернет, мобильная связь)	2,5

Подавляющее большинство респондентов посчитали, что экономическая ситуация в Приморье ухудшается (74,3%), в то время как на Сахалине большинство оценили ситуацию как «стабильную» или «улучшающуюся» — почти 35% и 40% соответственно (табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете экономическую ситуацию в регионе, в городе (занятость, доходы)?»

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Приморском крае и Сахалинской области)

Варианты ответов	Приморский край, %	Сахалинская область, %
Ухудшается	74,3	20,6
Стабильная	18,3	34,9
Улучшается	5,9	39,7
Затруднились ответить	1,5	4,8

Таблица 11.

Мнение респондентов о причинах сложившейся экономической ситуации в регионе

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Приморском крае; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов	%
Безработица, отсутствие новых рабочих мест	37,3
Низкие доходы, цены растут быстрее зарплат	32,2
Рост цен на продукты питания и товары, высокие тарифы на ЖКХ	23,7
Отсутствие перспектив и роста малого бизнеса, новые предприятия не открываются	22
Неудовлетворительная работа местной власти	13,6
Отсутствие инвестиций, крупных проектов	8,5
Много мигрантов	6,8
Низкое качество медицинских услуг	5,1
Низкое качество образовательных услуг	3,4
Высокий уровень социального неравенства	1,7
Плохая экология	1,7

Таблица 12.

Мнение респондентов о причинах сложившейся экономической ситуации в регионе

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Сахалинской области; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов	%
Низкие доходы, цены растут быстрее зарплат	53,3
Рост цен на продукты питания и товары, высокие тарифы на ЖКХ	33,3
Безработица, отсутствие новых рабочих мест	26,7
Отсутствие перспектив и роста малого бизнеса, новые предприятия не открываются	20
Высокий уровень социального неравенства	13,3
Отсутствие инвестиций, крупных проектов	6,7
Много мигрантов	6,7

В случае с Сахалинской областью определяющим оказалось улучшение качества жизни в связи с развитием нефтегазовой промышленности, которая обеспечила быстрый рост экономики в последние десятилетия.

Тем не менее в обоих регионах население отмечает рост цен на товары и услуги, проблемы в развитии предпринимательства, сложность в трудоустройстве, низкую заработную плату, отсутствие новых предприятий при постоянном росте торговых точек (магазины, торговые центры, склады). Заметное число респондентов указывает на проблемы в управлении как причины экономического спада (табл. 11,12).

Более 70% опрошенных считают, что неравенство по доходам в Приморском крае возрастает. В то же время на Сахалине этот показатель вдвое меньше — 36,5% (табл. 13).

Таблица 13.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, нарастает или сокращается неравенство по доходам в регионе (в городе)?»

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Приморском крае и Сахалинской области)

Варианты ответов	Приморский край, %	Сахалинская область, %
Неравенство по доходам возрастает	72	36,5
Неравенство по доходам сокращается	10,9	23,8
Неравенство по доходам остается на том же уровне, ситуация стабильная	5,2	14,3
Затруднились ответить	11,9	25,4

В случае с Приморьем можно судить о высоком уровне социального расслоения в регионе, его постоянном росте. Характерен и заметный эмоциональный окрас в комментариях к вопросу. Многие указывают на неравенство в бюджетной сфере, рост зарплат госслужащих, отсутствие рабочих мест для выпускников с высшим образованием («У большинства стабильно занижаются доходы. Идет уравниловка. Оплата труда не соответствует уровню образования, квалификации работника»). В то же время респонденты, указывающие на стабильность доходов (5,2% в Приморском крае), отмечают общий низкий уровень заработной платы для всего работающего населения.

Отличным также оказалось мнение респондентов в Приморском крае от мнения респондентов на Сахалине в вопросе развития предприятий (табл. 14). По мнению 65% опрошенных в Приморье, местные предприятия деградируют (на Сахалине — 19%).

Таблица 14.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете перспективы работы ключевых предприятий региона? Они развиваются или деградируют?»

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Приморском крае и Сахалинской области)

Варианты ответов	Приморский край, %	Сахалинская область, %
Предприятия развиваются	14,4	34,9
Состояние предприятий стабильное, без существенных изменений	2	4,8
Предприятия деградируют	65,6	19
Затруднились ответить	18	41,3

В очередной раз развитие нефтегазовой отрасли на о. Сахалин нивелирует общие социально-экономические проблемы, характерные для всего Дальнего Востока. В

случае с Приморским краем стоит указать на общее положение местной производственной сферы. Как было показано выше, значительную долю ВРП края формируют транспорт и розничная торговля, в то время как местные предприятия закрываются на протяжении всего периода с момента распада СССР.

Респонденты в обоих рассматриваемых регионах отмечают рост влияния московских компаний на экономику Приморья («Предприятия занимает Москва», «Москва все подминает под себя», «Новые предприятия не создаются, а ключевые предприятия подминают под себя москвичи»), значительный рост торговых точек («Растут только торговые центры», «Открываются только торговые точки»). Также часть опрошенных указывает на устаревшую материально-производственную базу и на рост тарифов как причину банкротства местных производств — дешевле привезти, чем произвести. Вместе с деградацией предприятий падает заработная плата работников и растет безработица.

На Сахалине, по мнению респондентов, деградируют многие отрасли, не связанные с нефтегазовой промышленностью, в том числе рыбное хозяйство, агропромышленный комплекс («Рыбная отрасль в упадке — сырьевая база истощена. Лесная промышленность — сырьевая база истощена». «В селе с/х не развивается, люди уезжают из села, т.к. заработная плата у людей минимальная»).

Одной из важных тем, затрагиваемых в опросе, является присутствие мигрантов в рассматриваемых субъектах Федерации. В то время как большая часть страны рассуждает о китайской угрозе для восточных районов, местные жители отмечают негативные последствия присутствия мигрантов из Средней Азии (табл. 15).

Таблица 15.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы оцениваете ситуацию с мигрантами в регионе?»**

*(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов
в Приморском крае и Сахалинской области)*

Варианты ответов	Приморский край, %	Сахалинская область, %
Сложная. Необходимо ограничить миграцию	75,5	55,6
Терпимая. Стабильная	20,5	25,4
Регион испытывает недостаток в мигрантах, необходимо расширить их привлечение	2,2	1,6
Затруднились ответить	1,8	17,4

Более 75% респондентов в Приморье и 55,6% в Сахалинской области указали на сложную ситуацию с международной миграцией и необходимость ее ограничения. При этом комментарии респондентов также были весьма эмоциональными, что говорит о высоком уровне беспокойства местных жителей.

Например, влияние на рынок труда и негативные последствия более дешевой рабочей силы из ближнего зарубежья: «У нас достаточно своего безработного населения, которое готово трудиться вместо мигрантов», «В последнее время в регионе активно ведется строительство, аграрные работы. Из-за относительно невысоких зарплат в этой сфере жители (коренные) не хотят работать в этих сферах», «Работодателям выгодно нанимать гастарбайтеров на работу и платить им низкую зарплату».

Часть респондентов отмечает отрицательное влияние трудящихся-мигрантов на социально-экономическое развитие регионов («При достаточно дешевой рабочей силе, неофициальных зарплатах идет уклонение от уплаты налогов, отсутствие поступлений в бюджет и социальных выплат семьям, за счет вышеперечисленного — вытеснение с рынка труда»; «Сложившаяся ситуация с миграцией выводит большую часть заработанных денег за пределы региона»).

Были и более развернутые комментарии: «Привлечение трудовых мигрантов — путь в никуда. Это наиболее простой путь заткнуть демографические дыры. Вместо этого необходимо стимулировать развитие социальной сферы (рождаемость, доступность жилья, та же работа, социальная обеспеченность людей пожилого возраста)».

Некоторые респонденты отмечали слабую ассимиляцию приезжих рабочих и низкий уровень квалификации. Особенно выделяются среди прочих комментарии относительно вымирания русского населения на Дальнем Востоке и замены его мигрантами из Средней Азии, Китая и Кореи.

На вопрос «В полной ли мере используется потенциал региона?» (табл. 16) подавляющее большинство респондентов двух регионов ответили отрицательно. При этом однозначно положительный ответ дали только 4,5% в Приморье и 6,3% сахалинцев.

Таблица 16.

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«В полной ли мере используется потенциал региона?»**
(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов
в Приморском крае и Сахалинской области)

Варианты ответов	Приморский край,	Сахалинская область,
	%	%
Потенциал используется полностью	4,5	6,3
Потенциал используется неполностью	75,5	69,8
Затруднились ответить	20	23,9

Таблица 17.

**Мнение респондентов о способах использования потенциала региона
с целью развития экономики, улучшения качества жизни населения**

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Приморском крае; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов	%
Развивать промышленность	26,7
Создавать новые рабочие места	16,7
Развивать инфраструктуру	13,3
Развивать малый бизнес	10
Улучшить работу местной власти	10
Увеличить число мест досуга	10
Снизить уровень коррупции	6,7
Обеспечить жильем	6,7
Развивать добычу полезных ископаемых	3,3
Привлекать инвестиции	3,3
Развивать сельское хозяйство	3,3
Развивать туризм	3,3
Снизить цены на продукты питания и тарифы ЖКХ	3,3
Улучшить качество дорог	3,3

В комментариях по данному вопросу респонденты указали предложения по использованию потенциала региона с целью развития экономики (Табл. 17,18). В Приморском крае в первую очередь предлагали развивать промышленность (26,7%), создавать

новые рабочие места (16,7%) и развивать инфраструктуру. Наиболее популярным предложением жителей Сахалинской области стало развитие туризма (48%).

Таблица 18.

Мнение респондентов о способах использования потенциала региона с целью развития экономики, улучшения качества жизни населения

(сентябрь 2019, % от числа опрошенных респондентов в Сахалинской области; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Ответы респондентов	%
Развивать туризм	48
Развивать инфраструктуру	36
Создавать новые рабочие места	20
Обеспечить жильем	12
Увеличить число мест досуга	8
Развивать транспортную связь и логистическую доступность	8
Привлекать инвестиции	4
Развивать сельское хозяйство	4
Снизить цены на продукты питания и тарифы ЖКХ	4
Развивать промышленность	4
Улучшить качество дорог	4

Выводы и комментарии

1. Несмотря на общее улучшение социально-экономического положения, в рассматриваемых регионах продолжается отток населения. Если в случае с Сахалином ситуацию можно назвать стабильной, то жители Приморья продолжают покидать регион «волнами», в зависимости от экономического состояния региона. В первую очередь это связано с недостатком рабочих мест, низкими доходами, высокими ценами на транспорт и продукты. В то время как отдельные отрасли экономики в представленных регионах активно развиваются, многие ключевые производства приходят в упадок. С закрытием предприятий растет безработица.

Вместе с тем далеко не каждый способен устроиться на новую работу по своей специальности — в первую очередь это касается представителей старшей возрастной группы. Общий вектор развития рассматриваемых регионов провоцирует население на переезд. Несмотря на то, что нефтегазовая промышленность Сахалина развивается, часть населения, не работающая в этой отрасли, стремится перебраться в регионы с более диверсифицированной экономикой, где они смогут получать достойную заработную плату и быть востребованными специалистами. Население Приморского края чувствует рост неравенства в доходах в регионе и указывает на социальную несправедливость как важный фактор в вопросе переезда.

2. Большинство жителей Приморского края и Сахалинской области желают остаться в своем регионе. Многие респонденты оценивали свои регионы как привлекательные, удобные и перспективные, что позволяет говорить о возможности остановить отток населения в случае успешных социально-экономических преобразований. Большая часть опрошенных считает, что потенциал их региона реализован не в полной мере. В комментариях нередко можно увидеть негативное отношение к закрытию промышленных предприятий и росту торговых точек. В прошлом население могло рассчитывать на поддержку государства (предоставление жилья, надбавки к заработной плате), и многие респонденты считают, что именно это позволит решить вопрос миграционного оттока.

3. Подавляющая часть опрошенных относится к приезжим рабочим из Средней Азии негативно. Ситуация с развитием перспективных направлений экономики в рассматриваемых регионах оказалась парадоксальной. Большинство крупных проектов разрабатывались, в том числе, для того чтобы обеспечить местных жителей рабочими местами. Однако в таких отраслях, как транспорт, торговля и строительство, в России традиционно используются неквалифицированные рабочие, в основном из стран Средней Азии. В случае с Приморьем и Сахалином это привело к еще большим трудностям на рынке труда — более дешевая рабочая сила вытеснила местное население.

Респонденты отмечают невозможность для жителей региона устроиться на работу за достойную плату и оценивают квалификацию самих приезжих рабочих как низкую. Тем не менее, при правильном подходе к вопросу адаптации и трудоустройства иностранных граждан они могут стать важной составляющей современной экономики Приморья и Сахалина. Мигранты могут создавать новые предпринимательские ниши, наполнять рынок новыми услугами и товарами, успешно конкурировать¹⁰ с местными предпринимателями, улучшая экономический климат.

* * *

Развитие Приморья и Сахалина является одним из приоритетов государства. В то же время становится все более очевидным, что привычные подходы к решению социально-экономических проблем¹¹ дальневосточных регионов не отвечают запросам, формирующимся, в том числе, и правительством страны, несмотря на гигантское количество инициатив. Предлагаемые способы улучшения экономического климата не отличаются эффективностью, и потребность в федеральной финансовой поддержке ежегодно сохраняется. Отсутствие решения проблем развития данных территорий может привести к недопустимому¹² демографическому оголению огромных российских пространств, богатых природными ресурсами, потере опыта их освоения, геополитической¹³ уязвимости.

И, наконец, главное. Особенность таких уникальных в мировом масштабе регионов, как Приморский край и Сахалинская область, в том, что в условиях экономической децентрализации¹⁴ и укрепления доходной части бюджета долей прибыли от проектов они могут реально существовать без дотаций. Но для решения большинства задач, стоящих перед столь удаленными субъектами Федерации, важнейшую роль продолжает играть человеческий капитал.

-
10. См., например: *Ерохин А.К., Власенко А.А.* Анализ социально-экономического развития Приморского края // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 2. С. 77–82; *Третьяк Г.Е.* Анализ социально-экономического положения Приморского края: тенденции и прогноз // *Экономические стратегии*. 2017. № 5. С. 170–175.
11. *Фомин М.В., Безвербный В.А.* Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2018. № 6. С. 33–53. DOI: 10.26653/2076–4685–2018–6–03.
12. *Фомин М.В.* Россия в мировых конфликтах. Горизонт — 2019 / Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение / Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам за 2009 год. / под общ. ред. А.А. Аслаханова, В.М. Соловьева и С.В. Картунова. М., 2010. С. 157–161.
13. *Фомин М.В.* Международное влияние: новые центры силы // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение: Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ 2010 год. М., 2011. С. 225–234.
14. *Фомин М.В.* Проектные федеральные территории как объект пространственного развития // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Сборник трудов II Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной. 2018. С. 134–138.

Литература

- Безвербный В.А., Мирязов Т.Р.* Трансформация системы расселения в Дальневосточном федеральном округе на уровне муниципальных образований // Науч. обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2019. № 5.
- Ерохин А.К., Власенко А.А.* Анализ социально-экономического развития Приморского края // Фундаментальные исследования. 2018. № 2.
- Меламед И.И., Абрамов А.Л., Дягилев А.А., Кузнецова Г.Д., Матвиенко Н.Н.* Социально-экономическое положение и перспективы развития Приморского края на период до 2024 г. (Часть II) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 4(85).
- Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm.
- Сахалинстат. URL: <https://sakhalinstat.gks.ru/folder/29633>.
- Федеральная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31083>.
- Фомин М.В.* Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. 2019. № 3. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-0024.
- Фомин М.В.* Международное влияние: новые центры силы // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение: Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации ФС РФ 2010 год. М., 2011.
- Фомин М.В.* Проектные федеральные территории как объект пространственного развития // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Сборник трудов II Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной. 2018.
- Фомин М.В.* Россия в мировых конфликтах. Горизонт — 2019 / Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение / Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам за 2009 год. / под общ. ред. А.А. Аслаханова, В.М. Соловьева и С.В. Кортунова. М., 2010.
- Фомин М.В., Безвербный В.А.* Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03.
- Третьяк Г.Е.* Анализ социально-экономического положения Приморского края: тенденции и прогноз // Экономические стратегии. 2017. № 5.

References

- Bezverbnij V.A., Miryazov T.R.* Transformaciya sistemy` rasseleniya v Dal`nevostochnom federal`nom okruge na urovne municipal`ny`x obrazovaniy // Nauch. obozrenie. Seriya 1: E`konomika i pravo. 2019. № 5.
- Erohin A.K., Vlasenko A.A.* Analiz social`no-e`konomicheskogo razvitiya Primorskogo kraja // Fundamental`ny`e issledovaniya. 2018. № 2.
- Melamed I.I., Abramov A.L., Dyagilev A.A., Kuznecova G.D., Matvienko N.N.* Social`no-e`konomicheskoe polozhenie i perspektivy` razvitiya Primorskogo kraja na period do 2024 g. (Chast` II) // Tamozhennaya politika Rossii na Dal`nem Vostoke. 2018. № 4(85).
- Rosstat. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm.
- Saxalinstat. URL: <https://sakhalinstat.gks.ru/folder/29633>.
- Federal`naya statistika. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31083>.
- Fomin M.V.* Demograficheskie prognozy` i korrektnost` statistiki prostranstvennogo razvitiya Sibiri i Dal`nego Vostoka Rossii // Narodonaselenie. 2019. № 3. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-0024.
- Fomin M.V.* Mezhdunarodnoe vliyanie: novy`e centry` sily` // Rossiya v novom veke: vneshnepoliticheskoe izmerenie: Sbornik materialov zasedaniy E`kspertnogo soveta Komiteta po mezhdunarodny`m delam Soveta Federacii FS RF 2010 god. M., 2011.
- Fomin M.V.* Proektny`e federal`ny`e territorii kak ob`ekt prostranstvennogo razvitiya // Migracionny`e processy` i ix vliyanie na demograficheskoe i social`no-e`konomicheskoe razvitie Dal`nego Vostoka: Sbornik trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. S.V. Ryazanceva, M.N. Xramovoj, L.A. Savinkinoj. 2018.

- Fomin M.V.* Rossiya v mirovy`x konfliktax. Gorizont — 2019 / Rossiya v novom veke: vneshnepoliticheskoe izmerenie / Sbornik materialov zasedanij Ekspertnogo soveta Komiteta Soveta Federacii po mezhdunarodny`m delam za 2009 god. / pod obshh. red. A.A. Aslaxanova, V.M. Solov`e-va i S.V. Kortunova. M., 2010.
- Fomin M.V., Bezverbnij V.A.* Prostranstvenny`j karkas Sibiri i Dal`nego Vostoka Rossii v us-loviyax demograficheskogo szhatiya: «vtory`e» i «tret`i» goroda // Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarny`e nauki. 2018. № 6. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-03.
- Tret`yak G.E.* Analiz social`no-e`konomicheskogo polozheniya Primorskogo kraja: tendencii i pro-gnoz // E`konomicheskie strategii. 2017. № 5.

Российское китаеведение

Профессор В.В. Энгельфельд: «Очень любил своё дело и не представлял себе жизни без преподавания в высшей школе»

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011438-2

Хисамутдинов Амир Александрович

Доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук. E-mail: khisamut@yahoo.com.

Чи Юйчао

Аспирант департамента истории и археологии ДВФУ. E-mail: 88002978@qq.com.

Аннотация:

Статья посвящена профессору юриспруденции Владимиру Викторовичу Энгельфельду (1891–1937), знагоку китайского права, автору многих работ на эту тему. Еще во Владивостоке он заинтересовался совершенно неисследованной темой — становлением государственного права Китая, подготовив в дальнейшем магистерскую диссертацию, защищенную в Париже. Он преподавал в Государственном Дальневосточном университете, также был профессором и деканом Юридического факультета в Харбине — первого русского высшего учебного заведения в Китае, столетие со дня основания которого отмечается в этом году. Его выпускники внесли большой вклад в китаеведение и в становление русско-китайских отношений в первой половине 20-го века. Статья написана с использованием материалов из архивов и библиотек США и Китая.

Ключевые слова:

В.В. Энгельфельд (1891–1937), ГДУ, русские в Китае, Гражданская война на Дальнем Востоке, правоведческое изучение Китая, Юридический факультет в Харбине, юриспруденция на Дальнем Востоке.

Для цитирования:

Хисамутдинов А.А., Чи Юйчао. Профессор В.В. Энгельфельд: «Очень любил своё дело и не представлял себе жизни без преподавания в высшей школе» // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 153–163. DOI: 10.31857/S013128120011438-2.

Russian Sinology

Professor V.V. Engelfeld: “He Loved his Job Very Much and Could not Imagine Life without Teaching at University”

Amir Khisamutdinov

Dr.Sc. in History, Professor of Far Eastern Federal University; head of department in Central scientific library of Far Eastern branch of the Russian academy of Sciences.
E-mail: khisamut@yahoo.com.

Chi Yuchao

Postgraduate student, Department of History and Archeology of Far Eastern Federal University.
E-mail: 88002978@qq.com.

Abstract:

This article is devoted to the professor of law Vladimir Viktorovich Engelfeld (1891–1937), a connoisseur of Chinese law, and the author of many works on this subject. While still in Vladivostok, he became interested in a completely unexplored topic — the formation of China's state law (1921). He subsequently prepared a master's thesis that were defended in Paris. He taught at the State Far Eastern University, and later was a professor and dean of the Faculty of Law in Harbin. The year 2020 marks the centenary of the opening of the first Russian institution of higher education in China — the Faculty of Law in Harbin. His graduates made a great contribution to Sinology and the formation of Russian-Chinese relations in the first half of the 20th century. This article was written using materials from archives and libraries of the USA and China.

Key words:

V.V. Engel'fel'd (1891–1937), State Far Eastern University (GDU), Russians in China, Civil War in the Far East, Legal Sinology, Faculty of Law in Harbin, Far Eastern Jurisprudence.

For citation:

Khisamutdinov A.A., Chi Yuchao. Professor V.V. Engelfeld: “He Loved his Job Very Much and Could not Imagine Life without Teaching at University” // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 153–163. DOI: 10.31857/S013128120011438-2.

В 2020 году востоковеды — юристы российского Дальнего Востока отмечают столетие со дня открытия юридического факультета Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) во Владивостоке и русского Юридического факультета в Харбине. Среди основателей этих учебных заведений было немало ярких личностей, которые оставили свой след и в мировой юриспруденции, и в китаеведении¹. В их число входил и Владимир Викторович Энгельфельд.

О русских юристах, оказавшихся в эмиграции, неоднократно писал дальневосточный историк В.В. Сонин². Владимиру Викторовичу Энгельфельду посвятил статью профессор С.П. Звягин³. Краткие сведения об Энгельфельде имеются и в справочных электронных ресурсах. Больше всего сведений об этом ученом-юристе можно найти в некрологе, напечатанном в «Известиях Юридического факультета в Харбине»⁴. На нем основаны многие современные публикации об Энгельфельде⁵. Авторы настоящей статьи решили обратить внимание на другие аспекты его биографии. В частности, на его деятельность в Дальневосточном государственном университете и на Юридическом факультете в Харбине, используя китайскую и эмигрантскую периодическую печать, а также на труды ученого. Много материалов об этом ученом можно найти в русской коллекции Гавайского университета, собрании архива Гуверовского института войны, революции и мира, Музея Русской культуры в Сан-Франциско⁶.

1. *Стародубцев Г.С.* Международно-правовая наука российской эмиграции (1918— 1939). М.: Книга и бизнес, 2000. 293 с.
2. *Сонин В.В.* Юридическое образование на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Юридическое образование, наука, практика: Взаимодействие и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. С. 72–76.
3. *Звягин С.П.* Харбинская страница жизни профессора В.В. Энгельфельда // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы сотрудничества: Материалы Третьей международной научно-практической конференции. Владивосток, 5–7 сентября. Владивосток: Информ.-рекл. агентство «Комсомолка ДВ», 2003. С. 230–236.
4. *Никифоров Н.И.* Профессор В.В. Энгельфельд. + 16 октября 1937 г. // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура // Харбин, 1938. С. 85–86. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).
5. Например: *Юй Ханьтао* (Yu han tao), *Курочкин С.С.* Научная деятельность Владимира Энгельфельда, русского юриста в Харбине // Сибирское исследование. 2019 (02). С. 87–89. Кит.
6. Авторы приносят искреннюю благодарность русскому библиографу Патриции Полански и архивисту Иву Франкёну за возможность использовать выявленные ими материалы о В.В. Энгельфельде.

Владимир Энгельфельд родился 11 июня 1891 г. в Тобольской губернии. Там же получил среднее образование, после чего поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1913 г. Энгельфельд окончил университет, и его оставили для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории русского права. В том же году была опубликована его первая научная работа «Германские рабочие колонии». Вероятно, молодой ученый собирался продолжить изучение этой темы, для чего отправился в Берлин, но началась Первая мировая война, и он вернулся в Санкт-Петербург, чтобы начать службу в I-м Департаменте Правительственного Сената. Все это время он готовился к сдаче магистерских экзаменов по истории русского права, устных и письменных, и в 1917 г. успешно выдержал их.

Для получения ученой степени магистра требовалось, помимо сдачи экзаменов, защитить диссертацию по истории государственной службы в России, и в начале 1918 г. Энгельфельд отправился в Тобольск. Темой своей диссертации он выбрал историю сибирской чиновничьей службы и надеялся собрать материалы для нее в тобольских архивах. Он устроился работать юрисконсультom Тобольского губернского земства и вскоре, используя местные материалы, опубликовал работу «Общественное признание в Тобольской губернии».

Быстро развивающиеся события Гражданской войны привели юриста сначала в Томск, где он устроился на должность приват-доцента в Томском университете, а затем в Омск. 23 июля 1918 г. Энгельфельда назначили юрисконсультom канцелярии Совета министров Временного Сибирского правительства, а 10 августа на него, помимо прямых обязанностей, был возложен выпуск и редактирование «Собрания узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства». В составе делегации Временного Сибирского правительства юрист участвовал в Государственном совещании в Уфе (8–23 сентября 1918), на котором антибольшевистские силы восточной части России образовали Временное Всероссийское правительство (Уфимскую директорию). Несмотря на служебные дела, Энгельфельд находил время для преподавания, которому всегда питал любовь. В 1918–1919 г. он состоял доцентом экономического факультета Омского политехнического института и читал лекции в качестве экстраординарного профессора, на кафедре административного права Сибирского института сельского хозяйства и промышленности. В это время в периодической печати появилось несколько статей Энгельфельда по юриспруденции.

Энгельфельд был уверен, что все проблемы нужно решать в рамках существующего законодательства. Поэтому без раздумий поддержал Белое движение, занимая административные должности при Российском правительстве адмирала Колчака. Падение колчаковского правительства заставило Энгельфельда уехать на Дальний Восток. Сначала он устроился на кафедру административного права Восточного института — первого высшего учебного заведения на дальневосточной российской окраине (с 1899): в нем обращалось внимание на юридические науки, чтобы подготовить выпускников к административной службе в странах Дальнего Востока. В апреле 1920 г. на базе Восточного института создали Государственный дальневосточный университет (ГДУ), и Энгельфельд стал работать в нем на юридическом отделении факультета общественных наук. Деканом был магистр политической экономии Николай Иванович Кохановский, тоже из Восточного института⁷.

В должности доцента по кафедре административного права Энгельфельд читал лекции по истории русского права, а также вел теоретические и практические занятия по административному праву, включив в этот курс изучение административного устройства

7. *Хисамудинова Н.В.* Высшее образование Дальнего Востока в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 138.

соседних стран. «До последнего времени, — писал ученый, — русская юриспруденция уделяла очень мало внимания изучению права и политических организаций сопредельных с Россией восточных стран. О Китае и его юридическом устройстве писали почти исключительно ориенталисты. При всех своих достоинствах труды их страдают одним существенным недостатком. Они чужды юридической точки в рассмотрении государственно-правовых проблем. Многие из них к тому же устарели»⁸.

Чтобы восполнить пробелы в освещении данной темы, он решил отправиться в Китай и на месте изучить особенности государственного права Китая. Энгельфельд написал в своем заявлении: «При подготовке к лекциям моим на факультете я столкнулся, однако, с почти полным отсутствием литературы по этому предмету. Труды моих уважаемых коллег по Восточному факультету, являясь исследованиями лиц без специальной юридической подготовки, не могут удовлетворить в достаточной степени научной потребности по административному праву. Кроме того, они в значительной мере уже устарели. Ввиду сего, движимый особым научным интересом к этому вопросу, я полагаю использовать каникулярное время, с 25 декабря 1920 г. по 25 января 1921 г. на поездку в гор. Харбин, Пекин и другие города Китая, для работы в первую очередь в области административного строя Китайской республики»⁹.

Энгельфельд отлично знал немецкий, английский и французский языки, но не китайский. Большую помощь в выявлении нужных материалов в Пекине ему оказал профессор Бэйпинского университета и переводчик Ипполит Семенович Брунерт (1882–1948), один из лучших российских знатоков Китая. Другим специалистом по китайскому праву являлся дипломат и переводчик Николай Федорович Колесов (1867–1925), автор «Китайско-русского словаря юридических и политических терминов» (Пекин, 1923). Брунерт и Колесов помогли Энгельфельду и с переводами текстов. Интенсивно поработав в столице Китая, Энгельфельд уехал в Харбин, где консультировался у В.А. Рязановского (1884–1968), автора большого числа трудов по гражданскому праву Китая и Монголии. Немало материалов по китайской юриспруденции перевел для Энгельфельда Ипполит Гаврилович Баранов (1886–1972), который и сам написал много работ по китаеведению.

«В последнее время, — делал вывод Энгельфельд, — политические события в Китае идут чрезвычайно быстрыми темпами и, зачастую, то, что сказано о нем вчера, оказывается уже неправильным и устарелым сегодня. Но проистекающие отсюда для исследователя китайского государственного устройства трудности все же не исключают возможности его изучения»¹⁰. Отслеживать изменения, происходящие в Китае, было невозможно без контакта с местными жителями, и Владимир Викторович создал целую группу китайских переводчиков, которые не только выявляли и переводили для него документы по китайской юриспруденции, но и помогли понять суть политических перемен.

Собрав за время командировки нужный материал, Энгельфельд планировал вернуться в ГДУ, но там за время его отсутствия пригласили другого профессора, и 1 марта 1921 г. он написал заявление об уходе. До 1923 г. он работал в качестве профессора Пекинского института русского языка и юридических наук при Министерстве иностранных дел Китая, совмещая преподавание с должностью советника китайского Министерства юстиции в Пекине (с 1 сентября 1921). В 1922 г. в журнале «Юридическое обозрение» (Владивосток) вышла его первая китаеведческая статья — «Судебная организация Китая».

8. Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. = *Precis de droit Constitutionnel Chinois*. Engelfeld V.V. / Предисловие автора. Paris: Societe Anonyme Imprimerie de Navarre; [1925]. С. 5.

9. ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 64. Л. 10.

10. Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. = *Precis de droit Constitutionnel Chinois*. Engelfeld V.V. / Предисловие автора. Paris: Societe Anonyme Imprimerie de Navarre; [1925]. С. 6.

Энгельфельд, как и другие русские востоковеды в Китае, предполагал вернуться во Владивосток, но окончание Гражданской войны заставило его изменить планы. Он решил остаться в Харбине, где к тому времени открылся Юридический факультет, формально подчиняющийся ГДУ. В этом учебном заведении собрались почти все профессора, недавно преподававшие во Владивостоке. С 1923 г. Энгельфельд читал на факультете лекции по административному праву, международному праву, истории русского права, государственному праву и вел специальные курсы, например, «Конституции стран Восточной Азии». Проявляя большой интерес к вопросам права восточноазиатских народов, ученый постепенно расширял читавшиеся им курсы, вводя в них новые вопросы. Этой теме он посвятил и ряд научных очерков и статей¹¹.

В это время Энгельфельд работал над магистерской диссертацией по китайскому праву. Обдумывая ее структуру, он пришел к следующему выводу: «Прежде всего, совершенно очевидно необходимость исторического подхода к современной политической организации Китая. Автор находит, что изложение основ китайского нравственно-политического мышления и характеристика государственного строя старого Китая должны предшествовать анализу позднейших политических форм. Сношения Китая с западно-европейскими державами и разлагающее влияние их по отношению к древней китайской цивилизации, по его мнению, не могут быть также обойдены обозревателем государственного устройства страны, ибо именно они определяли в значительной мере эволюцию политических институтов Китайского государства»¹².

Несмотря на финансовые проблемы, Юридический факультет нашел средства для научной командировки Энгельфельда. В 1923 г. он посетил Европу и Америку, установив связи с университетами (Калифорнийским, Вашингтонским, Колумбийским, Нью-Йоркским и Чикагским) и русскими научными организациями Европы¹³. В Харбин он вернулся с новыми материалами, полученными в результате научных контактов и договоренностей об обмене литературой. Основной же целью поездки было узнать, где можно защитить магистерскую диссертацию по китайскому праву. Наилучшим местом оказался Париж. Защита успешно прошла 3 ноября 1925 г. перед Русской академической группой в Париже на русском отделении юридического факультета Парижского университета.

На защиту Владимир Викторович представил и монографию, изданную в Париже¹⁴. В ней ученый отмечал: «Низвержение “Сына неба” не прошло так легко и безболезненно для Китая, как это склонны думать некоторые китайские авторы. Сломав вековые политические устои страны, китайская революция не вызвала к жизни те здоровые государственные элементы, на которых должна базироваться демократическая республика. Власть сделалась игральницей в руках политических сил, о которых в пиванной конституции даже не сказано и на деятельность коих творцы нового строя едва ли рассчитывали. Все остальное оказалось по сравнению с ними малозначительными и малоавторитетным в глазах и самого населения Китая, привыкшего к уважению силы и

11. Автономов Н.П. Научно-литературная деятельность // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура. Харбин, 1938. С. 3–84. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

12. Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. = *Precis de droit Constitutionnel Chinois*. Engelfeld V.V. / Предисловие автора. Paris: Societe Anonyme Imprimerie de Navarre; [1925]. С. 7.

13. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине, 1920–1937: (исторический очерк) // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура. Харбин, 1938. С. 3–84. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

14. Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. = *Precis de droit Constitutionnel Chinois*. Engelfeld V.V. / Предисловие автора. Paris: Societe Anonyme Imprimerie de Navarre; [1925]. 255 с. (Отд. отд. из «Изв. Юрид. фак. в г. Харбине»; Т. 2).

сильных. Отсюда и конституционная история Китайского государства не есть обычная борьба за конституцию и парламентаризм. В нее привлекает масса личных, совершенно не государственных моментов, обойти которые все же нельзя, если мы желаем знать Китай и его политический строй»¹⁵.

После получения степени магистра государственного права Энгельфельд вернулся на Юридический факультет в Харбине, где продолжил заниматься исследованиями в области китайского права. 4 марта 1926 г. Совет профессоров Юридического факультета избрал его исполняющим должность ординарного профессора по кафедре международного права. С 1925 г. Юридический факультет выпускал собственный научный журнал, «Известия Юридического факультета в Харбине», в котором Энгельфельд был активным автором начиная с первого номера¹⁶.

Сотрудничал он и с другим харбинским научным журналом, «Вестником Маньчжурии». В одной из статей он писал: «Бурная, богатая внутренними потрясениями и сложными перипетиями междоусобной борьбы политическая жизнь Китая переживает за последнее время полосу некоторого умиротворения и оживления интереса к проблемам как международного характера, так и конституционного строительства страны. За 16 лет своего существования Китайская республика испробовала немало всякого рода конституционных хартий.... Во всяком случае, новейшая политическая структура Китайского государства должна вызывать в исследователе самый большой интерес и внимание, как продукт его собственного национального правотворчества, гораздо более оригинальный, нежели многочисленные конституционные акты минувшей эпохи»¹⁷.

Профессор Энгельфельд внимательно следил и за новыми публикациями о Китае, время от времени публикуя библиографические обзоры. «Проблема международных отношений Китая с иностранными державами, — пишет он, — издавна интересует как самих китайцев, так и иностранных авторов. В настоящем очерке мы имеем ввиду использовать только те произведения китайских писателей и ученых, которые написаны на европейских языках. Они принадлежат обычно перу представителей “нового Китая”, из которых многие получили свое образование за границей и теперь энергично отстаивают перед европейской аудиторией суверенитет своей родины и надлежащее место для нее в ряду других держав»¹⁸.

Благоприятный период деятельности Юридического факультета закончился во второй половине 20-х годов. Все чаще и чаще он испытывал давление со стороны китайских властей. Долгое время, например, факультет не мог пройти регистрацию: с точки зрения местных властей, Положение о факультете носило европейский характер, что не соответствовало уставам китайских высших учебных заведений. Власти несколько раз возвращали Положение для исправлений. В 1927 г. Управление Главного начальствующего дало следующие указания: «1. Все правила Факультета должны полностью основываться на приказах Китайской республики о высших учебных заведениях. 2. Китайские студенты администрируются китайским преподавательским персоналом. 3. Правлению Факультета подчинены Хозяйственный Комитет и Совет профессоров. На менее половины всего преподавательского и служебного персонала должна быть из лиц китайской национальности. Из всего количества студентов Факультета половина

15. Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. = *Precis de droit Constitutionnel Chinois*. Engelfeld V.V. / Предисловие автора. Paris: Societe Anonyme Imprimerie de Navarre; [1925]. С. 6–7.

16. Энгельфельд В.В. Китайский парламент и парламентаризм // Известия Юридического факультета в Харбине. 1925. № 1.

17. Энгельфельд В.В. Конституционные акты Гоминьдана // Вестник Маньчжурии. 1928. № 11–12. С. 87, 95.

18. Библиографический обзор литературы по международным отношениям Китая // Вестник Маньчжурии. 1928. Библиографический бюллетень Центральной библиотеки КВЖД. № 14. С. 4.

должна состоять из китайцев и половина из русских. Факультет должен именоваться Факультетом ОРВП (Особого Района Восточных провинций). Для правильного понимания внесенных предложений, нужно иметь в руководящем органе Факультета, его Правлении, китайскую сторону в лице ее местной и краевой администрации, ей должна принадлежать доминирующая роль...»¹⁹.

В марте 1929 г. Юридический факультет полностью перешел под китайское управление с назначением китайского ректора, превратившись из частного учебного заведения в государственное. 2 марта на Факультете получили приказ за № 1017: «...все дела означенного Факультета временно предлагается принять Начальнику департамента народного просвещения Чжану Го-чану...и предпринять все необходимые меры для поддержания, урегулирования и улучшения его дел»²⁰. Новый ректор Чжан Го-чан, сообщив на общем собрании, что он очень рад познакомиться с сотрудниками Юридического факультета и начать совместную работу, просил всех оставаться на местах. Он обещал избегать радикальных перемен, которые могли бы помешать делу, и даже был против снятия декана В.А. Рязановского, но тот отказался от должности, объяснив, что давно просил профессоров освободить его от обязанностей. Вследствие этого по старшинству и с согласия совещания 4 марта 1929 г. деканом утвердили Энгельфельда, а его заместителем П.И. Никифорова. Одной из причин было то, что Владимир Викторович хорошо знал китайское законодательство.

Чжан Го-чан недолго исполнял обязанности ректора, и вскоре новым руководителем стал Главнначальствующий ОРВП Чжан Цзинь-куй, а его заместителем и фактическим ректором — профессор Юй Си-шиу, который занял жесткую позицию в отношении Юридического факультета и его декана Энгельфельда. Его действия можно расценивать как коренную ломку русского вуза с распространением на него действующих положений о китайских высших учебных заведениях.

В это время Юридический факультет был разделен на две части: китайскую и русскую, и условия обучения русских студентов постоянно ужесточались. Поскольку финансовую поддержку получало только китайское отделение, русская часть факультета, лишившись всякой материальной помощи, должна была перейти на самоокупаемость. Само существование русского отделения ставилось в зависимость от достаточного количества студентов на нем (не менее 200 человек): именно плата студентов за обучение должна была обеспечивать и оплату труда профессорско-преподавательского состава и служащих, и канцелярские расходы. В случае недостаточных сборов русскую часть Факультета предполагалось закрыть.

Новая китайская администрация жестко поставила перед Энгельфельдом вопрос о возможности для русских студентов продолжать образование на факультете. Она предоставлялась им только в том случае полного погашения своих старых задолженностей. Независимо от суммы, студенты должны были погасить свои долги к началу нового академического года. В противном случае, как гласило объявление администрации факультета, студентам грозило исключение. Хотя в дальнейшем срок уплаты задолженности был продлен, условия ее погашения оставались тяжелыми. «По распоряжению г. Ректора от 6 сентября, — сообщалось в объявлении, — доводится до сведения студентов, что все

19. Автономов Н.П. Научно-литературная деятельность // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура. Харбин, 1938. С. 26–27. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

20. Автономов Н.П. Научно-литературная деятельность // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура. Харбин, 1938. С. 24. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

должники обязаны заплатить в погашение старых долгов 40 зол. рубл. к концу октября, а затем каждый месяц по 20 зол. рубл., впредь до полного погашения долга»²¹.

Одновременно шла реорганизация китайского отделения Юридического факультета. С осени 1926 г. при факультете работали Подготовительные двухгодичные классы для китайской молодежи, которыми руководил профессор Лей-Инь. Предполагалось, что молодые люди, закончившие китайскую среднюю школу, будут в течение двух лет изучать русский язык и русскую юридическую терминологию, а затем продолжат учебу на Юридическом факультете и будут слушать русских профессоров. Но к 1928 г. ситуация изменилась. Из китайцев-выпускников подготовительных классов сформировали первый курс экономического отделения Факультета преимущественно с китайской профессурой. Перевести преподавание на китайский язык предполагалось и на юридическом отделении, включая русских студентов.

К началу 1929/30 академического года на экономическом отделении было уже два курса, и некоторые русские профессора Факультета получили приглашение читать там лекции. Через месяц обнаружилось, что китайские студенты не подготовлены к слушанию русских профессоров, даже при упрощенном методе преподавания. Еще через месяц Владимир Викторович получил извещение, что программа Факультета перестраивается и чтение лекций на русском языке переносится на последующие годы. Таким образом, Юридический факультет окончательно разделился на два отделения: китайское (только для китайцев) и русское (для всех, изучающих русский язык).

Летом 1929 г. у профессуры совершенно не было уверенности в том, что русское отделение на Факультете сохранится. Преподавателей официально уведомили, что «приглашение для чтения лекций на будущий год может состояться только по выяснении количества студентов», жалование будет выдаваться только до 1 сентября. Владимир Викторович долго спорил с китайской администрацией по поводу нового набора студентов, которые должны были слушать лекции совместно с китайцами на китайском языке, но ничего не мог поделать. Это повело к тому, что осенью 1929 г. не стали производить набор, и первый курс на Факультете не открыли. Тяжесть положения Юридического факультета осложнилась еще и начавшимся летом 1929 г. так называемым китайско-советским конфликтом, что сразу же обострило положение русских студентов.

Появились проблемы и с коллегами, которые придерживались просоветских взглядов. Радикальные позиции, порой с фашистским уклоном, стали замечаться и среди студентов. Их численность уменьшилась почти в четыре раза, ухудшив тем самым материальное положение преподавателей и служащих. Управление Главногоначальствующего пообещало Энгельфельду выделить средства на содержание администрации (декана, секретаря по студенческим делам, библиотекаря и машинистки), но эта помощь оказалась весьма скромной. При создавшихся условиях нельзя уже было думать о заграничных командировках, издании трудов профессоров и преподавателей Факультета, выпусках «Известий» Факультета, пополнении библиотеки, — нужно было заботиться только о сохранении Факультета.

Впрочем, нажим на декана Энгельфельда, который решительно вел профессор Юй Си-шиу, прекратился с его уходом с поста ректора. Удалось и достичь компромисса насчет учебного процесса: преподавателям предоставили возможность вести курсы на китайском отделении, а русским студентам — окончить обучение. Владимир Викторович и русские профессора порадовались, что за ними сохранилась университетская автономия, но финансовое положение осталось прежним. Его еще более ухудшило лишение Факультета бес-

21. Автономов Н.П. Научно-литературная деятельность // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура. Харбин, 1938. С. 24. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

платных отличных классов в Коммерческих училищах и необходимость арендовать менее удобные помещения, которые приходилось оплачивать за счет студентов. Систематическая задержка жалованья, постоянное сокращение скромной зарплаты очень беспокоили профессорско-преподавательский состав. Энгельфельд был не в силах разрешить эти проблемы и 26 января 1930 г. подал в отставку. На посту декана его сменил избранный Советом профессоров и утвержденный Главнначальствующим профессор Н.И. Никифоров, занимавший должность до прекращения деятельности Факультета в 1937 г.

После ухода с поста декана Энгельфельд преподавал на Юридическом факультете до его ликвидации в 1937 г., после чего читал лекции в Коммерческом институте при Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии. Некоторое время был он и преподавателем Института имени Святого Владимира в Харбине. Известно, что китайские власти весьма уважительно относились к Энгельфельду, коллеги отмечали его высокий профессионализм, а студенты были признательны за интересные лекции. Никифоров вспоминал: «Будучи по своим политическим воззрениям культурным консерватором в европейском смысле слова, В.В. Энгельфельд и в академической, и в частной жизни всегда был противником крайних политических и социальных мнений и течений. Как член профессорской коллегии он был исключительно коллегиальным человеком и оставил по себе добрую память с искренней любовью к науке, к факультету и внимательным отношением к коллегам. Среди студентов Владимир Викторович пользовался репутацией строгого, требовательного экзаменатора. Но, будучи требовательным, экзаменуя студентов, он в тоже время был весьма блажелателен к молодежи»²².

Китайский исследователь Юй Ханьтао с русским коллегой С.С. Курочкиным высоко оценивали публикации Энгельфельда и разделяли его взгляды на то, что «для изучения деятельности КВЖД, русские и китайские ученые должны лучше понимать региональную ситуацию и местные китайские законы. В то время в этой области не хватало профессиональных исследователей, которые знали бы языки и понимали разные точки зрения»²³. Энгельфельд попытался заполнить лакуны в этой области. Работая в Харбине, он написал работы «Земельное право Китая», «Горное право Китая», «Лесное право Китая», «Полиция в Китае» и др. Он анализировал международные договоры Китая с другими странами, изучал китайский дизайн, архитектуру, экономику и социальные проблемы. Занимаясь проблемами международных отношений, он написал исторические труды «Обобщение колониализма», «Юридический статус зарубежного селтльмента в Китае» и др. О том, что научная работа Энгельфельда не потеряла значения и сегодня, свидетельствует публикация ряда его статей в сборнике «Избранные труды Юридического факультета»²⁴.

Энгельфельд не отличался крепким здоровьем. Трагические события Гражданской войны, беженская жизнь, хлопоты по защите диссертации и борьба с китайской бюрократией не прошли бесследно. Особенно сильно Владимир Викторович переживал проблемы, связанные с закрытием Юридического факультета. 2 апреля 1937 г. у него произошел инсульт. Несмотря на все меры, принятые друзьями и коллегами, юрист смог оправиться лишь частично, и 13 октября 1937 г. подвергся новому приступу. 16 октября его не стало.

На последнем заседании Юридического факультета, посвященном закрытию вуза, коллеги почтили вставанием память профессора Энгельфельда. Делясь воспоминаниями, Г.К. Гинс сказал: «Условия эмигрантской жизни потребовали от него очень большого напряжения и не давали возможности, как и многим другим, развернуться в какой-

22. Никифоров Н.И. Профессор В.В. Энгельфельд // Право и культура. Харбин, 1938. С. 86.

23. Юй Ханьтао (Yu han tao), С.С. Курочкин. Научная деятельность Владимира Энгельфельда, русского юриста в Харбине // Сибирское исследование. 2019 (02). С. 87–89.

24. Избранные труды Юридического факультета в Харбине. М.: РКЮЮ, 2017. 532 с.

нибудь одной области. В.В. Энгельфельд читал административное, государственное, международное, трудовое право и историю русского права, он откликался на все злободневные вопросы и его работы, посвященные различным дальневосточным темам, ...являются по многим вопросам единственными на русском языке. Жизнь В.В. Энгельфельда угасла почти одновременно с жизнью Юридического факультета. Последний представлял собой не учреждение, а корпорацию. Он существовал, пока была спаянная коллегия профессоров, преданных своему делу и жертвенно выполнявших свой академический долг. Как только эта коллегия стала рассыпаться, сделалось невозможным и существование факультета. ...Как профессор, В.В. Энгельфельд очень любил своё дело и не представлял себе жизни без преподавания в высшей школе. Еще накануне постигнутого В.В. Энгельфельда удара, он горячо ратовал на совещании профессоров за продолжение академической работы и изыскание для нее каких-либо путей»²⁵.

Коллеги похоронили профессора В.В. Энгельфельда на Новом кладбище в Харбине. К настоящему времени могила утеряна, так как на месте кладбища разбит парк. Память о юристе, ученом и педагоге может быть сохранена путем издания сборника его трудов, которые не потеряли актуальность и в наши дни.

Литература

Автономов Н.П. Научно-литературная деятельность // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура. Харбин, 1938. С. 3–84. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине, 1920–1937: (исторический очерк) // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура. Харбин, 1938. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

Библиографический обзор литературы по международным отношениям Китая // Вестник Маньчжурии. 1928. Библиографический бюллетень Центральной библиотеки КВЖД. № 14.

ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 64. Л. 10.

Звягин С.П. Харбинская страница жизни профессора В.В. Энгельфельда // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы сотрудничества: Материалы Третьей международной научно-практической конференции. Владивосток, 5–7 сентября. Владивосток: Информ.-рекл. агентство «Комсомолка ДВ», 2003.

Избранные труды Юридического факультета в Харбине. М.: РКЮЮ, 2017.

Никифоров Н.И. Профессор В.В. Энгельфельд. + 16 октября 1937 г. // В ознаменование восемнадцатилетия существования Юридического факультета в г. Харбине. Право и культура // Харбин, 1938. (Изв. Юрид. фак. в г. Харбине; т. 12).

Сонин В.В. Юридическое образование на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Юридическое образование, наука, практика: Взаимодействие и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003.

Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М.: Книга и бизнес, 2000.

Хисамутдинова Н.В. Высшее образование Дальнего Востока в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2010. № 9.

Энгельфельд В.В. Китайский парламент и парламентаризм // Известия Юридического факультета в Харбине. 1925. № 1.

Энгельфельд В.В. Конституционные акты Гоминьдана // Вестник Маньчжурии. 1928. № 11–12.

25. Закрытие Юридического факультета в Харбине // Новая заря. Сан-Франциско, 1938. 12 янв.

Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. = *Precis de droit Constitutionnel Chinois.* Engelfeld V.V. / Предисловие автора. Paris: Societe Anonyme Imprimerie de Navarre; [1925].

Юй Ханьтао (Yu han tao), Курочкин С.С. Научная деятельность Владимира Энгельфельда, русского юриста в Харбине // *Сибирское исследование.* 2019 (02). Кит.

References

- Avtonomov N.P.* Nauchno-literaturnaya deyatel'nost' // *V oznamenovanie vosem-nadczatiletija sushhestvovaniya Yuridicheskogo fakul'teta v g. Xarbine.* Pravo i kul'tura. Xarbin, 1938. S. 3–84. (Izv. Yurid. fak. v g. Xarbine; t. 12).
- Avtonomov N.P.* Yuridicheskij fakul'tet v Xarbine, 1920–1937: (istoricheskij ocherk) // *V oznamenovanie vosemnadczatiletija sushhestvovaniya Yuridicheskogo fakul'teta v g. Xarbine.* Pravo i kul'tura. Xarbin, 1938. (Izv. Yurid. fak. v g. Xarbine; t. 12).
- Bibliograficheskij obzor literatury` po mezhdunarodny`m otnosheniya Kitaya // *Vestnik Man`chzhurii.* 1928. Bibliograficheskij byulleten` Central'noj biblioteki KVZhD. № 14.
- GAPK. F. 117. Op. 6. D. 64. L. 10.
- Zvyagin S.P.* Xarbinskaya stranicza zhizni professora V.V. E`ngel'fel'da // *Ros-sijskie sootechestvenniki v Aziatsko-Tixookeanskom regione: perspektivy` sotrudnichestva: Materialy` Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii.* Vladivo-stok, 5–7 sentyabrya. Vladivostok: Inform.-rekl. agentstvo «Komsomolka DV», 2003.
- Izbranny`e trudy` Yuridicheskogo fakul'teta v Xarbine. M.: RKYuYu, 2017..
- Nikiforov N.I.* Professor V.V. E`ngel'fel'd. + 16 oktyabrya 1937 g. // *V oznamenovanie vosemnadczatiletija sushhestvovaniya Yuridicheskogo fakul'teta v g. Xarbine.* Pravo i kul'tura // Xarbin, 1938. (Izv. Yurid. fak. v g. Xarbine; t. 12).
- Sonin V.V.* Yuridicheskoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.) // *Yuridicheskoe obrazovanie, nauka, praktika: Vzaimodejstvie i perspektivy` : Materialy` mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii.* Vladivostok: Izd-vo VGUE`S, 2003.
- Starodubcev G.S.* Mezhdunarodno-pravovaya nauka rossijskoj e`migracii (1918— 1939). M.: Kniga i biznes, 2000.
- Xisamutdinova N.V.* Vy`sshee obrazovanie Dal'nego Vostoka v gody` Grazhdan-skoj vojny` // *Voprosy` istorii.* 2010. № 9.
- Engelfeld V.V.* Kitajskij parlament i parlamentarizm // *Izvestiya Yuridicheskogo fakul'teta v Xarbine.* 1925. № 1.
- Engelfeld V.V.* Konstitucionny`e akty` Gomin'dana // *Vestnik Man`chzhurii.* 1928. № 11–12.
- Engelfeld V.V.* Oчерки государственного права Китая. = *Precis de droit Constitutionnel Chinois.* Engelfeld V.V. / Предисловие автора. Paris: Societe Anonyme Imprimerie de Navarre; [1925].
- Yu han tao, Kurochkin S.S.* Nauchnaya deyatel'nost' Vladimira E`ngel'fel'da, russkogo yurista v Xarbine // *Sibirskoe issledovanie.* 2019 (02). Кит.

История

Участие корейских иммигрантов в антияпонском сопротивлении в Маньчжурии и их судьбы в СССР по материалам архивно-следственных дел (1935–1938 гг.)

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011600-1

Тен Виктор Алексеевич

Доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет. E-mail: victen1943@mail.ru.

Ким Наталья Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nkim@hse.ru.

Аннотация:

Вторжение Японии в Маньчжурию в 1931 г., последовавшая за этим война между Китаем и Японией привели к массовым перемещениям населения в регионе. Сотни корейских иммигрантов, проживавших в Маньчжурии, участвующих в антияпонском сопротивлении, стали перебираться на советскую территорию. В СССР они были депортированы из Дальневосточного края в глубь страны. В статье на основе ранее не опубликованных архивно-следственных дел Кустанайского УНКВД продемонстрировано, каким образом сложились судьбы корейских иммигрантов в СССР в 1935–1938 гг.

Ключевые слова:

Антияпонское сопротивление, корейские перебежчики из Маньчжурии, депортация корейцев, политические репрессии, советско-японские отношения.

Для цитирования:

Тен В.А., Ким Н.Н. Участие корейских иммигрантов в антияпонском сопротивлении в Маньчжурии и их судьбы в СССР по материалам архивно-следственных дел (1935–1938 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 164–179.
DOI: 10.31857/S013128120011600-1.

History

Investigative Files on the Participation of Korean Immigrants in the Anti-Japanese Resistance in Manchuria and Immigrants' Destinies in the USSR

Victor Ten

D.Sc. in History, professor, Moscow Oblast State University. E-mail: victen1943@mail.ru.

Natalia Kim

Ph.D. in History, associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, and research fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: nkim@hse.ru.

Abstract:

The Japanese invasion of Manchuria in 1931 followed by the war between China and Japan led to mass displacement of population in the region. Hundreds of Korean immigrants living in Manchuria and participating in anti-Japanese resistance had to move to Soviet territory. In the USSR,

they were deported from the Far East to the inland. Based on analysis of the previously unpublished archival investigative files of the People's Commissariat of Internal Affairs of the Kustanai oblast, this study traces the fates of Korean immigrants in the USSR in the 1935–1938s.

This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea NRF — 2017S1A5B4055531.

Key words:

Anti-Japanese resistance, Korean refugees from Manchuria, deportation of Koreans, political repressions, Soviet-Japanese relations.

For citation:

Ten V.A., Kim N.N. Investigative Files on the Participation of Korean Immigrants in the Anti-Japanese Resistance in Manchuria and Immigrants' Destinies in the USSR // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 164–179. DOI: 10.31857/S013128120011600-1.

Корейский фактор в советско-японских отношениях в 1920-е—1930-е годы

В августе 1910 г. Корея была аннексирована Японской империей, утратив на долгие годы государственный суверенитет (1910–1945). Антияпонские настроения, существовавшие в Корее еще и до аннексии, вылились в вооруженные выступления отрядов *Ыльбён* (Армии справедливости), организованные представителями корейской аристократии, а также средних и беднейших слоев населения, не желавших мириться с колониальным режимом. Японцам пришлось приложить немалые усилия для стабилизации внутрисоциальной ситуации в Корее в первые годы управления колонией. Не имея более возможности вести антияпонскую деятельность непосредственно в самой Корее, радикальные сторонники восстановления независимости своей страны вынуждены были бежать на приграничные территории российского Приморья и Маньчжурии, где уже существовали корейские иммигрантские поселения из крестьян-арендаторов и формировались антияпонские повстанческие отряды¹. В Маньчжурии корейцы селились преимущественно в двух регионах — Цзяньдао (на границе с р. Туманган) и Дунбяньдао, в районе р. Амноккан (Ялуцзян), ставшие впоследствии главными центрами антияпонского вооруженного сопротивления корейских патриотов². Так постепенно на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии стали аккумулироваться антияпонские корейские силы, присут-

1. *Пан Бён Юль*. Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910 гг.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossiyskiy-dalnyi-vostok-1905-1910-gg> (дата обращения: 06.01.2020).
2. Длительное время китайские власти не препятствовали корейским иммигрантам селиться, приобретать землю в собственность в Маньчжурии. Ссылаясь на японские источники, Гайкин В.А. приводит данные переписи 1907 г., согласно которым в Цзяньдао проживало 72076 корейцев, тогда как китайцев — всего 21 983. А по данным российского консульства в Сеуле, в 1915 г. в Цзяньдао проживало около 200 тыс. корейцев. После аннексии Кореи Японией и усиления японского влияния в Маньчжурии в 1920-е годы ситуация стала меняться. Япония ограничила корейцев в правах смены подданства, стала требовать от китайских властей равных с корейцами прав в приобретении земли в Китае, что вызвало недовольство последнего. Таким образом, корейская эмиграция в Маньчжурию, активность в этом регионе корейских партизан стали одним из факторов влияния на развитие отношений Китая и Японии в первой четверти XX в. // *Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.)*. Документы и материалы. Владивосток, 2004. С. 113; Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии // *Россия и АТР*, 2012. С. 104–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-interventsiya-na-dalнем-vostoke-rossii-1918-1922-i-antiyaponskaya-borba-v-manchzhurii>; АВПРИ. Ф. 283. Оп. 766. Д. 236. Л. 28.

стве которых не могло не сказаться на выстраивании отношений между Советской Россией и Японией в 1920-е—1930-е годы, равно как Японии и Китая³.

Приход к власти в России большевиков, активно пропагандирующих идею самоопределения наций в колониально зависимых странах Азии, резко повысил значение корейских партизанских отрядов, боровшихся с японским режимом. С началом японской интервенции на российский Дальний Восток и Сибирь в 1918 г.⁴ большевики стали уделять особое внимание работе с корейскими политическими деятелями, непосредственно связанными с вооруженными подразделениями корейских партизан, надеясь на их помощь в борьбе с японским империализмом. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что корейские иммигранты в Сибири и Приморье вливались в ряды Красной армии в годы Гражданской войны. При этом в целом характер взаимоотношений между советской властью и корейской общиной на Дальнем Востоке в период существования Дальневосточной Республики (ДВР, 1920–1922) был неоднозначный. Корейцы, не желавшие вступать в Красную армию, перебирались на китайскую территорию в Маньчжурию⁵. В свою очередь японцы, оккупировавшие отдельные территории российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, поощряли распространение шпионажа в корейской среде, усиливая таким образом раздор между корейцами.

Когда большевики начали переговоры с Японией об условиях мирного урегулирования, то встал вопрос о существовании на территории России антияпонских партизанских отрядов. Борьба с корейскими коммунистами, действующими на советско-корейской, а также советско-китайской границах имела особое значение для Японии⁶. В итоге при подписании Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 20 января 1925 г. в ст. 5 было прописано, что «ни одна из сторон не будет разрешать присутствие на территории, находящейся под ее юрисдикцией, организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части другой стороны», а также не допустит «чужеземных подданных или граждан, относительно которых было обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп»⁷. Нормализация отношений с Японией на Дальнем Востоке была бы крайне осложнена, если бы советская власть и далее активно поощряла деятельность корейских повстанческих отрядов. Как следствие нового внешнеполитического курса, советскому правительству необходимо было поставить под полный контроль деятельность корейских партизан, действующих на советско-корейской границе. Корейские отряды были распущены или присоединены к Красной армии; корейские иммигранты, которые служили в Красной армии или участвовали в партизанских отрядах на стороне большевиков, будучи формально иностранными подданными, могли получить советское гражданство по упрощенной процедуре.

3. Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии. // Россия и АТР, 2012. С. 107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-interventsiya-na-dalнем-vostoke-rossii-1918-1922-i-antiyaponskaya-borba-v-manchzhurii>.
4. В статье Х. Ямагата «Крах японской политики в Сибири» (газета «Воля», 16.07.1920) указано, что Япония отправила в Сибирь 73400 солдат, в 10 раз больше чем изначально обещали США, Англии и Франции // Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы. С. 118; Кошкин А. Об истории японской интервенции на Дальнем Востоке и Сибири. URL: regnum.ru/news/polit/2425353.html (дата обращения: 06.01.2020).
5. Газета «Уссурийское слово» в 1921 г. неоднократно сообщало о случаях столкновений между корейцами и большевиками. См.: Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). С. 165, 166, 169, 171.
6. Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы... С. 193.
7. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. URL: <https://www.priib.ru/item/337144> (дата обращения: 06.01.2020).

После заключения советско-японской Конвенции 1925 г. российские корейцы не вели вооруженной борьбы против японской колониальной администрации. Главным центром вооруженного антияпонского сопротивления корейцев стала Маньчжурия. По материалам японской разведки в районе Цзяньдао в 1920 г. действовало 7 корейских национально-патриотических организаций общей численностью в 3500 человек. Лидерами этих организаций были видные деятели корейского национально-освободительного движения — Хон Бомдо, Со Ир, Чэ Мённон, Ли Бомюн, Пан Моён⁸. В 1930-е годы корейские переселенцы в Маньчжурию продолжили вести активную партизанскую борьбу против японских войск на Северо-Востоке Китая. Они создавали самостоятельные корейские или смешанные китайско-корейские партизанские отряды или действовали в составе китайских вооруженных соединений. Южнокорейский историк Ли Гибэк писал, что Маньчжурия в первой половине 1930-х годов «была центром усилий за восстановление корейской независимости... Силы корейских партизан многократно атаковали подразделения японской армии и полиции как в Маньчжурии, так и, пересекая границу, на корейской территории»⁹. Эндрю С. Нам в обобщающем труде по истории Кореи обращает внимание на участие корейцев в «военных отрядах китайских коммунистов в Маньчжурии»¹⁰.

Интервенция Японии в Маньчжурию в 1931 г. и создание на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-го (1932–1945) существенно сказались на положении корейских повстанческих отрядов, создав серьезные препятствия для вооруженной борьбы с японцами. Вторжение Японии в Китай в июле 1937 г. и начало полномасштабной войны между ними привело к резкому сокращению партизанских нападений. Если «летом 1932 г. численность бойцов достигла 36 тысяч человек»¹¹, то уже к сентябрю 1936 г. в районе Дунбяньдао (одном из центров партизанского движения в Маньчжурии) насчитывалось чуть более 5,5 тысяч корейских партизан, осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии «продолжали борьбу не более 400 партизан, по всей Маньчжурии — 1600»¹². С.О. Курбанов пишет, что «с 1936 г. активные вооруженные выступления корейских партизан в Маньчжурии закончились. Часть корейских партизан перешла вглубь территории Китая и продолжила борьбу с японцами в союзе с китайскими патриотами»¹³, а часть бежала в советское Приморье. О факте вынужденного перехода антияпонских корейских партизан через границу Китая в СССР упоминает Эндрю С. Нам: «...японцы усилили свою антипартизанскую кампанию и к началу 1938 г. многие мань-

-
8. Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии. //Россия и АТР, 2012. С. 107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-interventsiya-na-dalnem-vostoke-rossii-1918-1922-i-antiyaponskaya-borba-v-manchzhurii> (дата обращения: 06.01.2020).
 9. Lee Ki-baik. A New History of Korea. Cambridge, 1987, p. 364.
 10. Nahm Andrew C. Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988, p. 321.
 11. Гайкин В.А. Антияпонская борьба корейских партизан в Маньчжоу-го (начальный этап) // АТР и Россия, 2012. № 2. С. 111.
 12. Гайкин В.А. Антияпонское сопротивление в Юго-Восточной Маньчжурии (1937–1941) // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiyaponskoe-soprotivlenie-v-yugo-vostochnoy-manchzhurii-1937-1941-gg> (дата обращения: 06.01.2020). Исходя из «Справки К.Ф. Вилкова, И.П. Плышевского, А.Г. Зюзина и А.И. Когана «Состояние партийных организаций и партизанского движения в Маньчжурии» от 23 мая 1941 г., на конец 1940 г. в трех так называемых объединенных партизанских армиях Маньчжурии (в Восточном Гирине, Южной Маньчжурии и Северной Маньчжурии) насчитывалось не более 1000 человек // ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007. С. 754.
 13. Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009. С. 378.

чжурские корейцы — члены Общества Возрождения Отечества¹⁴ бежали либо в Китай, либо в Сибирь, а Общество было фактически уничтожено японцами»¹⁵. Американский историк Майкл Гелб также сообщает, что «в течение 30-х годов корейским партизанам, сражавшимся с японцами в Маньчжурии (многие в китайских подразделениях), иногда приходилось искать убежища через советскую границу. Советы размещали и обучали их, а также иногда арестовывали их, как возможных японских шпионов»¹⁶. Иными словами, вследствие расширения сферы влияния Японии в Китае и китайско-японской войны, многие корейские иммигранты, в том числе партизаны, рассеялись по Китаю или бежали из Маньчжурии на советский Дальний Восток.

В 1932 г. японские войска вышли к берегам Амура, Уссури и Аргуни, создав тем самым напряженную ситуацию на дальневосточных рубежах СССР. Выход японских войск на границу с Советским Союзом воспринимался последним как военная угроза. Как писал Б.Н. Славинский, «... всю первую половину 30-х годов Москва рассматривала Японию как значительно более серьезный источник военной опасности для СССР, чем Германия»¹⁷. Хотя Сталин в связи с Маньчжурским инцидентом в сентябре 1931 г. высказался против какого-либо военного вмешательства Советского Союза, но был обеспокоен сложившейся ситуацией. Советская сторона стала активно лоббировать вопрос о заключении между Японией и СССР договора о ненападении. В декабре 1931 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов «затронул тему заключения пакта о ненападении» в беседе с министром иностранных дел Японии К. Есидзава¹⁸. На переговоры о пакте о ненападении ушли долгие годы, прежде чем он в итоге был подписан (пакт о нейтралитете СССР с Японией был заключен 13 апреля 1941 г.). За это время СССР сделал ряд шагов, которые должны были нейтрализовать потенциальную агрессию со стороны Японии. Так, например, в марте 1935 г. СССР продал КВЖД за низкую цену правительству Маньчжоу-го. При этом он ускорил укрепление своих военных позиций в регионе, создав самостоятельную группировку войск на предполагаемом дальневосточном театре военных действий. Боевая мощь сухопутных войск, артиллерии, танков и особенно бомбардировочной авиации уже в 1937 г. обеспечивали надежную защиту территории СССР в случае войны с Японией.

В 1936 г. Япония и Германия подписали Антикоминтерновский пакт, чем спровоцировали резкое ухудшение в советско-японских отношениях. Напряженность между Японией и СССР достигла своей кульминации в 1938 и 1939 г., когда произошли бои у озера Хасан и в районе реки Халхин-Гол на монголо-маньчжурской границе. Именно в условиях усиления антияпонских настроений в СССР в 1937 г. началась массовая депортация корейцев из Дальневосточного края РСФСР.

14. Общество Возрождения Отечества (Чогук кванбокхве) было создано корейскими националистами левого толка в Маньчжурии при содействии Коммунистической партии Китая в 1936 г. Общество занималось политической работой среди корейского населения, проживавшего в районе китайско-корейской границы, а также совместно с китайскими коммунистами вело вооруженную борьбу против японской власти, организовывало рейды в северные провинции Кореи.

15. *Nahm Andrew C.* Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988, p. 321.

16. *Gelb Michael.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // *The Russian Review*, Vol. 54, No. 3. (July, 1995). Pp. 389–412.

17. *Славинский Б.Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999. С. 52.

18. *Черепанов К.В.* Между Китаем и Японией. Дальневосточная стратегия СССР в 1931–1941 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4(16). С. 107.

Корейские перебежчики из Маньчжурии на советском Дальнем Востоке в 1930-е годы¹⁹

Реальные возможности вооруженной антияпонской борьбы корейских партизан на территории Маньчжурии резко уменьшились в условиях расширения агрессии Японии против Китая, которая до конца 1938 г. захватила почти половину китайской территории. Кроме того, «в результате поголовного изгнания корейского населения российский Дальний Восток перестал функционировать, как один из внешних для Кореи очагов антияпонского национально-освободительного сопротивления»²⁰. В связи с этим важна реакция СССР на разгром антияпонских сил в Маньчжурии и учёт его влияния на безопасность советского государства, включая последствия перехода многих сотен корейских партизан на территорию Дальневосточного края.

Переход корейцев из Маньчжурии на советскую территорию облегчала и общность корейских диаспор на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Основным местом проживания корейских иммигрантов 1-го и 2-го поколений в СССР были приграничные районы советского Дальневосточного края²¹. По архивным данным, в 1922–1923-гг. в РСФСР проживало около 150 тыс. корейцев, из них 140 тыс. в Дальневосточном крае (70% были иммигранты)²². В 1935–1936 гг. численность корейцев Дальневосточного края значительно выросла и составила 199 500²³. Что касается корейских иммигрантов в Маньчжурии, то к концу 30-х годов там проживало около 1 млн человек (иммигранты 1-го и отчасти 2-го поколения),²⁴ то есть в 5 раз больше чем в СССР.

К середине 30-х годов советско-китайская (маньчжурская) граница стала разделительной линией для основной массы зарубежных корейцев — выходцев из северной части Кореи, большинство которых говорили на хамгёнском²⁵ или близких диалектах корейского языка, компактно проживали на соседних территориях, но в разных странах — СССР и Китае, точнее, на китайской территории подвластной императорской Японии.

Естественно, что существовали не только экономические и культурные связи корейских диаспор обеих держав. Во многом сохранялись, невзирая на границу, традиционные земляческие, клановые и родственные связи, в рамках которых шли взаимные самовольные (юридически — незаконные) переходы через государственную границу

-
19. Основным источником фактических данных о перебежчиках из Китая в этом разделе является хранящийся в архиве управления КГБ по Кустанайской области (ныне переименованном в Специальный государственный архив Департамента МВД Костанайской области) архивно-следственный материал о лицах, репрессированных в 1938 году и посмертно реабилитированных в 1989–1991 гг. Некоторые сведения хронико-биографического плана были перепроверены и уточнены по находящимся в Интернете базам данных о репрессированных лицах. Часть сведений биографического плана была также опубликована управлениями Комитетов КНБ по областям Республики Казахстан и/или в «книгах скорби/памяти», изданных в 1998–2000-х годах при поддержке региональных органов власти.
 20. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). Москва — Иркутск, 1995. С. 239; Ли Вл.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век). М., 2000. С. 114.
 21. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 87.
 22. АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 7. П. 108. Д. 14. Л. 110.
 23. РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 115. Л. 16. Цит. по: Сон Ж.Г. Российские корейцы: вселилие власти и бесправие этнической общности 1920–1930. М., 2013. С. 183.
 24. Историю корейских иммигрантов в Китае до 1945 г. достаточно подробно осветил Ким Г.Н. в своем труде «История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. — 1945». Алматы, 1999. С. 204–262.
 25. Хамгёнский диалект — диалект, на котором говорят в провинциях Северная Хамгён и Южная Хамгён (в настоящее время территория КНДР).

СССР. По данным Е.Н. Лыковой, «в год на территорию (Дальневосточного) края просачивались не менее 20 тыс. человек, половина которых задерживалась на границе»²⁶. Правда, Бэ Ын Гиёнг считает, что приток корейских иммигрантов, шедших в конце 1920-х — 1930-е годы через Северо-Восток Китая на земли Дальневосточного края РСФСР, не превышал 5–6 тыс. человек в год²⁷. Вместе с тем в 1930-е годы усиливалась активность японских спецслужб на советской территории. В Советском Союзе была официально провозглашена борьба против агентов иностранных государств, имея в виду и японский шпионаж против СССР.

Дальневосточные советские пограничники называли всех участников нелегальных переходов советско-китайской границы «перебежчиками из Китая». «Корейцы — перебежчики из Китая». Это термин, употреблявшийся на российском Дальнем Востоке в отношении этнических корейцев, которые переселились с Корейского полуострова сначала на юг северо-восточного Китая (в Маньчжурию), а в 1930-е годы стали переходить на российский Дальний Восток. Социальный состав перебежчиков был неоднороден: среди них могли быть уходившие от японских войск «красные партизаны», экономические иммигранты, обыкновенные крестьяне, ходившие в гости к родственникам и друзьям на территорию Дальневосточного края РСФСР, а также контрабандисты. Скрытые агенты японской разведки тоже стремились под видом «перебежчиков» проникнуть на советский Дальний Восток. Поэтому был вполне обоснован приказ советским пограничникам, требовавший всех перебежчиков, особенно солдат китайских армий и всех партизан, «разоружать, направлять на работу, а в случае отказа от работы — изгонять обратно в Маньчжурию»²⁸.

В Коминтерне были обеспокоены ростом провокаторов в корейском коммунистическом движении. В январе 1936 г. в докладной записке в Секретариат ИККИ о положении с коммунистическими кадрами в Корее, было высказано предложение «до оформления руководства Коммунистической партии Кореи прекратить допуск в Советский Союз корейцев — политзаключенных и возвращенцев — как из Кореи, так и из Маньчжурии. В отношении лиц, которые известны в стране как крупные революционные деятели, решать [вопрос] каждый раз отдельно с согласия ИККИ»²⁹. В этом смысле представляется вполне естественным решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 21 августа 1937 г., которое предписывало незамедлительно приступить к выселению корейцев из ДВК «с целью пресечения проникновения японского шпионажа»³⁰.

Материалы изученных нами следственных дел из архивного отдела Управления КГБ по Кустанайской области свидетельствуют о нарастании числа переходов корейских «беженцев из Китая» в течение 1935–1937 гг. Например, по имеющимся у нас архивным данным в Кустанайскую область были переселены 13 «красных партизан», перешедших границу за время с осени 1935 г. и до конца осени 1937 г. По времени перехода через границу: в сентябре — ноябре 1935 г. перешли 2 человека, в сентябре 1936 г. — 3 человека, за январь — сентябрь 1937 г. — 8 человек. Наряду с китайскими и корейскими солдатами и «красными партизанами», через китайско-советскую границу переходили обычные перебежчики. За это же время были задержаны советскими пограничниками семеро не

26. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 183. Цит. по: Лыкова Е.Н. «Корейский вопрос» в аграрной политике советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы // Известия Восточного института, 2016/1(29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskiy-vopros-v-agrarnoy-politike-sovetskogo-gosudarstva-na-dalнем-vostoke-v-1920-1930-e-gody>.

27. Бэ Ын Гиёнг. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века. Автореф. дисс. канд. ист. н. М., 1998. С. 13.

28. Системная история международных отношений в двух томах. Т. 1. М., 2007. С. 240.

29. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. С. 719–720.

30. Протокол № 52 Решение Политбюро ЦК ВКП (б) за 1 августа — 9 сентября 1937 г. // ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007. С. 723.

участвовавших в антияпонском сопротивлении перебежчиков: в мае 1936 г. — 1 человек; в августе — сентябре 1936—3 человека; и в мае 1937 г. — 3 человека.

Партизаны надеялись найти на советской территории не только временное укрытие от японских войск, но и надежное убежище для себя и своих близких. Поэтому границу они переходили не только поодиночке, но и группами по два—три десятка человек и большими смешанными группами численностью до 50–60 партизан вместе с семьями и даже крупными остатками партизанских отрядов, иногда численностью до 160 человек³¹.

После задержания на границе советской погранохраной партизаны и их семьи, вместе с другими арестованными за нелегальный переход советской границы, помещались в политические изоляторы НКВД на срок не менее 17 дней, затем содержались в лагере НКВД около ж/д станции Манзовка Уссурийской железной дороги (в южной части Приморья) и некоторые другие центры содержания перебежчиков, где работали в Манзовском рисосовхозе НКВД и под надзором в близлежащих колхозах. Они ждали решения своей дальнейшей судьбы: или депортации в Китай (точнее в Маньчжоу-го), где их ждут японские репрессалии; или же разрешения остаться на территории СССР³².

Переселение корейцев из Дальневосточного края РСФСР

В условиях нарастания напряженности в отношениях между СССР и Японией в конце 1930-х годов была начата тотальная депортация корейцев из Дальневосточного края РСФСР. Японский исследователь Харуки Вада писал о причинах депортации корейцев, ссылаясь на слова перебежавшего к японцам руководителя Дальневосточным УНКВД Люшкова: «Сталин не доверял корейцам, поскольку они жили недалеко от пограничной зоны, и он верил, что японцы будут продолжать засылать корейцев в качестве агентов на советскую территорию»³³. Харуки Вада называет принудительное переселение корейцев «бесчеловечной мерой», но признает, что она «оказалась эффективной против японского шпионажа в контексте международной напряженности на Дальнем Востоке в 1930-х годах, но, конечно, даже такой результат не оправдывает само действие»³⁴.

Российский исследователь политических репрессий в СССР Н.Ф. Бугай считал депортацию корейцев 1937 г. проявлением политики, которая «...основывалась на различных

31. Архив Управления КГБ по Кустанайской области. Архивное дело Пак Чи-ена № 01983, л. 7.

32. По нашим подсчетам всего было вывезено со станции Манзовка Уссурийской железной дороги, то есть бывших обитателей Манзовского совхоза/лагеря НКВД, не менее 36 мужчин — перебежчиков из Китая. Из них 21 человек был арестован и расстрелян в октябре 1938 г., а еще один перебежчик Ли Сен-лим «умер в кустанайской больнице накануне ареста его товарищей [см. сл.д. Цой Ен-гона № 3482, ед. хр. 01913, архив УКГБ по Кустанайской области, л. 9.]. Проведенные нами анализ мест выселения корейцев из ДВК и мест их вселения в Кустанайскую область показал, что в 3–5 селениях области в начале 1939 г. оставались на свободе 14 мужчин — перебежчиков из Китая, несколько женщин — глав хозяйств (семей) и не менее 11 детей в возрасте от нескольких месяцев до 16 лет, прибывших со станции Манзовка в феврале 1938 г. При условии, что всего в Кустанай были отправлены из Манзовского лагеря НКВД 36 корейцев-мужчин, из которых были арестованы, судимы, осуждены и приговорены за шпионаж в пользу Японии к ВМН 21 человек, а 14 человек не подверглись аресту после депортации, то легко подсчитать показатели (%) арестованных, осужденных и казненных перебежчиков по отношению к их общему числу $21:36*100=58,3\%$. Это ненамного больше приводимых цифр приговоренных к смерти у других народов СССР в годы Большого террора (50,7%). Полагаем, однако, что использованные нами данные недостаточно репрезентативны.

33. *Haruki Wada*. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987, p. 50.

34. *Haruki Wada*. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987, p. 52.

вымысла о мнимом шпионаже, неблагонадёжности и т.п.)³⁵. В кампанию по выявлению иностранных шпионов были вовлечены, помимо, корейцев китайцы, немцы, поляки. «Оставшиеся дома, освобождённые корейцами и китайцами, заселялись сразу же уходившими в запас красноармейцами или гражданами, прибывавшими на Дальний Восток по набору...»³⁶. Японский исследователь Хидесуке Кимура также считает, что «в действительности, корейцы советского Дальнего Востока были депортированы... потому, что советское правительство сомневалось в их лояльности после японского вторжения в Маньчжурию»³⁷. По сообщениям советской разведки, японское правительство рассчитывало на помощь корейцев в случае войны против СССР, ибо считало их «японскими подданными»; более того, оно неоднократно обращалось с просьбой вернуть всех советских корейцев Японии³⁸. Подобного рода информация только укрепила мнение Сталина в необходимости переселения корейского населения с Дальнего Востока в глубь страны.

Проблемам депортации корейцев из Дальневосточного края РСФСР посвящено огромное количество исторических работ, анализ которых выходит за рамки данной статьи³⁹. Причины депортации российских корейцев здесь упомянуты в связи тем, что корейские иммигранты, спасавшиеся бегством из Маньчжурии на советскую территорию, оказались среди других депортированных из Дальневосточного края РСФСР в Казахстан и Узбекистан корейцев. Многие из перебежчиков были вновь арестованы местными органами НКВД. Корейские иммигранты в Маньчжурии, перешедшие на советскую территорию в 1935–1937 гг., не имели гражданства СССР. Но его отсутствие не мешало органам НКВД обращаться с ними, пренебрегая нормами международного права в отношении иностранных подданных, даже обвиняемых в нарушении советских законов⁴⁰. По законодательству СССР (РСФСР) всякий нелегальный переход через со-

35. Бугай Н.Ф. Трагические события не должны повториться // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994. С. 127.

36. Бугай Н.Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8, № ½, С. 52–66.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaytsy-v-sssr-i-rossii-politika-dvuh-standartov-1920-1940-e-gody> (дата обращения: 20.01.2020).

37. Hidesuke Kimura. Korean Minorities in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Koreans in the Soviet Union. Edited by Dae-Sook SUH. Honolulu, 1987, p. 88.

38. Сон Ж.Г. Российские корейцы: всевидение власти и бесправие этнической общности 1920–1930. С. 402.

39. Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб, 2007; Югай Г.А. Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков. Алматы, 2007; Сон Ж.Г. 1920–1930-е годы: советские корейцы — жертвы «Большого террора» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «Большого террора». Материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006; Чернолуцка Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы. Владивосток, 2011; Кропачев С.А., Кричко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. Москва, Берлин, 2019.

40. Некоторые корейские «красные партизаны» — перебежчики из Китая, перешедшие через советскую границу уже после полной зачистки Дальневосточного края от корейцев, в феврале и мае 1939 г., были арестованы, но потом освобождены за «недоказанностью обвинения». См.: например: Кин Ли Ун, Кин Сю Мири, Кин Ни До, Ли Си Чун, переходившие через границу в районе Хингана 13 мая 1939 г., были «из-под стражи освобождены» и их дела (по ст.58. п. 6) «были прекращены». Книга памяти Хабаровского края.
URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD_%D0%9B%D0%B8_%D0%A3%D0%BD_\(1880\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD_%D0%9B%D0%B8_%D0%A3%D0%BD_(1880)); [https://ru.openlist.wiki/%D0%9B%D0%B8_%D0%A1%D0%B8_%D0%A7%D1%83%D0%BD_\(1871\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9B%D0%B8_%D0%A1%D0%B8_%D0%A7%D1%83%D0%BD_(1871)).

ветскую границу являлся преступлением и подлежал наказанию вне зависимости от гражданства конкретных лиц. Известно, правда, что советская власть пошла на уступки требованиям правительства Гоминьдана в 1937–1938 гг. и разрешила большинству китайских перебежчиков, оставшихся на свободе и не расстрелянных в годы «ежовщины», вернуться на родину, в Китай⁴¹.

В ходе депортации корейцев осенью 1937 г. практически все «перебежчики из Китая» (корейцы по этнической принадлежности) были отправлены в Казахстан и Узбекистан в последних эшелонах, в которых вывозили корейцев, оставшихся на рыбных промыслах Камчатки и золотых приисках Восточной Сибири. Вынужденное «путешествие» «перебежчиков из Китая» началось в конце ноября 1937 г. — начале января 1938, а пик полутора-двухмесячного переезда пришелся на самые холодные зимние месяцы. Так, в Кустанайскую область одну группу «перебежчиков из Китая» численностью не менее 20–30 человек, сопровождаемых сотрудниками НКВД, привезли не ранее середины февраля 1938 г.

Судьбы корейских перебежчиков, переселенных в кустанайскую область

Протоколы кустанайских допросов перебежчиков из Китая отражают основные вехи их жизненного пути, начавшегося на Дальнем Востоке и окончившегося в Кустанайской области⁴². В протоколах записаны признания всех арестованных Кустанае в 1938 г. перебежчиков в том, что они были завербованы японской разведкой и признаются в шпионаже против СССР в пользу Японии. Перебежчиков арестовывали не только после завершения депортации, но и в течение 2–6 месяцев после распределения депортированных корейцев на новые места жительства и работы в Кустанайской области. Всего в Кустанае в 1937–1938 гг. были арестованы 105 корейцев — мужчин-глав семей и одиночек. Это были 15 человек административно высланных, 22 находившихся в Манзовке перебежчика из Китая, считая 1 умершего в кустанайской больнице до ареста, и еще 68 мужчин — глав депортированных семей и одиночек, высланных из ДВК по постановлению 1937 года. Из 105 арестованных корейцев 85 человек были расстреляны; из них 75 человек были осуждены как японские шпионы и расстреляны в октябре 1938 г. [Подсчитано нами по архивно — следственным делам всех арестованных и осужденных в Кустанае в 1937–1938 гг. корейцев, переселенных с советского Дальнего Востока в Кустанайскую область, включая административно высланных в 1936 г., а также по сведениям сайта МВД Республики Казахстан]⁴³. Все они были впоследствии реабилитированы.

Одни из них признавали себя японскими шпионами уже на первом допросе, некоторые шли на самообвинение после нескольких допросов, но в течение максимум 2–3 месяцев кустанайские следователи получали желательные им «признания» обвиняемых, чего ранее не могли добиться следователи на Дальнем Востоке. Местные следователи применяли к перебежчикам жестокие способы ведения следствия, такие же, как и ко всем репрессированным в годы «большого террора» — «поголовное избивание арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки,

41. Чернулицкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Гл. 3. п. 3.3.3. Массовые операции по арестам китайцев (декабрь 1937 — март 1938 г.). С. 258, п. 3.3.4. Депортация китайцев 1938 г. С. 262. Владивосток, 2011.

42. Фамилии, имена арестованных в Кустанайской области корейцев — перебежчиков даны в Приложении.

43. Министерство внутренних дел Республики Казахстан. URL: [http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/MVD/Memorial/mem_search?_piref133_38663114_133_30566945_30566945.__ora_navigValues=\(дата обращения: 20.01.2020\)](http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/MVD/Memorial/mem_search?_piref133_38663114_133_30566945_30566945.__ora_navigValues=(дата обращения: 20.01.2020)).

длительное лишение сна, содержание арестованных в раздетом виде в холодном carcere и многое другое»⁴⁴.

Есть прямое свидетельство очевидца подобной практики в Кустанайском УНКВД. Методы допросов в кустанайской тюрьме откровенно изложены в документе под названием «Выписка из рапорта сотрудника УГБ УНКВД по Кустанайской области ст. лейтенанта ГБ Дворкина тов. Блинову». В этой выписке, в частности, написано: «4. Ведение следствия по шпионажу было крайне упрощенным. Следствие не интересовалось истинным положением вещей, лишь бы подследственный сознался.... Особенно упрощенно велось следствие по корейцам, как-то: брались несколько человек из камеры, где сидели на конвейере без пищи примерно 5 суток, после чего [они] давали показания, их отпускали в камеру и тогда брали на допрос остальных, которые тут же сознавались. Мне самому в сутки приходилось оформлять по пять шпионских дел. Конечно, правдивость этих показаний вызвала большие сомнения [л.45], ибо ни один факт из показаний никогда не проверялся [л.46] — даты под рапортом нет» [архивное дело № 7–08]⁴⁵. В момент написания рапорта Дворкин был начальником следственной тюрьмы; подлинник рапорта хранится в архивно-следственном деле № 47350 по обвинению Павлова, в УАО КГБ при СМ КазССР.

Примеры пыток из других архивно-следственных дел: обвиняемый за принадлежность к шпионско-вредительской организации бывший председатель колхоза 5 Декабрь Кустанайского района Хён-Тай Николай Васильевич (1899 г.р.) был допрошен 12 раз за период с 5 ноября 1938 г. по 23 января 1939 г. На судебном заседании Хён-Тай Н.В. сказал: «Следователь мне говорил, пока я не дам нужных показаний, он будет издеваться надо мной... Следователь Королёв избивал меня, вынуждая этим у меня показания» [Выписки Тена В.А. из следств. дела Хён-Тай Николая Васильевича (1899 г.р., Корея), арест. 2 ноября 1938 г. в пос. Красный партизан Кустанайской области по обвинению в принадлежности к шпионско-вредительской организации в архивном отделе Управления КГБ КазССР по Кустанайской области, лл. 309–310]. На суде 13/VI — 39 г. Хён-Тай снова повторил, что «на предварительном следствии у меня вынуждали давать показания и когда я отказывался дать показания о моей якобы принадлежности к шпионско-вредительской организации, то следователь не давал мне по несколько дней пищи и отдыха и я вынужден был подписать вымышленные показания» [Там же, л. 310]. Свидетель Ким Дя-юр говорил на суде: «При допросе ко мне применяли непрерывный метод следствия (конвейер)... следователь сам написал протокол и предложил мне его подписать. Я отказался, и тогда следователь с револьвером в руке угрожал стрелять, говоря: «Убить собаку жалко, а тебя ничего не стоит». Так продолжалось две ночи и в другое время обливали мою голову водой и душили. Я не выдержал такой допрос и подписал протокол не зная, что там написано. На конвейере я стоял на ногах 6–7 суток...» [Там же, л. 330]. Примерно то же самое говорил и другой свидетель Ким Михаил П.: «в камере мне арестованные рассказывали, что существует непрерывный метод следствия (конвейер), его никто не выдерживал и не выдержит, а поэтому отказываться бесполезно.... что укажет следователь, а ты должен подтвердить.... я был вынужден показывать ложные показания Я не представляя никакого отчёта (так в тексте. — *Авторы*). подписал протокол. Поэтому мои показания ложные и ничем не

44. Рыбаковский Л.Л. Политический террор 1937–1938 гг. (К 75-летию сталинских репрессий в СССР). М., 2013. С. 145.

45. Архивно-следственное дело № 47350 по обвинению Павлова УАО КГБ при СМ КазССР, л. 45, 46.

обоснованы» [Там же, Выписки Тена В.А из сл. д. Хён-Тай Н.В., архив УКГБ по Кустанайской области, л. 331]⁴⁶.

Описанные выше «методы дознания» объясняют быстроту «признаний» в шпионаже и контрреволюционной деятельности корейских «перебежчиков из Китая», сделанных ими на допросах в кустанайской тюрьме. Так, составленные следователями протоколы допросов большинства перебежчиков показывают, что признали себя японскими агентами уже в начале первого допроса три человека, к концу первого допроса — десять человек, на втором допросе — три человека, на третьем — 1 человек; но один из депортированных корейцев выдержал 19 допросов в течение 3-х месяцев.

Среди арестованных и осужденных в Кустанае корейцев—перебежчиков из Китая можно условно выделить две группы. К первой группе относятся перебежавшие из Китая антияпонские, или «красные», партизаны. Вторую группу составляют перебежчики, которые не участвовали в антияпонском партизанском движении [см. Приложение]. Ниже излагаются биографические сведения демографического и социального характера, содержащиеся в Анкетах арестованного и Протоколах допросов корейцев — «перебежчиков из Китая» 1935–1937 гг. В совокупности эти данные позволяют составить социально-демографический портрет корейских иммигрантов в Маньчжурии, включая участников антияпонского сопротивления середины 30-х годов. Отметим, среди кустанайских жертв «ежовщины» из числа перебежчиков не было женщин, хотя многие перебежчики были женаты и депортированы вместе с членами своих семей. Жен осужденных корейцев, тем более перебежчиков, не приравнивали к членам семей изменников родины — ЧСИР. Для ЧСИР были отдельные зоны и лагеря. Никто из жен корейцев, арестованных в Кустанае, осужденных и казненных в 1938 г., не был арестован или судим.

Большинство оказавшихся в Кустанае корейцев-перебежчиков назвались «китайскими подданными» — 7 человек и «гражданами Китая» — 4 человека; гражданами СССР — 2 человека; подданными Маньчжоу-го — 3 человека; без гражданства — 3 человека; гражданство 2-х человек не установлено. Среди «перебежчиков — красных партизан» были четверо «китайских подданных» и четверо «граждан Китая»; двое «граждан СССР»; один «подданный Маньчжоу-го»; без гражданства — 1 человек. Гражданство одного человека из группы «красных партизан» не установлено, но он назвался «подданным СССР». Среди «перебежчиков — не партизан» трое сказали о себе, что они «подданные Китая»; двое — подданные Маньчжоу-го; «без гражданства» — 2 человека. Один из перебежчиков был, вероятно, контрабандистом, но при аресте назвал себя «гражданином СССР». Большинство перебежчиков из Китая были представителями беднейших слоев крестьянства (64%), малограмотными (50%) или вообще безграмотными (14%), не владеющие русским языком (90%). До перехода в СССР более половины из обозначенной нами группы были бойцами антияпонского движения. В целом они были достаточно молоды на момент ареста: (82% мужчин в возрасте до 35 лет); самому молодому из них Ли Су-Иру было всего 18 лет. Только двое из задержанных обозначили свою партийную принадлежность — являлись членами компартии Китая, один — китайского комсомола, 38% были беспартийные, у половины в анкетах отсутствовали данные о партийной принадлежности.

46. В других случаях также использовался метод «конвейер»: обвиняемого Цой Дю-Сена (1908 г.р.) по ст. 58. П. 1а. допрашивали 12 раз, начиная с 31 октября 1938 г. и до начала февраля 1939 г., главным образом до глубокой ночи, в том числе 9 подряд допросов с 7-го по 15 декабря; требуемые следователем признания в участии в фракционной борьбе в корейском движении Цой дал после 5-го допроса [л.30], но признаваться в шпионаже против СССР не стал. В результате Цой Дю-Сен, начавший работать учителем в Фёдоровской школе, 25 марта 1939 г. был освобожден «за недостаточностью улик» [Архив УКГБ по Кустанайской области, арх. дело № 01412, лл. 4–58].

Всем перебежчикам было предъявлено обвинение по ст. 58 п. 6 УК РСФСР и они были приговорены к высшей мере наказания (расстрелу) за шпионаж в пользу Японии. Был расстрелян 21 арестованный перебежчик из Китая, один перебежчик умер в кустанайской больнице вскоре прибытия, еще до начала арестов. Судя по имеющимся в делах выпискам из Актов об исполнении приговоров (или отметках на постановлении о приговоре), расстрелы производились 8-го или 15-го октября 1938 г.⁴⁷. В течение трех периодов реабилитации жертв политических репрессий: начала 1950-х годов, первой половины 1960-х годов и с 1989 по 2000-е годы были реабилитированы практически все перебежчики из Китая 1935–1938 г., казненные в Кустанае.

Заключение

Судьбы корейских иммигрантов середины 1930-х годов из Китая в СССР сложились трагически. В данной статье на основе ранее не публиковавшихся архивно-следственных дел Кустанайского УНКВД мы рассмотрели частный случай того, как расправлялись в годы «большого террора» с обвиненными в японском шпионаже корейскими перебежчиками. Хотя в целом история корейских иммигрантов из Маньчжурии повторяет широко распространенную в отношении «антисоветских элементов» в 1937–1938 гг. практику репрессий, физической расправы, но есть и определенные отличия. Как было показано выше, появление корейских иммигрантов из Маньчжурии в СССР было следствием международной конфигурации, сложившейся на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х годов, а также культурно-исторических связей между Россией и Кореей. Не будучи гражданами СССР (за редким исключением), корейские перебежчики из Маньчжурии неожиданно для себя попали в жернова массовой операции НКВД по выявлению японских шпионов, обусловленной как внутривнутриполитическими факторами, так и внешней угрозой, исходящей со стороны Японии после ее вторжения в Китай. Реабилитация почти всех, за исключением 1–2 человек, корейских перебежчиков, расстрелянных в 1938 г. в Кустанае, доказала, что они оказались жертвами тотального террора, применяемого как к «своим», так и к «чужим» в СССР. В то же время нельзя не учесть факт вынужденной миграции корейцев, причина которой заключалась в агрессивной политике Японии, сначала аннексировавшей Корею (1910), а затем приступившей к реализации плана по созданию Великой восточноазиатской сферы процветания, что обернулось глобальным военным конфликтом. Таким образом, в истории корейских иммигрантов, бежавших в СССР, очевидно, прослеживается международный фактор, трагически предопределивший их судьбы на советской территории в условиях шпиономании второй половины 1930-х годов.

47. Общая численность корейцев, депортированных из Дальневосточного края в Кустанайскую область в 1937–1938 гг., может быть определена в 4850 человек (цифра взята как средняя из разных разных источников). Из них были арестованы и судимы 100 корейцев, из них были освобождены 10 человек «за недостаточностью доказательств». Были арестованы и осуждены 90 человек, из них 7 человек приговорены к ИТЛ сроком от 3 до 10 лет. Число расстрелянных — 83 человека, из них 61 человек за шпионаж в пользу Японии согласно ст. 58.п.6. УК РСФСР. Доля корейцев — жертв политических репрессий 1937–1938 гг. в Кустанайской области в числе арестованных и осужденных составила: $90 : 100 = 0,9$, или 90%, а доля погибших среди осужденных равняется: $83 : 90 \times 100\% = 92,2\%$. По этому показателю российские корейцы входят в тройку—пятерку национальностей СССР, наиболее пострадавших от этнических чисток 1930–1940-х годов. Так, по подсчетам Л.Л. Рыбаковского в 1937–1938 гг. доля приговоренных к высшей мере в общем числе всех осужденных иностранцев «составила 78,7%, причем среди поляков, немцев, эстонцев, финнов, литовцев и греков — даже 81–82%».

URL: <http://rybakovsky.ru/demografia5a8.html>.

Приложение

Фамилии и имена корейских перебежчиков из Китая, расстрелянных в г. Кустанай (Казахстан) в 1938 г. и номера их архивно-следственных дел в архиве УКГБ при Совете министров Казахской ССР по Кустанайской области (по состоянию на 1990 год). Корейские имена записаны так, как указано в архивных документах.

	Группа «красных партизан»	Г. Р.	Перебежчики, не участвовавшие в антияпонском движении в Китае	Г. Р.
1.	Ким Хван Дин	1906	Пак Дюгон	1911
2.	Когай Енсу	1910	Ким Черсу	1905
3.	Ли Чин-тин (Ли Чун-тай)	1900	Ким Хобом (Хобен)	1918
4.	Цой Хен-Шун	1900	Пак Ха Ун	1907
5.	Пэ Кён-юр (Пэй Кён-юр)	1907	Ли Су — Ир (иль)	1919
6.	Ким Сын-Чик	1910	Ан Хосек	1914
7.	Кан Ен-чер	1916	Пак Пён Себ	1903
8.	Пак Чи-ён	1917	Цой Чи Хан (Цой Чи-хон)	1889
9.	Цой Кен	1894		
10.	Цой Енг-Вон	1916		
11.	Тек (Тен) Донгу	1911		
12.	Хван Сек Ха (Хван Сек Хак)	1915		
13.	Ли Сен-Лим	н/д		
14.	Ногай Леонтий Митрофанович	1915		

Литература

АВПРФ. Ф. 0146. Оп. 7. П. 108. Д. 14. Л. 110.

Архив Управления КГБ по Кустанайской области. Архивное дело Пак Чи-ена № 01983, л. 7.

Бугай Н.Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920–1940-е гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8, № ½, С. 52–66.

Бугай Н.Ф. Трагические события не должны повториться // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994.

Бэ Ын Гиёнг. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века. Автореф. дисс. канд. ист. н. М., 1998. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.

Гайкин В.А. Антияпонское сопротивление в Юго-Восточной Маньчжурии (1937–1941) // Россия и АТР. 2010. № 2.

Гайкин В.А. Антияпонская борьба корейских партизан в Маньчжоу-го (начальный этап) // АТР и Россия, 2012. № 2.

Гайкин В.А. Японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1922) и антияпонская борьба в Маньчжурии // Россия и АТР, 2012.

ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 183.

Ким Г.Н. «История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. — 1945». Алматы, 1999.

Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). Документы и материалы. Владивосток, 2004. Кошкин А. Об истории японской интервенции на Дальнем Востоке и Сибири. URL: regnum.ru/news/polit/2425353.html.

Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. Москва, Берлин, 2019.

Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб., 2009. С. 378.

Ли Вл.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век). М., 2000.

Лыкова Е.Н. «Корейский вопрос» в аграрной политике советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы // Известия Восточного института, 2016/1(29).

- Мильбах В.С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб, 2007.
- Пак Б.Д.* Корейцы в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). Москва — Иркутск, 1995.
- Пан Бён Юль.* Национально-освободительное движение Кореи и российский Дальний Восток (1905–1910 гг.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossiyskiy-dalniy-vostok-1905-1910-gg>.
- Протокол № 52 Решение Политбюро ЦК ВКП (б) за 1 августа — 9 сентября 1937 г. // ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. ВКП (б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007.
- РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 115. Л. 16.
- Рыбаковский Л.Л.* Политический террор 1937–1938 гг. (К 75-летию сталинских репрессий в СССР). М., 2013.
- Системная история международных отношений в двух томах. Т. 1. М., 2007.
- Славинский Б.Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945 гг. М., 1999.
- Сон Ж.Г.* 1920–1930-е годы: советские корейцы — жертвы «Большого террора» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «Большого террора». Материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006.
- Сон Ж.Г.* Российские корейцы: всеиллие власти и бесправие этнической общности 1920–1930. М., 2013.
- Черепанов К.В.* Между Китаем и Японией. Дальневосточная стратегия СССР в 1931–1941 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4(16).
- Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е годы. Владивосток, 2011.
- Юзай Г.А.* Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков. Алматы, 2007.
- Gelb Michael.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review, Vol. 54, No. 3. (July, 1995).
- Haruki Wada.* Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987.
- Hidesuke Kimura.* Korean Minorities in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Koreans in the Soviet Union. Edited by Dae-Sook SUH. Honolulu, 1987.
- Lee Ki-baik.* A New History of Korea. Cambridge, 1987.
- Nahm Andrew C.* Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988.

References

- AVPRF. F. 0146. Op. 7. P. 108. D. 14. L. 110.
- Архив Управления КГБ по Кустанайской области. Архивное дело Пак Чи-ена № 01983, л. 7.
- Bugaj N.F.* Kitajcy v SSSR i Rossii: politika dvux standartov (1920–1940 e gg.). Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya my'sl'. 2016. Tom 8, № ½, S. 52–66.
- Bugaj N.F.* Tragicheskie soby'tiya ne dolzhny povtorit'sya // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo vostokovedeniya. М., 1994.
- Be' Y'n Giyoung.* Sovetskie korejcy v 20–30 e gody' XX veka. Avtoref. diss. kand. ist. n. М., 1998.
- VKP (b), Komintern i Koreya. 1918–1941.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshhie itogi. Sbornik dokumentov i materialov. М., 2007.
- Gajkin V.A.* Antiyaponskoe soprotivlenie v Yugo-Vostochnoj Man'chzhurii (1937–1941) // Rossiya i ATR. 2010. № 2.
- Gajkin V.A.* Antiyaponskaya bor'ba korejskix partizan v Man'chzhou-go (nachal'nyj e'tap) // ATR i Rossiya, 2012. № 2.
- Gajkin V.A.* Yaponskaya intervenciya na Dal'nij Vostok Rossii (1918–1922) i antiyaponskaya bor'ba v Man'chzhurii // Rossiya i ATR, 2012.
- GAXK. F. 537. Op. 1. D. 48. L. 183.
- Kim G.N.* «Istoriya immigracii korejcev. Vtoraya polovina XIX v. — 1945». Almaty', 1999.
- Konvenciya ob osnovny'x principax vzaimootnoshenij mezhdou SSSR i Yaponiej ot 20 yanvaryya 1925 g.

- Korejcy na Rossijskom Dal`nem Vostoke (1917–1923 gg.). Dokumenty` i materialy`. Vladivostok, 2004.
- Koshkin A. Ob istorii yaponskoj intervencii na Dal`nem Vostoke i Sibiri. URL: regnum.ru/news/polit/2425353.html.
- Kropachev S.A., Krinko E.F. Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby` i formy`. Otechestvennaya istoriografiya. Moskva, Berlin, 2019.
- Kurbanov S.O. Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka. SPb., 2009. S. 378.
- Li V.I.F. Rossiya i Koreya v geopolitike evrazijskogo Vostoka (XX vek). M., 2000.
- Ly`kova E.N. «Korejskij vopros» v agrarnoj politike sovetского gosudarstva na Dal`nem Vostoke v 1920–1930 e gody` // Izvestiya Vostochnogo instituta, 2016/1(29).
- Mil`bax V.S. Osobaya Krasnoznamennaya Dal`nevostochnaya armiya (Krasnoznamenny`j Dal`nevostochny`j front). Politicheskie repressii komandno-nachal`stvuyushhego sostava, 1937–1938 gg. SPb, 2007.
- Pak B.D. Korejcy v Sovetskoj Rossii (1917 — konec 1930 x godov). Moskva — Irkutsk, 1995.
- Pan Byon Yul`. Nacional`no-osvoboditel`noe dvizhenie Korei i rossijskij Dal`nij Vostok (1905–1910 gg.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-osvoboditelnoe-dvizhenie-korei-i-rossijskiy-dalnij-vostok-1905-1910-gg>.
- Protokol № 52 Reshenie Politbyuro CzK VKP (b) za 1 avgusta — 9 sentyabrya 1937 g. // VKP (b), Komintern i Koreya. 1918–1941. VKP (b), Komintern i Koreya. 1918–1941. M., 2007.
- RGVA. F. 33879. Op. 1. D. 115. L. 16.
- Ry`bakovskij L.L. Politicheskij terror 1937–1938 gg. (K 75 letiyu stalinskix repressij v SSSR). M., 2013.
- Sistemnaya istoriya mezhdunarodny`x otnoshenij v dvux tomax. T. 1. M., 2007.
- Slavinskij B.N. SSSR i Yaponiya — na puti k vojne: diplomaticheskaya istoriya. 1937–1945 gg. M., 1999.
- Son Zh.G. 1920–1930 e gody`: sovetskie korejcy — zhertvy` «Bol`shogo terrora» // Problemy` istorii massovy`x politicheskix repressij v SSSR. K 70 letiyu nachala «Bol`shogo terrora». Materialy` III Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Krasnodar, 2006.
- Son Zh.G. Rossijskie korejcy: vselie vlasti i bespravie e`tnicheskoj obshhnosti 1920–1930. M., 2013.
- Cherepanov K.V. Mezhdru Kitaem i Yaponiej. Dal`nevostochnaya strategiya SSSR v 1931–1941 gg. // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 4(16).
- Chernoluczkaya E.N. Prinuditel`ny`e migracii na sovetском Dal`nem Vostoke v 1920–1950 e gody`. Vladivostok, 2011.
- Yugaj G.A. Zhizn` i sud`ba repressirovanny`x korejcev v SSSR i ix potomkov. Almaty`, 2007.
- Gelb Michael. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // The Russian Review, Vol. 54, No. 3. (July, 1995).
- Haruki Wada. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union / Editor Sooh Dae-Suk, Honolulu, 1987.
- Hidesuke Kimura. Korean Minorities in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Koreans in the Soviet Union. Edited by Dae-Sook SUH. Honolulu, 1987.
- Lee Ki-baik. A New History of Korea. Cambridge, 1987.
- Nahm Andrew C. Korea: Tradition and Transformation. A History of the Korean People. Seoul, 1988.

Культура

Режиссер-документалист И.П. Копалин и первая попытка снять фильм о победе китайского народа

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120011401-2

Верченко Алла Леонидовна

Старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: veailan@yahoo.com.

Аннотация:

В статье впервые освещается командировка в Китай съемочной группы советского кинодокументалиста И.П. Копалина в феврале—марте 1949 г. Документы, обнаруженные в трех российских архивах, дали понимание важности его миссии в свете поставленных советским руководством перед киноработниками целей, состоявших в освещении важнейших событий военно-политической и хозяйственной жизни в освобожденных районах. Дневник Копалина содержит сведения о пребывании группы в Китае, встречах режиссера с высокими китайскими руководителями в переломный для Китая период. Не публиковавшиеся ранее записи Копалина служат источником для углубления изучения истории советско-китайских отношений.

Ключевые слова:

Копалин, история, документальное кино, советско-китайские отношения, Пекин.

Для цитирования:

Верченко А.Л. Режиссер-документалист И.П. Копалин и первая попытка снять фильм о победе китайского народа // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 180–188.

DOI: 10.31857/S013128120011401-2.

Culture

Documentary Director I.P. Kopalin and the First Attempt to Make a Film about the Victory of the Chinese People

Alla Verchenko

Senior Research Fellow of the Center for the Newest History of China and its relations with Russia IFES RAS. E-mail: veailan@yahoo.com.

Abstract:

The article deals with the famous Soviet documentary film maker I.P. Kopalin and his film crew's unknown visit to China that took place in February-March 1949. The documents found in three Russian archives gave the author an understanding of importance of his mission in implementation of the task set to the film makers by the Soviet leadership: coverage of the most important military-political and economic events in the liberated areas of North-East China. Kopalin's diary contains information about the group's stay in China, his meetings with high ranking Chinese leaders as well as about the situation in the country at the turning point in the history of China. Kopalin's never previously published diary is a source for deepening the studies in the field of the history of Soviet-Chinese relations.

Key words:

Kopalin, history, documentary films, Soviet-Chinese relations, Beijing.

For citation:

Verchenko A.L. Documentary Director I.P. Kopalin and the First Attempt to Make a Film about the Victory of the Chinese People // Far Eastern Affairs. 2020. No. 4. Pp. 180–188.

DOI: 10.31857/S013128120011401-2.

История советского документального кино о Китае берет начало в 1920-х годах. Первые фильмы носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер. Такие ленты, как «Китай в огне», «Великий перелет», «Шанхайский документ», хотя и знакомили советских зрителей с жизнью Китая в целом, с его культурой, традициями, бытом, но главной задачей видели показ подъема национального антиимпериалистического движения в Китае в 1925–1927 гг., призывали к его поддержке. Советские документалисты не оставили без внимания войну сопротивления китайского народа против японской агрессии, продолжали языком кино представлять общественно-политические сведения о Китае. Результатом почти годичного пребывания в Китае в 1938–1939 гг. известного режиссера и оператора Р. Кармена стали такие фильмы, как «Китай дает отпор», «Китай в борьбе», «В особом районе Китая», «В Китае». Советским операторам, которые не боялись трудностей и всегда работали в гуще событий, удавалось снимать уникальные кадры, оперативно доносить актуальную информацию до советских людей, всегда с большим вниманием следивших за событиями в соседней стране. Р. Кармен, например, оказавшись в Китае в период второго Единого фронта, имел возможность вести съемки как в коммунистических, так и в гоминьдановских войсках, снимать и Мао Цзэдуна, и Чан Кайши, иногда делал кадры, которые были не доступны никому из корреспондентов ведущих западных агентств.

Приближающаяся победа КПК и установление демократической власти в Китае должны были стать главным содержанием фильмов, планировавшихся работниками кинематографии на 1949–1950 гг. Идея проекта возникла в конце 1948 г., когда Совет Министров СССР на основании своего Постановления 4814–1890сс от 28 декабря 1948 г. дал поручение Министерству кинематографии представить предложения о постановке первоочередных кинофильмов из жизни Китая и Германии. 8 января 1949 г. министр кинематографии И.Г. Большаков информирует секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова о том, что намечается создание двух полнометражных художественных и одного документального фильма о Китае. Работать над художественными фильмами дали согласие режиссеры С.А. Герасимов и А.П. Довженко. Съемку документального фильма под рабочим названием «Китай» планировалось поручить известному режиссеру Илье Петровичу Копалину¹. Как и в последующем сотрудничестве в разных областях Советский Союз направлял в Китай лучших специалистов в своем деле.

Основная задача ленты состояла в том, чтобы «показать героическую борьбу китайского народа за свою свободу и независимость, боевые действия народно-освободительной армии и важнейшие события политической и хозяйственной жизни в освобожденных районах Китая»².

Представляется, что в Министерстве кинематографии СССР имели общее представление о событиях в Китае (в это время уже были установлены обмены по линии В/О Совэкспортфильм), но не знали конкретики ситуации на Северо-Востоке, особенностей условий работы кинорботников на территории освобожденных районов и в местах боевых действий Народно-освободительной армии, включая средства передвижения, использование телефонной и телеграфной связи, возможности консультаций с местными органами власти, представителями СССР и т.д. Большаков в связи с этими вопросами обратился 15 января с письмом к заместителю министра иностранных дел А.А. Громыко, в котором просил обеспечить направляемую в Пекин³ киногруппу необходимыми сведе-

1. Копалин И.П. (1900–1976) — к 1949 г. автор 14 работ, лауреат 4 Сталинских премий. За фильм «Разгром немцев под Москвой» (Moscow Strikes Back) получил в 1943 г. премию Американской киноакадемии «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм».
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 250. Л. 6.
3. До объявления города столицей КНР в сентябре 1949 г. он назывался Бэйпин, столицей был Нанкин (Наньцзин).

ниями, информировать «об организациях и людях, которые могут оказать необходимую помощь в работе и кто может быть ближайшим и непосредственным консультантом в работе киногруппы; дать указание работникам и организациям МИДа СССР, ведающим связью с Китаем, о встрече группы на месте и создании для нее необходимых условий в работе по киносъемкам»⁴.

Пока шла работа по подготовке к написанию сценариев, подбору актеров, согласованию мест съемок двух художественных фильмов, в Китае было решено направить съемочную группу И.П. Копалина. Документов о согласовании поездки с китайской стороной пока обнаружить не удалось.

Обстановка для работы в Китае складывалась благоприятно. В результате успешных военных действий Народно-освободительной армии в ходе Ляоси-Шэньянской, Хуайхайской и Бэйпин-Тяньцзиньской операций к началу 1949 г. войскам Гоминьдана был нанесен сокрушительный удар в Северо-Восточном и Северном Китае. 31 января Пекин, конечный пункт командировки группы Копалина, перешел в руки армии КПК. Это произошло благодаря целенаправленной работе коммунистов после длительных переговоров и 40-дневной осады города⁵. На освобожденных ранее территориях Северо-Востока действовали органы народно-демократической власти, новые руководители были настроены на сотрудничество с СССР, которое началось еще до образования КНР с помощью советских специалистов в восстановлении железных дорог и других объектов народного хозяйства.

Времени на подготовку у группы практически не было. Выездные документы Бюро по выездам за границу и въездам в СССР при Совете Министров СССР оформило в ускоренном порядке. Учитывая тяжелое положение с транспортом в Китае, МИД рекомендовал взять с собой два «Виллиса», но их отправка не состоялась. Группа передвигалась по территории Китая исключительно по железной дороге. Было получено согласие министра иностранных дел В.М. Молотова на поездку. Заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко направил указания консульским учреждениям СССР в Харбине, Мукдене (Шэньяне), Дальнем (Даляне), Тяньцзине и Пекине о встрече киногруппы, создании необходимых условий для выполнения задания и оказании помощи в установлении связей с соответствующими китайскими организациями и лицами для обеспечения бесперебойной работы по съемкам фильма⁶. Членам киногруппы в МИДе разъяснили, что связь с Москвой можно поддерживать через консульских работников, а консультации предоставят «представители демократических властей по договоренности, сведения о военно-хозяйственном положении и политической жизни, соответственно, сами генеральные консульства»⁷. Доступные в АВП РФ документы демонстрируют четко отлаженную работу партийно-государственного механизма и соблюдение исполнительской дисциплины в СССР того времени. От принятия решения ПБ ЦК ВКП(б) до ответа из МИДа Большакову о его выполнении и оформления группы Копалина на выезд прошло не более двух недель.

В то время, когда группа Копалина на поезде двигалась на Восток, в Сибайпо, где на тот момент работал ЦК КПК, проходили встречи А.И. Микояна с главными китайскими руководителями Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Чжу Дэ, Жэнь Биши⁸, обсуждались важнейшие для дальнейших двусторонних отношений вопросы, намечались узловые моменты взаимодействия. В целом 1949 год вошел в историю советско-китайских отношений как год установления личных отношений между высшими руководи-

4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 42. П. 237. Д. 133. Л. 2.

5. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский — Т. VII. Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2013. С. 523.

6. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 42. П. 237. Д. 133. Л. 4,6.

7. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 42. П. 237. Д. 133. Л. 4,6.

8. Визит А.И.Микояна проходил с 31 января по 7 февраля 1949 г.

телями СССР и Китая. Визит проходил в обстановке повышенной секретности. Едва ли кинорежиссер, даже такой именитый, как Копалин, был осведомлен о визите личного представителя И.В. Сталина в Китай. Каждый выполнял свою миссию. Однако Политбюро ЦК ВКП(б), принимая в январе решение об отправке Копалина в Китай, не могло не учитывать тот факт, что съемки будут проходить сразу после визита Микояна, который завершился удовлетворением с обеих сторон, что могло позитивно сказаться на работе над фильмом. Советское руководство задолго до провозглашения Китайской Народной Республики планировало подготовить фильм о победе КПК и отдельные сюжеты для всесоюзного киножурнала «Новости дня», чтобы своевременно ознакомить советских людей с новыми победами демократии в мире и расширением социалистического лагеря в Европе (ГДР) и на Востоке (Китай)⁹.

Выбор пал на Копалина не случайно. Кроме богатого опыта режиссерской работы и высокого профессионализма, он обладал политическим чутьем и исключительной восприимчивостью ко всему новому. Ранее он работал в военной обстановке на Дальнем Востоке и в Монголии, внимательно наблюдал за развитием событий, замечал наиболее характерные моменты, творчески подходил к отображению действительности, а не просто фиксировал факты. Это видно на примере снятого им фильма о боях в районе озера Хасан (1938) и документального фильма «Халхин-Гол» (1939). Для него всегда самым главным было глубокое политическое понимание материала, на котором готовился фильм. Критики отмечали его стремление к правдивому, полному и достоверному отражению действительности. Снятый им фильм о Китае мог получиться очень содержательным и информативным.

Копалин с группой выехал из Москвы 29 января 1949 г. Его первая запись в дневнике: «На перроне много провожающих. Все плачут, будто уезжаем на вечность». Представляется, что дело было не в длительности и дальности командировки, а в военной обстановке в Китае, что и вызывало беспокойство родных и коллег. В 1949 г. в Советском Союзе очень хорошо помнили, что такое война.

Кинодокументалисты пересекли советско-китайскую границу 6 февраля, накануне завершения переговоров А.И. Микояна в Сибайпо. Сегодня можно провести такую параллель, а тогда о поездке знало крайне мало людей. На ст. Маньчжурия группу встретили китайские представители. Копалин был прекрасным специалистом в своем деле, но не специалистом по Китаю, поэтому общение с консулом в Маньчжурии Васюкевичем было как нельзя кстати. Члены киногруппы имели самое общее представление о том, что происходило в стране, поэтому высоко ценили любую информацию «из первых рук», задавали много вопросов китайским сопровождающим во время остановок в Харбине, Шэньяне, Фушуне, Далайне, внимательно отсматривали снятую китайскими операторами военную кинохронику. Много дало общение с советским консулом в Харбине И.А. Малининым. Копалин во всех поездках делал краткие путевые заметки. Его дневник, в котором есть несколько страниц о Китае, хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства, является ценнейшим историческим документом. В нем он как очевидец событий описывает день за днем свой путь от советско-китайской границы до Пекина и пребывание в этом городе¹⁰.

Представляется уместным отметить, что других упоминаний о поездке Копалина в Китай обнаружить не удалось ни в его доступных личных документах, ни в материалах, публиковавшихся к его юбилеям. В каталоге Российского государственного архива кинофотодокументов упоминаний о съемках в Китае нет. Это делает пометки в записной

9. КНР была провозглашена 1 октября 1949 г., ГДР — 7 октября 1949 г.

10. РГАЛИ. Ф. 3181. Оп. 1. Д. 164. Л. 128–131. Здесь и далее все комментарии Копалина приводятся по его дневнику.

книжке режиссера особенно значимыми. В начале 1949 г. едва ли был кто-то другой, будь то советские военные или гражданские специалисты, а тем более творческие работники, кто, проехав по территории освобожденных районов, наблюдал первые шаги по восстановлению страны, слышал рассказы китайских очевидцев, наконец, общался с высокопоставленными лицами в Пекине.

Копалин и его группа оказались в Северо-Восточном Китае в непростое время: хотя регион считался освобожденным, обстановка оставалась напряженной, как на всякой территории, недавно очищенной от противника. Продолжали действовать отдельные гоминьдановские армейские отряды, диверсионные группы и провокаторы. Передвижение по стране для гражданских лиц оставалось опасным и разрешалось строго по пропускам, поэтому съемочную группу постоянно сопровождали китайские охранники. Как выразилась переводчица, провожавшая киноработников в Харбине: «Это ученики вашего Дзержинского, они будут заботливо оберегать вас». Ни о каких эксцессах в дороге Копалин не сообщал.

По пути следования от границы до Пекина Копалина поразил разрушения, которые можно было видеть из окна поезда: полностью уничтожены станционные постройки, взорваны мосты через реки; от фабрик, жилых домов, казарм остались скелеты, повсюду видны бесконечные ряды гоминьдановских окопов, дотов, укреплений. Железнодорожное полотно было уже полностью восстановлено во многом благодаря помощи советских специалистов, и движение поездов возобновилось. Ходили смешанные пассажирско-грузовые составы. Пытливый и опытный взгляд кинохроникера не пропускал никаких мелочей. Неслучайно поэтому такое внимание к продолжавшемуся празднованию китайского Нового года, который пришелся на 2 февраля и в 1949 г. на Северо-Востоке воспринимался как праздник освобождения. В нем атрибутика традиционного фестиваля (яркие национальные костюмы, пестрые халаты, маски, ходули, фигура дракона, громкие музыкальные инструменты) смешалась с новыми проявлениями: перед драконом, который обычно возглавлял праздничные шествия, несли лозунги в честь КПК и НОА, портреты Мао Цзэдуна и Чжу Дэ. Не менее интересны отмеченные Копалиным особенности китайского быта и в других городах: торговля прямо на тротуарах, пышные, несмотря на военное время, похоронные процессии с многочисленными плакальщицам и громкими духовыми и шумовыми инструментами, поразительный шум на многолюдных улицах, ватники как основной вид одежды для военных и гражданских. Путь от границы до Пекина занял немногим более двух недель. За это время Копалин и его коллеги увидели не столько разрушенную войнами страну, сколько непоколебимые волю и стремление армии и народа в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство и наблюдали повсюду энтузиазм населения и активное строительство.

21 февраля группа прибыла в Пекин, тогда еще не объявленный столицей страны. Город был освобожден совсем недавно, 31 января. Гарнизон под командованием гоминьдановского генерала Фу Цзои сдался без боя. Вступление НОА в Пекин означало победное завершение Бэйпин-Тяньцзиньской операции, после чего предстояло наступление на юг с целью полного освобождения страны. На досках объявлений в городе висели тексты Уведомления Штаба Пекин-Тяньцзиньского фронта от 21 декабря 1948 г., извещавшие жителей о том, что Народно-освободительная армия получила приказ уничтожить гоминьдановских бандитов и освободить города Пекин, Тяньцзинь, Таншань, Чжанцзякоу и др. Уведомление призывало все слои населения нести общую ответственность за поддержание общественного порядка и предотвращение разрушений в городах: «Те, кто будут поддерживать порядок, получают вознаграждение, нарушители будут наказаны». Жителей призывали не верить слухам, не поддаваться панике. Армия гарантировала защиту жизни и имущества горожан («не брать ни иголки, ни копейки»), защиту на-

циональной промышленности и торговли¹¹. Взаимоотношения армии и населения после освобождения Пекина были детализированы в документе, подписанном еще 28 декабря 1948 г. Е Цзяньином (叶剑英) от имени Пекинского военно-контрольного комитета. Отмечалось, что военные должны быть вежливыми, они не имеют права вторгаться в частные дома, заниматься мародерством¹². Эти требования соблюдались после освобождения города и содействовали налаживанию нормальной жизни.

На вокзале в Пекине группу Копалина встречали военные, аппаратуру разгружали бойцы Народно-освободительной армии, 12–15 человек «в синих ватниках и меховых тапочках из 8-й армии», как отметил в дневнике Копалин. Судя по этой информации, группа была технически хорошо оснащена, имела соответствующее оборудование и запас материалов для длительной работы. В тот же день с группой встретился мэр города Е Цзяньин. Разместились в Генконсульстве. Генеральный консул С.Л. Тихвинский со свойственной ему обстоятельностью и глубоким знанием текущей ситуации ознакомил гостей с обстановкой в стране. Смотрели к/ф «Первое мая» и «Парад физкультурников — 1947» вместе с командующим Пекинским гарнизоном, политкомиссаром Чэн Цзыхуа (程子华), боевым офицером, участником Ляошэньской операции НОА. Как отметил Копалин, его руки изуродованы многочисленными ранениями.

На другой день группа перебралась в гостиницу «Пекин», традиционное место для размещения иностранных гостей. Последовал не менее традиционный для китайского гостеприимства банкет с пекинской уткой и другими деликатесами. Присутствовал командующий Пекин-Тяньцзиньским фронтом Линь Бяо (林彪), другие члены ЦК КПК: «все по-военному, все в ватниках». Это было 23 февраля, и вечером группа кинодеятелей в Генконсульстве отмечала праздник. Вполне вероятно, что днем, на банкете, поднимались тосты не только за успехи НАОК, но и за советскую армию. После 1945 г. некоторые советские праздники были популярны в Китае.

На банкете 23 февраля переводили китайские военные переводчики. Однако многие китайские высокопоставленные военачальники в то время владели русским языком. Е Цзяньин в 1928–30 гг. учился в Москве, в КУТК, имел в то время русскую фамилию Южнов, хорошо владел русским языком. Линь Бяо в 1938–42 гг. учился в китайской партшколе в Москве. Лю Ялоу (刘亚楼) после окончания военной академии им. М.В. Фрунзе был командирован «на укрепление» в известную 88-ю бригаду, состоявшую из китайцев, корейцев и советских военнослужащих. Занятия и общение с советскими офицерами в основном шло на русском языке, что, несомненно, способствовало совершенствованию и повышению его языкового уровня. Копалин с его активной натурой и высокой степенью ответственности за выполнение задания пытался выяснить у начальника штаба 4-й полевой армии Лю Ялоу возможность начать киносъемки как можно скорее, но столкнулся с предложением « подождать ». На его просьбу встретиться с Линь Бяо Лю Ялоу отреагировал: «Я не понимаю, как вы смеете в течение вечера несколько раз поднимать вопрос о встрече с Линь Бяо. Это вам не Советский Союз. Здесь у нас свои порядки. Вы только приехали, а уже хотите работать, требуете встречи»¹³. В дневнике Копалин записал: «Ощутили по настроению, что работать будет трудно». Банкетное радушие хозяев не означало немедленное практическое выполнение всех просьб гостей.

11. Чжунго цзефан цзюнь пин-цин цянсянь сылинбу бугао: [Уведомление Штаба Бэйпин-Тяньцзиньского фронта НОАК]. URL: <https://www.epailive.com/goods/12465591> (дата обращения: 28.05.2020).

12. Чжэнь Сюэфу. Сышии цзюнь будуй цзефан бэйпин цяньюху: [Как войска 41-й армии занимали оборону Бэйпина]. URL: http://www.tuanjiebao.com/2019-05/14/content_175518.htm (дата обращения: 01.06.2020).

13. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 444. Л. 5.

Тем не менее, 24 февраля его принял Линь Бяо. Разговор носил сугубо официальный характер, но удалось заручиться обещанием разрешить съемки в армейских частях. Линь Бяо отметил, что «положение в районе Пекина сложное, потребуется время, чтобы здесь закрепиться». Ситуация в городе и окрестностях была очень напряженной, войска находились в состоянии постоянной боевой готовности на случай провокаций, т.к. сдавшиеся гоминдановские части численностью около 200 тыс. человек оставались в пригородах Пекина. Вероятно, именно потому Копалина в действующие войска в итоге не пустили, но разрешили посетить 41-ю армию, которая несла охрану города. Выбор был далеко не случайным: армия участвовала в Бэйпин-Тяньцзиньской операции, а ее 211-я дивизия во главе с генералом Мо Вэньхуа (莫文骅) 31 января 1949 г. первой вошла в город, установила контроль над главными магистралями и самыми важными достопримечательностями города. Копалин смог побеседовать с командирами, осмотреть войсковые части. У китайской стороны была возможность продемонстрировать пример героизма и военного искусства своей армии.

Пребывание группы Копалина в Пекине проходило довольно странно, если исходить из целей поездки. Китайская сторона на встрече шла довольно неохотно, а через три дня исчезли даже сопровождавшие китайские военные.

В свое время создатель одного из первых фильмов о Китае режиссер В.А. Шнейдеров, отмечал, что для работы за границей «требовались люди специальной экспедиционной подготовки, умеющие ориентироваться зачастую в весьма сложных положениях, физически развитые и обладающие надлежащими психотехническими данными»¹⁴. Несомненно, Копалин обладал всеми этими качествами, но даже у него во время осмотра достопримечательностей Пекина (Храм неба, Бэйхай, Белая пагода и Стена девяти драконов, летняя императорская резиденция Ихэюань) было «ужасное настроение» из-за того, что они не занимаются реальной работой, ради которой прибыли в эту страну. Копалин записал в дневнике: «Кормят до отвала, а работать не дают».

27 февраля вечером Копалин получил из генконсульства сообщение о немедленном выезде группы в Москву. Договорились на 2 марта.

Трудно сказать, кто принимал решение. Есть вероятность того, что решение было принято в Москве на высшем уровне самостоятельно или по рекомендации / просьбе китайской стороны в связи с ситуацией в Пекине. Действительно, армия Фу Цзои сдалась и была оттеснена за пределы города в ожидании расформирования, но разведка и отдельные группы военных продолжали действовать, создавая напряженность. Активизировались противники новой власти из числа городских жителей. Далеко не все враги, шпионы, диверсанты и просто бандиты были нейтрализованы¹⁵. Кроме того, начиналась подготовка к переезду в Пекин Центрального комитета КПК, местом пребывания которого и штаба НОАК был определен район в западном пригороде Сяншань, в целях конспирации названный «Университетом трудящихся». Пребывание иностранных киноработников отвлекало кадры, создавало дополнительные сложности, связанные, прежде всего, с обеспечением их безопасности. Кроме того, в переломные моменты, вроде становления новой власти со всеми вытекающими последствиями, не очень желательно иметь посторонние внешние глаза и уши. Уместно напомнить, что советская киногруппа жила в гостинице «Пекин», где проводились многие важные военные и гражданские совещания.

14. Шнейдеров В.А. Восемь кинопутешествий. М. — Л.: Гос. изд. Искусство, 1937. С. 35.

15. *Сунь Говэнь*. 1949 нянь: цюэбао мао чжуси дэн шан тяньаньмэнь: [1949 год: обеспечение условий для того, чтобы председатель Мао поднялся на трибуну ворот Тяньаньмэнь].

URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/85037/85039/7214926.html> 04/06/2020 (дата обращения: 15.05.2020).

1 марта Тихвинский устроил обед для группы Копалина в китайском ресторане. 2 марта все были на выставке в Центральном парке. Там же состоялся прощальный обед. За накрытым на 15 человек столом сидели шестером. Видимо, кто-то собирался прийти, но кроме переводчика никто не появился. Через него Копалин сообщил об отъезде. Как известно, переводчики не выражают ни своего мнения, ни своей реакции, поэтому нет ясности, знала ли китайская сторона о предстоящем отъезде кинохроникеров. Вечером группу на вокзале провожали Тихвинский и вице-консул Поляков. Китайских провожающих не было.

Отправившийся по расписанию состав ночью вернулся обратно. Шла транспортировка гоминьдановских войск, и дорога была небезопасной и перегруженной. Повторно поезд выехал из Пекина утром 3 марта. По дороге к границе были и другие длительные остановки: 5 часов состав стоял в Шаньхайгуане, пару дней пришлось жить в вагоне в Харбине, откуда лишь 8 марта группа выехала в Маньчжурию.

Так завершилась командировка Копалина и его съемочной группы в Китай. Фильм снять не удалось, но документалисты увидели настоящий Китай и его людей. Вызывает сожаление тот факт, что отсутствуют воспоминания членов киногруппы, кроме записей Копалина. Возможно, в ходе дальнейшей работы в архивах удастся обнаружить новые документы, связанные с поездкой советских документалистов в Китай. Тогда некоторые предположения могли бы обрести реальную форму.

Эта поездка — событие знаменательное, но оно оставалось без освещения многие годы. Дневник Копалина, находящийся в открытом хранении, никогда не публиковался. Записи по содержанию достаточно фрагментарны, оставляют без ответа многие вопросы, относящиеся к первым советско-китайским контактам в важнейший для обеих стран период.

Ясно одно: документалисты были готовы добросовестно и с честью выполнить свою работу. Они смело ехали в неизвестность, в страну, где продолжалась гражданская война, имея лишь подтверждение МИДа обеспечить помощь со стороны советских консульских учреждений в Китае. Однако, если строго руководствоваться буквой закона, то и этой поддержки у них могло не быть. 16 февраля Сталин дал указание информировать Мао Цзэдуна о приостановке до особого распоряжения работы советских консульств на станции Маньчжурия, в Харбине, Тяньцзине, Пекине¹⁶. Такое решение было связано с требованием демократических органов власти на территории Северо-Востока ко всем иностранцам прекратить всякую деятельность в условиях отсутствия дипломатических отношений. Консулы и вице-консулы могли обращаться к местным властям только в чрезвычайных ситуациях. Для группы Копалина поездка закончилась без неприятностей, что объяснялось особыми отношениями между СССР и КПК после Второй мировой войны и доброжелательным отношением представителей местных китайских властей к кинорботникам на всем пути их следования.

Не все решения и даже постановления ПБ ЦК ВКП(б) выполнялись в срок, как это произошло с заданием подготовить фильм о Китае в начале 1949 г. На то были объективные причины. Съемки двух других фильмов были отложены, хотя в июле 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло очередное решение о работе над фильмами. Как говорят в Китае, хлопнуть в ладоши можно только двумя руками. Когда созрели условия, и проявилась заинтересованность лично китайского руководителя в пропаганде успехов КПК, а советская сторона давно была готова к съемкам, работа вступила в активную фазу. После обращения Мао Цзэдуна в сентябре 1949 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло Постановление о помощи китайской кинематографии¹⁷, и советские документалисты выехали в Китай. Сня-

16. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. IV. 1946 — февраль 1950 г. Кн. 2: 1949 — февраль 1950 г. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 523.

17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 7.

тые ими совместно с китайскими работниками кино и вышедшие в 1950 г. на советские и китайские экраны фильмы «Освобожденный Китай» и «Победа китайского народа» стали первым опытом кинематографического сотрудничества между СССР и КНР.

Литература

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 42. П. 237. Д. 133.
История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский — Т. VII. Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2013.
- РГАЛИ. Ф. 3181. Оп. 1. Д. 164.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 250.
Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. IV. 1946 — февраль 1950 г. Кн. 2: 1949 — февраль 1950 г. М.: Памятники исторической мысли, 2005.
- Шнейдеров В.А.* Восемь кинопутешествий. М. — Л.: Гос. изд. Искусство, 1937.
- Сунь Говэнь.* 1949 нянь: цюэбао мао чжуси дэн шан тяньаньмэнь: [1949 год: обеспечение условий для того, чтобы председатель Мао поднялся на трибуну ворот Тяньаньмэнь].
URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/85037/85039/7214926.html> 04/06/2020 (дата обращения: 15.05.2020).
- Чжунго цзефан цзюнь пин-цзин цянсянь сылинбу бугао [Уведомление Штаба Бэйпин-Тяньцзиньского фронта НОАК]. URL: <https://www.epailive.com/goods/12465591> (дата обращения: 28.05.2020).
- Чжэн Сюэфу.* Сышии цзюнь будуй цзефан бэйпин цянхюу: [Как войска 41-й армии занимали оборону Бэйпина]. URL: http://www.tuanjiebao.com/2019-05/14/content_175518.htm (дата обращения: 01.06.2020.).

References

- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (AVP RF). F. 0100. Op. 42. P. 237. D. 133.
Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala KHKHI veka: v 10 t. / gl. red. S.L. Tikhvinskiy — T. VII. Kitayskaya Respublika (1912–1949) / отв. red. N.L. Mamayeva; In-t Dal'nego Vostoka RAN. — M.: Nauka — Vost. lit., 2013.
- RGALI. F. 3181. Op. 1. D. 164.
RGASPI. F. 17. Op. 162. D. 41.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 132. D. 250.
Russko-kitayskiye otnosheniya v KKH veke. Dokumenty i materialy. T. IV. 1946 — fevral' 1950 g. Kn. 2: 1949 — fevral' 1950 g. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005.
- Shneyderov V.A.* Vosem' kinoputeshestviy. M. — L.: Gos. izd. Iskusstvo, 1937.
- Cun' Goven'.* 1949 nyan': tsyuebao maو chzhusi den shan tyan'an'men': [1949 god: obespecheniye usloviy dlya togo, chtoby predsedatel' Mao podnyalsya na tribunu vorot Tyan'an'men']. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/85037/85039/7214926.html> 04/06/2020 (data obrashcheniya: 15.05.2020).
- Chzhungо tszefan tszyun' pin-tszin tsyan'syan' sylinbu bugao [Uvedomleniye Shtaba Beypin-Tyan'tszin'skogo fronta NOAK]. URL: <https://www.epailive.com/goods/12465591> (data obrashcheniya: 28.05.2020).
- Chzhen Syuefu.* Syshii tszyun' buduy tszefan beypin tsyan'khоu: [Kak voyska 41 y armii zanimali oboronu Beypina]. URL: http://www.tuanjiebao.com/2019-05/14/content_175518.htm (data obrashcheniya: 01.06.2020.).

Рецензии

А.В. Панцов. Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507[5] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 175); Александр Панцов. Непобежденный: Подлинная история Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507[5] с.: ил.

Известный китаевед А.В. Панцов работает в разных областях новейшей истории. Но широкий читатель знает его прежде всего как автора биографий крупнейших деятелей компартии Китая — Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, вышедших в серии ЖЗЛ. Продолжением этого проекта стало жизнеописание главного противника КПК в XX веке Чан Кайши (1887–1975), лидера партии Гоминьдан, руководителя Китайской Республики (1928–1949 гг.) и гоминьдановского режима на Тайване.

Издательство «Молодая гвардия» подготовило читателю два странных сюрприза: выпуск одной книги под двумя разными обложками и названиями и отказ от научного аппарата, в том числе указателей и даже ссылок — главного инструмента верификации текста для читателя, которому предстоит удовлетвориться сжатым списком избранных работ Чан Кайши и публикаций о нем. Мотивы новаций понятны: замена заглавия на более привлекательное с точки зрения маркетологов и экономия на издательских расходах. Но выглядит это как проявление неуважения и к автору, лишенному возможности доказать полноту и достоверность своего труда, и к тем читателям, которые оценивают не только беллетристические достоинства текста. Насколько разнообразны первоисточники и обоснован их выбор? Позволяют ли они проверить утверждения автора? Учел ли он достижения и ошибки тех, кто писал на эту и близкие темы прежде? Эти соображения важны для многих поклонников серии ЖЗЛ.

К счастью, автор книги дал возможность рецензенту ознакомиться с рукописью, снабженной более полной библиографией и ссылками. В книге библиографический список включает 66 позиций, на деле использовано во много раз больше, что видно по содержанию ссылок (их в рукописи более двух тысяч). Среди первоисточников — документы и материалы — как опубликованные, так и обнаруженные в российских, китайских и американских архивах, свидетельства участников событий, включая

дневники Чан Кайши, материалы прессы на русском, китайском и западноевропейских языках, использованные научные исследования.

Фамилия и имя героя книги на государственном языке Китая произносятся как Цзян Цзешу, а своей популярной фонетической версией они обязаны гуандунскому (кантонскому) диалекту (с пров. Гуандун начался карьерный рост Чана Кайши и его медийная популярность) и, видимо, ошибочному прочтению фамилии в старой английской транскрипции Уэйда-Джайлза (Chiang). В прологе автор задает измерения личности Чана: с одной стороны, «коварный, хитрый и алчущий неограниченной власти правитель», с другой — «борец за национальное освобождение», «патриот, выдающийся политический и военный деятель», «архитектор нового республиканского Китая, герой Второй мировой войны», «мечтатель о всеобщем равенстве» (с. 9).

Книга разделена на шесть частей. В первой («Твердый как камень» — отсылка к значению иероглифов имени Цзешу) описан период от рождения будущего политического лидера в деревне Сикоу уезда Фэнхуа пров. Чжэцзян, в семье не слишком богатого торговца солью до конца 1921 г., когда он вошел в число помощников Сунь Ятсена, временного президента Китая в 1911–1912 гг., одного из самых влиятельных вождей китайских националистов, боровшегося против пекинского правительства. Этот период ввел в себя учебу в деревенских школах, в уездном Фэнъяне, полгода в Баодинской военной школе ускоренного обучения, затем три года в японской военной школе «Симбу гацко», готовившей молодых китайцев к поступлению в среднее офицерское училище, участие в революционных и постреволюционных событиях в Китае. Туда он досрочно вернулся в 1911 г., прервав прохождение практики в японской армии в статусе «унтер-офицера-стажера» и не успев поступить в офицерскую школу (с. 12–39).

В антимонархической Синьхайской революции он участвовал под крылом побратим-

ма Чэнь Цимэя, который еще в 1906 г. представил его Сунь Ятсену. Чан командовал отрядом во время захвата в Ханчжоу, в центре провинции Чжэцзян, а когда Чэнь Цимэй стал губернатором Шанхая, возглавил полк (с. 40–41). Он быстро вошел в среду чжэцзян-шанхайских революционеров и наладил связи в мафиозных кругах. Рутину командования недоукомплектованным полком Чан Кайши разнообразил участием в убийстве политического конкурента Чэнь Цимэя (в качестве исполнителя!), отъездами в Японию, изданием военного аналитического журнала (с. 41–44). После провала начавшейся в июле 1913 г. «второй революции», теперь против диктаторских притязаний президента Юань Шикая, Чан Кайши бежал в Японию. Там о нем напомнили Сунь Ятсену, который в 1914 г. организовал из остатков своих сторонников Революционную партию (Гэминдан), куда поначалу вошли лишь несколько сот человек, в том числе Чан.

Перипетии внутрикитайской политической борьбы 1911–1914 гг. автор обозначает намеренно схематично, но точно выверенными штрихами. Они позволяют привязать события в Китае к международному фону: в 1914 г. ведущие державы схватились в борьбе за передел мира, а на Дальнем Востоке «хозяйкой» пыталась стать Япония. В 1915 г. Юань Шикай задумал восстановить монархию — и получил «третью революцию». Тогда Сунь Ятсен охотно принимал деньги от японцев, пытавшихся воспользоваться его борьбой (с. 44). В 1915–1916 гг. Чан Кайши проявил себя главным образом как заговорщик: участвовал в подготовке убийства губернатора Шанхая, в попытке поднять восстание в этом городе, организовать мятеж в форте на Янцзы и т.п. (с. 45–50). В мае 1916 г. побратим Чэнь Цимэй стал жертвой убийцы, и Чан лишился покровительства сильной фигуры в окружении Сунь Ятсена.

Зато теперь он получал поручения непосредственно от вождя. В мае 1916 г. умер Юань Шикай, и в Китае началась борьба между региональными генеральскими кликами. В сентябре 1917 г. собравшаяся в Гуанчжоу часть депутатов распущенного в Пекине парламента избрала Сунь Ятсена главой военного правительства. Сунь немедленно приступил к подготовке похода на Север. План кампании взялся готовить Чан Кайши, убедивший вождя в своих оперативных дарованиях. Однако в них не верили командующий Гуандунской армией Чэнь Цзюньмин и его помощник: полковник Чан сначала со скандалом покинул должность начальника оперативного отдела штаба армии, а

потом часть под его командованием была разбита (с. 54–56). В 1918–1921 гг. он то выезжал на фронт, каждый раз не находя общего языка с армейским начальством, то снова уезжал в Шанхай или Японию. Дневники свидетельствуют о том, что тогда он придерживался вполне левых взглядов: был убежден в необходимости «разгромить капиталистов и *иэньши*» (с. 58), пытался разобраться в идеях социалистов и коммунистов и мечтал о поездке в Советскую Россию (с. 57–59).

В 1919 г. Сунь Ятсен реорганизовал свою партию, отказавшись от принципа личной присяги и назвав новую организацию Гоминьдан. В конце ноября он вновь возглавил военное правительство в Гуанчжоу (а перед тем отсюда опять уехал обиженный Чан Кайши, недолго покомандовавший корпусом в войсках Чэнь Цзюньмина и ставший наконец генералом). У Суня он бывал наездами и задержался только в 1921 г. для участия в Северном походе.

Примечательно, что А.В. Панцов не использует для усиления «развлекательности» криминальный аспект жизни Чан Кайши, источники личного дохода которого, помимо игры на бирже, были не очень определенными, зато разнообразными. Только на с. 54 мы видим упоминание о том, что, изыскивая средства для партии, в 1917 г. он участвовал в нападении на частный дом в Шанхае. Китайские же биографы подробно рассказывают о похищениях людей и вымогательствах, в которых был замешан будущий лидер Гоминьдана¹ (тем самым проведенная одним российским автором параллель между Чаном и усатым вождем страны Советов², который, по утверждениям других авторов, в молодости совершал «экс» на Кавказе, могла получить выразительное подкрепление). Не слишком акцентирует А.В. Панцов и благодатную тему интимной жизни Чана, затрагивая ее строго в русле раскрытия специфики времени и места, особенностей характера и уточнения обстоятельств жизни своего героя.

Вторая часть — «Антиимпериалистическая революция» — это история карьерного взлета, начинавшаяся не слишком многообещающе. Чан, в конце 1921 г. вернувшийся к

1. См., напр.: *Ван Гунъюань*. Цзян Цзэши цзаонянь: [Ранние годы Чан Кайши]. Пекин: Синьхуа шудянь, 2008 С. 91–93, 99, 125–126.

2. См.: *Галенович Ю.М.* Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: ИДВ РАН, 2008.

Сунь Ятсену, который вновь возглавил правительство на Юге и готовил Северный поход, обнаружил, что надежды на успех мероприятия призрачны, закапризничал, снова уехал — и вернулся только в конце июня 1922 г., когда против Суня поднял мятеж популярный в Гуандуне военный министр и министр внутренних дел южного правительства Чэнь Цзюньмин. Чан оказался единственным из близких соратников вождя, который смог присоединиться к нему на борту канонерки «Юнфэн» (в книге названа крейсером, как принято в китайской историографии), и помог Суню бежать в Шанхай. Совместная эпопея эмоционально сблизила лидера партии и его последователя, снабжавшего Суня проектами военных кампаний, планировавшихся с территории Монголии, что требовало содействия Советской России, с представителями которой Сунь вел переговоры (с. 80–83).

Карьеру Чан Кайши подтолкнули события, связанные с установлением сотрудничества Гоминьдана с ВКП(б) и Коминтерном. Во-первых, в августе 1923 г. он возглавил делегацию Гоминьдана в Москву и выполнил дипломатическое поручение Суня, уточнив возможности и характер советской помощи. В Москве его принимали как «начальника штаба Сунь Ятсена», хотя штаб ставки Чан в 1923 г. возглавлял очень недолго, по обыкновению устроил скандал и подал в отставку. Во-вторых, в январе 1924 г. он был назначен председателем подготовительного комитета по организации офицерской школы. Школа напрямую подчинялась Сунь Ятсену, что избавляло Чана от контроля со стороны любых других лиц и инстанций. Наконец-то, отмечает А.В. Панцов, неуживчивый Чан «мог действовать без чьего-либо вмешательства в свои дела» (с. 90). При этом Чан Кайши не входил в руководящие органы Гоминьдана и даже на реорганизационном съезде в январе 1924 г. присутствовал без права голоса, т.е. имел невысокий статус в партии. Созданная с советской помощью военная школа Хуанпу (Вампу), как называли это учебное заведение по району дислокации, стала билетом Чана на гоминьдановский Олимп.

В книге описываются отношения Чан Кайши с соратниками по школе, с советскими советниками и китайскими коммунистами. Несколько теряются в широком историческом контексте важные наблюдения автора-историка — о провокационном со стороны Гоминьдана характере конфликта с купеческой милицией (октябрь 1924 г.), о мотивах поддержки школы Хуанпу со стороны советников, о перипетиях борьбы за власть в Гоминьдане после смерти

Сунь Ятсена в марте 1925 г., о логике событий 1925 г., связанных с бурным началом Национальной революции 1925–1927 гг., расширением южной революционной базы и внезапным скачком военной карьеры Чан Кайши — преддверием столь же стремительной политической карьеры (с. 97–101). В 1925 г., в ходе подавления внутренней оппозиции и локальных военных походов, созданное на базе школы Хуанпу соединение Чана стало крупнейшим в армии Гоминьдана, а сам он превратился в военачальника номер один своей партии.

В январе 1926 г. он впервые вошел в ЦИК Гоминьдана, в феврале стал главным инспектором Национально-революционной армии, а в марте 1926 г., обвинив коммунистов в заговоре, провел бескровный переворот. Благодаря ему он поприжал своих недоброжелателей в Гоминьдане и в советнической группе — последних обвинил (не без оснований) в превышении полномочий и вынудил Москву убрать их из Гуанчжоу, ослабил влияние КПК в армии и в Гоминьдане. Руководство СССР настолько верило в успех своей политики радикализации Гоминьдана, что предпочло пойти навстречу Чану, открыв ему путь к лидерству в партии — он возглавил Политсовет ЦИК (с. 101–119). Взлет 38-летнего генерала, отмечает А.В. Панцов, был обеспечен эмиссарами Москвы, сначала сделавшими все возможное для укрепления школы Хуанпу и позиций ее начальника, а затем фактически спровоцировавшими его на конфликт, оказавшийся ему выгодным (с. 120). Более того — вопреки запретам московского руководства, рассчитывавшего на политическую радикализацию Гоминьдана внутри юнокитайской революционной базы, летом 1926 г., по настоянию Чан Кайши, был начат завещанный Сунь Ятсеном Северный поход для объединения страны, который Чан и возглавил.

События Северного похода 1926–1927 гг., в ходе которого образовались два альтернативных центра власти Гоминьдана — в Ухани, сотрудничавший с коммунистами, и в Наньчане (потом в Нанкине), который контролировал Чан Кайши, не заслонили от автора личную жизнь героя. В то время, пока армия Гоминьдана занимала бассейн Янцзы и Юго-Восточный Китай, руководство советников и уханьские лидеры интриговали против Чан Кайши, а тот разворачивал борьбу с коммунистами на подконтрольных территориях, пока эмиссары Коминтерна и КПК выполняли инструкции Москвы, рассорившие их летом 1927 г. даже с «левым» уханьским Гоминьданом, и в Китае начиналась гражданская война, успешно

развивался роман Чан Кайши с Сун Мэйлин, свояченицей (сестрой жены, к тому времени вдовы) Сунь Ятсена, принадлежавшей к влиятельному чжэцзян-шанхайскому клану Сун. В августе 1927 г. Чан подал в отставку с военных и партийных постов, давая союзникам прочувствовать его нужность, и использовал краткий политический тайм-аут для подготовки пышной свадебной церемонии, в декабре 1927 г. собравшей шанхайский бомонд и руководство консульского корпуса (с. 145–146). Новый matrimonialный союз стал результатом не только политического расчета, но и искреннего чувства. Предварительно он урегулировал отношения с первой женой и сыном Цзинго, будущим лидером Гоминьдана, юридически закрепив их права в традиционной системе родственных связей, а также с официальными наложницами (одна воспитывала его приемного сына Вэйго, будущего генерала, другая — приемную дочь). Еще он дал обещание теще заняться изучением Библии (с. 143), впрочем, христианскую литературу он штудировал с неподдельным рвением, в чем находил всемерную поддержку жены и ее семьи. Медового месяца у молодых не было: уже в начале января 1928 г. Чан Кайши вернулся на пост главкома и начал подготовку к завершению кампании.

Часть третья — «Между Сциллой и Харибдой» — охватывает 1928–1935 гг., почти все так называемое нанкинское десятилетие (1927–1937 гг.), когда Китай номинально управлялся правительством в Нанкине. Уже в конце 1927 — начале 1928 г. нанкинский центр представлял коалицию конкурировавших группировок, к которым в ходе военной кампании примыкали вчерашние соперники, требовавшие своей доли в системе власти. В конце 1928 г. Политсовет ЦИК Гоминьдана объявил об окончании периода «военного правления» и начале однопартийной «политической опеки». «Сцилла и Харибда», о которых говорится в названии раздела — это КПК, за спиной которой стоял СССР, и императорская Япония, в сентябре 1931 г. оккупировавшая Маньчжурию и начавшая «ползучую» оккупацию Северного Китая. Помимо них ситуация в стране раскачивали гоминьдановские фракции и региональные клики, вступавшие в союзы и периодически затевавшие войны с Нанкинским правительством (считается, что перипетии этих столкновений и принесенный в тяжелой военной ситуации обет побудили его в 1930 г. принять крещение в методистской епископальной церкви, (с. 172–73).

Непросто выстраивались и отношения Нанкина с другими государствами, помимо

СССР и Японии. Ряд государств отказались от таможенных льгот, некоторых концессий и колониальных владений в Китае, но переговоры, касавшиеся других преимуществ держав, шли трудно. А.В. Панцов рассматривает проблемы внешней и внутренней политики, с которыми столкнулся Чан Кайши, вынужденный уступать ведущие посты в партии и государстве соперникам для достижения компромисса. Внешнюю опору он пытался найти в Германии, которая, по его мнению, «не имела не только союзников внутри Китая, но и не преследовала великодержавных интересов» (цит. по: с. 164). Немецкие советники проводили в Китае военную реформу, германские промышленники поставляли технику и вооружение в обмен на сырье (с. 176–78).

Вдохновляющие примеры Чан Кайши и его сторонники черпали также в немецких политических организациях и их идеологии. Прочанкайшистские сообщества, связанные с военной школой Хуанпу, не стеснялись искать вдохновляющие примеры в нацистском движении, скорее в «вождизме», имевшем уже итальянские, турецкие, венгерские и иные корни (с. 180, 205–207). Правда, источники опыта, который казался полезным, были разнообразными: так, своего рода «аналогами ГПУ» были чанкайшистские спецслужбы — партийная и военная (с. 178).

В условиях гражданской войны и внешней агрессии нанкинское правительство принимало меры к преобразованию законодательства, в том числе трудового, земельного и налогового, к развитию системы образования, строило дороги, развивало промышленность и пыталось реформировать армию центрального подчинения (с. 177–178, 180–184). Проблемой для него стало антияпонское движение, подпитывавшееся пропагандой КПК, обвинявшей Нанкин в предательстве национальных интересов, на чем спекулировали и соперники Чана в Гоминьдане, тогда как правительство вынуждено было «умиротворять» Японию, понимая неготовность Китая к войне. Отсюда попытки Нанкина подтолкнуть СССР к противостоянию с японцами, не нужному Москве (с. 188–189).

Интрига «Чан Кайши vs Сталин» — одна из важных линий, выстраивающих политическую судьбу китайского лидера и повествование в книге А.В. Панцова. В 1927 г. первый этап этой интриги завершился в пользу Чана. В середине 1930-х московское руководство, избегая осложнений с Японией, в то же время старалось не допустить капитуляции Чан Кайши. Тот, параллельно с военными операциями против КПК, к 1935 г. начал искать контакты с ее

руководством (с. 219–221). Как своего рода ответ Москвы на усилия Чан Кайши А.В. Панцов рассматривает курс VII Всемирного конгресса Коминтерна (июль—август 1935 г.) на создание антифашистского (на Западе) и антияпонского (на Востоке) фронтов. В этом направлении Москва и начала подталкивать Гомиьндан и КПК, которая вела переговоры с командирами китайских войск, вытесненных из Маньчжурии.

Следующая, четвертая часть, «Pro et contra», начинается с рассказа о так называемых сианьских событиях конца 1936 — начала 1937 г. Они поставили Чан Кайши на грань смерти, но в итоге обеспечили возможность сохранения независимости Китая, во многом благодаря вмешательству СССР.

В декабре 1936 г. Чан Кайши прибыл в Сиань, центр провинции Шэньси, для инспектирования войск. Их возглавляли Чжан Сюэлян, бывший хозяин Маньчжурии, и командующий 17-й армией Ян Хучэн, сторонники сопротивления Японии, блокировавшиеся с коммунистами. Они попытались силой принудить Чана к сотрудничеству с КПК, но захват его резиденции был проведен неуклюже, полуодетый и босой Чан Кайши сбил ноги в кровь, получил травму и сильно простыл, пытаясь скрыться от штурмующих, а потом так и не простил своего унижения. Москва ответила на его арест статьёй в «Правде», где вина за события возлагалась на «японские элементы», и велела компартии завершить дело миром. Чан был освобожден в обмен на обещание прекратить карательные акции и дать отпор Японии (с. 224–250). Политическую заинтересованность в Чан Кайши Москва подтвердила весной 1937 г., отпустив к нему сына Цзян Цзинго, который с 1925 г. учился и работал в СССР (с. 252–258). Связанная с последней фигурой сюжетная линия становится весомой частью изложения ближе к концу книги, по мере освещения исторических периодов, в течение которых возрастала значимость Цзян Цзинго в гомиьндановском руководстве.

Примечательно, что широкомасштабная японская агрессия началась в июле 1937 г., когда Чан Кайши вел переговоры с представителями КПК и уже достиг договоренности о прекращении гражданской войны. Таким образом, усилия Москвы оказались не напрасны. Еще в преддверии этих событий, в марте 1937 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о предоставлении Китаю оружия и техники (с. 272). Поскольку единственным источником военной техники и оружия для Китайской Республики в 1937 г. была гитлеровская Германия (Китай получал 37% ее военного экспорта, в

три раза больше, чем Япония, с. 270), поставки из СССР и участие советских летчиков в боях сильно повышали шансы страны на выживание. Когда 3 декабря 1937 г. Чан Кайши через посла Германии получил японские предложения о развитии сотрудничества и совместной борьбе против коммунистов в обмен на признание Маньчжоу-го, независимости Внутренней Монголии и присутствие японских войск на Севере, то демонстративно дал отрицательный ответ, только получив заверения Москвы в продолжении поддержки (с. 275–276). Зато с апреля 1938 г. в такой поддержке Китаю отказала Германия, а страну покинули большинство немецких советников (с. 284–285).

А.В. Панцов описывает ход военной кампании в 1937–1938 гг., зверства японцев, поражения китайской армии и ее редкие успехи, внутреннюю ситуацию в Китае, обстановку в военной столице Китая Чунцине, быт и заботы Чана и его окружения. В марте 1938 г. на чрезвычайном съезде Гомиьндана Чан Кайши впервые был признан единоличным лидером партии и нации, получив пост *цзунцзая* («главного распорядителя»), т.е. сравнявшись в статусе с Сунь Ятсеном — *цзунли* Гомиьндана (термин со схожей семантикой, применяется также для перевода слова «премьер»). Его заместитель и старый соперник по влиянию в партии, Ван Цзинвэй, некогда лидер «левых», в конце того же года перебежал к японцам, где вокруг него стали собираться коллаборационисты. Помимо неудач на фронте, японских бомбежек и предательства влиятельных однопартийцев, Чан волновало обострение отношений с коммунистами и охлаждение Москвы. Весной 1939 г. она стала оттягивать соглашение о новом, самом крупном займе. А.В. Панцов полагает, что это было вызвано участвовавшими столкновениями коммунистических и гомиьндановских формирований (с. 305–307). В июне торговый договор и контракты о поставках были заключены, но их реализация оттягивалась на месяцы. Встревожили Чана также советско-германский пакт о нейтралитете, введение советских войск на польскую территорию и советско-финская война (с. 309–311). Но катализатором замораживания отношений СССР с Китаем стало голосование в Лиге Наций в декабре 1939 г., когда Китай не воспользовался правом вето при голосовании за исключение СССР (с. 311).

Название пятой части — «Судьба Китая» — подчеркивает, что именно в рассматриваемый период, в 1940–1945 гг., решалось, какое место Китай займет в мире в ближайшие десятилетия и будет ли у него будущее вообще. В

1940 г. судьба страны буквально висела на волоске. СССР начал сворачивать свою помощь. Зато стали развиваться отношения с США, увидевшими в Китае перспективного партнера в свете ухудшающихся отношений с Японией. Китай стал получать займы, часть которых мог тратить на закупки американского оружия, и получил право на закупку боевых самолетов и наем авиаперсонала в США. Весной 1941 г. были одобрены поставки в Китай по ленд-лизу. И хотя с конца 1940 г. СССР вновь стал поставлять оружие и технику, это продолжалось только до июня 1941 г. К тому же в апреле 1941 г. СССР заключил с Японией пакт о ненападении и признал территориальную целостность Маньчжоу-го, так что США стали превращаться в основной источник внешней помощи для Китая. А когда в декабре 1941 г. США и Великобритания вступили в войну с Японией, торжествующий Чан Кайши, ставший весьма набожным, устроил себе патефонное прослушивание «Аве Мария» (с. 336–339). В союзнической «Декларации Объединенных Наций» от 1 января 1942 г., подписанной представителями 26 стран, министр иностранных дел Китая расписался сразу после официальных лиц США, Англии и СССР (с. 340). Чан Кайши было предложено взять на себя верховное командование на китайском театре военных действий, включавшем также часть территории Юго-Восточной Азии.

Существенное внимание в книге уделено отношениям Чан Кайши с американскими эмиссарами: О. Латтимером (советник в 1940–1942 гг., первым предложивший признать Китай равноправной великой державой); руководителями военных миссий Дж. Макгрудером, Дж. Стилуэллом, А. Ведмейером; посланниками президента США П. Хэрли и Дж. Маршаллом и другими иностранными представителями и советниками. Особое место отведено Стилуэллу, который считал режим Чан Кайши неэффективным и коррумпированным, попортил Чану много крови и подорвал доверие к нему у властей США (с. 379–384).

Не оставлены без внимания и неприятные контакты Чан Кайши с Великобританией. Британцы не сразу согласились принять помощь китайской армии в боях за Бирму, в то время британскую колонию. Чан фрондировал, встречаясь с лидерами индийского национального движения. И хотя китайские дивизии воевали в Бирме, две из них прошли переобучение и перевооружение в Британской Индии, через которую Китай получал американскую помощь, англичане не желали признавать в Чан Кайши равного партнера (с. 340–344 и др.).

Ударом для Чана оказалось решение союзников о проведении в 1944 г. операции в Нормандии, тогда как в 1943 г. на Каирской конференции ему обещали десант на юге Бирмы, который должен был снять блокаду с сухопутного пути в Китай (с. 368–370). Как предательство расценил он и результаты Ялтинской конференции в феврале 1945 г., на которой лидеры держав согласились на получение Советским Союзом концессий в Китае (Далянь и Люйшунь) и совместную советско-китайскую эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (с. 387–388). Соответственно, китайская сторона имела основания рассматривать как неравноправный договор с СССР о дружбе и союзе, заключенный в августе 1945 г. и вызвавший протесты китайской общественности (с. 394).

Пятая часть завершается описанием трений между Гоминьданом и КПК в 1945–1946 гг. Ни Запад, ни Москва не желали конфликта в Китае, чреватого мировой войной, и вместе подталкивали участников китайского «дерби» к переговорам. Гоминьдану пришлось изобразить переход к «конституционному правлению», а КПК демонстрировала готовность к сотрудничеству, при этом вытесняя Гоминьдан, где это было возможно, и отвлекая свою и зарубежную общественность мороком «новой демократии» — якобы длительной многоукладности экономики и многопартийности при ведущей роли компартии (эта идея была подсказана Мао Цзэду коминтерновским курсом «единого фронта», из которого вырастала дезориентирующая либералов концепция «народной демократии»). КПК и Москве удалось на время убедить американский истеблишмент в том, что главным препятствием на пути к созданию демократического Китая является Гоминьдан (с. 395–417).

Озаглавленная словами китайской поговорки четвертая часть — «Имея волю, добьешься победы» — открывается параграфом под красноречивым названием «Катастрофа». Чан Кайши саботировал рекомендации американцев осуществить экономические реформы, покрывал коррупционеров в ближайшем окружении, проводил политику, приводившую к раскручиванию инфляции и вызывавшую недовольство всех слоев населения, в том числе тех, которые традиционно поддерживали Гоминьдан. Массовое недовольство жестоко подавлялось — только на Тайване в феврале 1947 г. было убито до 20 тыс. человек (с. 418–419). Не церемонился Чан и с коммунистами, но занятие Яньани, коммунистической «столицы», в марте 1947 г. стало его последним успехом. И хотя власти США

сняли введенное в 1946 г. эмбарго на поставку вооружений в Китай, которым пытались наказать Чан Кайши за несговорчивость (с. 419–420), на внутренних фронтах Гоминьдан терпел поражения. От него отмежевалась часть однопартийцев, сделавших ставку на союз с КПК: в начале 1948 г. была создана партия Революционный комитет Гоминьдана, почетным председателем которой стала свояченица Чана Сун Цинлин (с. 421). «Ручное» Национальное собрание избрало Чан Кайши президентом, но в начале 1949 г. он подал в отставку, перед этим введя в стране военное положение. Его формальный преемник Ли Цзунжэнь пытался вступить в переговоры с коммунистами, но они были прерваны из-за несговорчивости КПК. Чан бросился создавать «чрезвычайные комитеты», однако они были бессильны что-то изменить.

В последних параграфах сконцентрирована информация о тех аспектах тайваньского правления Чан Кайши, которые мало освещались в отечественной литературе. Так, А.В. Панцов показывает процесс продвижения идеи о помощи Тайваню в американском истеблишменте, двойственность положения тайваньского режима, который формально оставался полномочным представителем Китая в ООН, и в то же время служил для США инструментом политических игр (с. 437–444). Продемонстрировано использование опыта КПК при реформировании Гоминьдана (с. 446–451), интриги внутри тайваньского режима, направленные против Чан Кайши. Его противниками оказывались, например, губернатор Тайваня К.С. У, бежавший в США в 1953 г.; министр обороны, герой бирманских кампаний Сунь Лижэнь, просидевший под домашним арестом с 1955 по 1988 г.; командир танковой дивизии Чжао Чжихуа, сменивший на этом посту сына Чан Кайши Цзян Вэйго и через год, в 1964 г., поднявший мятеж.

Отдельный параграф посвящен политической жизни Тайваня, отношениям чанкайшистского режима с США и представителями американской элиты. В заключительном параграфе особый интерес представляют сведения о переговорах, которые вели советские эмиссары с представителями тайваньского режима, о под-

держке некоторыми представителями советской политической элиты (А.Я. Пельше и А.Н. Шелепин) идеи союза с Тайванем на антимаоистской основе (с 479–481).

Последним потрясением для Чана стали политические игры президента Никсона, вынудившего Тайвань в 1971 г. уступить в ООН место Китайской Народной Республике. В 1972 г. Чан слег, полгода провел в коме и потом до самой смерти в 1975 г. не вставал с постели. Последняя запись в его дневнике началась с традиционного напоминания: «Отомстим за позор» (с. 485). Еще много лет после его смерти Китайская Республика на Тайване жила в режиме «борьбы с коммунистическим мятежом», которую он вел до последнего вздоха. Бразды правления партией и государством принял его старший сын Цзян Цзинго.

Почти в каждом параграфе на фоне политических и военных событий прослеживаются жизненные линии близких главному герою людей — жен, наложниц (которые были у него до породнения с христианской семьей Сун), детей и внуков, в том числе приемных и неофициальных (двое побочных детей Цзян Цзинго не получили родовую фамилию, но сделали неплохую карьеру на Тайване — Чан и его сын были чадолюбивы). Тема личных отношений, не исключая адюльтеров (здесь вне конкуренции роман Сун Мэйлин с кандидатом в президенты США У. Уилки, с. 352–354) и семейных тайн, служит раскрытию особенностей культурной и социальной среды, характеров действующих лиц.

Ценность книги А.В. Панцова не только в насыщенности подробностями. Главные ее достоинства — точность описаний и определений, широта охвата исторических процессов и связей, уникальность нового знания, обеспеченного изучением и сопоставлением первоисточников, тщательный учет достигнутый предшественников по исследованию темы, цельность образа главного героя и картины закономерностей и случайностей, определявших его судьбу. Остается пожалеть, что по причинам, изложенным в начале рецензии, российский читатель не получил возможности оценить мастерство историка должным образом.

© 2020

А.Г. Юркевич,

кандидат исторических наук,

доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: urkevich_a@rambler.ru

Юбилей ученого

Владимиру Евгеньевичу Петровскому — 60 лет.

23 августа исполнилось 60 лет Владимиру Евгеньевичу Петровскому, видному ученому-китаеведу, кандидату исторических наук, доктору политических наук, академику Академии военных наук, главному научному сотруднику Центра «Россия-Китай» Института Дальнего Востока РАН.

В.Е. Петровский является автором шести монографий и более 100 научных публикаций на русском, английском, китайском, корейском и немецком языках. Широкий спектр охватываемых им тем: теория международных режимов; многосторонние механизмы безопасности на постсоветском пространстве, в АТР и Евро-Атлантическом регионе; международное миротворчество, урегулированию конфликтов и многое другое. Среди значительного числа научных работ В.Е. Петровского выделяются монографии: «Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после холодной

войны: эволюция, перспективы российского участия», «От империи — к открытому миру. О внешней политике России переходного периода», «Россия и мир: избавляясь от имперской ностальгии», «Россия, Китай и новый мировой порядок» (в соавторстве с академиком М.Л. Титаренко) переведена и издана в Китае и во Вьетнаме.

В.Е. Петровский родился в 1960 г. в г. Оренбурге; окончил Военный институт Министерства обороны по специальности «военный переводчик». В 1982–1984 гг. проходил службу на Дальнем Востоке в Пограничных войсках КГБ СССР.

В 1985–1987 гг. Владимир Евгеньевич заочно обучался в аспирантуре Института США и Канады АН СССР. С 1987 г. его жизненный и творческий путь неразрывно связан с Институтом Дальнего Востока РАН: в этом году он поступил в аспирантуру ИДВ РАН, где защитил кандидатскую диссертацию, посвященную международной деятельности КПК. Подготовил и в 1998 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после холодной войны». В 1999 г. был избран действительным членом Академии военных наук.

В.Е. Петровский – активный участник различных форматов международного научного сотрудничества, являлся членом международного института стратегических исследований (2003–2005), Совета по международному сотрудничеству (2007–2010), председателем правления Российской Ассоциации политической науки (РАПН).

Активную научную работу Владимир Евгеньевич совмещал и совмещает с консультативной и педагогической деятельностью, выступая автором, экспертом и руководителем проектов Российского совета по международным делам (РСМД), читая авторские курсы в МГИМО (У) МИД РФ, в Высшей школе государственного администрирования МГУ им. Ломоносова, на факультете мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ, а также в качестве приглашенного профессора в Университете Сан Мун (Республика Корея) и Институте иностранных языков Цзилиньского университета.

Особенно тесные научно-педагогические контакты связывают В.Е. Петровского с китайскими коллегами. Помимо сотрудничества с Цзилиньским университетом, он является старшим советником Международного консультативного комитета сотрудничества Шанхайского университета в сфере высшего образования.

В.Е. Петровский хорошо известен и как журналист: в 2003–2006 гг. работал продюсером, ведущим и редактором новостей Русской службы Би-Би-Си, в 2011–2012 гг. – заместителем руководителя Регионального представительства «Риа Новости» в Пекине. Он – член редакционных коллегий журналов «Проблемы Дальнего Востока», «Дипломатическая служба», *International Journal of Asian Economics*, *International Journal on World Peace*.

Добиваться успехов на всех участках деятельности Владимиру Евгеньевичу помогали не только высокий профессионализм, но и ответственность, коммуникабельность и доброжелательное отношение к коллегам.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Владимира Евгеньевича Петровского со знаменательной датой в его жизни, желают ему долголетия и еще многих научных, творческих достижений.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) Пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
 - 2) В меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
 - 3) Можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».
- Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;
тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru
Оригинал-макет © 2020 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 18.09.2020 г. Формат 70 × 100 ¹/₁₆ Уч.-изд. л.14,6.
Тираж 350 экз. Зак. 13/4а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

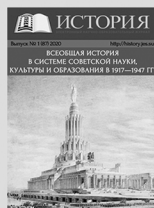
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).